

ТРУДЫ

ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

ТОМ ДВЕСТИ ПЯТЫЙ

МОСКВА
№3/2017

ТРУДЫ
ВОЛЬНОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
РОССИИ

ИЗДАЕТСЯ С 1765 Г.

ВОЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО РОССИИ

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ВЭО РОССИИ

ТРУДЫ

ВОЛЬНОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
РОССИИ

ТОМ ДВЕСТИ ПЯТЫЙ

МОСКВА
№ 3/2017

УДК 33
ББК 65

С 2003 года по решению Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования Российской Федерации «Научные труды Вольного экономического общества России» включены в «Перечень ведущих научных журналов и изданий», выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Since 2003, by decision of the Presidium of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education of the Russian Federation, «Scientific Works of the Free Economic Society of Russia» are included in the «List of leading scientific journals and publications» produced in the Russian Federation in which basic scientific results of dissertations for the degree of doctor and candidate of sciences should be published.

УДК 33
ББК 65

© Вольное экономическое общество России, 2017
© The Free economic society of Russia, 2017

ISBN 978-5-94160-197-4
ISSN 2072-2060

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- ПОПОВ Г.Х.** Главный редактор, председатель Сената (Совета старейшин) ВЭО России, почетный президент ВЭО России, президент Международного Союза экономистов, академик РАЕН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).
- АСАУЛ А.Н.** Член Президиума ВЭО России, директор АНО «Институт проблем экономического возрождения», заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН, д. э. н., профессор (г. Санкт-Петербург, Россия).
- БАЙЗАКОВ С.Б.** Научный руководитель АО «Институт экономических исследований» Министерства экономического развития и торговли Республики Казахстан, д. э. н., профессор (г. Астана, Республика Казахстан).
- БОДРУНОВ С.Д.** Президент ВЭО России, директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, первый вице-президент Союза промышленников и предпринимателей Санкт-Петербурга, д. э. н., профессор (г. Санкт-Петербург, Россия).
- БАСА Л.** Директор Центра исследований инновационных технологий факультета экономики и социальных наук Университета имени Святого Иштвана, д. э. н., доцент (г. Гёдёллё, Венгрия).

ГЕОРГИЕВ Р.М.

Вице-президент Международного Союза экономистов, заместитель декана факультета экономики и бизнес-администрирования Софийского государственного университета св. Климента Охридского, д. э. н., профессор (г. София, Болгария).

ГЛАЗЬЕВ С.Ю.

Вице-президент ВЭО России, советник Президента Российской Федерации, академик РАН, академик РАЕН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

ГРИНБЕРГ Р.С.

Вице-президент ВЭО России, научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

ДАВЫДОВ В.М.

Член Правления ВЭО России, директор Института Латинской Америки РАН, президент Ассоциации исследователей иберо-американского мира, член-корреспондент РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

ИВАНТЕР В.В.

Действительный член Сената ВЭО России, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, академик РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

КРАСИЛЬНИКОВ В.Н.

Руководитель издания, первый вице-президент ВЭО России, генеральный директор Международного Союза экономистов, академик РАЕН, доктор экономики и менеджмента, к. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

ОСКОЛЬСКИЙ В.В.

Президент Союза экономистов Украины, президент Ассоциации товарной нумерации Украины, академик АЭН Украины, заслуженный экономист Украины, д. э. н., профессор (г. Киев, Украина).

- РАЕВСКИЙ В.А.** Действительный член Сената ВЭО России, главный ученый секретарь Международной Академии менеджмента, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).
- РАТНИКОВА М.А.** Координатор-составитель, вице-президент ВЭО России, директор ВЭО России, доктор экономики и менеджмента (г. Москва, Россия).
- САМЕДЗАДЕ З.А.** Вице-президент Международного Союза экономистов, председатель Комитета Милли Меджлиса (Парламента Азербайджана) по экономической политике, главный редактор газеты «Экономика», академик Национальной Академии наук Азербайджана, д. э. н., профессор (г. Баку, Азербайджанская Республика).
- СОЛЬДА Д.** Вице-президент Международного Союза экономистов, президент Ассоциации экспортеров и импортеров Аргентины, д. э. н., профессор (г. Буэнос-Айрес, Аргентинская Республика).
- СОРОКИН Д.Е.** Вице-президент ВЭО России, председатель Научно-практического совета ВЭО России, научный руководитель ФГБОУ ВО «Финансовый университет при правительстве РФ», член-корреспондент РАН, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).
- ТОСУНЯН Г.А.** Вице-президент ВЭО России, президент Ассоциации российских банков, член-корреспондент РАН, заслуженный деятель науки РФ, д. ю. н., профессор (г. Москва, Россия).

ЭСКИНДАРОВ М.А.

Вице-президент ВЭО России, ректор ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ», член-корреспондент Российской Академии образования, заслуженный деятель науки РФ, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

ЯКУТИН Ю.В.

Вице-президент ВЭО России, научный руководитель ЗАО Издательский дом «Экономическая газета», заслуженный деятель науки РФ, д. э. н., профессор (г. Москва, Россия).

EDITORIAL BOARD

- POPOV G.Kh.** Editor-in-chief, president of the Senate (Council of elders) of the VEO of Russia, honorary president of the VEO of Russia, president of the International Union of Economists, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Dr. Sc. Econ., Professor (Moscow, Russia).
- ASAUL A.N.** Member of Presidium of the VEO of Russia, director of the Institute of economy renovation problems, honored Science Worker of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Dr. Sc. Econ, Professor (Saint Petersburg, Russia).
- BAIZAKOV S.B.** Research advisor of the JSC Economic Research Institute at the Ministry of Economic development and trade of the Republic of Kazakhstan, Dr. Sc. Econ., Professor (Astana, Republic of Kazakhstan).
- BODRUNOV S.D.** President of the VEO of Russia, director of the Institute of the new industrial development named after S.Y. Vitte, first vice-president of the Union industrialists and entrepreneurs of St. Petersburg, Dr. Sc. Econ., Professor (Saint Petersburg, Russia).
- VASA Laszlo** Director of the Center for Research of Innovative technologies of the faculty of Economics and Social Sciences of Szent Istvan University, Dr. Sc. Econ., associate Professor (Gödöllő, Hungary).

GEORGIEV R.M.

Vice-president of the International Union of Economists, deputy dean of the faculty of the Economics and business administration of the Sv. KlimentOhridski University of Sofia, Dr. Sc. Econ., Professor (Sofia, Bulgaria).

GLAZ'EV S.Yu.

Vice-president of the VEO of Russia, advisor to President of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Dr. Sc. Econ., Professor (Moscow, Russia).

GRINBERG R.S.

Vice-president of the VEO of Russia, scientific director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sc. Econ., Professor (Moscow, Russia).

DAVYDOV V.M.

Member of the Board of the VEO of Russia, director of the Institute of Latin America of the Russian Academy of Sciences; president of the Association of researchers of Ibero-American World, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sc. Econ., Professor (Moscow, Russia).

IVANTER V.V.

Member of the Senate of the VEO of Russia, director of the Institute of economic forecasting of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sc. Econ., Professor (Moscow, Russia).

- KRASILNIKOV V.N.** Head of edition, first vice-president of the VEO of Russia, general director of the International Union of Economists, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Doctor of Economics and Management, Cand. Sc. Econ., Professor (Moscow, Russia).
- OSKOLSKY V.V.** President of the Ukraine Union of Economists, president of the Ukraine Association of commodity numeration, Academician of the Academy of Economic Sciences of Ukraine, honorary economist of Ukraine, Dr. Sc. Econ., Professor (Kiev, Ukraine).
- RAEVSKIY V.A.** Member of the Senate of the VEO of Russia, chief scientific secretary of the International Academy of Management, Dr. Sc. Econ., Professor (Moscow, Russia).
- RATNIKOVA M.A.** Coordinating compiler, vice-president of the VEO of Russia, director of the VEO of Russia, Doctor of Economics and Management (Moscow, Russia).
- SAMADZADE Z.A.** Vice-president of the International Union of Economists, Committee chairman on Economic policy of the MilliMejlis (the Parliament of Azerbaijan), chief editor of the newspaper «Economics», Academician of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Dr. Sc. Econ., Professor (Baku, Republic of Azerbaijan).

SOLDA D.

Vice-president of the International Union of Economists, president of the Association of exporters and importers of Argentina, Dr. Sc. Econ., Professor (Buenos Aires, Republic of Argentina)

SOROKIN D.E.

Vice-president of the VEO of Russia, chairman of the scientific and practical Council of the VEO of Russia scientific director of the Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Financial university under the Government of the Russian Federation», corresponding member of Russian Academy of Sciences, Dr. Sc. Econ., Professor (Moscow, Russia).

TOSUNYAN G.A.

Vice-president of the VEO of Russia, president of the Association of Russian Banks, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, honored Science Worker of the Russian Federation, Dr. Sc. Law, Professor (Moscow, Russia).

ESKINDAROV M.A.

Vice-president of the VEO of Russia, rector of the Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Financial university under the Government of the Russian Federation», corresponding member of Russian Academy of Sciences, honored Science Worker of the Russian Federation, Dr. Sc. Econ., Professor (Moscow, Russia).

YAKUTIN YU.V.

Vice-president of the VEO of Russia, scientific director of «Publishing house «Economic Newspaper», honored Science Worker of the Russian Federation, Dr. Sc. Econ., Professor (Moscow, Russia).

СОДЕРЖАНИЕ

- 21** МЕЖДУНАРОДНЫЙ
КОМИТЕТ ВЭО РОССИИ
ФОРУМ МЕЖДУНАРОДНОГО
КОМИТЕТА ВОЛЬНОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА РОССИИ
- 22** Научный семинар, посвященный 50-летию выхода
в свет книги Джона Кеннета Гэлбрейта «Новое ин-
дустриальное общество», презентации книги «Гэл-
брейт: возвращение»
- 23** *С.Д. Бодронов*
Вступительное слово
- 29** *Дж. К. Гэлбрейт*
Новое индустриальное общество: 50 лет спустя
- 46** *В.М. Фалин*
В угоду истине, но не моде
- 54** *Г.Н. Цаголов*
Революция Гэлбрейта
- 95** *Ю.В. Якутин*
Российская школа социально-экономической мысли
и наследие Д. Гэлбрейта
- 112** *А.И. Колганов*
«Новое индустриальное общество» как отправной пункт
для исследования современной экономики
- 123** *С. Саксена*
Комментарий по теме
- 128** *Дж. Соммерс*
Нетрадиционный экономический подход Джона
К. Гэлбрейта

- 137** **Материалы круглого стола на тему
«Сможет ли Германия сохранить ЕЭС»**
- 138 **А.А. Дынкин**
Вступительное слово
- 142 **А.А. Громько**
Германия – сомневающийся лидер
- 168 **Е.М. Еришов**
О возможных прогнозах о евромеханизмах
- 176 **Р.С. Гринберг**
Рано хоронить Европу, и не в наших интересах желать ее
кончины
- 182 **К.С. Тетерятников**
Европейский союз глазами российского бизнеса
- 247 **Дж. К. Гэлбрейт**
Комментарий по теме
- 254 **А.А. Дынкин**
Заключительное слово
- 261** **Открытые лекции в РЭУ им. Г.В. Плеханова**
- 262 **С.Д. Бодрунов**
Четвертая индустриальная революция – пролог нового
индустриального общества второй генерации
- 285 **Дж. К. Гэлбрейт**
Неравенство: методы оценки
- 311** **НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ**
**Абалкинские чтения на тему «Институты развития
и гражданская культура»**
- 312 **Д.Е. Сорокин**
Вступительное слово
- 314 **В.М. Полтерович**
Институты догоняющего развития и гражданская культура

- 329 **М.В. Ершов**
Об актуальных денежно-кредитных подходах
- 334 **Г.Н. Цаголов**
Остается ли формационный подход в силе?
- 340 **Е.Г. Ясин**
Памяти Л.И. Абалкина
- 346 **А.Е. Городецкий**
О догоняющей модернизации, промежуточных институ-
тах и альтернативах развития
- 356 **А.И. Музыкантский**
«Теоретическая» экономика и реальная практика
- 369** **III Ялтинский международный экономический форум**
Материалы секции ВЭО России на тему
«Устойчивость экономики: принципиальное
требование новой экономической модели»
- 370 **С.Ю. Глазьев**
Инвестиционный импульс для Крыма
- 383 **С.В. Калашников**
Устойчивость экономики: принципиальное требование
новой экономической модели
- 389 **В.А. Константинов**
Республика Крым: инвестиционная стратегия в условиях
санкций
- 395 **Г.Л. Мурадов**
Внешнеэкономическое сотрудничество как основной фак-
тор развития Республики Крым
- 404 **С.Г. Донич**
Сильный ВУЗ — это сильный регион
- 409 **Ю.В. Якутин**
Исторические примеры разбазаривания шансов устойчи-
вого социально-экономического развития России

- 423** **КООРДИНАЦИОННЫЙ КЛУБ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ**
Пятая экспертная сессия Координационного клуба ВЭО России на тему «Страховой рынок Российской Федерации: проблемы и перспективы развития»
- 424 **А.А. Цыганов**
Экспертное заключение
- 437** **АНАЛИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ**
- 438 **Г.Л. Подвойский**
Производительность труда: опыт социально-экономического анализа
- 474 **Е.И. Шумская**
Новая технологическая волна и характер современных инвестиций
- 487 **И.В. Белянина, А.С. Хрущева**
Совершенствование системы формирования кадрового состава госслужащих с целью обеспечения национальной и экономической безопасности
- 509 **К.И. Кожевников, Е.Д. Фролова, З.Ф. Абдурахманова**
Концептуальные основы развития национальных отраслевых комплексов в глобализирующемся мире
- 525** **ПОРТРЕТЫ УЧЕНЫХ**
- 526 К 90-летию С.М. Меньшикова (12.05.1927–13.11.2014)
- 536** **Требования к научным статьям для публикации**

CONTENTS

- 21 THE INTERNATIONAL COMMITTEE
OF THE FREE ECONOMIC SOCIETY OF RUSSIA
THE FORUM OF THE INTERNATIONAL COMMIT-
TEE OF THE FREE ECONOMIC SOCIETY OF RUSSIA**
- 22 Scientific seminar dedicated to the 50th anniversary
of the publication of John Kenneth Galbraith`s book
«The New Industrial State» and the presentation of the
book «Galbraith: the return»**
- 23 S.D. Bodrunov**
Opening speech
- 29 J.K. Galbraith**
New industrial state: 50 years later
- 46 V.M. Falin**
In favour of truth, not trend
- 54 G.N. Tsagolov**
Galbraith`s revolution
- 95 Yu.V. Yakutin**
The Russian school of social and economic thought and the
heritage of J. Galbraith
- 112 A.I. Kolganov**
“The new industrial state” as a starting point for the research
of contemporary economy
- 123 S. Saxena**
Comment on the following topic
- 128 J. Sommers**
Non-traditional economic perspective of John K. Galbraith

- 137** **Materials of the roundtable discussion on the topic
«Will Germany manage to keep European Economic
Community»**
- 138 **A.A. Dynkin**
Opening speech
- 142 **A.A. Gromyko**
Germany is a hesitant leader
- 168 **M.V. Ershov**
About some forecasts of euromechanisms
- 176 **R.S. Grinberg**
Too soon to bury Europe and it's not in our interest to wish
its end
- 182 **K.S. Teteryatnikov**
European Union Viewed by Russian Business
- 247 **J.K. Galbraith**
Comment on the following topic
- 254 **A.A. Dynkin**
Closing Remarks
- 261** **Public lectures at Plekhanov Russian University
of Economics**
- 262 **S.D. Bodrunov**
The fourth industrial revolution is a prologue of the new in-
dustrial society of the second generation
- 285 **J.K. Galbraith**
Inequality: measuring methods
- 311** **SCIENTIFIC DISCUSSIONS**
**Abalkin`s readings: «Institutes for development and civic
culture»**
- 312 **D.E. Sorokin**
Opening speech

- 314 **V.M. Polterovich**
Institutions of catching-up development and civil culture
- 329 **M.V. Ershov**
About some actual approaches to monetary policy
- 334 **G.N. Tsagolov**
Formation`s approach. Is it staying in force?
- 340 **E.G. Yasin**
To the memory of L.I. Abalkin
- 346 **A.E. Gorodetsky**
Catch-up modernization, intermediate institutes and alternatives of development
- 356 **A.I. Muzykantskiy**
“Theoretical” economics and the actual practice
- 369** **III YALT INTERNATIONAL ECONOMIC FORUM**
The VEO Section materials on the topic «Economic resilience: essential requirement for a new economic model»
- 370 **S.Yu. Glaz’ev**
The investment impetus for Crimea
- 383 **S.V. Kalashnikov**
Economic resilience: essential demand of the new economic model
- 389 **V.A. Konstantinov**
Republic of Crimea: investment strategy under conditions of sanctions
- 395 **G.L. Muradov**
Foreign economic cooperation as the key factor for the development of the Republic of Crimea
- 404 **S.G. Donich**
Strong university means a strong region

- 409 ***Yu.V. Yakutin***
Historical examples of squandering the chances of sustainable socio-economic development in Russia
- 423** **COORDINATION CLUB OF THE FREE ECONOMIC SOCIETY OF RUSSIA**
The 5th Expert session of coordination club of the VEO of Russia on «Insurance market of the Russian Federation: difficulties and future development»
- 424 ***A.A. Tsyganov***
Expert findings
- 437** **ANALITICAL ARTICLES**
- 438 ***G.L. Podvoyskiy***
Workforce Productivity: experiment of socio-economic analysis
- 474 ***E.I. Shumskaia***
New technological wave and the character of modern investments
- 487 ***I.V. Belyanina, A.S. Khrushcheva***
Improvement of the system of forming the cadre of civil servants in order to ensure national and economic security
- 509 ***K.I. Kozevnikov, E.D. Frolova, Z.A. Abdurahmanova***
Conceptual basis of the national industrial complex development in globalizing world
- 525** **PORTRAITS OF SCIENTISTS**
- 526 For 90th anniversary of S.M. Men`shikov`s birth (12.05.1927–13.11.2014)
- 536** **Requirements for scientific articles submitted for publication**

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОМИТЕТ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

ФОРУМ МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

29 марта 2017 года состоялся Форум Международного Комитета Вольного экономического общества России.

Открыл работу Форума научный семинар, посвященный 50-летию выхода в свет книги Джона Кеннета Гэлбрейта «Новое индустриальное общество», презентации книги «Гэлбрейт: возвращение».

В рамках Форума состоялись заседание Международного Комитета ВЭО России, круглый стол на тему «Сможет ли Германия сохранить ЕЭС», открытые лекции в РЭУ имени Г.В. Плеханова.

Спонсор Форума — Институт нового индустриального развития (ИНИР) имени С.Ю. Витте, г. Санкт-Петербург.

Информационные партнеры Форума: «Российская газета», журнал ВЭО России «Вольная экономика», научно-аналитическое издание «Труды ВЭО России», научный журнал «Экономическое возрождение России», еженедельник «Экономика и жизнь», журнал «Альтернативы», еженедельник «Российские вести», ТАСС, Общественное телевидение России (ОТР).

НАУЧНЫЙ СЕМИНАР,
ПОСВЯЩЕННЫЙ
50-ЛЕТИЮ ВЫХОДА В СВЕТ
КНИГИ ДЖОНА КЕННЕТА
ГЭЛБРЕЙТА «НОВОЕ ИНДУ-
СТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО»,
ПРЕЗЕНТАЦИИ КНИГИ
«ГЭЛБРЕЙТ: ВОЗВРАЩЕНИЕ»

SCIENTIFIC SEMINAR
DEDICATED TO THE 50TH
ANNIVERSARY OF THE
PUBLICATION OF JOHN
KENNETH GALBRAITH'S
BOOK «THE NEW
INDUSTRIAL STATE»
AND THE PRESENTATION
OF THE BOOK «GALBRAITH:
THE RETURN»

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

OPENING SPEECH

С.Д. БОДРУНОВ

Президент ВЭО России, директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, первый вице-президент Союза промышленников и предпринимателей Санкт-Петербурга, д. э. н., профессор

S.D. BODRUNOV

President of the VEO of Russia, director of the Institute of the new industrial development named after S.Y. Vitte, first vice-president of the Union industrialists and entrepreneurs of St. Petersburg, Dr. Sc. Econ., Professor

Уважаемые друзья! Кто в пути, надеюсь, дорогу найдет. Я рад приветствовать вас в медиацентре «Российской газеты» от имени Вольного экономического общества России. Сегодня мы, продолжая нашу Неделю российской экономической науки, проводим в медиацентре научный семинар, посвященный очень важному и большому событию. Это событие не только в том месте локальном, где оно произошло — выход книги Джона Кеннета Гэлбрейта «Новое индустриальное общество», книга вышла 50 лет назад. Но это событие важно и для нас, и для России. Многие из тех, кто сегодня присутствует, во многом изменили свое мироощущение, мироосознание после чтения этой книги на русском языке после того, как она вышла в России. Прошло 50 лет с момента выхода этой книги, и сегодня мир убеждается, что многие идеи Джона Кеннета Гэлбрейта живы, они

правильные, они дают толчок для осознания сегодняшней ситуации и понимание того, что сегодня происходит в мире. Поэтому мы приняли решение провести сегодня в рамках недели такой семинар, посвященный этому событию.

К этому событию мы в Институте нового индустриального развития им. С.Ю. Витте — а Витте, вы знаете, первый, можно сказать, российский реформатор, который занимал позицию поддержки индустриального пути развития России, сделал очень многое для этого, будучи главой правительства России и как специалист, понимающий, что это такое — индустрия, поэтому институт носит его имя — посчитали необходимым, для того чтобы осознать еще раз наследие Гэлбрейта, обдумать и составить хороший сборник, в котором мы могли бы высказать свое мнение по поводу тех идей, гэлбрейтовских идей, которые сегодня живы.

Я рад представить вам эту книгу. Это книга «Гэлбрейт: возвращение». Она сделана под моей, нескромно скажу, редакцией. Но огромный вклад в формирование текстов, в подготовку сделал присутствующий здесь А.В. Бузгалин, профессор Московского университета. У него, как и у меня и многих других коллег, есть статья в этой книге. Я думаю, что эта книга, в которой мы собрали наше понимание многих специалистов российских, понимание Гэлбрейта, сегодняшнее понимание его вкупе с теми материалами, которые здесь имеются, материалами самого Джона Гэлбрейта, материалами его коллег, российских коллег, которые с ним работали вместе и которым посчастливилось работать и быть знакомыми с его семьей, с его идеями, с его деятельностью и т.д., потому что это был человек не только лишь науки, это был человек действия в науке, действия в общественном пространстве, будет интересна читателю. Джон Кеннет Гэл-

брейт выступал борцом за мир. Он выступал с позиции научного осмысления необходимости нахождения консенсуса, нахождения конвергенции систем, нахождения общего понимания мирового цивилизационного развития. Мне очень важно, что сегодня у нас присутствует сын Джона Кеннета Гэлбрейта — Джеймс Кеннет Гэлбрейт. Он согласился сюда приехать, мы рады его приветствовать у нас.

Я сейчас не буду долго говорить по этому поводу, я считаю, что этой книгой сказано и без меня многое. Мне кажется более важным предоставить слово нашему гостю Джеймсу Гэлбрейту. Я думаю, что он многие вещи скажет из того, что мы хотели бы услышать, и нам важно то, что он хотел бы нам сказать. И мы надеемся, что мы найдем в его речи то, что нас греет, говоря по-русски, то, что мы чувствуем. Я могу это с уверенностью говорить, потому что буквально два дня назад, начиная Неделю российской экономической науки в Санкт-Петербурге, мы провели большой экономический конгресс. Он уже был третий по счету, был посвящен именно 50-летию выхода в свет этой книги. Поэтому там уже Джеймс Гэлбрейт выступал. У нас было около 700 человек зарегистрированных из 60 регионов России и международные представители из 10 других стран. В зале присутствовало до последнего момента столько народу, что на той сессии, где выступал Джеймс и рассказывал о том, какие у него мысли сегодня по поводу сегодняшнего развития экономики, стояли люди в проходах и дверях. Это после того, как в 10 часов начали мероприятие и в 19 часов заканчивали.

Эта ситуация не часто бывает на научных форумах. Я надеюсь, что мы эту добрую традицию продолжим. Сегодня ректор Плехановского университета сказал, что он хотел бы, чтобы Джеймс выступил и в университете им. Плеханова.

Я очень хотел бы поддержать эту идею, потому что этот университет мне лично близок, я там защищал кандидатскую диссертацию, докторскую диссертацию, многие работы публиковал в изданиях университета. Это альма-матер моя в каком-то смысле. Поэтому я очень бы поддержал и просил бы Джеймса найти время завтра прочесть лекцию, если можно, для слушателей университета.

А сейчас я бы хотел предоставить слово Джеймсу. Прошу.

* * *

Dear friends! I hope that those who are on the road will find the way. I am happy to welcome you at the Media Center of Rossiyskaya Gazeta on behalf of the Free Economic Society of Russia. Today, within the framework of the Week of Russian Economic Science, we are holding a seminar devoted to a very important event. I mean the publication of the book *The New Industrial State* by John Kenneth Galbraith that came out 50 years ago. This event is important not only for the place and era it had happened, but for Russia as well. Having read this book in Russian after its publication in Russia, many of those attending the present workshop changed their view and perception of life. 50 years have passed since the first release of this book, and the world public is currently realizing that many ideas suggested by John Kenneth Galbraith are true and still relevant, as they give an impetus to understanding of the present situation and events that take place in the world. That is why we decided to hold a seminar devoted to this event within the framework of the Week.

Being partners in the activities carried out by the Institute of New Industrial Development named after S.Yu. Vitte — as you may know, Vitte was the first Russian reformer who supported

the way of industrial development as the Prime Minister of Russian Empire and economist knowing what industry means and exerted every effort for Russia to choose this way — we found it fit to compile a good collection of articles in order to assess Galbraith's heritage once again and express our opinions of the ideas, Galbraith's ideas, which are still relevant today.

I am happy to present this book to you. It is titled “Galbraith Coming Back.” It was edited by your obedient servant. However, a tremendous contribution to editing and preparation of texts was made by A.V. Buzgalin, Professor at the Moscow State University, who is present here. The book includes his article, as well as the articles of many of my colleagues. I think that the readers will take interest in this publication as we have put together our perception of Galbraith's ideas from the viewpoint of the present day, as well as the materials written by John Galbraith himself and his colleagues, Russian colleagues, who were lucky to work with him and know his family and his ideas. John Galbraith was not only an outstanding scientist, but a man of action in science and peace champion. He backed the position of scientific insight into the need for consensus, convergence of systems and common understanding of the global civilizational development. I am happy to tell you that James Kenneth Galbraith, son of John Kenneth Galbraith, is among those attending this workshop. He has agreed to come, and we are glad to welcome him here.

My speech will not be long as I believe that the publication of this book speaks for itself. I find it more important to give the floor to our guest James Galbraith. I think that he will highlight many of the issues we want him to raise, and we will find important all what he wants to tell us about. We expect to find the ideas interesting to us in his presentation. I am sure about it judging by the results of a major economic congress that we held in Saint

Petersburg two days ago starting the Week of Russian Economic Science. This congress, the third such forum in a row, was devoted to 50th anniversary of John Galbraith's book publication. James Galbraith made a presentation at this forum, which was attended by 700 experts from 60 Russia's regions, as well as foreign specialists from 10 countries. During the session that James spoke highlighting his ideas of present economic development the house was packed, and people were even standing in the aisles, though the sessions started at 10 a.m. and were closed at 19:00 p.m.

We do not often see such situation at scientific forums. Let us carry on this heart-warming tradition. The rector of Plekhanov University mentioned today that he would like James to make a presentation for students of his higher educational establishment. I would like to back this idea, as this University is my alma mater to some extent — I have defended my doctoral thesis there and published many of my works in the University's periodicals. That is why, I would also ask James to deliver a lecture to the students of Plekhanov University.

Now, let me give the floor to James himself. You are welcome.

НОВОЕ ИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО: 50 ЛЕТ СПУСТЯ

NEW INDUSTRIAL STATE: 50 YEARS LATER

ДЖЕЙМС К. ГЭЛБРЕЙТ

Член Международного комитета ВЭО России, профессор Университета Техаса, председатель Совета директоров ассоциации «Экономисты за мир и безопасность»

JAMES K. GALBRAITH

Member of the International Committee of the Free Economic Society of Russia, professor at the University of Texas, the Chairman of Economists for Peace and Security

АННОТАЦИЯ

Материал посвящен 50-летию выхода книги Дж.К. Гэлбрейта «Новое индустриальное общество», дается оценка ее актуальности в настоящее время.

ABSTRACT

This material dedicated to the 50th anniversary of the J. K. Galbraith's book publication "New industrial society" and views its topicality nowadays.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Экономическая теория, индустриальное общество, экономика неприкосновенности, мировая экономика, ограничения, техноструктуры, регулирование.

KEY WORDS

Economic theory, industrial society, economics of immunity, international economics, limitations and restrictions, technostucture, managing.

Для меня, моей жены и дочери великая честь быть сегодня на этом мероприятии, которое посвящено памяти моего отца и его работе, а именно первой публикации 50 лет назад его книги «Новое индустриальное общество». Эта книга — его шедевр, во многих отношениях самый важный его труд по экономической теории. Это был второй том трилогии, которая началась изданием в 1958 году «Общества изобилия» и завершилась в 1973 году работой «Экономические теории и цели общества». Кто-то недавно сказал, что 50-летие этой книги можно сравнить со 150-летней годовщиной выхода «Капитала» Карла Маркса, а также со 100-летием Октябрьской революции. Кажется, такое сравнение — это уж слишком, но я уверен, что отцу оно бы пришлось по душе.

Приступая к работе над книгой в конце 1950-х (а опубликована она была спустя почти десять лет, включая перерыв на время поездки в Индию), отец намеревался совершить революцию в экономической профессии и в преподавании нашей науки. Он всегда говорил, что революция подобна выламыванию прогнившей двери, и был уверен, как и многие, что к 1960-м доктрины классической и неоклассической экономики уже изжили себя, стали той самой прогнившей дверью, которую пора заменить.

Все вышло совсем не так. Его книга, более года бывшая бестселлером в США, прочитанная студентами колледжей по всей стране и по всему миру, ставшая предметом исследований здесь, в России, и во многих других странах, к сожалению, вызвала контрреволюцию, спровоцировав подъем новой, еще более агрессивной, классической и неоклассической экономики — экономики неприкосновенности и постоянства свободных рынков, экономики властвующего

потребителя и бессильного, конкурирующего бизнес-предприятия. Иными словами, эту дверь, какой бы прогнившей она ни была, усердно баррикадировали в течение всей эпохи Милтона Фридмана, Маргарет Тэтчер, Рональда Рейгана, Вашингтонского консенсуса и неолиберализма.

К тому времени, когда мой отец сошел со сцены, эту книгу в Соединенных Штатах было уже не найти: она не переиздавалась. Я поставил себе цель вернуть ее в печать. Сегодня она представлена в двух изданиях и отныне будет доступна постоянно. Справедливо будет сказать, что ее возрождение в России и выход великолепного издания «Гэлбрейт: возвращение» — это лишь первая волна важного интеллектуального движения, которое должно обрести масштаб, сравнимый с масштабом работы моего отца 50 лет назад, и произвести глобальный эффект, какого оно и заслуживает.

Приглашая меня сюда, профессор Бодрунов писал, что, по его мнению, изложенные в книге идеи сегодня актуальны как никогда, а потому требуют развития с точки зрения нового состояния мировой экономики. Это абсолютно верное утверждение, и начать здесь необходимо с вопроса о том, в чем заключается главная идея. В том, что сила успешной экономики, каковой тогда была экономика Соединенных Штатов, не в особой магии рынка, а в эффективных сложных организациях, которые придавали обществу и экономике свою специфику, которые были способны реализовывать техническую, финансовую и маркетинговую стороны передового производства и функционировать в условиях внешних ограничений. Они не работали исключительно в собственных целях, как следовало бы, по мнению консервативных экономистов, а должны были уделять и уделяли внимание интересам общества, частью которого являлись, в том чис-

ле вопросам гражданского общества, профсоюзов, потребителей, экологического движения и всем прочим аспектам и проблемам, вокруг которых должна быть образована социальная организация. Это прямая противоположность догмам.

Экономика, противником которой выступал мой отец, была создана в XVIII веке с конкретными политическими целями, в известной степени прогрессивными — для своего времени и места. Все они были перенесены в XX, а затем и в XXI век, словно являются вечной истиной. Подходят ли современности структуры, давшие начало экономике конкурентного равновесия, зародившиеся в Китае тысячи лет назад и развитые в Европе в XVIII веке? Мой отец считал, что нет. Он полагал, что мы всегда будем действовать в изменяющихся условиях, а значит, должны корректировать свои идеи соответствующим образом. С этой точки зрения, например, проблема СССР заключалась не в отсутствии рынков, а в огромных масштабах и ограниченной способности к адаптации производственных единиц, именно поэтому введение «свободных рынков» привело к разрушению системы, а не к ее оздоровлению. За разрушением последовало полтора десятилетия невзгод, внутреннего мародерства и внешней нужды. Эта история хорошо знакома всем, и в США тоже.

Структуры доминирующих, стабильных промышленных корпораций, описанные в этой книге, не выдержали испытания временем. В конце концов они столкнулись с тремя серьезными изменениями, произошедшими после публикации «Нового индустриального общества». Первое изменение заключалось во внедрении экономических систем, плановых систем — как их называл мой отец, возникших

в промышленности других стран, в особенности в послевоенных Японии, Корее и в некоторой степени Германии, которые привели к дестабилизации старых корпоративных промышленных структур в США, оказавшихся менее адаптированными к глобальным условиям.

Вторым изменением стало возвращение мировых финансовых институтов, особенно в начале 1980-х, изначально подстегиваемых крайне высокими процентными ставками в начале президентства Рейгана, которые восстановили власть мощных банков, — власть, которая была ограничена «Новым курсом» Рузвельта в период со времени Великой депрессии до 1970-х годов. С этим была тесно связана способность создавать новые корпоративные структуры, в частности направленные на развитие технологического сектора, капитализация которого была независимой, чтобы научное и техническое сообщество или его наиболее продвинутые элементы могли пользоваться изменением стоимости капитала, связанного с их контролем над крайне дефицитным и динамичным ресурсом — поставкой новых технологий всей мировой промышленности. По сути, это и есть причина бифуркации в американской экономике в 1990-х и 2000-х. Так вот подъем мировых финансовых институтов, расположенных в основном на Восточном побережье, в Нью-Йорке, и подъем сектора информационных технологий, размещающегося преимущественно на Западном побережье, в Калифорнии и Вашингтоне, оставили внутреннюю часть США, в первую очередь Верхний Средний Запад, в состоянии экономического упадка и вынудили старые промышленные корпорации решать вопросы соотношения сил на рынке (к чему они оказались не вполне готовы) через привлечение сторонних исполнителей, вывод деятельности за границу

и дальнейшее истощение собственной базы. Последствия всего этого мы видим сегодня. Они определили путь политической эволюции США, в том числе результаты прошедших выборов, где, по сути, столкнулись профессионалы с обоих побережий — то, что можно было бы назвать финансовой и технологической «техноструктурой», и умеренно депрессивная и по-настоящему встревоженная и неуверенная центральная часть страны, примкнувшая к восстанию, итогом которого стало избрание Дональда Трампа.

Когда я выступал в Санкт-Петербурге, в конце ко мне подошел коллега из Германии и сказал: «Мы так и не стали приверженцами доктрин свободного рынка», а я ответил, что считаю такую позицию правильной. Если вы спросите, какая страна сегодня имеет промышленный комплекс, который по-прежнему работает максимально приближенно к идеям моего отца, ответ будет — Германия и, возможно, Япония, где послевоенное развитие происходило под влиянием работ отца. Он был автором выступления, которое в Германии известно как «Речь надежды» и которое в 1946 году заложило основы для восстановления самоуправления в Германии. Отец и его ученики сыграли важную роль в перестройке экономики современной Японии.

Для эффективной работы и удовлетворения потребностей широких слоев общества плановая система нуждается в том, что мой отец называл «техноструктурой». Это группа людей (обученных, уверенных, продвинутых и разносторонних инженеров, менеджеров, проектировщиков, юристов и так далее), работающих вместе на условиях относительного равенства и коллективной ответственности. Упадок возникает, когда тот или иной сектор, в случае с США — финансовый и высокотехнологичный

сектор, получает силовое преимущество и провоцирует перекоп в распределении доходов, значительно усложняя для техноструктуры задачу замещения собственных специалистов по широкому спектру направлений. Это явление мы наблюдаем в университетах, и потому важно организовать университетскую структуру таким образом, чтобы они могли эту проблему преодолеть. В плановой системе государство компетентно, автономно, отстранено и способно реализовывать функцию регулирования в широких общественных интересах, а также устанавливать стандарты и обеспечивать их соблюдение.

Я часто говорил, что признаком развитого общества, в противовес развивающемуся или разрушающемуся, является не столько образование, которое доступно по всему миру, и не технологии, которые можно реализовать почти где угодно, и даже не инфраструктура, которая является хотя и важным, но не решающим фактором, а способность устанавливать стандарты и обеспечивать их соблюдение, реализовывать сложные кодексы поведения, отвечающие за бесперебойную работу производственной системы и не позволяющие ей развалиться из-за того, что люди ей не доверяют. В этом заключается проблема потребительских товаров при социализме. В Китае эту проблему решают отчасти путем импорта западных стандартов маркетинга. Подъем Скандинавии в XX веке в значительной степени был обусловлен стандартами оплаты труда, определенным эгалитаризмом, который сделал продвинутые компании прибыльными, так как их производительность позволила им отвечать трудовым стандартам. Эти вещи важны, и верным признаком упадка является захват лоббистами контроля над государственным аппаратом и разрушение таких стан-

дартов, вывод на первый план отсталых, а не прогрессивных отраслей.

Что же делать? В обеих наших странах, как и во всем мире, необходимо начать сначала. Изучение сложных организаций и их отношений с государством, работающим населением, профсоюзами, наукой, технологиями и финансовым сектором — это фундаментальная проблема. Это то, что мы должны поставить для себя целью, и тогда мы сможем заменить бесплодную, бесперспективную экономику подходом, практикующим изучение вопросов, критику и конструктивное сотрудничество, который, вероятно, снова сможет дать что-то миру, в котором мы живем.

Кроме того, каждая страна должна провести стратегическую оценку, организованную открыто и в духе демократии, без давления со стороны банкиров, олигархов, плутократов или, если уж на то пошло, государственных органов. Для того чтобы провести такую оценку, сделать ее реальной, нужно контролировать искажения, создаваемые огромным количеством проявлений неравенства. Правительство не может быть демократичным, будучи узким кругом миллиардеров или генералов в отставке. Мои исследования говорят о том, что наиболее успешные демократические общества базируются на принципах равноправия, так как в них сбалансированы секторы гражданского общества.

Позвольте мне завершить мое выступление следующими словами. Есть одна идея, которая была очень важна для моего отца и которая важна для меня, ведь я 20 лет был председателем совета директоров организации под названием «Экономисты за мир и безопасность» (у нее есть российское отделение, и здесь присутствуют многие мои близкие друзья, с которыми мы все это время сотрудничали). Без мира

ничего не работает. Страны добиваются наилучшего результата, когда они работают так, как это представлял мой отец, когда они работают изнутри, посредством открытых дискуссий и с уважением целей и потребностей друг друга. Выражаясь словами Д.М. Кейнса, война — это конечный потребитель надежд, мечтаний и возможностей. Сегодня мы все, как никогда прежде, тесно связаны и находимся на очень опасном этапе, который отличается пагубной атмосферой недоверия, отчасти возникшей под воздействием обстоятельств и отчасти порожденной оппортунистической политикой. Необходимо научиться уважать пространство, расстояние и отличия других, преодолеть это недоверие, признать, что каждая страна имеет суверенное право самостоятельно решать свои проблемы.

Мой отец впервые познакомился с вашей страной в мае 1945 года, когда встретился с представителями Красной армии в Берлине. В 1956 году он впервые посетил Советский Союз. Тогда он доехал до Ташкента. Насколько мне известно от родителей, в 1963 году с Президентом США Дж. Ф. Кеннеди обсуждался вопрос о назначении отца послом в СССР, и мотивация Кеннеди в этом вопросе была однозначна: отец был его наиболее значимым советником по вопросу невмешательства в ситуацию во Вьетнаме, в 1963 году Кеннеди намеревался закончить холодную войну, и, я уверен, генеральный секретарь Н.С. Хрущев прекрасно это понимал. История пошла по иному пути, но нет никакого сомнения в том, какую роль в той ситуации играл мой отец.

Завершу выступление своей любимой цитатой. Это слова моего отца, которые прозвучали в инаугурационной речи Дж. Ф. Кеннеди в январе 1961 года: «Нельзя договариваться из страха, но также и нельзя бояться договариваться». Пом-

ня об этом, мы продолжим вести диалог и добьемся высочайших результатов.

* * *

It is a truly great honor for me, and for my wife and my daughter, to be present at this event, which is in honor of my father and his work, in particular, the publication 50 years ago of the first edition of his book *The New Industrial State*. It was his masterwork, in many ways his most important work of economic theory, and also the second book of a trilogy which began with the publication of *The Affluent Society* in 1958, and finished with the publication of *Economics and the Public Purpose* in 1973. Someone once said that the 50th anniversary of this publication might be compared with the 150th anniversary this year of the publication of Karl Marx's *Das Kapital*, and the 100th anniversary of the October Revolution. That seems a bit much but I know my father would have liked it very much indeed.

When he published this book, which took practically a decade from the beginning in the late 1950s and was interrupted by his time in India, he did intend to bring about a revolution in the conduct of the economics profession and in the teaching of our subject. He always said that a revolution is like kicking in a rotten door, and he believed, like many people, that in the 1960s the doctrines of classical and neoclassical economics were entirely decrepit, a rotten door suitable for replacement.

It didn't work out that way. What this book provoked, as a bestseller in the United States for over a year, read by college students all across the country and all across the world, having its reach here in Russia and many other places, was, unfortunately, a counterrevolution, the rise of a new and even more aggressive classical and neoclassical economics, the economics of

the sanctity and permanence of free markets, the economics of the sovereign consumer and the impotent, competitive business firm. The door, in other words, rotten though it was, was barricaded heavily through the epoch of Milton Friedman, Margaret Thatcher, Ronald Reagan, the Washington consensus, and the neoliberal era.

By the time my father passed from the scene, this book was unavailable in the United States as it was out of print. I took it upon myself to bring it back into print. There are now two editions, which will be available permanently. It's fair to say that this revival in the Russian Federation, and the publication of this really marvelous volume, *Galbraith Returns*, represent the first wave or the first echelon of an important intellectual movement, which should have a reach similar to that enjoyed by my father fifty years ago and with an effect around the world which it deserves.

Professor Bodurov, in inviting me here, wrote that he thought the ideas in the book were as relevant as ever and need to be developed from the standpoint of the new situation of the global economy. That's exactly right, and we should begin by asking what is the critical idea. It is that the strength of a successful economy, such as the United States was at that time, lies not in some magic of marketplace, but in the broadly effective complex organizations which gave the society and economy of that time their specific character, organizations that were able to master the technical, financial, and marketing aspects of advanced production, and that were able to operate in an environment of effective outside constraints. They did not operate only for their own purposes, as the conservative economists claimed they should, but paid attention to and were required to pay attention to the broad interests of the society in which they were embed-

ded, including civil society, organized labor, consumers, the environmental movement, and every other aspect of the broader concerns around which the social organization must be structured. This is the opposite of a dogma.

The economics which my father opposed was an economics created in the 18th century for specific policy purposes, which were progressive, in some ways, for their time and place. They had been taken up in the 20th and on into the 21st century as though they were eternal truths. Were the structures that gave rise to the economics of competitive equilibrium, which actually emerged from China thousands of years ago, but were developed in Europe in the 18th century, appropriate for the modern age? My father did not think they were. He believed that we would always be operating in an environment of changing structures, and we should adjust our ideas accordingly. From this viewpoint, for example, the problem in the USSR was not the absence of markets, but the vast scale and limited adaptive capacity of the productive units that were present at that time, and so introducing “free markets” brought collapse rather than improvement. From collapse there followed the decade and a half of trouble, internal looting and external privation. This is a history with which we are all familiar, even in the United States as well.

The structures of the dominant and stable industrial corporations that were described in this book did not endure. What they were ultimately confronted with were three major developments that were largely subsequent to the publication of the *New Industrial State*. The first was the incursion of economic systems, planning systems, as my father called them, that originated in the institutional structures of other countries, especially post-war Japan, Korea, and Germany, to a certain extent, which then tended to destabilize the older corporate, industrial struc-

tures of the United States which were less well-adapted to global conditions.

The second development was the return of global finance, particularly in the early 1980s, initially under the impetus of extremely high interest rates in the early Reagan period, which reestablished the power of the great banks of the financial sector, a power that had been disciplined in the New Deal, from the Great Depression up through the 1970s. Closely associated with that was the capacity to create new corporate structures, specifically devoted to the development of the technology sector, independently capitalized so that the scientific and engineering community, or its most advanced elements, could take advantage of the capital valuations associated with their control over a most scarce and dynamic resource, namely the provision of new technologies to the entire global industrial sector. That is essentially why the bifurcation of the American economy occurred in the 1990s and the 2000s.

The rise of global finance, largely headquartered on the East Coast, in New York, and the rise of the information technology sector, largely headquartered on the West Coast, in California and Washington, left a great part of the interior of the country, particularly the upper midwest, in a state of economic decay, and also left the old industrial corporations to deal with power relations which they were not fully equipped to cope with, through outsourcing, offshoring, and further hollowing out their own base. The consequences of that are in front of us today. They determined the political evolution that the United States has taken, and in particular the outcome of the last election, which largely pitted a bi-coastal professional class, which one might call the financial and technological “technostructure”, against the moderately depressed and certainly very anxious and un-

certain heartland of the country, which joined the rebellion that brought about the election of Donald Trump.

When I spoke in St. Petersburg, a colleague from Germany came up to me afterwards and said, “we never block in to the free market doctrine” and I said “I think that’s correct.” If you ask where in the world today does one have the industrial system that continues to function most closely along the lines that my father suggested, it would be in Germany, and perhaps also in Japan, both countries whose post-war development was influenced by my father’s work. He was the author of what is called in Germany “The Speech of Hope” in 1946, that set the path of reestablishing German self-government, and he and his students played an important role in the economic construction of modern Japan.

A planning system, to function effectively and to meet the needs of the larger society requires what my father called a “technostructure”, a group of people, a trained, secure, advanced, diverse class of engineers, managers, designers, lawyers, and much else, working together on terms of relative equality and shared responsibility. It is a mark decay when one sector or another, as has happened in the United States with finance and high technology, gains a power advantage and skews the income distribution, making it very difficult for the technostructure to replace itself in the broad spectrum of talents that it requires. This is a phenomenon that we observe in our universities and which we have to design our universities to overcome. A planning system requires a competent, autonomous, detached state, capable of exercising regulatory power in the broad public interest and of setting and enforcing standards. I’ve often argued that the mark of an advanced society, as opposed to a developing, or decaying society, is not so much education, which is available very

widely in the world, and not so much technology, which can be placed almost anywhere, and not even so much infrastructure, which, although important, is not decisive, but rather is the capacity to set and enforce standards, to have complex codes of behavior, which enable the productive system to function smoothly and not to fall apart because people fail to trust it. This is a problem of consumer products under socialism. The Chinese solved it, in part, by importing the marketing standards of the West. The rise of Scandinavia, in the 20th century, had a great deal to do with wage standards, a certain egalitarianism that made advanced firms profitable because their productivity enabled them to meet the labor standards. These things are important, and it is a mark of decay when lobbies seize control of the state apparatus and erode those standards, rewarding the backward, as opposed to the progressive industries.

So what must be done? In both our countries, as well as around the world, we must seek to begin again. The study of complex organizations and their relationship to the state, to the working population, to organized labor, to science and technology and finance is a foundational task. It's something we need to set ourselves to and with it we can replace a barren, futile economics with a discipline of inquiry, criticism, and constructive engagement, that will again perhaps contribute something to the world in which we live.

Beyond this, each country must make a strategic assessment, openly arrived at in a democratic setting which is not dominated by its bankers, oligarchs, or plutocrats, or, for that matter, the organs of the state. To effect such an assessment, to make it work, the distortions of vast inequalities have to be controlled. One cannot have a government that is both democratic and run by a handful of billionaires or retired generals. My research strong-

ly suggests that the most successful democratic societies are those that are fairly egalitarian because they have this balance of civil society sectors.

Let me close with one final word. Something that was very important to my father and also to me, since I served for 20 years as the chair of the board of an organization called Economists for Peace and Security, an organization with a Russian affiliate, including many close friends who cooperated with us all through this period: Nothing works without peace. Countries work best when they work the way my father thought they should work internally, with open discussion and respect for each other's objectives and requirements. War, in a comment that Keynes made, is the ultimate consumer of hopes and dreams and possibilities. In this age, we are as tightly bound and interlinked as we have ever been, perhaps even more so, and we are at this moment in a very dangerous phase, a phase marked by a toxic climate of distrust, motivated partly by circumstance, and partly by opportunistic politics. We must find a way to respect the space, the distance, and the difference, to overcome that mistrust, to recognize that every country has the sovereign right to work out its own problems.

My father's first engagement with the USSR came when he met the representatives of the Red Army in Berlin, in May of 1945. His first visit was in 1956. He got as far as Tashkent. In 1963, as I understand from my parents, there was a discussion with President Kennedy, that he might come here as ambassador, and Kennedy's intention in doing that cannot be mistaken. My father was his most significant advisor on the question of not getting involved in Vietnam, and Kennedy's intent in 1963, as I think General-Secretary Khrushchev understood very well, was to work to bring the Cold War to an end. History turned out oth-

erwise, but there could be no mistaking where my father stood in that discussion.

I will close with a sentence that I love. It's a sentence that my father wrote, that appeared in the inaugural address of John F. Kennedy in January of 1961. "We must never negotiate with fear, but we must never fear to negotiate." In that spirit we can carry forward a conversation from this point toward very productive results.

В УГОДУ ИСТИНЕ, НО НЕ МОДЕ

IN FAVOUR OF TRUTH, NOT TREND

В.М. ФАЛИН

Дипломат, политический и общественный деятель, доктор исторических наук, профессор

V.M. FALIN

Diplomat, political and civic leader, doctor of historical sciences, professor

АННОТАЦИЯ

Автор оценивает творческое наследие политэконома современности Джона Кеннета Гэлбрейта.

ABSTRACT

The author thinks over the creative legacy of the modern political economist John Kenneth Galbraith.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Политэкономия, реформы, общество, наследие, Гэлбрейт.

KEY WORDS

Political economics, reforms, society, heritage, Galbraith.

Уважаемые коллеги! Благодарю за предоставленную мне привилегию открыть сегодняшний диспут о творчестве выдающегося политэконома современности Джона Кеннета Гэлбрейта. Вы поймете мое смущение, ибо я только единожды имел возможность встретиться с ним в Нью-Йорке в 1988 году, наблюдая, как вместе с Василием Леонтьевым он убеждал наших экономистов в ходе рефор-

мирования советской экономики не выбрасывать за борт государственное планирование, спасавшее СССР в годы Отечественной и последующей за ней холодной войны.

Наука начинается со смертью догмы. Это аксиома Галилео Галилея, к сожалению, крайне редко торжествует в идеологии и политике. Так, нобелевские премии в области экономики присуждались, как правило, в обход прорывных исследований.

Неувядающая заслуга Гэлбрейта в том, что на основе фактов и прежде всего фактов, а не директив и подсказок «авторитетов» он призывал оценивать опыт прошлого, пертурбации настоящего и перспективы будущего как данность. Совесть ученого убеждала его, что те особенности, которые определяют ход событий и многим представляются эпизодическими, случайно привносимыми извне, имманентно присущи данному этапу развития человеческого общества. Например, в той же экологии. К сожалению, недооценивается воздействие на нее новейших технологий, которые мы сегодня без разбору приветствуем, не учитывая, с чем не только отдельные государства, но и вся планета может столкнуться в обозримом будущем.

По моему убеждению, самой глубокой по последствиям из пережитых человечеством является компьютерная революция. Она повысила КПД мозга в миллионы раз. Однако не только полезного действия. Накопленное оружие массового поражения способно погасить биологическую жизнь на Земле. Что дальше? Ответ зависит во многом от того, насколько продвинется воздействие информации на клонирование сознания. И чье усердие и траты в этом отношении обгонят других, тот умножит вызовы, с которыми предстоит столкнуться homo sapiens на своем, надеюсь все-таки, долгом пути.

Творческое наследие Гэлбрейта — пример всем, кто готов выразить свое отношение к тому, что мы наблюдаем, переживаем, с тревогой сознаем. Обобщая прошлое, надлежит не искать в нем оправдание тому, что свершается сегодня, но предостерегать от того, чего непременно следует избегать.

По воле судьбы с 1953 года я поначалу в качестве эксперта участвовал в работе кризисных штабов, которые создавались советским руководством. Это давало возможность наблюдать, какие решения и как принимались и какие решения не принимались, хотя и должны были бы приниматься, потому что нельзя стоять на одной ноге и думать, что мы держим правильный шаг к движению в будущее.

Не стану утверждать, что мои усилия оправдывались, приносили те результаты, на которые я рассчитывал, не чураясь споров с начальством. Приведу пару примеров.

Ввод наших войск в Афганистан не вызвал в нашей стране ликования. Серьезные сомнения высказывались генштабом (Н.В. Огарков и С.Ф. Ахромеев). В ответ раздалось: выполнять решение «инстанции». Мои отсылки к провальному опыту британских силовых интервенций вызвали окрик: не суйтесь не в свои дела.

Несмотря на вето, в 1982 году мной была предпринята попытка пересмотреть нашу политику в Афганистане — в частности заменить Бабрака Кармаля Ахмад шах Масудом. Последний брался за восстановление сотрудничества с СССР в том формате, как оно развивалось с пользой для обеих стран при короле до его свержения Даудом. За «превышение служебных полномочий» меня отчислили из аппарата ЦК.

Другой пример, не теряющий актуальности. Когда и как началась Вторая мировая война? Противники не без наше-

го участия уверяют общественность, что зеленый свет этой катастрофе зажег советско-германский договор о ненападении 1939 года. Вспомним хотя бы Фр. Рузвельта. 9 декабря 1941 года, обращаясь к американскому народу, он констатировал, как два потока агрессии слились в мировой пожар.

1931 год. Япония нападает на Китай без объявления войны.

1935 год. Италия нападает на Абиссинию без объявления войны.

1938 год. Германия аннексирует Австрию без объявления войны. Германия нападает на Польшу в 1939 году без объявления войны. Германия вторгается в Советский Союз без объявления войны. Япония нападает на Соединенные Штаты без объявления войны.

Кому мало Рузвельта, обратитесь к выступлениям Ф. Ноль-Бейкера на заключительной сессии Генеральной ассамблеи Лиги Наций. Это апрель — май 1946 года: «Как все мы знаем, Вторая мировая война началась 15 лет назад нападением Японии на Китай».

Зачем нам потакать тем, кто нагло фальсифицирует историю на потребу новым авантюрам? Мы что забыли их установку — кто контролирует прошлое, тот программирует будущее?

Разделившееся в себе царство не устоит. Равным образом не справится с актуальными и грядущими вызовами разделившееся в себе по идеологическим, социальным и военным меридианам и параллелям человечество. Здесь уместно воспроизвести завет Конфуция — единение через разномыслие и добродетель.

Завершая короткое вступление, хочу напомнить вам строки Б. Пастернака:

*Чего бы вздорного кругом
Вражда ни говорила,
Ни в чем не меряйся с врагом,
Тебе он не мерило.
Ты взял над всякой спесью верх
С того большого часа,
Как истуканов ниспроверг
И вечностью запасся.*

Творчество Дж. К. Гэлбрейта привлекает к себе все большее внимание и интерес. Правда пробивает дорогу.

* * *

Dear colleagues, I would like to express my gratitude for the privilege to open today's debate about the legacy of John Kenneth Galbraith, an outstanding political economist of our times. You sure will understand my embarrassment because I met him only once in 1988 in New York as I watched him and Vasily Leontiev persuading our economists not to cast aside national planning during the Soviet economic reforms reminding that planning saved the USSR amid World War II and the Cold War that then ensued.

Only with the death of dogma science begins. Unfortunately, this fundamental truth by Galileo rarely, if ever, triumphs in ideology and politics. For example, breakthrough studies have generally been on the sidelines of the Nobel Prize in Economic Sciences.

Galbraith should forever be credited for he urged to assess past experience, present headwinds, and future prospects as given based on hard facts rather than directives and clues from "opinion leaders." The researcher's conscience convinced him

that aspects shaping the run of events that many people believe to be incidental, introduced from outside are inherent in this life stage of the human society. For example, in ecology. Regretfully, we underestimate how much it is affected by advanced technologies, which we randomly welcome neglecting what not only certain nations but the entire planet might face in years ahead.

It is my belief that computer revolution is the most far-reaching transformation by its consequences the humanity has ever come through. It increased brain performance a millionfold. And not only positive performance. Weapons of mass destruction we have accumulated thus far can put out the spark of biological life on Earth. What's next? The answer largely depends on how far the impact of information on consciousness cloning will go. And he, whose commitment and expenses to this effect will outstrip others, will propagate challenges the Homo Sapiens will have to face on their, hopefully, long way.

Galbraith's legacy is an example to follow for everyone who is ready to express their attitude toward what we see, feel, and realize in dismay. By generalizing the past, we should seek no justification to what is done today but warn against anything that should be avoided at any cost.

In 1953, I happened to have been engaged as an expert of crisis task forces formed by the Soviet leadership. It gave me a chance to observe what decisions were made and how they were made and what decisions were not made although they should have been made because you can't stand on one foot and think that we are heading for the future with the correct pace.

I won't insist that my efforts worked well, paid off as I expected engaging in disputes with leadership without shying away. A few examples.

Our invasion of Afghanistan did not spark any rejoicing in our country. The General Staff (N.V. Ogarkov and S.F. Akhromeyev) cast strong doubts. In return, they were ordered to carry out “superiors’” decision. My references to the disastrous experience of British invasions were met with threatening shouts: “Mind your own business.”

In 1982, I attempted to review our Afghanistan policies despite the veto. I, for one, suggested substituting Babrak Karmal for Ahmad Shah Massoud. The latter was supposed to revive cooperation with the USSR in the form benefiting both countries it used to be under the king before he was overthrown by Mohammed Daoud Khan. I was removed from the Apparatus of the Central Committee of the Communist Party over “abuse of power.”

Another example of vital importance. When and how did World War II begin? Opponents, not without our help, assure everyone that this catastrophe was triggered by the Molotov-Ribbentrop Pact in 1939. So, let’s recall Franklin Roosevelt. On December 9, 1941, addressing Americans in his Fireside Chat, he outlined how two streams of aggression converged to fan the flames of a global war.

In 1931, Japan invaded Manchukuo — without warning.

In 1935, Italy invaded Ethiopia — without warning.

In 1938, Hitler occupied Austria — without warning.

In 1939, Hitler invaded Poland — without warning.

In 1941, Hitler also invaded the Soviet Union — without warning.

And Japan attacked the United States — without warning.

If Roosevelt is not enough, please take a look at the speech by Philip Noel-Baker at the final session of the League of Nations General Assembly. It’s April or May 1946. “We know now that the World War began in Manchuria 15 years ago.”

Why should we indulge anyone who rudely distorts history to meet the needs of new delusions? Have we forgotten their paradigm — he, who controls the past, programs the future?

A divided kingdom shall fall. And the humanity divided ideologically, socially, and militarily will fail to handle current and future challenges. It seems appropriate to quote Confucius here: unity through difference and virtue.

To sum up, I would like to recite Boris Pasternak for you:

*Whatever ugly angry words
Ill will may here and there speak,
Don't pit yourself against its swords,
It never shared the same league.
You took on every pride you faced
The moment fine and solemn
All idols have been burnt and razed
And aeons have befallen.*

The legacy of John Kenneth Galbraith is drawing more attention and interest by the moment. The truth struggles on.

РЕВОЛЮЦИЯ ГЭЛБРЕЙТА

GALBRAITH'S REVOLUTION

Г.Н. ЦАГОЛОВ

Действительный член Сената ВЭО России, профессор Международного университета в Москве, член Союза писателей России, академик РАЕН, академик Международной Академии менеджмента, академик Европейской Академии безопасности и конфликтологии, д. э. н.

G.N. TSAGOLOV

Acting member of the Senate of the VEO of Russia, professor of the International University in Moscow, member of the Union of writers of Russia, Academician of the Russian Academy of Natural Science, academician of the International Academy of Management and European Academy of Security and Conflictology, Dr. Sc. Econ.

АННОТАЦИЯ

Статья раскрывает революционный вклад Дж. К. Гэлбрейта в экономическую науку. Теоретик радикально изменил представление о современном капитализме. Доказал, что популярные учебники по экономике отражают лишь вчерашний день. Показана и важность разработанной им концепции конвергенции для поиска наиболее эффективной модели социально-экономического развития в наши дни.

ABSTRACT

The article describes J.K. Galbraith's revolutionary contribution in economic theory. The theorist radically changed the understanding

of the contemporary capitalism. He proved that popularly economical textbooks are obsoletes. The article clearly shows the importance of the convergence theory developed by Galbraith in search of the most efficient model of the social-economical development in our days.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Экономическая теория, капитализм, социализм, планирование, рынок, конвергенция.

KEY WORDS

Economics, capitalism, socialism, planning, market, convergence.

В науке это был революционер, подвергавший критике старый капитализм и указывавший пути его радикального реформирования в интересах большинства.

Станислав Меньшиков

Биографы называли его «экономистом, держащим зеркало перед обществом». Но он к тому же как будто обладал еще и рентгеном, позволяющим видеть то, что скрыто в глубине и неведомо другим.

Мне посчастливилось познакомиться с этим великим человеком в 1990 году. Одной американской консультационной фирмой в Париже был организован международный семинар на тему «Будущее Советского Союза и Восточной Европы». В числе приглашенных участников, помимо Гэлбрейта и Меньшикова, оказался и я. Высокий, двухметрового роста Гэлбрейт, выступая с докладом и в дискуссии, зажигал аудиторию, искрометно шутил. Вечером организаторы встречи пригласили нас поужинать в известный ресто-

ран «Максим». Находящийся в центре внимания почтенный мудрец держался просто и непринужденно.

Он всегда был непревзойденным оратором, и когда начинал говорить, в зале царил абсолютная тишина. В Гарварде, где он читал лекции после Второй мировой войны, аудитории переполнялись студентами, многие слушали его стоя. Сложные экономические материи с мастерством доносились им до каждого слушателя и перемежались с юмором.

Недавно мне довелось разговаривать с Л.А. Клименко — вдовой С.М. Меньшикова, который написал совместную с Гэлбрейтом книгу «Капитализм, социализм, сосуществование». М., Прогресс», 1988. Меньшиков был когда-то моим научным руководителем по кандидатской диссертации, а позже мы стали друзьями. Лариса Александровна просила передать большой привет и благодарность организаторам этой конференции, а я попросил ее рассказать о том периоде, когда создавалась их совместная с Меньшиковым работа. Они тогда жили в доме Гэлбрейтов в Вермонте, где стенографистка ежедневно с утра и до обеда записывала их беседы, к которым они готовились с предыдущего вечера. Затем они редактировали и переписывали текст. Когда книга была написана и опубликована, их приглашали выступить на презентациях во многих университетах, газетах, на радио и по телевидению. Встречи проходили так живо, что их называли «экономическими кабаре».

Гэлбрейт был не только великий ученый. Он был дипломатом, послом в Индии, являлся спичрайтером президентов США Джона Кеннеди и Линдона Джонсона, занимал важные должности в госаппарате. Ниже приводятся некоторые из его афоризмов, ставших достоянием мировой культуры.

НОВОЕ ИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО

В связи со столетием Дж. К. Гэлбрейта, не дожившего до юбилея два с половиной года, в 2008 году в России одним объемистым и красочным томом вышли его сочинения: «Джон Кеннет Гэлбрейт. Новое индустриальное общество. Избранное». Издатели «Эксмо» в названии выделили главное в его творчестве. Он написал немало и других блистательных работ, но именно эта принесла ему мировую славу. Она появилась одновременно в США и в Англии в 1967 году — ровно 50 лет тому назад, а через два года вышла и на русском языке.

Книга сразу же стала событием среди экономистов. Помню, как мой отец — Н.А. Цаголов, глава кафедры политической экономии экономического факультета МГУ, руководитель авторского коллектива, создавшего известный «Курс политической экономии» — как-то в беседе проронил: «Гэлбрейт — гений нашего времени». Отец внимательно следил за новинками западной экономической мысли. Ни о каком-либо другом зарубежном исследователе своего времени он так никогда не отзывался.

Под революцией Гэлбрейта имеется в виду не социально-политическая, а научная революция. Каждый ученый должен вносить какую-то новизну в науку. Но мало кто является в ней революционером. Гэлбрейт им стал. Он перевернул представления о капитализме. Произошло это не сразу и не случайно. Он обладал мятежным духом. У великого человека бывают великие учителя. На пустом месте ничего не возникает. Его кумирами в науке являлись Торстейн Веблен и Джон Мейнард Кейнс. Гэлбрейт был влюблен в работу Веблена «Теория праздного класса». «Влияние Веблена, — писал он, — продолжалось очень долго. Хотелось, чтобы и одна из моих работ вызвала раздражение у тех людей, которые

удобно устроились на высоких тепленьких должностях. Только потом я стал понимать, что эти люди вообще редко что-либо читают»¹.

Суть революции Гэлбрейта состоит в подрыве основного постулата учебников по экономике, в том числе и наиболее известного из них — Поля Самуэльсона. На Западе, как известно, утвердилось мнение, что главным регулятором экономики капитализма является рынок, из чего вытекает превосходство покупателя над производителем. Гэлбрейт доказывает обратное. Рыночные отношения остались лишь во второстепенной части экономики. В доминирующем же мире крупных корпораций их вытеснила противоположная рынку «планирующая система». И произошло это в силу целого ряда обстоятельств.

Власть в большом бизнесе перешла от акционеров к группе лиц, включающих управляющих, специалистов и других носителей знаний, которых Гэлбрейт называет техноструктурой. Решения принимаются коллегиально, но не столько в интересах акционеров, сколько в интересах этой корпоративной бюрократии, которая стремится к обеспечению стабильного роста компании, что приносит ее членам надежные оклады и бонусы, способствует сохранению должностей и карьерному росту. В случае увольнения для них заботливо готовятся «золотые парашюты».

Стремясь отгородиться от превратностей рынка, техноструктура с помощью рекламы и других средств оказывает на потребителя мощное воздействие, навязывая ему все новые модификации своей продукции и заставляя его покупать то, что ей нужно.

¹ Гэлбрейт Джон Кеннет. Новое индустриальное общество. Избранное. М.: Эксмо, 2008. С. 14.

Между тем малый бизнес и средний бизнес по-прежнему не располагают такими возможностями воздействия на рынок. Они с трудом выживают в острой конкурентной борьбе между собой и под гнетом большого бизнеса. Таким образом, в экономике, по Гэлбрейту, возникла бимодальная (двойственная) система. Но в учебниках по «экономикс» по-прежнему исходят из доминанты законов рынка, что совершенно неверно и требует пересмотра. Однако, как замечает Гэлбрейт, эти учебники служат самим авторам, но не научной истине.

Итак, рынок «отодвигается», а техноструктура планирует. Хорошо ли это? Не очень. Почему? А потому что эта планирующая система работает на корпоративную бюрократию, в ущерб обществу. И Гэлбрейт показывает, как усиливается влияние военно-промышленного комплекса в США, о чем в свое время предупреждал еще президент Д. Эйзенхауэр. В военной сфере, где существует контрактная система, соединяются две бюрократии — частная и государственная. А две бюрократии сильнее и вреднее, чем одна.

Гэлбрейт предлагает национализировать военные концерны, что ограничило бы лоббизм и гонку вооружений. В связи с этим он прямо говорит о том, что «новый социализм... навязывается обстоятельствами». Но к выводу о «новом социализме» подводит не только это. К тому же подталкивает и общая необходимость искоренения пороков, связанных с расширяющейся властью техноструктуры. Поэтому Гэлбрейт призывает к расширению зоны «нового социализма» и внедрению **централизованного планирования, охватывающего основные пласты американской экономики**. «Требуется, — пишет он, — планирование, которое отражает не интересы плановых органов, а обще-

ственные интересы»¹. При этом, считает Гэлбрейт, в этом заинтересована и часть «рыночной системы», поскольку такие ее области, как медицина, образование или искусство, нуждаются в защите и государственном регулировании.

Высказанные «социалистические» идеи спровоцировали травлю Гэлбрейта со стороны американского экономического сообщества и политического истеблишмента. Одни тщились отлучить его от экономической науки и заявляли, что «Гэлбрейт не экономист, а социолог». Другие не останавливались перед грубой руганью, не имеющей ничего общего с академическими традициями. Так, гарвардский профессор, будущий лауреат Нобелевской премии по экономике Роберт Солоу поместил в университетских ученых записках непристойный пасквиль. Между тем Гэлбрейт лишь беспристрастно констатировал объективные тенденции экономического развития и высказывал вытекающие из этого рекомендации по реформированию американского общества. «Форчун» — журнал, в котором он когда-то работал, — теперь уже предостерегал читателей: «Гэлбрейт подрывает существующее логическое обоснование капитализма». Естественно, тем самым он навсегда закрыл себе дорогу и в нобелевские лауреаты.

Особый интерес представляет заключительная часть книги «Новое индустриальное общество» — «Приложение о методе экономических исследований и особенностях дискуссий по социальным вопросам». Она начинается с вопроса о специализации. Гэлбрейт отмечает, что его книга не ограничивается анализом узкого круга вопросов и что при ее написании он использовал многие труды в качестве опор-

---

¹ Там же. С. 606.

ных конструкций. «Но все же следует помнить, — замечает Гэлбрейт, — что специализация в науке — это удобство, а не добродетель»¹. Конечно, нельзя прийти к верным обобщающим выводам о сути общества и магистральных тенденциях его развития без предварительного исследования и уяснения важнейших сторон современной действительности, глубоких знаний основ философии, экономической теории и истории. Ведь еще Маркс подмечал: «В науке нет широкой столбовой дороги и только тот может достичь ее сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по ее каменистым уступам»².

В связи с этим Гэлбрейт высказывает мысль, что исследование крупного пласта изменений предполагает необходимость дополнить, а возможно, и по-новому осветить работы узких специалистов. И не без элементов сарказма формулирует следующий вывод: «В экономической науке (и в общественных науках в целом) правомерно проводить различие «между квалифицированными и неквалифицированными работами. Что же касается различия между работами широкого и узкого профиля, то здесь имеется меньше оснований для категорических суждений, понятных только в том случае, когда человеку, восхваляющему свою собственную линию, необходимо поддержать чувство уважения к самому себе»³.

В работах Гэлбрейта вообще, книге «Новое индустриальное общество» в частности читатель не встретит таблиц или графиков, часто находящихся в иных экономических исследованиях. Его труды отличаются на редкость ясным вы-

¹ Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969. С. 465.

² Маркс К. Энгельс Ф. Соч., т. 23. С. 25.

³ Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество, с. 468.

ражением мыслей. Эта непринужденность и раскованность стиля, по словам Гэлбрейта, «приходит, когда я работаю над четвертым или пятым вариантом рукописи»¹. Задача, связанная с изложением материала, представляется Гэлбрейту еще более трудной, чем задача исследования. «В экономической науке мало имеется (если вообще имеется) таких дельных идей, которые нельзя выразить понятным языком. Неясность изложения редко свидетельствует (если вообще когда-нибудь свидетельствует) о сложности рассматриваемого вопроса и никогда не служит подтверждением недосягаемости учености. Она обычно говорит либо о неумении излагать предмет, либо — что бывает чаще — о путанных или незрелых мыслях»².

О КОНВЕРГЕНЦИИ

Тезис о конвергенции двух противоположных социально-экономических систем красной нитью проходит через всю книгу Гэлбрейта. В последней главе «Будущее индустриальной системы» он объясняет и то, почему эта концепция не будет признана в скором времени: Из всех слов, имеющих в лексиконе бизнесмена, менее всего ласкают его слух такие слова, как планирование, правительственный контроль, государственная поддержка и социализм. Обсуждение вероятности возникновения этих явлений в будущем привело бы к осознанию того, в какой поразительной степени они уже стали фактами... Размышления о будущем выявили бы также важность тенденции к конвергенции индустриальных обществ, как бы ни были различны их национальные или идеологические притязания. Мы имеем в виду конверген-

¹ Там же. С. 31.

² Там же. С. 469.

цию, обусловленную приблизительно сходной системой планирования и организации... Сказанное здесь о конвергенции двух систем **не скоро получит всеобщее признание (выделено мной. — Г.Ц.)**. Люди, толкующие о непроходимой пропасти, отделяющей свободный мир от коммунистического мира и свободное предпринимательство от коммунизма, защищены от сомнений столь же догматической уверенностью, что, какова бы ни была эволюция системы свободного предпринимательства, она никак не может стать похожей на социализм. Но перед лицом очевидных фактов эти позиции можно отстаивать лишь временно... Ничто, пожалуй, не позволяет лучше заглянуть в будущее индустриальной системы, чем установление факта конвергенции, ибо в противоположность нынешним представлениям оно подразумевает, что этой системе может быть обеспечено будущее»¹.

Гэлбрейт оказался провидцем. Теории конвергенции и в самом деле «не повезло». Она долгое время оказывается невостребованной общественной наукой. Главная причина — идеологические и классовые факторы. А в социальной науке они весьма значимы.

Между тем практические предтечи конвергенции появились еще в 20-х годах прошлого века. После Октября 1917 года большевики, радикально руководствовавшиеся антикапиталистическими канонами, взяли курс на национализацию. Неготовые к такому повороту событий производительные силы страны заупрямились. Разразился экономический кризис, усугубленный мировой и гражданской войной, интервенцией и прочими обстоятельствами. Возникли голод и реальная угроза падения новоиспечен-

---

¹ Там же. С. 452–455.

ного режима. Но Ленин не был бы им, если бы не вышел из ситуации. Чтобы не нарушать открытый Марксом закон соответствия характера производственных отношений уровню развития производительных сил, был введен НЭП. Командные высоты в политике и экономике оставались в руках большевиков, но вместе с тем открыли шлюзы капитализму. В итоге образовались многоукладная экономика, симбиоз социализма и капитализма, что дало мощный толчок экономическому росту. Будь Ленин жив, кто знает, сколько времени бы еще продолжался НЭП. Но Ленин умер, и вскоре почил и НЭП.

В статье «О кооперации», входящей в так называемое завещание Ленина, высказана загадочная мысль: «Мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения на социализм»¹. Что конкретно Владимир Ильич Ленин имел под этим в виду, остается тайной. Не необходимость ли длительного сожительства разнородных экономических систем под одной крышей?

Подчеркнем, что именно НЭП дал первый пример эффективности, благотворной комбинации социализма и капитализма, плана и рынка. Не будем распространяться о том, почему НЭП был так быстро свернут. На то были свои субъективные и объективные причины. Вытеснившее капитализм «беспримесное» плановое хозяйство несколько десятилетий обеспечивало Советскому Союзу быстрое развитие, но затем привело к упадку и даже краху системы. После этого страна стремительно бросилась в другую сторону — рынка и капитализма и теперь большую часть времени пребывает либо в кризисе, либо в стагнации.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. т. 45. М.: Политиздат, 1969. С. 376.

Между тем знамя конвергенции подхватили другие страны — и на Западе и на Востоке. Опыт канувшего в Лету социализма в нашей стране не прошел даром. Запад впитал в себя ценные социалистические идеи и черты, перенял у него, в частности, централизованное планирование, правда, в более гибких формах. Тем самым он заметно укрепил свои позиции в мире. Практическими шагами в сторону конвергенции были и социал-демократические преобразования в Югославии, ряде европейских, особенно Скандинавских странах. Но больше других в этом отношении в последние десятилетия продвинулись Китай и Вьетнам.

К теме о конвергенции Гэлбрейт не раз возвращается и во многих других работах. Так в 1980-х годах он пишет: «Движущие силы организации крупномасштабного производства свойственны не только капитализму. То же касается и побудительных мотивов. Я изучал их в Советском Союзе и пришел к следующему удивительному заключению. Крупным организациям, где бы они ни существовали, свойственны одинаковые движущие силы. Крупная капиталистическая корпорация и крупный социалистический комбинат имеют примерно одинаковую организационную структуру; перед ними стоят одни и те же сложности: они предъявляют свои требования и оказывают воздействие на окружающее их общество. Побудительные мотивы — желание получить одобрение коллег, идентификация с задачами организации, стремление приспособить их к своим собственным — похожи, если не одинаковы. Современная капиталистическая организация и развитая социалистическая организация не противостоят друг другу. В широком смысле они движутся друг к другу — не к неизбежной власти рынка, а к установлению общих требований технологии

и массового производства, к созданию соответствующей планирующей организации, к аналогичным побудительным силам»¹.

НОВОЕ ИНТЕГРАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО

Мысль о конвергенции в работах ряда отечественных и зарубежных ученых получила второе дыхание. Правда, теперь уже акценты расставлены несколько по-другому. Рассуждают о построении оптимальной общественной модели как комбинации преимуществ капитализма и социализма и отсечении или минимизации их пороков. Надо сказать, что мировая практика последнего времени дает немало козырей приверженцам таких взглядов. Вместе с тем признание правоты конвергентных воззрений по ряду указанных выше причин не происходит столь быстро, как бы хотелось. Похоже, что для этого потребуется еще немало усилий, времени, доказательств и обстоятельств.

В связи с непреложными успехами Китая множатся трактовки его «экономического чуда». Некоторые объяснения сводятся к тому, что он совершил переход от плана к рынку, от социализма к капитализму. Но они не верны. На самом деле там поддерживается плодотворный симбиоз плана и рынка, социализма и капитализма. Там сформировалось конвергентное, или интегральное общество. И это придает синергетики обществу. Дэн Сяопин и его последователи не разрушали плановое хозяйство, а проводили в нем демократические преобразования и добавляли к нему рыночные регуляторы. Результат: 39-й год подряд как страна развивается без кризисов, темпы роста самые высокие. По ВВП, рассчи-

¹ Гэлбрейт Дж.К. Избранное, с. 1019.

танному по паритету покупательной способности, Поднебесная, обойдя США, вышла уже в 2014 году на первое место в мире. Продолжительность жизни превысила 75 лет.

Глава КНР Си Цзиньпин, выступая на Генеральной Ассамблее ООН осенью 2015 года, заявил, что всякая процветающая экономика помимо «невидимой руки» рынка должна использовать «видимую руку» государственного управления. В докладе секретаря ЦК КПК профессора Янг Джинхайя на первом мировом марксистском конгрессе в Пекине в октябре 2015 года, где довелось быть, говорилось: «Суть китайского пути состоит в нахождении правильного баланса между социализмом и капитализмом. В экономике это означает установление разумных пропорций между административными и рыночными отношениями...»¹

Вьетнам последовал китайскому примеру. Централизованное планирование не ликвидировали, а сделали более гибким. План и рынок совмещали друг с другом, а оптимальный баланс между ними поддерживался руководством страны. Сохранялось планирование важнейших видов продукции, хотя сужался круг устанавливаемых показателей и уменьшался контроль над ценами на базовые виды товаров и услуг. Страна развивается чрезвычайно быстро и также бескризисно.

В Индии наряду с рыночным регулятором действует и плановый регулятор. Возглавляемая премьером страны Плановая комиссия определяет стратегические цели развития, реализуемые посредством пятилетних планов, носящих преимущественно индикативный характер. В ней работают эксперты высшего класса, опирающиеся на раз-

¹ World Congress on Marxism 2015. Marxism and the Development of the Human Race. October 10–11, 2015 Beijing, p. 39.

работки специализирующихся научных учреждений. В основе текущей 12-й пятилетки лежат результаты работ и рекомендаций сети исследовательских организаций, существующих при каждом министерстве, а также Центральной статистической службы. Темпы роста экономики Индии последнее время не уступают Китаю, а временами даже обгоняют их.

На постсоветском пространстве конвергентные тенденции явно обнаруживают себя в Белоруссии и Казахстане. Лидеры обоих государств не скрывают, что в ходе преобразований они руководствовались идеями ленинского нэпа и китайских реформаторов.

Такая интеграция преимуществ социализма и капитализма наталкивает на мысль о свершающемся переходе человечества к новому интегральному обществу.

СЕДЬМАЯ ФОРМАЦИЯ

Спрашивается, каково же историческое место этого общества? На этот вопрос напрашивается ответ: это новая, седьмая по счету формация. Почему седьмая? Дело в том, что помимо первобытнообщинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и социалистической формации немецкими классиками и многими другими исследователями справедливо упоминалась еще и азиатская формация. Она, как известно, предшествовала рабству у древневосточных народов и зиждилась на господстве бюрократии в условиях доминирования общественной собственности на землю и основные средства производства. В годы советской власти о ней особенно не распространялись, так как она чем-то напоминала реально существующий бюрократический социализм.

Высказанный тезис о переходе человечества к седьмой формации не раз уже высказывался автором этих строк¹. И пока что не встречал сколько-нибудь убедительной критики, как, впрочем, и особой поддержки. Таким образом, практика пока идет впереди теории. В этом нет ничего удивительного. Но те, кто игнорируют этот опыт, будут отставать от других. Те же, кто пусть с опозданием, но примут его на вооружение, смогут быстро развиваться, ибо интегральная формация оптимальна с точки зрения комплексного решения важнейших и прочно взаимосвязанных проблем: экономического роста, социальной справедливости, развития личности и свобод человека.

Представляется, что теория седьмой формации особо важна для нашей страны, оказавшейся в итоге ошибочно проведенных реформ в системе координат зависимого от Запада бюрократическо-олигархического капитализма. Она служит ориентиром для коренной смены парадигмы общественного развития и оптимальной экономической политики. Возможности движения к этому эволюционным путем пока еще сохраняются.

Симбиоз капитализма и социализма или, наоборот, социализма с капитализмом сегодня, как правило, не вызывает спора у теоретиков. Более того, считается, что смешанное общество идет на смену «доконвергентным» системам чуть ли не в большинстве стран. Логически же следующий из этого вывод о развитии новой, седьмой формации пользуется значительно меньшей популярностью. Между тем в пользу такого умозаключения говорит многое. Теоретическая закостенелость вступает в конфликт с непроверяемыми

¹ См., например, книгу «Новое интегральное общество. Общетеоретические аспекты и мировая практика» под ред. Г.Н. Цаголова. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 117–134.

фактами современности, подтверждающими данный тренд. Оптимальность конвергентной модели для решения задач быстрого экономического роста и социальной гармонии становится все более очевидной.

Демонтаж всякой общественно-экономической системы предполагает проект создания новой. Некоторые могут, конечно, сказать (и говорят), что они выступают за нормальный капитализм или капитализм с человеческим лицом. Мнение других — вернуться к социализму в его обновленном и лишенном прежних недостатков виде. Однако оба варианта представляются не вполне адекватными и конкретными. И в самом деле, где начинается и заканчивается норма? Или каковы гарантии, что во втором случае мы не наступим на прежние грабли?

Когда социализм потерпел поражение, вопрос о конвергенции был отодвинут в сторону и оказался на задворках общественно-политической жизни. К рассуждениям о необходимости оставления или включения хоть каких-то коммунистических начал в развитие общества и экономики по понятным причинам перестали прислушиваться. Многие теоретики избегали называть вещи своими именами, опасаясь быть обвиненными в призывах «вернуться к старому».

Вследствие закрепленной в Новой конституции России «деидеологизации» возвысились приверженцы рыночного фундаментализма. Утвердившийся на долгие годы либеральный мейнстрим неизбежно вел к все большему теоретическому застою. Вместо перехода от бюрократического социализма к интегральному обществу в нашей стране совершился регресс. Известный мыслитель А.А. Зиновьев неспроста окрестил перестройку «катастрофкой». Впрочем,

какая-то конвергенция все же состоялась: было взято худшее от социализма и капитализма, а лучшее ликвидировано.

Ключ к новой идеологии

Теория интегрального общества дает и ключ к формированию новой идеологии России. 30 лет назад М.С. Горбачев прокламировал необходимость перестройки и вместо бюрократического социализма поставил цель создать его демократический вариант. Вместо него мы оказались в системе координат олигархического капитализма. Концепция седьмой формации может явиться трамплином для того, чтобы нам все-таки найти и выработать свою идеологию. Нельзя же все время оставаться без нее.

Непреложные факты новейшей истории указывают на непреходящую значимость формационного подхода. Современным производительным силам и производственным отношениям требуется сочетание социалистических и капиталистических начал, принципов планового и рыночного хозяйствования. Тезис о «вечности» или «естественности» капитализма столь же далек от действительности, сколь мнение об «искусственности» или о «рукотворности» социализма. Обладая рядом неоспоримых преимуществ, обе формации вполне «объективны» и имеют место в истории человечества не случайно. Однако обе они внутренне противоречивы, неустойчивы и требуют взаимодействия и поддержки. Именно поэтому наиболее быстрорастущие и гармонично развивающиеся страны мира приняли интегральную систему за основу их жизнеустройства.

Признавая принципиальную верность формационного подхода, нельзя не отметить и необходимость его развития. Капитализм действительно является исторически прехо-

дящим строим. И Маркс был прав, указав на социалистическую тенденцию развития человечества. Однако коммунизм представляется очередной утопией, не подтверждаемой мировой практикой. Да и социализм в чистом, ортодоксальном и изолированном от капитализма виде терпит крах, увы, не случайно. Те страны, которые продолжают развитие, оставаясь целиком на его платформе, находятся в незавидном положении. Стало быть, прокладывающий себе дорогу симбиоз лучших черт капитализма и социализма есть наиболее перспективная ветвь общественного развития. Интегральное общество приходит на смену и капитализму, и чисто социалистической практике. Такая коррекция формационного подхода важна для построения верной экономической стратегии и выработки новой идеологии нашего государства.

Концепция интегрального строя и такое видение будущего расходятся с теориями постиндустриализма и многими другими подобными определениями, характеризующими радикальные сдвиги, совершающиеся в производительных силах общества. Понятия «капитализм», «социализм» и «интегральный строй» включают в себя прежде всего характеристику общественных отношений между людьми, складывающихся в процессе производства, распределения и обмена материальных благ на различных ступенях развития человеческой цивилизации. Понятия постиндустриального, технотронного или информационного общества абстрагируются от такой сущностной стороны, подчеркиваемой сторонниками формационного подхода. Если быть последовательным, то им тогда не надо признавать правомерными категории «капитализм» и «социализм». Короче говоря, линия «капитализм, социализм, постиндустриализм, никак не выстраивается.

Движение к седьмой формации в России может обеспечить постепенное введение прогрессивного налога и внедрение планомерности в виде ее инструмента — планового хозяйства. В экономике должны работать два регулятора и требуется к тому же находить оптимальный баланс между ними.

Новый интегральный способ производства должен служить ориентиром и целью демонтажа бюрократическо-олигархического капитализма. В связи с этим необходима коррекция формационного подхода и использование положительных наработок подхода цивилизационного, учитывающего исторические, национальные и прочие особенности нашей страны.

Критики концепции интегрального общества часто указывают на его внутреннюю противоречивость, или, как нередко говорят, «эклектичность», а отсюда вытекающую из этого неустойчивость, возможность скатывания либо к капитализму, либо к социализму. Что ж угрозы такого рода, возможно, и существуют. Но ветер времени все же раздувает паруса именно такой формации.

В человеческой природе социальные начала сосуществуют с эгоизмом. Считается, что Адам Смит полагал, что с помощью «невидимой руки» рынка общество всегда будет двигаться к идеальному состоянию. Правда, такая интерпретация его идей апеллирует главным образом к работе «Богатство народов», игнорируя не менее важный и также основополагающий труд классика «Теория нравственных чувств». В нем Смит делал упор не только на эгоизм, но и на социальное сознание людей. Эта книга начинается со слов: «Какую бы степень эгоизма мы бы не предположили в человеке, природе его, очевидно, свойственно участие к тому, что случается с другими, участие, вследствие которого счастье

их необходимо для него, даже если бы оно состояло только в удовольствии быть его свидетелем»¹. Поэтому неверно сводить мысли Смита к утверждению, что все человеческие особи стремятся лишь к получению выгоды или к максимизации прибыли. Более того, понятие «разумный эгоизм» включает в себя и вклад в социальное благо. Ведь жизнь человека зависит во многом и от процветания того общества, в котором он живет, а также от судьбы человечества, утратившего в ракетно-ядерную эпоху свою бессмертность.

Немецкие классики и их последователи, наоборот, делали акцент на справедливости и социальных аспектах, ставили их во главу угла. История показывает, что нахождение баланса между двумя противоречивыми, но реальными сторонами природы человека отвечает задачам поиска оптимальной модели общежития.

С утверждением этой концепции и принятием ее на вооружение российским истеблишментом появляется возможность верной интерпретации нашей экономической истории, понимания допущенных просчетов, видение нашего будущего, императивов и магистральных тенденций развития человечества.

Приведем несколько афоризмов Дж. К. Гэлбрейта, ставших крылатыми фразами:

- В политике нет ничего более достойного восхваления, чем короткая память.
- Всякая успешная революция — это удар ногой в прогнившую дверь.
- В любой крупной организации значительно безопаснее ошибаться вместе, чем быть правым в одиночестве.

¹ Смит А. Теория нравственных чувств. И.: Республика 1997, с. 31.

- Совещания незаменимы, если вы решили ничего не делать.
- Экономическая наука чрезвычайно полезна как форма занятости экономистов.
- Единственная функция экономического прогноза состоит в том, чтобы астрология выглядела более респектабельно.
- Самое счастливое время в жизни человека — после первого развода.

Хотелось бы заметить, что сам Гэлбрейт не испытал такого «счастья», у него была одна прекрасная супруга — Китти — и трое замечательных детей, один из которых — известный американский экономист и общественный деятель профессор Техасского университета Джеймс Кеннет Гэлбрейт здесь с нами. Джон Кеннет Гэлбрейт прожил долгую и достойную жизнь, он был счастливым человеком. Он тесно общался с главами США и Индии, имел много интересных контактов. Лариса Александровна Меньшикова рассказывает, что когда они жили у них, то комната, в которой они находились, называлась «комнатой Джеки» — Джеки Кеннеди. Джон Кеннеди был его студентом, и он со своей женой были частными гостями. Да и она одна, когда приезжала, останавливалась там.

Сергей Дмитриевич Бодрунов сделал хорошее дело, организовав издание работы «Гэлбрейт: возвращение» и собрав всех нас по случаю 50-летия выхода в свет революционного хита Дж. К. Гэлбрейта. Спасибо ему за это. Впереди нас ожидает еще одна примечательная дата: 15 октября 2018 года исполнится 110 лет со дня рождения Дж. К. Гэлбрейта. Не забудем и этот его день тоже. И отметим его. Либо в России, либо в Америке, если нас туда пригласят.

* * *

He was a revolutionary in science criticizing old capitalism and showing the ways of radical reforms for the benefit of the majority.

Stanislav Menshikov

Biographers called him “an economist holding a mirror in front of the society.” However, he seemed to own a sort of X-ray system that enabled him to see the hidden things that other people were unaware of.

I was lucky to be introduced to this great scientist in Paris in 1990, when an American consulting firm organized an international seminar devoted to topic “The Future of the Soviet Union and Eastern Europe.” I was among those invited, like Galbraith and Menshikov. A tall man (his height was 2 meters), Galbraith would enkindle the audience and joke audaciously, while making his presentation and speaking during discussions. In the evening, the organizers invited us to have a dinner at Maxim’s. Though being the focus of everybody’s attention, the classic behaved naturally and looked relaxed.

He has always been an unequalled master of rhetoric. When he started speaking, there was deadly silence in the hall. When he read lectures at the Harvard University after World War II, the house was packed with students, and many of them listened to his presentations standing in the aisles. He would get intricate economic problems across to every listener alternating serious matters with humor.

Recently, I had a chance to talk to L.A. Klimenko, widow of S.M. Menshikov, who was the co-author of Galbraith’s book *Capitalism, Socialism, Coexistence* published in Moscow in 1988 by Progress Publishers. Menshikov was my academic supervi-

sor, when I was writing my candidate's dissertation, and later we became friends. Larisa Alexandrovna asked me to convey her compliments to the organizers of the conference, while I asked her to tell me about the period, when Galbraith and her husband were creating their joint work. At that time, they stayed in Galbraith's house in Vermont, where a stenographer would daily record the conversations they were engaged in from early in the morning till afternoon. In the evening, they used to get prepared for these discussions. After that the two scientists would edit the text. When the book was finally written and published, they were invited to deliver presentations at many universities, on radio and television, as well as to write articles for many newspapers. The atmosphere during their presentations was so vivacious that these meetings were often called "the economic cabaret."

Moreover, science was not the only passion of Galbraith. He tried his hand at diplomacy being the Ambassador to India, worked as a speechwriter for US presidents John Kennedy and Lindon Johnson and held important positions in the US administration. Below, please find some of his aphorisms that have become the heritage of global culture.

THE NEW INDUSTRIAL STATE

In connection to the 100th jubilee of J.K. Galbraith, who unfortunately died two years before his 100th birthday, his collected edition *John Kenneth Galbraith. The New Industrial State, Selected Works* was published in Russia. This thick and colorful-looking volume came out in 2008. While giving a title to the book, EKS-MO Publishers identified the main work of his creative activities. The scientist wrote many other brilliant books as well, but it was this very work that won him worldwide fame. The book came out

in 1967, exactly 50 years ago, in the UK and USA simultaneously. Two years later it was published in Russian as well.

The publication of this work became a milestone event for economists. I remember my father — N.A. Tsagolov, Head of Department for Political Economics at the Economic Faculty of the Moscow State University, who was in charge of the authoring team having written the famous *Course of Political Economics*, to say once: “Galbraith is a genius of the present time.” My father had an eye out for novelties of the western economic thought. However, he has never called any other foreign researcher “a genius.”

Galbraith’s revolution is not a socio-political revolution, but a scientific one. Every prominent scientist introduces new ideas into science. However, few of them are true revolutionaries, the ones like Galbraith. Galbraith unfixed the established perception of capitalism. It was not by chance that he did it. The scientist was a rebellious person by nature and had great teachers. Nothing really great can be born out of thin air. Any great scientist has his great teachers. Galbraith’s ones included Thorstein Veblen and John Maynard Keynes. *The Theory of the Leisure Class* by Veblen was one of his favorite books. “Veblen’s influence was a long-lasting one,” Galbraith wrote, “I would like one of my works to raise the ire of people, who have managed to find cushy jobs. Only later, I realized that these people seldom read books”¹.

The core idea of Galbraith’s revolution lies in undermining the main postulate of textbooks in economics, including the most famous one of them — the book by Paul Samuelson. As is known, the idea that has gained foothold in the West says that market

---

¹ Galbraith John Kenneth. *The New Industrial State. Selected Works*. M.: Eksmo, 2008, p. 14.

is the chief regulator of capitalist economy, which results in the superiority of the buyer over the manufacturer. Galbraith argues the converse. The market relations remain only in the minor part of economy, as the “planning system,” which has nothing to do with market, has driven them out from the domain of major corporations. It happened due to a number of circumstances.

The power in big business does not belong to shareholders today. It has been taken over by a group of people, including managerial specialists and other knowledge holders. Galbraith refers to these people as *technostructure*. The decisions are taken collectively, yet not in the interests of shareholders, but for the benefit of this corporate bureaucracy, the members of which promote the company’s stable growth, as it guarantees high salaries and bonuses to them, as well as helps them climb the career ladder. In case of dismissal or retirement, these people get their “golden parachutes.”

Trying to fence themselves off market adversities, the technostructure, using advertising and other tools, impose powerful influence on consumers pressing new modifications of products upon them and making them buy the things that consumers do not actually need.

Meanwhile, the medium and small business is still at a disadvantage, as these companies do not have such opportunities of making impact on the market. They battle to survive in the conditions of tough competition under pressure on the part of big business. Thus, according to Galbraith, a bimodal (double-faced) system has formed up in economic environment. However, the authors of textbooks in economics still rely upon the dominant idea of market laws, which is wrong and requires being revised. Moreover, these textbooks are written for the benefit of authors themselves, and not for the sake of truth, Galbraith says.

Thus, the market “yields the positions,” while the techn-structure is engaged in planning. Is it good? Not quite. Why? The fact is that this planning system is working for the benefit of corporate bureaucracy and to the detriment of society. Galbraith shows how the influence of the US military-industrial complex is growing, which is the process that President Dwight Eisenhower had warned about before. In the military sphere, where contract system reins, two types of bureaucracy combine their efforts — corporate and state ones. The two of them are much stronger and worse than a single one.

Galbraith suggests nationalizing military corporations, which would limit lobbyism and arms race. In connection with it, he is straightforward in saying that “new socialism... is imposed by circumstances.” However, it is not the only thing to push us towards the idea of “new socialism.” The need for eradicating evils dealing with extension of infrastructure’s power also promotes this idea. That is why Galbraith calls for extending the area of “new socialism” and implementing the **system of centralized planning covering the main tiers of American economy**. “We need a system of planning,” he writes, “that serves public interests, instead of the planning bodies’ ones”¹. At the same time, Galbraith believes, a part of “the market system” is interested in this reform, as such industries as healthcare, education and art need protection and state regulation.

Due to these “socialist” ideas, the American economic community and political establishment started bullying Galbraith. Some of them tried to ban him from the economic science saying that “Galbraith is not an economist, but a sociologist.” Others would resort to foul mouthing, which had nothing to do with

---

¹ Ibid, p. 606.

academic traditions. For instance, Robert Solow, Professor at Harvard and future Nobel Prize Winner in Economics, published an obscene libel in the University's scientific periodicals. Meanwhile, Galbraith just stated impartially the objective trends of economic development and offered his recommendations as to the reforms required by the American society. *Fortune* — the magazine he had once worked for — was warning the readers: “Galbraith undermines the existing rationale for capitalism.” Promoting such ideas, the scientist naturally closed the way to the Nobel Prize for himself.

The concluding part of book *The New Industrial State* — An Addendum on Economic Method and the Nature of Social Argument — is of special interest. It begins with the issue of specialization. Galbraith writes that the book is not limited to analyzing a narrow group of issues, and mentions that he has used many works as reference ones, while writing it. “We should remember,” Galbraith writes, “that specialization in science is a convenience, not a virtue”¹. Naturally, it is impossible to make the right conclusions about the nature of society and mainstream trends of economic development without preliminary studies devoted to understanding the most important aspects of modern reality, profound knowledge of philosophy, economic theory and history. “There is no royal road to science, and only those who do not dread the fatiguing climb of its steep paths have a chance of gaining its luminous summits,” Karl Marx wrote².

In this regard, Galbraith comes fore with an idea lying in the fact that studying a major group of changes suggests the need for complementing the works of focused specialists, and probably even throw a new light on them. After that he formulates

¹ Galbraith J.K. *The New Industrial State*, Progress Publishers, M.: 1969, p. 465.

² Marx K. Engels F. *Works*, v.23. p. 25.

the following conclusion with a degree of sarcasm: “In economic science (and social sciences in general), it looks appropriate to distinguish between ‘skilled and unskilled work.’ As for the difference between general and focused works, here we see fewer grounds for categorical propositions, which become understandable only in case a person praising his/her own line of research wants to make others feel respect towards him/her”¹.

In Galbraith’s works in general, and *The New Industrial State* in particular, the readers will find no tables or diagrams often present in the studies of other economists. The ideas in his books appear extremely clear. According to Galbraith, such an easy and effortless style “comes when I work over the fourth or fifth variant of manuscript”². The task dealing with narration looks to Galbraith even harder than the one of research. “In economic science, we see few (if any) reasonable ideas that cannot be expressed in clear and understandable terms. Unclear narration seldom shows (if shows at all) that the issue discussed is complex, and never lends evidence of erudition being hardly accessible. It usually tells about the inability to highlight the subject, or — which is observed more often — the scholar’s ideas being vague or crude”³.

ON CONVERGENCE

The thesis on convergence of two opposite socio-economic system runs like a golden thread through the Galbraith’s book. In the last chapter — The Future of the Planning System — he explains why this concept will not be recognized in the short term: “Such terms as planning, governmental control, state support and so-

---

¹ Galbraith J.K. *The New Industrial State*, p. 468.

² *Ibid*, p. 31.

³ *Ibid*, p. 469.

cialism are the least delightful ones to the ear of a businessman. Discussing the probability of these phenomena would lead to realizing that many of them have long become facts... Pondering over the future would show the importance of the trend towards convergence of industrial states, no matter how different their national and ideological claims are. We mean convergence triggered by similar systems of planning and organization... What has been said here about the convergence of two systems ***will hardly receive recognition soon (emphasized by G. Tsagolov)***. The people talking about a huge gap that separates the free world from the communist one, and free enterprise from communism, are protected from doubts by the dogmatic idea saying that, no matter what kind of evolution the free enterprise is subjected to, it will never become similar to socialism. However, in the face of obvious facts, one can defend this position only for some time... Nothing probably offers a better chance of getting a glimpse of the future than the fact of convergence, as, contrary to all current perceptions, it means that the future may belong to this very system”¹.

Galbraith turned out to be a prophet. The convergence theory has been really “unlucky.” This social science has looked unclaimed for a long time. The main reasons behind it are ideological and class factors, which enjoy importance in every social science.

Meanwhile, some practical precursors of convergence were observed as early as in 1920s. After the October Revolution of 1917, the Bolsheviks guided by anti-capitalist ideas set off on the road to nationalization. Unprepared for such a turn of events, the productive forces of the country turned obstinate. Finally, the economic crisis broke out, while the world and civil wars, as well as intervention and other circumstances aggravated the sit-

---

¹ Ibid, pp. 452–455.

uation. The threats of hunger and fall of the regime appeared on the horizon. However, Lenin managed to find a way out. In order not to violate the law on nature of productive relations being in line with the level of productive forces' development formulated by Marx, the government introduced the New Economic Policy (NEP). The key political and economic positions remained in the hands of the Bolsheviks, yet gates were opened to capitalism. Thus, mixed economy was formed, a symbiosis of socialism and capitalism, which gave a powerful impetus to economic growth. If Lenin had been alive, NEP could have been effective longer. However, he died, and NEP was soon canceled.

In his article "On Cooperation," a part of the so-called Lenin's bequest, V.I. Lenin suggests a mysterious idea: "We have to admit that there has been a radical modification in our whole outlook on socialism"¹. What Lenin really meant is still a secret. Could he mean the need for long coexistence of different economic systems under the same roof?

I would like to stress that NEP was the first spectacular example of how efficient a combination of socialism and capitalism, planning and market systems could be. I would not dwell upon why NEP was cancelled so soon. There were both objective and subjective reasons behind it. The planned economy that forced capitalism out ensured fast development for the Soviet Union for several decades, yet then led to degradation and even collapse of the system. After that, the country immediately chose the opposite way — the one leading to market and capitalism — and we have seen either crisis or stagnation for the most part of the time since.

Meanwhile, other countries picked up the idea of convergence, both in the East and West. The experience of socialism

---

¹ Lenin V.I. The Complete Works v. 45. M.: Politizdat, 1969 p. 376

that sank into oblivion in Russia was still of some use. The West has absorbed the valuable socialist ideas, in particular the one of centralized planning, though in rather a flexible form, having thus strengthened its positions in the world. The social-democratic reforms in Yugoslavia, as well as the ones in some European, especially Scandinavian states, can also be considered as practical steps towards convergence. The progress achieved by China and Vietnam on this way for the past decades looks even more impressive.

Galbraith would come back to the idea of convergence in many other works as well. For instance, he wrote in 1980s: “The forces driving the organization of large-scale production are typical not only of capitalism. The same refers to the respective motivation. I have studied these driving forces in the Soviet Union and came to surprising conclusions. The same driving forces are typical of large organizations, no matter under what jurisdiction they work. A major capitalist corporation and a large socialist enterprise have more or less the same organizational structure and face similar challenges. They set their requirements to the society and impose influence on it. The operant motives — desire to win the approval of colleagues, identifying oneself with goals and objectives of the organization, and aspiration for adjusting them to one’s own tasks — are similar, if not equal. The modern capitalist organization and the developed socialist one do not stand in opposition to each other. Globally speaking, they are moving towards each other. They are moving towards setting common technological and production requirements, instead of inevitable rule of the market, towards creating the respective planning organization, towards similar driving forces”¹.

---

¹ Galbraith J.K. Selected Works, p. 1019.

THE NEW INTEGRAL SOCIETY

The convergence idea got second wind in the works of some Russian and foreign scientists. However, the priorities are highlighted a bit differently. They discuss the possibility of building an optimal social model based on combining the advantages of capitalism and socialism and removing or minimizing their defects. We should say that the recent world's practice gives a lot of trump cards to the supporters of such views. At the same time, the truth of convergence ideas is not recognized as quickly as we would like to see due to the aforementioned reasons. It appears that the process will require a lot of efforts and proofs, as well as some time.

In view of the impressive success that China has been demonstrating, the interpretations of its “economic miracle” are increasing in number. Some explanations come down to the fact that the country has accomplished a transition from planned economy to the market one, from socialism to capitalism. However, they are wrong. In fact, China maintains the fruitful symbiosis of both systems. They have actually formed a convergent or integral society. It makes the society more synergetic. Deng Xiaoping and his followers did not destroy the planned economy, but carried out democratic reforms and added market regulators to it. As a result, the country has demonstrated crisis-free economic development and high growth rates for 39 years in a row. In terms of GDP calculated on the basis of purchasing-power parity, the Celestial Empire outpaced the USA as early as in 2014 and now enjoys the leading positions in the world. The life expectancy in the country has exceeded 75 years.

Speaking at the UN General Assembly in autumn 2015, Xi Jinping, President of the People's Republic of China stressed that every prosperous economy must use not only the “invisible

hand” of the market, but the “visible hand” of state regulation as well. The report that Professor Yang Jianhua, Secretary of the Central Committee of the Chinese Communist Party, made at the World Congress of Marxism taking place in October 2015 in Beijing contained the following line: “The core of Chinese way lies in finding the right balance between socialism and capitalism. In terms of economics, it means identifying reasonable proportions between administrative and market relations...”¹

Vietnam followed China’s example. The country’s government did not refuse from centralized planning, but made it more flexible. The planned and market types of economy were combined, while the right balance between them was maintained by the state. Planning was retained in the field of manufacturing the most important product categories, though the circle of target indicators was narrowed, and the control over prices of basic goods and services was eased. The country can also boast of fast and crisis-free economic development.

India is using planning regulator along with the market one. The Planning Commission with the Prime Minister of the country in charge identifies strategic development goals, which are put into life by way of five-year plans that are mostly of indicative character. The Commission employs skilled experts, who are guided by the studies of respective research institutions. The current 12th five-year plan has been shaped on the basis of recommendations offered by the network of research organizations, working under each of the ministries, as well as the Central Statistics Service. India has recently been on par with China in terms of economic growth rate, sometimes even outpacing it.

---

¹ World Congress on Marxism 2015. Marxism and the Development of the Human Race. October 10–11, 2015 Beijing, p. 39.

As far as the post-Soviet territory is concerned, the convergence trends are clearly observed in Belarus and Kazakhstan. The leaders of both states make no secret of the fact that they have been guided by the ideas of Lenin's NEP and Chinese reformers while carrying out the reforms.

Such integration of strengths typical of both socialism and capitalism invites the assumption that the mankind is making a transition to a new integral society.

THE SEVENTH FORMATION

What place in history can this new society claim? It looks that this system is the seventh formation in the history of mankind. Why so? The fact is that apart from primitive communal, slave-owning, feudal, capitalist and socialist systems, German classic and many other scientists rightfully mentioned Asian formation. As you may know, this system preceded the slave-owning one in ancient Asian states and was based on the rule of bureaucracy with communal ownership of land and basic means of production dominating. In the Soviet era, the authorities kept a lid on this system, as it was similar to the existing bureaucratic socialism to some extent.

The author of this work has mentioned the idea of transition to the seventh formation many times¹. However, I have met with neither convincing criticism nor fervent support. Thus, practice is ahead of theory so far, and it does not look surprising. Yet, those ignoring this experience are doomed to lagging behind their colleagues, while rapid development is guaranteed to those who will finally adopt this idea, even though a bit late, as the integral formation seems optimal from the viewpoint of solving

---

¹ See, for example, the book *The New Integral Society. General Theoretical Aspects and World Practices* under the editorship of G.N. Tsagolov. M.: LENAND, 2016, pp. 117 – 134.

the most important and interdependent problems, like the ones of economic growth, social justice, personality development and freedoms.

The theory of the seventh formation appears to be of vital importance for our country, which has found itself in the domain of bureaucratic and oligarchic capitalism being dependent upon the West. This theory serves as a guide on the road aimed at a drastic change of social development and economic policy paradigm. We still have opportunities for transition to such a system in an evolutionary way.

The symbiosis of capitalism and socialism, or vice versa, does not currently stir up disputes among the scientists as a rule. Moreover, it is widely believed that mixed society is gradually taking the place of “pre-convergence” systems in almost the majority of states. However, the logical conclusion dealing with development of the seventh formation is by far less popular. Meanwhile, many things support such a speculation. Theoretical rigidity squares off against cast-iron facts proving the existence of such a trend. The fact that the convergence model seems to be a perfect one for solving the problems of rapid economic growth and social harmony becomes ever more obvious.

The dismantling of any socio-economic system suggests the availability of a project aimed at the construction of a new one. Some people may certainly say that they support standard capitalism, or capitalism with a human face. Others call for coming back to socialism in a new form, the one free from defects. However, both variants appear to be not exactly adequate and specific. Indeed, where is the beginning and the end of standard? What are the guarantees of avoiding the same trap in the second case?

When socialism was defeated, the issue of convergence was put aside and found itself on the sidelines of public and polit-

ical life. For obvious reasons, nobody wanted to listen to those who suggested using some of the communist principles in the socio-economic sphere. Many theorists were avoiding calling a spade a spade out of fear of being accused in attempts to “come back to the past.”

Due to the “loss of ideology” fixed in the new Russia’s Constitution, the supporters of market fundamentalism took the upper hand. The liberal mainstream that had gained foothold in Russia was leading to serious theoretical stagnation. Thus, we observed regression in the country, instead of a transfer from the bureaucratic socialism to an integral society. It was not for nothing that renowned philosopher A.A. Zinoviev branded perestroika as “catastroika” (catastrophe + perestroika). However, some convergence was still observed — all weaknesses of capitalism and socialism were adopted, while the strengths of both systems were thrown away.

THE KEY TO NEW IDEOLOGY

The theory of integral society offers a key to formulating new Russia’s ideology. 30 years ago, M.S. Gorbachev proclaimed the need for perestroika and set the goal of creating democratic socialism, instead of its bureaucratic variant. However, we found ourselves in the domain of oligarchic capitalism. The concept of the seventh formation may become a springboard for us to develop new ideology, as people cannot live without it.

Indisputable facts of modern history point to the persistent importance of formation approach. Modern productive forces and relations require the combination of capitalist and socialist basics, the principles of both planned and market economy. The idea of capitalism being “everlasting” or “natural” is as far from reality, as the one of socialism being “artificial” or “manmade.” Having

a number of indisputable strengths, both systems look rather “objective,” so it was not by chance that they had been once chosen by mankind. Yet, each formation is incoherent, unstable and requires interaction and support from the other one. It is for that very reason that the countries enjoying the most rapid socio-economic development have taken the integral system as a basis.

Recognizing the correctness of formation approach, one cannot help realizing that it needs being developed. Capitalism is really a temporal socio-economic system. Marx was right having pointed to the socialist trend of development. However, communism appears to be a sort of utopia that finds no evidence in global practice. The socialism in its pure, orthodox form, isolated from capitalism, has also collapsed, and not without a reason. The countries that still adhere to the orthodox socialism are in deep trouble today. It means that the symbiosis of capitalism and socialism, the system combining the strengths of both formations is the most promising variant of socio-economic development. The integral society takes over from both capitalism and purely socialist practice. Such correction of formation approach is very important for the process of building a new strategy and ideology by our state.

The concept of integral system and this vision of the future are at variance with the theories of post-industrialism and many similar concepts describing drastic changes that take place in the sphere of productive forces. The notions of capitalism, socialism and integral system are, first of all, about the social relations that are established among people in the process of production and distribution of material benefits at various stages of economic development. The notions of post-industrial, technetronic or information-oriented society disregard this essential aspect emphasized by the supporters of formation approach. The latter

notions should not recognize the categories of capitalism and socialism as legitimate to be consistent. In one word, the line “capitalism — socialism — post-industrial society” somehow fails to form up.

Russia can ensure the transition to the seventh formation by way of gradual introduction of progressive tax and economic regularity in the form of planned economy. Two regulators should work in economy. Moreover, one has to find the right balance between them.

The new integral method of production should serve as both a guide and goal in the process of dismantling the system of bureaucratic and oligarchic capitalism. In this regard, we have to introduce corrections to the formation approach and use the positive practices of civilizational one that take into account historical, national and other specifics of our country.

The critics of the integral society concept often point to the fact that it is self-contradictory or, as they say, “eclectic,” and therefore unstable, which leads to possible spiraling into either capitalism, or socialism. Well, such threats may really exist, yet the wind of time still puffs up the sails of this very formation.

Social character traits coexist with egoism in human nature. As it is widely believed, Adam Smith thought that thanks to the “invisible” hand of the market, the society will always move towards the perfect state. However, this interpretation of his ideas mainly appeals to his work *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations* ignoring the fundamental and equally important book by the same author — *The Theory of Moral Sentiments*. In the latter work, Smith placed emphasis not only on egoism, but on social consciousness of people as well. This book begins with the following lines: “How selfish soever man may be supposed, there are evidently some principles in his nature,

which interest him in the fortune of others, and render their happiness necessary to him, though he derives nothing from it except the pleasure of seeing it”¹. Therefore, it is wrong to reduce Adam Smith’s ideas to the statement that all human beings strain after gaining benefit alone or maximizing profits. Moreover, the notion “rational egoism” includes the contribution to common weal as well, as the well-being of any person depends to a large extent on the prosperity of the society that he/she lives in, as well as the destiny of humankind having lost immortality in the nuclear age.

German classics and their followers, on the contrary, placed emphasis on justice and social aspects thinking them to be of paramount importance. History shows that finding a balance between two contrary, yet real sides of human nature meets the requirements as to the task of looking for an optimal model of life in community.

In case this concept is accepted and adopted by the Russian establishment, there will be a chance for us to interpret our economic history in the right way, understand the mistakes made and get a glimpse of the future, as well as to have a clear view of imperatives and mainstream trends of economic development.

Here are some aphorisms by John Kenneth Galbraith that have become proverbial:

- “Nothing is so admirable in politics as a short memory.”
- “All successful revolutions are the kicking in of a rotten door.”
- “In any great organization it is far, far safer to be wrong with the majority than to be right alone.”

¹ Smith A. The Theory of Moral Sentiments. Publisher: Respublika 1997, p. 31.

- “Meetings are indispensable when you don’t want to do anything.”
- “Economics is extremely useful as a form of employment for economists.”
- “The only function of economic forecasting is to make astrology look respectable.”
- “The happiest time of anyone’s life is just after the first divorce.”

It stands to mention that Galbraith himself was never that “happy” — he had a wonderful wife, Kitty, and three children. One of them is a renowned American scholar and public figure, Professor at the University of Texas, James Kenneth Galbraith, who is present here. John Kenneth Galbraith lived a long and decent life. He was a happy man. He had strong relationships with the heads of state of the USA and India, and contacted many interesting people. Larisa Menshikova told me a lot about the time she and her husband stayed in Galbraith’s house. By the way, the room they lived in was referred to as “Jackie’s room” (the one of Jackie Kennedy). John Kennedy was Galbraith’s student, thus he and his wife were frequent guests of the Galbraiths. Jackie always stayed in their house even when she would come alone.

Sergey Dmitriyevich Bodrunov did a good job having facilitated the publication of work *Galbraith Coming Back* and invited all of us to attend the forum organized on the occasion of the 50th anniversary of John Kenneth Galbraith’s revolutionary book’s first release. Let me express my heartfelt thanks to him for that. There is one more remarkable date ahead — October 15, 2018 is the day of John Kenneth Galbraith’s 110th birthday. Let us celebrate this occasion too, either in Russia or America, if they invite us to the USA of course.

РОССИЙСКАЯ ШКОЛА СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ И НАСЛЕДИЕ Д. ГЭЛБРЕЙТА

THE RUSSIAN SCHOOL OF SOCIAL AND ECONOMIC THOUGHT AND THE HERITAGE OF J. GALBRAITH

Ю.В. ЯКУТИН

Вице-президент ВЭО России, председатель Совета директоров, научный руководитель ЗАО «Издательский дом «Экономическая газета», заслуженный деятель науки Российской Федерации, д. э. н., профессор

YU.V. YAKUTIN

Vice-president of the VEO of Russia, chairman of the Board of Directors, scientific director of the «Publishing House «Economic Newspaper», honored Science Worker of the Russian Federation, Dr. Sc. Econ., Professor

АННОТАЦИЯ

Автор пишет о значении научного наследия Д. Гэлбрейта для изучения современных вызовов социально-экономического развития цивилизации и необходимости строгой научной оценки их теоретической и практической значимости.

ABSTRACT

The author writes about the significance of the scientific heritage of J. Galbraith for studying contemporary challenges of the socio-economic

development of civilization and the need for rigorous scientific evaluation of their theoretical and practical significance.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Производственные отношения, материальное производство, конвергенция, общественные организации, крупные корпорации, государственное регулирование, рыночный механизм хозяйствования, социальные лифты, цивилизация, экономическая теория, смешанная экономика.

KEY WORDS

Production relations, Material production, convergence, Public organizations, Large corporations, State regulation, Market mechanism of management, Social elevators, civilization, economic theory, Mixed economy.

У каждого человека бывает так, что в жизни какое-то слово, запах или движение напомнят вдруг о каком-то событии, происшествии, историческом явлении. Дымком пахло — и ты сразу вспомнил компанию, в которой сидел лет десять назад на берегу речки, туман, шашлык, общение с друзьями на разносторонние темы... В другой раз кто-то взмахнул рукой — и ты вспомнил революционера, который сказал: «Ну, все — вот и началось!» Такие вещи ассоциативного ряда называются конвергенцией, сближением. Суть конвергенции в приведенных примерах вроде бы очень проста, но она наблюдается и в сложных, социально-экономических процессах, в экономике, обществе, и тогда не все так очевидно.

Об этом мне пришлось рассказывать, когда я поступал в аспирантуру экономического факультета МГУ. Так как окончил институт я с красным дипломом, то при зачислении в аспирантуру оценки не учитывались, хотя экзамене-

ны и приходилось сдавать. Мне попался вопрос — критика буржуазной теории конвергенции в экономике. Понятно, что критиковать эту теорию тогда, в 1985 году, нужно было исходя из положений марксистско-ленинской философии. Принимали экзамен преподаватели с философского факультета МГУ. Я решил, что поскольку оценки не являются решающими, то в ответе проявлю свободу мысли и свободу воли, изложу свое понимание вопроса, несколько отличное от официального. Эту тему я знал, так как даже присутствовал на лекции о ней признанного автора теории сближения в экономике капитализма и социализма — американского экономиста Джона Гэлбрейта, приезжавшего в Москву. Он, опираясь на положения теории конвергенции, читал лекции студентам по своей вышедшей еще в 1967 году, но все еще знаменитой книге «Новое индустриальное общество». Д. Гэлбрейт излагал свое видение будущих перемен в материальном производстве, основанном на индустриальных технологиях, рассказывал о неизбежных для всех развитых стран новых тенденциях в облике и поведении крупных корпораций, о развитии государственного регулирования экономики, об усилении в ней процессов планирования, роли технократической элиты, представителей финансового капитала. Своим экзаменаторам я поэтому мог подробно рассказать о выводах Гэлбрейта, соглашаясь с его положением о том, что в индустриальном обществе усиливается роль государства, что хорошо было видно на знакомом мне примере Франции. Это, как я полагал, свидетельствует о том, что в экономике капитализма и социализма категории базиса и надстройки сближаются.

Преподаватели аж подпрыгнули: вы сошли с ума, где вас этому учили? Базис и надстройка — две совершенно

разные, несовместимые категории, государство — это надстроечный элемент, и оно никогда не может заменить базис в производственных отношениях. К этому же это категории двух диаметрально противоположных экономических систем — эксплуататорского капитализма и основанного на общественной собственности социализма, не знающего эксплуатации. На практике все не так, возражал я. Посмотрите на базис и надстройку при социализме, где они тесно взаимодействуют. Социалистическое государство управляет всем процессом производства, и не просто управляет, само выстраивает этот процесс с помощью плановых заданий наших пятилеток, семилеток, перспективных планов. А в капиталистическом обществе корпорации четко планируют перспективы своего развития. Но в итоге мне сказали, что это противоречит марксизму, что я по этому вопросу ничего не знаю. Чуть ли не двойку тогда мне вкатили. Удрученный такой неожиданный для меня косностью мысли экзаменаторов, пришел я на кафедру политэкономии к своему научному руководителю В.Н. Черковцу, рассказал ему все, он переговорил с экзаменаторами, которые улучшили все же оценку, поставили мне три или четыре. Так что за одобрение конвергенции я все же поплатился. И с той поры как услышу слово «конвергенция», так оно тянет за собой такие вот не веселые воспоминания.

Вторая история, связанная для меня с теорией конвергенции и Гэлбрейтом, как это ни странно, произошла при подготовке книги, посвященной памяти академика, президента Международной академии менеджмента, члена правления Вольного экономического общества России Степана Арамаисовича Ситаряна. В год годовщины его кончины ВЭО попросило наш Издательский дом «Экономическая

газета» издать книгу воспоминаний о нем и организовать ее презентацию. Работая над книгой, мы включили в нее фрагменты трудов самого С.А. Ситаряна, обратились к тем, с кем он сотрудничал, в том числе я ездил взять интервью у Евгения Максимовича Примакова. Времени на встречу было отведено мало, мы пообщались всего лишь около часа. Он рассказывал, что они со Степаном Арамаисовичем, когда были аспирантами экономического факультета МГУ, жили в одном блоке общежития, дружили, продолжали дружить и позднее, часто сотрудничали, помогали друг другу в жизни. И вот он мне говорит: «А Вы знаете, что мы со Степаном Арамаисовичем были активными сторонниками конвергенции с момента выхода о ней первой научной статьи». Я удивился. «Подождите, как это. Нас учили, что эта теория не научна, что надо критиковать ее как апологетическую буржуазную теорию, а мне Вы говорите, что с Ситаряном с советских времен разделяли многие ее положения. Удивительно! Где об этом можно узнать поподробнее?» — спросил я. Тогда Е.М. Примаков рассказал мне об их докладной записке в экономический отдел ЦК КПСС по результатам командировки в начале 80-х годов в Польшу. Кстати, эта командировка и стала поводом для названия изданной нами книги — «Десант Ситаряна». Когда в Польше начались руководимые профобъединением «Солидарность» выступления политического характера против правящей системы, туда для ее защиты в качестве рабочей делегации из Советского Союза было направлено много партийных и научных работников, а руководителем группы был назначен Степан Арамаисович. В докладной записке по итогам поездки были проанализированы и экономические причины вспыхнувших волнений. Основной вывод был таким — если

сами мы в СССР не будем принимать никаких реформаторских решений в экономике, останемся в рамках застойной ситуации, то и в Советском Союзе у нас могут повториться такие же события. В записке, которая легла на стол Политбюро ЦК КПСС, указывалось, что нам необходимы и рыночные методы управления, и предоставление частной инициативы, и более активное задействование потенциала общественных организаций. По сути, речь шла о том, чтобы использовать какие-то доказывавшие свою эффективность элементы капиталистической экономики. Так что фраза Евгения Максимовича об отношении к теории конвергенции по сути перевернула мое представление о подаче материалов в книге о С.А. Ситаряне.

Книга издана, и каждый может ее прочитать. Слова о конвергенции я отредактировал, но все-таки изъял их, хотя Евгений Максимович Примаков был против. А ведь он и на практике действовал по мере возможности в конвергентном духе. Здесь стоит вспомнить действия Примакова, когда он с сентября 1998 года по май 1999 года был премьер-министром. В принятых им мерах видна направленность на усиление роли активной социальной политики, содействие рыночным механизмам хозяйствования и вообще обращение к тем преимуществам капиталистической системы хозяйствования, которые могли в какой-то мере оздоровить российскую экономическую действительность.

В 2016 году редакция «Российской газеты» и Торгово-промышленная палата России, за что им большая благодарность, издали десяти томное собрание сочинений Е.М. Примакова и воспоминаний о нем, где и мне довелось принять участие. В самих этих книгах не говорится прямо, что Евгений Максимович был сторонником теории конвер-

генции, но рассказано о проводившихся по его инициативе мероприятиях, в которых есть у него много разных начинаний и предложений в этом ключе. Это особенно очевидно в его деятельности, когда он был премьер-министром, возглавлял Торгово-промышленную палату, руководил клубом представителей бизнеса и власти «Меркурий».

Можно привести и такой, на мой взгляд, характерный пример. Думаю, не случайно в 1988 году, когда и С.С. Шаталин, и Л.И. Абалкин, и С.А. Ситарян были академиками Академии наук Советского Союза, ее иностранным членом, почетным академиком стал Джон Гэлбрейт. Как видим, если во времена СССР теория конвергенции неизменно критиковалась, то уже на излете Советского Союза один из главных ее авторов получает у нас академическую мантию.

Говоря об исторических корнях в России теории конвергенции, представляется интересным упомянуть и о таком факте, связанном с историей ВЭО. В 2017 году мы отмечаем 100-летие русской революции — Февральской, Октябрьской. В этот год сто лет назад состоялась также передача из рук историка, юриста, социолога М.М. Ковалевского в руки А.Ф. Керенскому поста президента Вольного экономического общества. Позднее ближайший ученик Ковалевского Питирим Сорокин продолжил его дело уже в Америке, исследуя пути изменения социальной природы, социальные лифты современного общества, перспективы его развития, и считается одним из предтеч теории конвергенции. Исследования П. Сорокина в области социологии лежали в основе взглядов Гэлбрейта на социальную структуру, социальную динамику в обществе. Такие вот удивительные сочетания исторических событий, людских судеб, так сказать, узелки на память завязывает нам история.

Заканчивая выступление, хочу отметить следующее. Видите, какая прослеживается интересная историческая связь. Интеллектуальный мир Запада, можно считать, забыл Д. Гэлбрейта с его теорией конвергенции, а в России отмечается 50-летие выхода его книги «Новое индустриальное общество». Издан целый том, посвященный истории создания его труда и современному звучанию теории конвергенции. Этот юбилей также перекликается с отмечаемым 100-летием российской революции 1917 года. Напомню, теория конвергенции исходила из того, что нужно из капитализма и социализма выбрать лучшее для человеческой цивилизации. Теория конвергенции утверждает неизбежность взаимопроникновения, сближения элементов социализма и капитализма в результате эволюционного развития. Мы это и видим в реальности. Из теории конвергенции вытекает, по сути, неизбежность возникновения единого общества, основанного на гармоничном сочетании элементов обеих экономических систем. Даже китайское общество, провозглашающее свою неизменную приверженность принципам коммунизма и социализма, сочетает их с капиталистическими методами и не было бы таким, каким оно ныне есть, если бы активно не использовало капиталистические методы хозяйствования.

Разработчиком, сторонником, последователем теории конвергенции признан также Людвиг Эрхард, западно-германский экономист, федеральный канцлер Германии в 1963–1966 годах, проводивший политику, направленную на претворение в жизнь положений социального рыночного хозяйства.

Теория конвергенции, однако, не представляет собой единой стройной и последовательной системы взглядов, поэто-

му говорят о комплексе буржуазных теорий конвергенции, основные положения которых заключаются в том, что капитализм со временем меняется как и социализм, а эволюция, имеющая место в двух этих системах, ведет к их сближению, появлению смешанной экономики, функционированию смешанного общества.

Считаю все же, что единство прогресса, хотя социализм и капитализм накладывают на него свои ограничения, все равно двигает нас в основном одинаковом направлении, что диктуется общностью коренных черт материально-технической базы производства. На этой основе и формируются общечеловеческие ценности — это ценности личности, творца, создателя, которому любая система должна обеспечить свободное развитие. Такой вывод полностью соответствует теории российской школы социально-экономической мысли, так что мы смело включаем его в нашу национальную систему интеллектуальных богатств. С этих позиций целесообразно обратить и более пристальное внимание и на труды Питирима Сорокина и Джона Гэлбрейта.

Еще при жизни Д. Гэлбрейта в 1988 году А.Г. Аганбегян, С.А. Ситарян, Е.М. Примаков, Л.И. Абалкин, С.С. Шаталин поддержали его избрание почетным иностранным членом АН СССР, отмечая заслуги в развитии экономической теории. Эти академики и наши коллеги из Вольного экономического общества сыграли большую роль в признании достижений американского ученого уже в советское время. Уже тогда наши коллеги из ВЭО России смогли преодолеть советскую традицию вешать на книги, теории, дискуссии экономистов из капиталистического мира ярлыки, осуждающие их якобы неизбежную апологетику буржуазного общества. Но если мы видим научный анализ происходящих

социально-экономических процессов, их убедительный рентгеновский снимок, мы должны брать зерно правды из этого анализа, использовать его теоретическую и практическую значимость, заставлять работать на пользу нашей страны. И наше сегодняшнее заседание — еще одно свидетельство большого уважения заслуг этого выдающегося деятеля науки. Знаменательно и то, что президент ВЭО России С. Бодрунов выступает модератором заседания, традиции продолжаются.

* * *

We often associate specific words, smells or movements with a specific event, incident, or historical phenomenon. We feel smoke to recall a company of people with whom we were sitting about 10 years ago on the bank of a river, fog, barbecue, talking with friends about different issues... Yet some other time, you see someone with his hand raised and you recall a revolutionist who said: “It’s begun!” Such associations are called convergence. The essence of convergence in these examples seems to be very simple, but it is also observed in complicated socio-economic processes, in the society, and in this case everything is not that obvious.

I had to talk about that when I was entering the postgraduate department of the Faculty of Economics at Moscow State University. I graduated from my institute with distinction, therefore the results of my examinations were not taken into account when I was admitted to the postgraduate department, although I had to pass them. My examination question was as follows: criticism of the convergence theory in economics. It is clear that I had to criticize this theory at that time, in 1985, from the viewpoint of the Marxist-Leninist philosophy.

My examiners were professors from the Faculty of Philosophy at MSU. Since my examination results were not decisive, I decided to express my freedom of thought and freedom of will and share my understanding of this issue that was somewhat different from the official point of view in my answer. I was well aware of this issue, I had even attended a lecture about it, which was given by a prominent author of the theory of the capitalist and socialist systems convergence, American economist John Galbraith visiting Moscow. Based on the provisions of the convergence theory, he was reading lectures for students about his book *The New Industrial State* published in 1967 but still famous at that moment. J. Galbraith shared his view of future changes in material production based on industrial technologies, described new trends in the overall look and behavior of large corporations being inevitable for all developed countries, about the development of state economic regulation, strengthening of planning processes in it, role of the technocratic elite, and financial capital representatives. Therefore I was able to tell my examiners about Galbraith's conclusions in detail and agreed with his idea that the role of the state was growing in the industrial society, which was demonstrated by the well-known example of France. I believed that this testified to the fact that the categories of basis and superstructure converge in the capitalist and socialist systems.

The professors were shocked: "Are you mad? Where did they teach you that?" Basis and superstructure are absolutely different, incompatible categories, the state is a superstructure element and it will never be able to replace basis in production relations. Besides, they are the categories of two diametrically opposed economic systems: exploitative capitalism and exploitation-free socialism based on public ownership. That's not true in

practice, I objected. Just look at the basis and superstructure in socialism where they are closely interacting with each other. The socialist state controls the entire production process — and it is noteworthy that it not just controls it, but organizes this process with the help of our five-year plans, seven-year plans, long-term plans, whereas in the capitalist society corporations clearly plan their development prospects. However, they finally told me that such ideas were in conflict with Marxism and that I knew absolutely nothing about this issue. I almost got a bad mark for my answer. Being depressed by such a vacancy of examiners' thought, I came to the Department of Political Economics chaired by my research advisor V.N. Cherkovets, told him about my exam, he talked to the examiners and they somewhat improved my score up to three or four points. That is how I paid for my approval of convergence. Now, when I hear the word “convergence,” such unjoyful associations come to my mind.

The second story connected with the convergence theory and Galbraith took place, strange as it may seem, when we were preparing a book written in commemoration of Academician, President of the International Academy of Management, Member of the Board of the Free Economic Society of Russia Stepan Aramaisovich Sitaryan. One year after he passed away, the VEO of Russia asked our Ekonomicheskaya Gazeta Publishing House to publish a book of recollections of him and organize its presentation. When working on this book, we included the fragments of works by S.A. Sitaryan in it, were talking to the persons who he had cooperated with. For example, I personally interviewed Evgeny Maksimovich Primakov. We were pressed for time, we were only talking for about an hour. He said that when he and Stepan Aramaisovich were the postgraduate students of

the Faculty of Economics at MSU, they were living at the same dormitory, they were friends and they were on friendly terms later, used to cooperate and help each other in different situations. He asked me: “Do you now that I and Stepan Aramaisovich were the active supporters of convergence since the moment when the first scientific article about it was published?” I was surprised: “Really? We were taught that this theory is not scientific, that it must be criticized as an apologetic bourgeois theory, but you say that you and Sitaryan were sharing many of its provisions since the Soviet time. It’s amazing! Where can I find more detailed information on that?” Then E.M. Primakov told me about their memorandum report to the Economic Department of the Central Committee of the Soviet Union’s Communist Party following the results of their business trip to Poland at the beginning of the 1980s. By the way, this business trip gave a name for our book, *Sitaryan’s Landing Party*. When Poland started witnessing political protests against the ruling system supervised by the Solidarity Labor Union, many party officials and scientists were sent there as a working delegation from the Soviet Union to protect it, and the group was chaired by Stepan Aramaisovich. The memorandum report following the business trip results also analyzed the economic reasons for these protests. The main conclusion was as follows: if the USSR does not take reformative decisions in the economy and remains stagnant, the same events might take place in the Soviet Union too. The report sent to the Political Bureau of the Central Committee of the CPSU informed that we needed market management techniques, provision of private initiative, as well as more active use of the potential of public organizations. In fact, the authors suggested using the elements of the capitalist economy proving their efficiency. Thus, Evgeny Maksimovich’s phrase about his attitude to the

convergence theory in fact changed all my ideas about the way of presenting materials in the book about S.A. Sitaryan.

The book has been published and everyone can read it. I edited the ideas about convergence, but I withdrew them, although Evgeny Maksimovich Primakov was against that. However, he was acting in the spirit of convergence in practice, whenever possible. Here we should recall Primakov's activities when he was the Prime Minister in September 1998 – May 1999. The measures approved by him are characterized by a focus on consolidating the role of an active social policy, contributing to market mechanisms of management and turning to the benefits of the management mechanisms of the capitalist system that could rehabilitate the Russian economic situation to this or that extent.

In 2016, the editorial board of Rossiyskaya Gazeta and the Russian Chamber of Commerce and Industry – and we thank them for that – published 10-volume collected writings by E.M. Primakov and recollections of him. I was lucky to take part in the project. These books do not unambiguously say that Evgeny Maksimovich was the adherent of the convergence theory, but they describe the measures taken upon his initiative that are characterized by many different undertakings and suggestions having this focus. This fact becomes evident when we look at his activities when he was the Prime Minister, was chairing the Chamber of Commerce and Industry, the Mercury Club of business representatives and authorities.

In my opinion, one can also provide the following illustrative example. I think it is not by chance that in 1988, when S.S. Shatalin, L.I. Abalkin and S.A. Sitaryan were the Academicians of the Academy of Sciences of the Soviet Union, John Galbraith became its foreign member and honored academician. As we can see, the

convergence theory was invariably criticized during the times of the USSR, but one of its main authors received an academic mantle in our country before the very end of the Soviet Union.

When talking about the historical roots of the convergence theory in Russia, I should mention the following fact connected with the history of the VEO of Russia. We are celebrating the 100th anniversary of the February Revolution and the October Revolution in 2017. During this year, 100 years ago, A.F. Kerensky replaced historian, lawyer, sociologist M.M. Kovalevsky on the post of the President of the Free Economic Society. Later, Pitirim Sorokin, the closest apprentice of Kovalevsky, took his ball in America and was studying the ways of changing the social nature, the social elevators of the contemporary society, its development prospects and is considered one of the precursors of the convergence theory. Sorokin's sociological studies underpinned Galbraith's views of the social structure, social dynamics in the society. That's what I wanted to say about the amazing combinations of historical events, people's destinies, and so-called mental notes from our history.

I would like to say the following at the end of my speech. Just look at this interesting historical relation. It is possible to say that the intellectual world of the West has forgotten J. Galbraith with his convergence theory, whereas Russia is celebrating the 50th anniversary of his book *The New Industrial State*. There is an entire volume devoted to the history of creating his work and the modern interpretation of his convergence theory. This anniversary also echoes with the 100th anniversary of the Russian Revolution of 1917. I would like to remind you: the convergence theory was based on the assumption that one should choose the best aspects of capitalism and socialism for the human civilization. The convergence theory affirms

the inevitability of the mutual penetration, convergence of socialist and capitalist elements as a result of evolutionary development. That's what we see in real life. The inevitable emergence of an integral society based on the harmonious combination of the elements of both economic systems can be in fact derived from the convergence theory. Even the Chinese society proclaiming its inevitable loyalty to communism and socialism combines them with capitalist methods and would not be what it is now, if it did not actively use the capitalist mechanisms of management.

Ludwig Erhard, a West German economist, the Federal Chancellor of Germany in 1963–1966 pursuing a policy focused on the implementation of the social market economy provisions, has also been acknowledged as the developer, adherent and follower of the convergence theory.

However, the convergence theory does not imply a harmonious and sequential system of beliefs, therefore they often mean a complex of bourgeois convergence theories where the main provisions are based on the fact that capitalism, like socialism, changes with time, whereas the evolution taking place in both of these systems leads to their convergence, emergence of a mixed economy, mixed society.

However, I believe that the unity of progress — although socialism and capitalism impose their restrictions on it — pushes us predominantly in the same direction, which is explained by the common fundamental characteristics of the material and technical production base. This serves as a basis for forming universal human values: the values of personality, creator, doer who should find opportunities for free development in any system. Such a conclusion fully fits the theory of the Russian school of social and economic thought, so we pluckily include it

in our national system of intellectual wealth. From this point of view, it is expedient to pay even closer attention to the works by Pitirim Sorokin and John Galbraith.

When J. Galbraith was still alive, A.G. Aganbegyan, S.A. Sitaryan, E.M. Primakov, L.I. Abalkin and S.S. Shatalin stood for his election as the honored foreign member of the Academy of Sciences of the USSR in 1988 and acknowledged his merits in economic theory development. These academicians and our colleagues from the Free Economic Society of Russia played a significant role in acknowledging the American scientist's achievements as early as during the times of the USSR. Even then, our colleagues from the VEO of Russia managed to break through the Soviet tradition of "attaching labels" to the books, theories, discussions of economists from the capitalist world criticizing their presumably inevitable apologetics of the bourgeois society. However, if we see the scientific analysis of socio-economic processes, their convincing X-ray image, we should derive a grain of truth from this analysis, use its theoretical and practical significance, and make it work for the benefit of our country. And our today's meeting is one more confirmation of our respect towards the merits of this prominent scientist. It is also remarkable that President of the VEO of Russia S. Bodrunov is the moderator of our meeting, so traditions continue.

«НОВОЕ ИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО» КАК ОТПРАВНОЙ ПУНКТ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

“NEW INDUSTRIAL STATE” AS A STARTING POINT FOR THE RESEARCH OF CONTEMPORARY ECONOMY

А.И. КОЛГАНОВ

Заведующий лабораторией сравнительного исследования социально-экономических систем, экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор экономических наук

A.I. KOLGANOV

Head of the laboratory of comparative studies of socio-economic systems, economic faculty of Lomonosov Moscow State University, Doctor of economics

АННОТАЦИЯ

Книга Джона Кеннета Гэлбрейта «Новое индустриальное общество» была издана 50 лет назад, но многие идеи, изложенные в этой книге, продолжают вдохновлять исследования экономистов. Среди них – тезис о господстве в современной экономической системе крупных корпораций, который получил полное подтверждение. Не потерял своего значения и вывод о том, что стихийные силы свободной конкуренции уступили свое место «планирующей системе». И особенно важно в современных условиях обращать внимание на ту ключевую роль, которую играют технологические изменения.

ABSTRACT

The book of John Kennet Galbraith “New Industrial State” was published 50 years ago, but many ideas, outlined in this book, follow to inspire the researches of the economists. Among these ideas there is the thesis about the domination of big corporations in the contemporary economic system. This thesis had received the full confirmation, especially in the phenomenon of transnational corporations. The conclusion, that the spontaneous forces of free competition were superseded by the “planning system” has not lost its relevance also. And in the contemporary circumstances is the most important to pay attention for the key role, which the technological shifts are playing, making influence on all substantial features of the economy and society as a whole.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Новое индустриальное общество, крупные корпорации, «планирующая система», техноструктура, манипулирование, технологии, наука.

KEY WORDS

New industrial state, big corporations, planning system, technostructure, manipulation, technologies, science.

Книга профессора Джона Кеннета Гэлбрейта «Новое индустриальное общество» после ее выхода в свет в 1967 году буквально через два года была переведена и издана в Советском Союзе. Это было довольно нечастое для Советского Союза явление, чтобы книга современного западного экономиста переводилась и издавалась, причем не по закрытой подписке, а для широкого читателя.

Почему было принято такое решение? Конечно, определенную роль здесь сыграли соображения политические, связанные с антивоенной позицией Джона Кеннета Гэлбрейта и с тем, что его научная точка зрения противостояла господ-

ствующему течению западной экономической науки. Думаю, однако, что не это было главное. Я полагаю, что те, кто инициировал это решение, исходили в первую очередь из научного содержания этой книги. Тот шаг вперед, который сделал Гэлбрейт в книге «Новое индустриальное общество», как и любое крупное научное достижение, на мой взгляд, отличается тем, что в нем содержится научное ядро, сохраняющее свое значение и по сей день и служащее источником вдохновения для последующих поколений исследователей. Эти положения сохраняют свою ценность, несмотря на все те изменения, которые произошли в мире на протяжении десятилетий, следовавших за изданием книги, и на то, что какие-то положения, выдвигаемые этим ученым, могли устареть или не оправдаться.

Центральный пункт книги «Новое индустриальное общество» — это исследование тех проблем, которые были связаны с господством крупных корпораций в экономике, с господством крупного капитала. Гэлбрейт просто предлагал взглянуть в лицо фактам: концепция свободного конкурентного рынка как господствующего механизма в капиталистическом обществе осталась далеко в прошлом с точки зрения сегодняшнего положения вещей. Рынок остался, конкуренция осталась, но это не та свободная и равноправная конкуренция независимых капиталов, которая, может быть, была когда-то. Теперь бал правит крупнейший капитал, который просто по своему положению в экономической системе вынужден обращаться к тому, что получило имя планирующей системы. Именно она обеспечивает такому капиталу совершенно необходимые гарантии и стабильность в области массового производства и сбыта и в области реализации крупнейших инвестиционных проектов. А без подобных

гарантий и крупное массовое производство, и крупные инвестиционные проекты просто не могут осуществляться. Отсюда возникает и стремление крупного капитала опереться на регулирующую силу государства.

Другой способ, к которому прибегает крупный капитал, чтобы в какой-то мере гарантировать себе условия массового производства и сбыта, — манипулирование формированием потребительского спроса, буквально навязывание потребителю тех или иных предпочтений. Этот вывод Гэлбрейта находит в современной экономике все более сильные подтверждения. Можно отметить такие факты, как погоня за искусственной новизной, не меняющей или почти не меняющей полезные свойства товаров; использование компонентов, весьма сомнительных с точки зрения воздействия на человека; навязчивая пропаганда полуфиктивных или вовсе фиктивных потребностей, опирающаяся на широчайшее использование средств массовой информации и телекоммуникации, встраиваемая в массовую медийную продукцию, и т.д.

Второй пункт, на который обратил внимание Гэлбрейт и который сохраняет свое значение сейчас и еще долго будет сохранять, это определяющая роль технологических изменений и технологического прогресса, главным образом в сфере индустрии. Именно эти технологические сдвиги влияют на изменение облика экономической системы и всего общества.

Что мы видим за прошедшие десятилетия? Мы видим, что технологический прогресс ускорился, что производство превращается в поток непрерывных инноваций, и это оказывает огромное влияние на состояние современного общества, на все его составляющие части. Это ускорение

технологического развития определяет современную, значительно возросшую роль науки и образования как в экономической системе, так и в обществе в целом, определяет в конечном счете и то, каким образом теперь проходит вся жизнь человека в этом обществе, и те экономические отношения, которые в нем складываются. Производство не только превратилось в технологическое применение науки. Новые знания и их индустриальное применение стали основным фактором экономического развития, что выдвигает на первый план человеческий потенциал. Именно человек, способный к творческой деятельности, к открытию и применению новых знаний, становится ключевым ресурсом производства.

Крупный капитал, крупные корпорации сейчас очень сильно изменились по сравнению с тем, каковы они были во времена Гэлбрейта. Они на протяжении последней трети XX века превратились в транснациональные корпорации и стали двигателем процесса глобализации. Транснациональный капитал не только срачивается и взаимодействует с государственным аппаратом наиболее экономически мощных стран и, опираясь на его возможности, формирует для себя стабильные, гарантированные, особо благоприятные условия применения. Крупнейшие транснациональные корпорации превосходят по своей экономической мощи многие национальные государства и способны навязывать им свои правила игры, свои условия применения на территории этих государств.

Колоссально вырос финансовый капитал и получил огромное влияние на те процессы, которые происходят в реальной экономике. Огромные инвестиции устремились на финансовый рынок. Это, с одной стороны, расширило поле

прибыльного применения капитала для крупнейших игроков на финансовом рынке, а с другой — привело к росту общей нестабильности экономической системы, попавшей в зависимость от плохо прогнозируемых колебаний финансового рынка.

Произошли изменения и в том, что Гэлбрейт назвал технoструктурой. Сейчас мы можем совершенно четко сказать, что технoструктура распадается по меньшей мере на два крупных сегмента, которые играют разную роль в крупной корпорации. Это, с одной стороны, инженерно-технические специалисты, те, которые обеспечивают инновационный процесс. С другой стороны, это система менеджмента, которая нацелена в первую очередь на достижение финансовых результатов, на использование достижений в сфере технологий и инноваций, для того, чтобы обеспечить процветание крупного капитала.

Современное положение вещей в крупных корпорациях подтверждает и тот пересмотр Гэлбрейтом своих собственных выводов, который он предпринял примерно через сорок лет после выхода в свет «Нового индустриального общества». Он не стал держаться за свое прежнее утверждение, что к технoструктуре переходит основной контроль в крупной корпорации, а пришел к выводу, что в действительности технoструктура в большей мере выступает как инструмент осуществления власти крупнейших владельцев капитала.

Мы пережили финансовый кризис 2007–2008 годов, который еще раз подтвердил основополагающий вывод Джона Кеннета Гэлбрейта, что нормальное функционирование современной капиталистической системы не может опираться только на стихийные силы рынка, а оно требует использо-

вания планирующих систем, плановых методов и государственного регулирования. Вопрос здесь не просто в глубине государственного вмешательства в экономику. Только в том случае система становится устойчивой, если она определенным образом согласовывает интересы участников экономического процесса. И естественно, остается пока нерешенным вопрос, который в свое время поставил Джон Кеннет Гэлбрейт: а при каких условиях преобладающая роль в экономике может перейти от владельцев капитала к труду? И сейчас этот вопрос становится, на мой взгляд, актуальным. Потому что от такого специфического актива корпорации, как ее человеческий капитал, начинает все больше и больше зависеть процветание общества. И роль этого человеческого капитала, на мой взгляд, будет самым существенным образом меняться уже в ближайшем будущем.

* * *

The book by John Kenneth Galbraith, *The New Industrial State*, was translated into Russian and published in the Soviet Union just two years after its first release in 1967. Moreover, this book by a contemporary western economist was in public access after the publication, instead of being distributed by way of closed subscription, which was uncommon for the USSR.

Why did the authorities take such a decision? One of the reasons behind it certainly lay in the antiwar position of John Kenneth Galbraith. Besides, his views on science opposed the mainstream of western economic thought. However, I think that these were not the main reasons. In my opinion, those who initiated such a decision were guided by the very contents of this book. Like any major scientific achievement, the breakthrough

made by Galbraith in his book *The New Industrial State* is valuable because of being relevant to the present day and serving as a source of inspiration for future generations of scientists. His ideas are still of great importance in spite of the changes that have taken place in the past decades, though some of the concepts suggested by this scientist may have become outdated or fail to prove true.

The central idea of *The New Industrial State* lies in the studies of problems associated with the domination of major corporations and big business in the global economy. Galbraith just suggested facing the facts: the concept of free competitive market as the dominating mechanism of capitalist society has become a thing of the past from the viewpoint of present state of things. The market competition has remained of course, yet it is not the free and equal competition of independent business entities that has been observed before. It is big capital that runs the show today, and this capital has to turn to the system being referred to as the “planning one” due to its position in global economic environment. This environment gives to the capital the required guarantees and stability in the fields of both mass production and implementation of major investment projects. If such guarantees are missing, there may be no way for both mass production and major investment projects. That is why the big capital wants to prop firmly against the regulating functions of the state.

Another method that the big capital tries to use in order to keep the conditions required for mass production and sales lies in manipulating consumer demand formation and imposing some preferences upon the consumers. This conclusion made by Galbraith finds increasingly convincing confirmation in the modern economic environment. One can mention such facts as chasing after artificial newness, which almost (if at all) does not

change the useful properties of the product; using components, suspicious from the viewpoint of their impact on human health; obtrusive propaganda of semi-fictitious and fictitious needs on the basis of the widespread use of mass media and telecommunications, which is actually being built into the mass media products; etc.

The second thing that Galbraith has paid attention to is the pivotal role of technological changes and progress, mainly in the industrial sphere. This role retains its importance today and will retain it in future. These technological changes are the things that impact the economic system and society in general.

What have we seen in the past decades? The technological progress has accelerated, while the production turns into a continuous flow of innovations, which has a profound effect on the state of modern society in general, and all its constituent parts in particular. This speedup of technological development enhances the role of science and education, both in the economic system and society in general. Moreover, it becomes the decisive factor for the whole life on our planet and economic relations that form up in the world. The production has turned into a sort of technological application of science. The new knowledge and its industrial use have become the main factors of economic development, thus bringing the human potential to the forefront. That is why the workforce capable of creative activities, discoveries and use of new knowledge becomes the key industrial resource today.

The big capital and major corporations have changed a lot if compared to the ones existing in the time of Galbraith. In the last 30 years of 20th century, they have turned into transnational corporations and become the drivers of globalization process. The transnational capital is coalescing with the state administration

of the most economically powerful countries and creating stable and most favorable conditions for itself relying on the abilities of state authority. Major transnational corporations outweigh many national states in terms of economic power and are capable of imposing their own rules of the game on the governments.

Financial capital has grown immensely and gained enormous influence on the processes that take place in real economy. Huge investments are sweeping down to the financial market. It has extended the opportunities for profitable use of capital by the leading players of financial market, on the one hand, and led to growth in instability of the global economic system, on the other hand, as this system depends heavily on financial market fluctuations that are hard to forecast.

Serious changes are observed in what Galbraith refers to as the “technostructure.” It is clear today that technostructure is falling into parts, at least into two large segments, which play different roles in the activities of a major corporation. The first group includes engineering specialists, who are behind the process of implementing innovations. The second one is the system of management. The managers set sights on the achievement of financial results, in the first turn, and use of technologies and innovations for the purpose of ensuring prosperity for big capital.

One more argument in favor of the present state of affairs in major corporations lies in the fact that Galbraith revised his own conclusions approximately 40 years after the release of *The New Industrial State*. He would not hold onto his previous statement about the technostructure assuming the main control over the activities in corporations, but came to the conclusion that the technostructure actually acts as a tool of exercising power for major capital owners to a larger extent.

We survived the global financial crisis in 2007-2008 that was just another piece of evidence proving the truth of fundamental conclusion made by John Kenneth Galbraith, who believed that the modern capitalist system cannot function properly relying on spontaneous forces of market alone, but requires the use of planning system and methods, as well as the tools of state regulation. The issue in question lies not just in the extent of state interference in economic activities. The very system becomes stable only in case the interests of all stakeholders are harmonized. Naturally, one question raised by John Kenneth Galbraith still remains open: “In what conditions will the dominant role in economy pass from the capital owners to workforce?” The relevance of this problem is increasing today, from my point of view. The fact is that the prosperity of society in general is increasingly dependent upon such a specific asset of any corporation as human capital. Thus, the role of human capital will suffer serious changes in the near future, in my opinion.

КОММЕНТАРИЙ ПО ТЕМЕ

COMMENT ON THE FOLLOWING TOPIC

С. САКСЕНА

Член Международного комитета ВЭО России, директор Кембриджского Центрально-Азиатского форума и главный научный сотрудник, Лаборатория Кавендиша, Кембриджский университет

S. SAXENA

Member of the International Committee of the Free Economic Society of Russia, director of Cambridge Central Asia Forum and Principal Scientist, Cavendish Laboratory, University of Cambridge

АННОТАЦИЯ

Автор статьи описывает вклад Дж. К. Гэлбрейта в развитие экономической мысли, акцентируя внимание на значимости его предложений по переработке философской основы экономической науки.

ABSTRACT

The author describes J.K. Galbraith's contribution to the development of economic thinking, focusing on the importance of his ideas on recasting of philosophical basis of economic science

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Джон Кеннет Гэлбрейт, феноменология, философские основы экономической науки.

KEY WORDS

J.K. Galbraith, phenomenology, philosophical basis of economic science.

Для меня большая честь сегодня здесь присутствовать, а приглашение выступить стало приятной неожиданностью, ведь я не был знаком с Джоном К. Гэлбрейтом. При этом я постоянно пересекаюсь с ним, несмотря на разделяющие нас время и пространство. Я хотел бы рассказать о нескольких таких пересечениях.

Впервые наши пути пересеклись в Кембриджском университете, где не только он, но и члены его семьи развивают традицию, а сам он по-прежнему остается авторитетной фигурой среди ученых и студентов.

Мне было очень интересно узнать, что в первом своем путешествии в Советский Союз он доехал до Ташкента. Мое путешествие привело меня туда же и произвело на меня впечатление — отчасти поэтому сегодня я здесь.

Следующий пример пересечения. Я индиец, и тот факт, что Джон Кеннет Гэлбрейт служил послом в Индии, снова создает между нами связь. Могу сказать, что период его работы в Индии был интересен по ряду причин, но я также отметил бы, что для Индии Гэлбрейт стал упущенной возможностью. Я считаю, что в настоящее время мы добиваемся большего, и сегодня, когда Индия в процессе своего индустриального развития должна принимать соответствующие решения, эти решения были бы более взвешенными, если бы их можно было обсудить с ним. Возможно, сегодня эта работа может продолжаться благодаря его книгам.

Это были вопросы времени и пространства, но мы, как ученые, должны задуматься о том, что еще мы можем перенять у Гэлбрейта. Очень важно подчеркнуть, что я не экономист — я не преподаю, не провожу исследований в области экономики и вообще никогда экономику не изучал, я физик и социальный антрополог. И в контексте этих наук работа Гэлбрейта

интересна по ряду причин. Особенно интересным мне представляется его предложение по переработке философской основы экономической науки. То, как он свел воедино понятие феноменологии, — это то, что в физике называется явлением; изучение того, что и как работает, приходит на смену общепринятому подходу по поиску очевидных общностей, ведь обращать внимание на то, что происходит в действительности и что работает на самом деле, очень и очень важно, так как это позволяет нам выработать для себя набор инструментов. Такой набор инструментов, который ведет к получению практических результатов. Изменение философской основы для того, чтобы обеспечить развитие, оказывается гораздо более эффективным, чем любые другие усилия. Здесь решение выходит за пределы обычных практик в экономике и экономической науке. Здесь не подкрепляется какая-либо конкретная теория, а вырабатывается осуществимое решение. Я считаю, что это крайне важный факт, который нам стоит признать.

Таким образом, Джон Кеннет Гэлбрейт по-прежнему влияет на образ нашего мышления в различных дисциплинах, в разных странах. И в Кембридже это понимают: его работы включены в список рекомендованной литературы пяти различных кафедр, а не только кафедры экономики. Уверен, что так должно быть во всех университетах, представленных здесь сегодня, его работы должны читаться широкой публикой, однозначно не только изучающей экономику, и рассматриваться должны не только в контексте экономики.

И, упомянув Кембридж, я, наконец, возвращаюсь к тому, что сегодня возрождают профессор Бодрунов и профессор Бузгалин, ведь теперь интересным образом и по уникальному стечению обстоятельств Гэлбрейт снова окажется в центре внимания в Кембридже благодаря нашим друзьям из России.

* * *

It's a deep honor and pleasure to be here today, and in a way a pleasant surprise to be asked to comment, because I have of course never met Galbraith. However, I seem to meet him across time and space continuously, and there are four small things I would like to share with you. First, of course, our paths crossed at my institution, a place across space and time, the Cambridge University, but it was not only he, but his family continued tradition, and in fact he continues to be an influence, both among researchers, as well as students.

And then also very interesting to hear how his first trip to Soviet Union went as far as Tashkent. So was mine, and it has stuck with me; that in a way eventually brings me here today.

However, there's a further factor. I'm an Indian, and the fact that he was Ambassador to India yet again brings us in contact across space and time. I would say that his time in India was interesting for number of ways, and I would go on to say that I think Galbraith was a missed opportunity for India, I think that we're having much more done, and in fact today, when India is in this industrial development, the choices it has to make, and choices it needs to make could be very well informed by discussion with him. Perhaps now it can continue through his works rather than he himself.

So, those are time and space issues, but as academics we think of what else we can take from him. What is very important is to restate the fact that I'm actually not an economist, neither I teach, research, or have actually, you know, studied economics properly; however, I'm a physicist and a social anthropologist. Within those contexts, his work really is interesting in number of ways. One small piece I would like to share: his particular proposition on recasting the philosophical basis of economic

science is something very-very interesting to me. The way he has brought together a notion of phenomenology, this is what we call in physics phenomenon, how to explain a phenomenon, what works and how it works, takes over general notion of trying to find explicit generalities, to look at what actually is happening and what actually works is very-very important, because it allows us to create a toolbox. Toolbox which leads to practical outcomes. Our retuning the philosophy to get to actually delivering development informs development far more than any other way of working. So, it goes beyond the normal way economics and economy works. It does not reinforce any particular theory, it brings workable solutions. I think that is an extremely important fact for us to take away.

And as a result, he continues to influence our thinking across disciplines, across countries, and that something is recognized in Cambridge in that particular way that he is on reading lists of five different departments in Cambridge, not just economics. And I think that should be the case for many of you who come from different university institutes, this reading should be much wider, and certainly beyond economics, or rather, not linked just to economics.

And this Cambridge connection I come back to finally, that which is now being rebuilt with help of Professor Bodrunov and Professor Buzgalin, and in a funny way how Galbraith can be brought back to prominence in Cambridge through our friends in Russia is a unique juncture as well.

НЕТРАДИЦИОННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОДХОД ДЖОНА К. ГЭЛБРЕЙТА

NON-TRADITIONAL ECONOMIC PERSPECTIVE OF JOHN K. GALBRAITH

ДЖ. СОММЕРС

Член Международного комитета
ВЭО России, профессор Университета
Висконсин-Милуоки

J. SOMMERS

Member of the International Committee
of the Free Economic Society of Russia,
associate professor at the University
of Wisconsin-Milwaukee

АННОТАЦИЯ

Обращаясь к опыту Джона К. Гэлбрейта, автор напоминает о необходимости создания сбалансированного общества в целом и эффективной техноструктуры в частности, с помощью которой только и возможна реализация инновационных проектов и создание революционных технологий, изменяющих экономику и общество.

ABSTRACT

Turning to the ideas of John K. Galbraith the author reminds of the necessity of creating well-balanced society in general and effective technost-structure in particular, whereby the realization of innovative projects and the creation of revolutionary technologies, which change economy and society, is only possible.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Джон К. Гэлбрейт, техноструктура, инновационные проекты, неолиберальная экономическая политика.

KEY WORDS

John K. Galbraith, technostructure, innovative projects, neoliberal economic policies.

Я работаю в основном в Висконсинском университете в Милуоки, но провожу немало времени и в кампусе Стокгольмской школы экономики в Риге, так что с этой частью света я тоже некоторым образом связан.

Мои студенты часто спрашивают: «Какую работу полезнее всего изучить, чтобы понять сущность экономического кризиса 2008 года, который коснулся нас и последствия которого ощущаются до сих пор?» И обычно я советую прочитывать книгу «Великий крах 1929 года» Джона Кеннета Гэлбрейта, опубликованную в 1955 году. Как правило, в ответ эти молодые люди удивляются: «Каким образом может книга, вышедшая в 1955 году, объяснять финансовый кризис 2008 года?» Но затем они неизменно подходят ко мне и говорят, что это одна из самых важных книг, какую они когда-либо читали, а также одна из самых интересных, ведь она написана в том остроумном и ярком стиле, который свойственен всем работам Джона Кеннета Гэлбрейта.

Вот почему сегодня я с большим удовольствием принимаю участие в этом мероприятии в его честь. Свою роль в Стокгольмской школе экономики, да и в Висконсинском университете в Милуоки, я вижу в том, чтобы продвигать школу Гэлбрейта, если можно так выразиться, или нетрадиционный экономический подход, и противодействовать той современной неоклассической экономической тради-

ционности, которая по-прежнему превалирует в учебных заведениях.

И конечно, я рекомендую студентам ознакомиться с работами сына Джона Кеннета Гэлбрейта, Джеймса Гэлбрейта, который сегодня здесь присутствует. И это часто оказывается для них чрезвычайно полезным.

В моем коротком выступлении я хотел бы поделиться своим видением и добавить к уже сказанному Джеймсом Гэлбрейтом о техноструктуре и необходимости создания здорового, сбалансированного общества в целом и эффективной техноструктуры в частности. Это действительно очень важно, ведь в некотором смысле мы все еще живем за счет запасов, капитала, наследия той эффективной техноструктуры, которая возникла после Второй мировой войны. Техноструктура важна для общества так же, как в учении Йозефа Шумпетера важен предприниматель, но, вместо того чтобы видеть их разрозненными частями, мы должны видеть их работающими вместе, в симбиозе. Они взаимно нужны друг другу, чтобы функционировать в современной экономике. Без эффективной техноструктуры Стивы Джобсы остались бы просто толковыми, говорливыми торговцами с уличного рынка. В их распоряжении не было бы огромного количества сложных электронных компонентов, с помощью которых можно реализовывать инновационные решения и создавать революционные технологии, изменяющие экономику и общество. Наличие такой техноструктуры — фундаментальное условие. Мы нередко создаем ложную дихотомию, думая, что эти компоненты существуют отдельно один от другого, без какой-либо взаимосвязи, хотя в действительности они принципиально значимы для непрерывного развития современной экономики и нашего общества.

Я хотел бы поделиться еще одним наблюдением, касающимся самой России, так как мы находимся именно здесь. Нам необходимо вспомнить (обращаясь к истории), что революции XIX века, создававшие национальные экономики в качестве освободительных проектов в противовес старому, в противовес древним режимам аристократии, сделали возможным появление новых видов общества и новых национально ориентированных экономик, в которых могли бы быть реализованы новые эксперименты. Мы видели варианты экспериментов при создании экономик в середине и конце XIX века, а также в XX веке, и сегодня нам снова следует начать думать о подобных экспериментах.

Я знаю, что в России эти идеи часто не вызывают никакого энтузиазма в свете событий, которые следовали за такими экспериментами в 1917 году, 1991 году, которые для многих закончились трагически. Однако я считаю, что нам стоит признать: излишняя консервативность и приверженность изменениям, привнесенным неоклассической (в контексте неоклассической революции) и неолиберальной экономической политикой, которая возникла в 1980-е годы как политический курс и как новые способы структурирования экономики, фактически означает приверженность несостоятельной модели. Модели, которая не работает. И что нам надо отбросить неработающее и попытаться воссоздать то, что прежде работало, с учетом изменившихся условий и реалий нового времени. И во многих отношениях, во многих смыслах Россия к этому готова.

***

I am not only a domiciled at the University of Wisconsin in Milwaukee, but I spend a fair amount of time in Riga as well, at the Stockholm School of Economics, which has a campus

there, so I have some connection to this part of the world. And it is there that my students often will ask, “What is the best work that I should look at in order to understand the 2008 economic crisis, which has befallen us and of which we still feel the effects?” And I typically tell them that they should read *The Great Crash of 1929*, written by John Kenneth Galbraith in 1955. This often elicits a perplexed response on their parts, these young people, who are wondering, “What possible relevance a book published in 1955 could have on explaining the financial crisis of 2008?” But invariably, they come back to me and report that this is one of the most important books that they’ve ever read, one of the most enjoyable books as well, because it is written, of course, in that incisive and lively style that permeates all of John Kenneth Galbraith’s work.

So, this honoring of John Kenneth Galbraith is something that I take with a great pleasure. Within the Stockholm School, and perhaps within the University of Wisconsin in Milwaukee as well, I guess, I see my role as advancing the school of Galbraith, so to speak, or the heterodox economic tradition, and an attempt to undermine the kind of current neoclassical economic orthodoxy, which still prevails in much of the academy today.

Of course I also recommend that my students take a look at the works of John Kenneth Galbraith’s son, James Galbraith, who of course is here today, and of course they often profit from that immensely as well.

But I also just wish to briefly say in the short time that I have here to make my remarks, and adding on to what James Galbraith has said, regarding the technostructure and the need to have a healthy balanced society generally and a well-functioning technostructure specifically, that this is really, really quite important, and that in some respects we are still living off

of the stored savings, or equity, or inheritance, of this effective post-World War II technostructure. That a technostructure is as vital to society as in the tuition of Joseph Schumpeter is the entrepreneur, but rather than seeing them as discrete, we should see them as acting in symbiosis with each other. Both are essential for the other to function in a modern economy. Without an effective technostructure the Steve Jobses of the world would merely have been kind of clever, fast-talking hawkers of goods at the outdoor market. They would not have had the vast array of sophisticated electronic components that could be assembled in new and novel ways to create disruptive technologies that would transform our economies and society. It was essential for that technostructure to be in place. We often create this false dichotomy, thinking that these are somehow separate or discrete entities with no relationship to each other, yet in fact they are essential for the continued advance of our modern economies and societies.

Just wish to make one more remark, and this is regarding Russia itself, since we find ourselves here. And that is that we need to recall that these 19th century (to make recourse to history here) revolutions which created national economies as liberatory projects against the old, or the ancient regime of aristocracies, enabled this possibility of creating new types of societies and new national-oriented economies, in which new experiments could be undertaken, and so we saw the capacity or the ability to experiment with how we create economies in the mid to late 19th century and in the 20th century, and that we need to begin to think again about experimentation.

I know that in Russia this often is not received with any kind of enthusiasm, given the events which followed other experiments, 1917, 1991, both of which resulted in tragic outcomes for

many. Yet what I think we need to recognize is that being too conservative and by embracing the changes which were wrought by the neoclassical, in terms of the neoclassical revolution, and neoliberal economic policies, which came in the 1980s as policy and as new ways of structuring our economies, that we are embracing, in fact, a failed model. A model which is not working. And that we need to reject what is failing and to embrace an attempt to recreate what has previously worked, under albeit changed conditions and changed times. And in many regards, in many ways, Russia is well-placed to do that.

Форум Международного комитета Вольного экономического общества России, участники научного семинара, медиационный центр «Российской газеты»

**МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО
СТОЛА НА ТЕМУ
«СМОЖЕТ ЛИ ГЕРМАНИЯ
СОХРАНИТЬ ЕЭС»**

**MATERIALS OF THE ROUND
TABLE DISCUSSION
ON THE TOPIC:
«WILL GERMANY MANAGE
TO KEEP EUROPEAN
ECONOMIC COMMUNITY»**

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

OPENING SPEECH

А.А. ДЫНКИН

Вице-президент ВЭО России, президент
ФГБНУ «Национальный исследовательский
институт мировой экономики и международ-
ных отношений имени Е.М. Примакова РАН»,
академик РАН

A.A. DYNKIN

Vice President of the Free Economic Society
of Russia, President at the Primakov National
Research Institute of World Economy and
International Relations under the Russian
Academy of Sciences, Academician of the
Russian Academy of Sciences

Уважаемые коллеги, мы планируем провести три круглых стола по наиболее интересным, с моей точки зрения, темам эволюции современного мирового порядка. Я думаю, что большинству из собравшихся в этой аудитории, понятно, что такой стационарный миропорядок, который мы наблюдали, скажем, с начала 90-х годов, который можно, если говорить коротко, охарактеризовать как однополярный миропорядок — ему пришел конец. И это понимаем не только мы здесь. Зримым свидетельством этому являются такие события, как брекзит, избрание 45-го президента Соединенных Штатов. Много вещей говорит о том, что мировой порядок вступает в достаточно тяжелую турбулентную полосу изменений, транзита, трансформаций, какой-то новой нормальности, характеристики которой еще нам не очень понятны.

И те регионы, которые мы выбрали для цикла семинаров: Европа, Китай и Соединенные Штаты, — это, конечно, те игроки на мировой сцене, которые больше всего нас интересуют.

Если говорить о Европе. Летом вышел такой доклад, я точно не помню его название, но это некий стратегический прогноз развития Европейского союза. И там содержится признание о том, что Европейский союз находится в своего рода экзистенциальном кризисе: кризисе экономическом, кризисе интеграции, кризисе границ, кризисе содержания социально-экономической жизни.

Почему нас интересует Европа? Очевидно, что, несмотря на все ухудшения отношений, несмотря на санкционную политику, Европа остается нашим ближайшим соседом, крупнейшим торговым партнером, если брать все страны двадцати семи. Но, конечно, на этом пространстве происходят очень драматические изменения. И вот та достаточно острая постановка, она такая политически некорректная, потому что, если где-то в Европе поставят такую тему, сказать: «Может ли Германия сохранить Европейский союз?» — как бы люди за голову схватятся, потому что это не политкорректно с европейской точки зрения. Но мы себе, к счастью, можем это позволить, мы не очень такая политкорректная страна.

Я очень рад, что Алексей Анатольевич Громько согласился сегодня выступить. Я думаю, что в этом городе он один из самых блестящих специалистов по этой проблеме, он много работает, много пишет, много думает на эту тему. Алексей Анатольевич, прошу Вас.

Dear colleagues! We plan to hold three round tables devoted to the modern world order evolution, the most interesting topic today in my point of view. I think that the majority of those present here understand the meaning of static world order that we have been observing since early 1990s. Now it is the end to this world order that is often referred to as “the unipolar world,” and we are not alone to realize it. Such visible evidence as Brexit and election of the 45th US president bears witness to this process. Many things show that the world enters the stage of turbulence, changes, transit, transformation, some new normality, the characteristics of which we do not understand yet.

The regions chosen for discussions at seminars — Europe, China and the USA — are the players on the world arena that we are interested in most of all.

Let us start with Europe. In summer, we listened to a report. I do not remember its title, I think that it was a sort of strategic forecast showing how the situation will unfold in the EU in the future. The author of this report admits that the European Union is facing a sort of existential crisis, which covers all aspects of our everyday life — socioeconomic sphere, integration and boundaries.

Why are we interested in Europe so much? Despite certain tension that is observed in our bilateral relations, as well as policy of sanctions, Europe obviously remains our nearest neighbor and major trade partner if we take all 27 members of the EU. Besides, we see dramatic changes on this continent. The issue is rather sensitive, and the way we put it may seem improper for Europeans. Indeed, if one asks: “Will Germany manage to keep the EU from falling apart?”, Europeans will be horrified, as it is not politically correct from their point of view.

However, we can afford to put the question in such a way as we are lucky not to be bound with political correctness.

I am happy about Alexey Anatolyevich Gromyko agreeing to speak today. I think that he is one of the most brilliant specialists in the city, as far as this topic is concerned. He thinks and writes about this subject a lot. Alexey Anatolyevich, let me turn the floor over to you.

ГЕРМАНИЯ – СОМНЕВАЮЩИЙСЯ ЛИДЕР

GERMANY IS A HESITANT LEADER

А.А. ГРОМЫКО

Член Президиума ВЭО России, директор Института Европы РАН, доктор политических наук.

A.A. GROMYKO

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Director of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Political Science.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается динамика лидерства ведущих стран Евросоюза. Обсуждаются возможные изменения в соотношении сил внутри ЕС и пути развития союза по итогам Брекзита, а также роль Германии в этом процессе. Представлен анализ текущей ситуации в политической системе Германии.

ABSTRACT

This paper analyzes the dynamics of leadership among the key countries of the European Union, discusses the potential changes in balance of power within the EU and the Union's development prospects after the Brexit, and the role of Germany in the process. The paper presents an analysis of the current situation in the political system of Germany.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Евросоюз, Брекзит, евроскептицизм, политика Германии.

KEY WORDS

European Union, Brexit, Euroscepticism, German politics.

Год 2017-й — время сразу нескольких громких юбилеев. Если мы говорим о Европейском союзе, то это 60 лет подписания Римских договоров. В этом году 25 марта 27 стран — членов Евросоюза, без Великобритании, встретились на неформальном саммите в Риме и отметили эту дату.

В более широком плане отмечается столетие русской революции, или русских революций, в зависимости от интерпретации того периода истории. И в этом смысле Европа тоже первой приходит на ум, потому что если бы не эти события, то в первую очередь Россия была бы другой (мы не знаем какой, но другой), другой была бы и Европа, и во многом — весь мир.

Не могу не отметить, что в этом году отмечает свой юбилей и Институт Европы — 30 лет. Одновременно исполняется 25 лет организации, созданной по инициативе его сотрудников — Ассоциации европейских исследований (АЕВИС). Ее президентом-основателем стал Юрий Антонович Борко. Сегодня в ассоциацию входят 26 региональных отделений по всей стране от Калининграда до Томска.

Одна из центральных европейских тем, конечно же, Брекзит. Символично то, что уже через несколько дней после того злополучного для ЕС британского референдума на свет появился важный для будущего интеграционного проекта документ с претенциозным названием «Глобальная стратегия Евросоюза». Вокруг этого документа развернулось много споров и дискуссий, которые будут происходить и дальше. В стратегии прописаны рецепты того, как ЕС сохранить свою роль в качестве одного из центров влияния в XXI веке. Институт Европы РАН выпустил несколько аналитических работ, посвященных этой тематике. Они размещены на сайте instituteofeurope.ru.

В марте с пометкой «молния» по всему миру разлетелась новость о том, что Дональд Туск, председатель Европейского совета, или, как его часто называют, президент ЕС, получил официальное уведомление от премьер-министра Великобритании Терезы Мей о задействовании пятидесятой статьи лиссабонского договора. Так началась официальная процедура по выходу Великобритании из ЕС. Это займет не меньше двух лет, и за это время Брекзит еще преподнесет немало сюрпризов.

Рассуждая о современном состоянии дел в ЕС и о его будущем, нельзя не остановиться на роли Германии, особенно на фоне Брекзита. Великобритания во многом внутри Евросоюза могла побороться с Берлином за звание лидера. Но теперь ясно, что уже совсем скоро в ЕС останется единственный явный претендент на это звание — ФРГ.

Итак, современное драматическое состояние дел в Евросоюзе, в том числе Брекзит, как и избрание Д. Трампа, ставит вопросы о будущем этого регионального интеграционного проекта. В частности, об усилении различных диспропорций и диспаритетов внутри ЕС. Для Германии эти и другие события — веская причина задуматься о своей дальнейшей тактике и стратегии как внутри объединения, так и на международной арене.

Хорошо известно, что мотором европейской интеграции начиная с 1950-х годов служил тандем Франция и Германия при поддержке Италии. С 1973 года к ним присоединилась Великобритания; образовалась своего рода «большая четверка». Но важно то, что Британия присоединилась к ЕС не столько как единомышленник, сколько как внутриевропейский центр силы, который, преследуя свои интересы, по ходу дела сближался то с Берлином, то с Парижем. И, как правило, именно эти две столицы — Париж и Берлин — оставались до

недавнего времени ключевыми игроками в ЕС, что в очередной раз (и на сегодня в последний), было продемонстрировано в годы правления Жака Ширака и Герхарда Шрёдера.

Эта ситуация не мешала Лондону находить свои ниши по выстраиванию привилегированных отношений то с одним, то с другим визави. Всем памятна встреча Тони Блэра и Жака Ширака во французском Сан-Мало в 2008 году. Встреча, которая запустила общую внешнюю политику и политику безопасности Евросоюза.

Позже на уровень беспрецедентного сотрудничества в военной сфере Британия и Франция вышли, подписав Ланкастерское соглашение в 2011 году. Опять же именно эти две страны тогда же сыграли ключевую и, надо сказать, незавидную роль в военном вмешательстве в Ливии. В последующие годы происходило сближение Лондона уже с Берлином на почве экономической и управленческой модернизации Евросоюза. В то же время Париж встал на сторону стран Южной Европы, выступив против политики жесткой экономии, столь восхваляемой Германией. Но какой бы ни была динамика взаимодействия внутри этого треугольника, его вершины со временем стали в массовом сознании восприниматься в качестве «большой тройки» ЕС с регулярным подключением Италии.

Надо сказать, что такое положение дел быстро меняется. Так, в Евросоюзе есть практика не только неформальных саммитов и заседаний Европейского совета, но и неформальные мини-саммиты. Один из них прошел в марте в Версале, и в нем участвовала «большая четверка». Но кто вошел в эту «большую четверку»? Это Франция, Германия, Италия и уже не Великобритания, а Испания. У Евросоюза теперь новая «большая четверка», без Лондона.

После Брекзита проблема переутверждения франко-германской оси заключается в том, что по сравнению с первыми десятилетиями функционирования Евросоюза (тогда еще Европейского экономического сообщества) сильно изменились и Франция, и Германия. Причем относительный вес первой сильно упал, а относительный вес второй значительно вырос.

Экономика Франции все последние годы находилась в достаточно сложном положении. Регулярно возникали рассуждения о том, что эта страна может стать следующим слабым звеном Еврозоны. Во главе нее уже несколько лет стоит беспрецедентно непопулярный президент-социалист, в то время как правоцентристский фланг партийно-политической системы Франции раздроблен, а центр, так скажем, подвешен: за фигурой Эммануэля Макрона не стоит какое-либо сильное политическое движение. Пожалуй, такое происходит впервые в истории Пятой республики, если не считать легендарного Де Голля, который перед приходом к власти и в отсутствие своей собственной партии был политическим тяжеловесом. На фоне дезориентации в кругах политического истеблишмента Франции и неопределенности будущего страны мы видим, как набирает очки Национальный фронт во главе с Марин Ле Пен.

Во многом противоположные процессы происходили все последние годы или, по крайней мере, до недавнего времени, в Германии. Она сумела обратить к своей выгоде идею наднационального характера Евросоюза и единой валюты. Бисмарк говорил о кошмаре коалиций, имея в виду их переменчивость и неустойчивость. Но современный Берлин обрел рычаги приращения своего влияния именно с помощью коалиционного характера как внешней, так и внутренней среды.

Посмотрим на экономику этой страны. Она достаточно уверенно преодолела первую фазу кризиса в 2008–2009 годах, подтвердив репутацию экономического мотора европейской интеграции. Под контролем все эти годы были и безработица, и инфляция. Ангела Меркель получила всеобщее признание в качестве тяжеловеса Евросоюза. В обиход вошла фраза, скорее лестная, чем критическая, что Германия теперь стала слишком велика для Европы, хотя еще мала для мира.

С возможным окончательным уходом в начале XX века в прошлое деголлевской Франции и с новой волной евроскептицизма в Великобритании и по всей Европе на Берлин, помимо Брюсселя, стали возлагать все большие надежды как на тот центр силы и влияния, который вытащит регион из массы проблем. Но не стоит переоценивать немецкую экономическую систему. За время своего существования, если взять за точку отсчета 1949 год, ФРГ шесть раз оказывалась в кризисе, когда ВВП опускался ниже нуля. В период с 2004 по 2015 год в сумме лишь четыре года отмечался рост ВВП этой страны больше, чем на 2%. Это были 2006, 2007, а за тем 2010 и 2011 годы. Притом несколько лет этот рост был ниже одного процента (2005, 2012, 2013), а в 2009 году произошел провал на 5,6%. Об экономическом чуде Германии говорить не приходится; если оно и было, то осталось в 1950-х годах.

Последние годы Германия смотрелась лучше на фоне тех, кто выглядел еще хуже. Экономически оставаясь наиболее мощной экономикой в Евросоюзе, у этой страны не так много резервов для ускорения своего роста.

В отличие от традиционных амбиций Лондона и Парижа, Германия до недавнего времени не претендовала на ответственную автономию своей политики в рамках Евросоюза,

тем более за его пределами суверенитет Германии оставался и, по существу, остается под «двумя замками». Замок первый — это пул суверенитетов Евросоюза, который налагает на любую страну, влившуюся в него, добровольные ограничения на суверенитет. Второй замок — это рудименты, сохраняющиеся до сих пор, внешнего управления ФРГ как наследия 1945 года.

Много изменилось с 1990 года. На Западе известен тезис о том, что падение Берлинской стены закрыло вопрос о коммунизме, но снова открыло германский вопрос. Действительно, в том или ином виде с 1990-х годов рассуждения о германском вопросе, будь то в положительном или негативном смысле, звучали постоянно.

Громкой заявкой на самостоятельность в принятии решений по крупным проблемам стала оппозиция Берлина Вашингтону по вопросу о вторжении в Ирак в 2003 году. Позже Германия позволила себе проявить лидерские качества в условиях бюджетного и долгового кризиса в Евросоюзе и в еврозоне, а затем в начальной стадии миграционного кризиса.

Долгое время ФРГ была заложницей той же парадигмы, что и Евросоюз в целом: экономический гигант, но политический легковес. Конечно, асимметрия между экономической мощью Евросоюза и незрелостью его внешней политики в последнее десятилетие постепенно уступала место более сбалансированному соотношению эти двух элементов. Однако представляется, что, несмотря на все декларации, их паритет — дело не скорого будущего. В этой сфере последствия Брекзита могут быть самыми противоречивыми.

Ключевые страны ЕС, освободившись от британского евроскептицизма, могли бы, по логике вещей, энергично продвигать свою общую внешнюю политику и политику без-

опасности и политику безопасности и обороны. После британского референдума эти устремления быстро напомнили о себе, например, на неформальной встрече Ф. Могерини, высокого представителя Евросоюза по вопросам внешней политики и безопасности, с министрами иностранных дел и обороны стран — членов Евросоюза в Братиславе в сентябре 2016 года. Затем эта тема громко прозвучала в совместном документе «Сильная Европа в мире неопределенности» (документ за подписью Ф.-В. Штайнмайера, теперь уже президента Германии, и Ж.-М. Эйро, министра иностранных дел Франции). В этом документе содержались предложения о заключении государствами — членами Евросоюза европейского пакта безопасности.

Большим испытанием для политических амбиций Германии стал долговой кризис целого ряда стран (Ирландии, Португалии, Италии, Испании), а затем, конечно же, в последние два года — миграционный кризис. В первом случае, в случае кризиса долговых обязательств, репутация Берлина пошатнулась в глазах Южной Европы, включая Францию и Италию. Во втором, в случае миграционного кризиса, репутации Берлина был нанесен удар в глазах Центральной Европы, особенно «Вишеградской четверки» (Польша, Словакия, Чехия и Венгрия).

Все больше стран в последние годы подозревают Германию в том, что она действует исходя не только и даже не столько из общего блага, сколько из собственных интересов, тем самым в очередной раз стимулируется дискурс о так называемых «национальных эгоизмах» в Евросоюзе.

Кроме того, Германия, как внутри ЕС, так и со стороны США, постоянно подвергается критике за выдвигание своим партнерам неподъемных требований относительно

политики жесткой экономии. И одновременно Берлин продолжает делать ставку на агрессивную экспортную ориентацию немецкой экономики.

В результате этих событий политические активы ФРГ, накопленные в годы тучных коров и в начальный период финансово-экономического кризиса, сильно растрочены.

Светлая сторона Брекзита для Германии состоит в том, что продолжение дрейфа Лондона от континентальной Европы вновь стимулирует рассуждения о лидерстве Берлина в Европе. Здесь, конечно, много «но». Может ли быть лидерство, предположим, без жесткой силы? Что говорят данные? Численность Бундесвера в 2016 году составляла 185 000 человек, а до объединения Германии — 600 тыс. Расходы на оборону в ВВП страны с 2009 по 2014 год снизились с 1,44 до 1,29%.

Показательна и «дискуссия о 2%», разгоревшаяся в НАТО с новой силой после прихода к власти Трампа. Германия, и это сильно проявилось на Мюнхенской конференции безопасности в феврале 2017 года, не хочет повышать свои военные расходы и ставит вопрос о том, что в расходах на безопасность надо учитывать не только расходы на «военное железо», а все расходы на безопасность (например, 20 миллиардов евро, которые страна потратила на борьбу с миграционным кризисом). В этом заключается большое противоречие в позиции Германии на фоне ее же энтузиазма по поводу постепенного разворота Евросоюза в сторону жесткой силы.

В новой Глобальной стратегии ЕС так и написано, что «в современном хрупком мире мягкой силы недостаточно». Вновь вспомним и совместный документ Штайнмайера и Эйро, где говорится примерно то же самое. Но одновре-

менно Берлин проявляет антипатию к наращиванию собственной жесткой силы, хотя и со все меньшей степенью убежденности и интенсивности. В целом речь пока продолжает идти о феномене сомневающегося лидера, который во многом тяготится выпавшей на его долю ответственностью. В то же время культура военной сдержанности, традиционная для Германии, дает первые трещины.

Если германский пацифизм все же будет доминировать и дальше, вместо усиления роли Германии Брекзит может привести и к иному эффекту: к высвобождению политического пространства для продвижения амбиций не Германии, а других государств, например Франции, Италии, Испании, Польши. Но, конечно, и здесь встает множество вопросов, и поговорка о том, что свято место пусто не бывает, может необязательно сработать в этом случае. Если взять все перечисленные страны, то не просматривается, чтобы любая из них имела бы ресурсы, возможности, да и желание взять на себя большую роль. Возможно, что положение изменится в случае победы на президентских выборах во Франции Э. Макрона и второго пришествия во власть в Италии М. Ренци.

На сегодня Германия сохраняет свое место в категории наиболее евро-оптимистически настроенных стран Евросоюза. Согласно социологическому опросу, проведенному в Германии 23 марта 2017 года, 45% немцев считают, что членство в ЕС выгодно для их страны, а 75% проголосовало бы за сохранение ее членства в Евросоюзе, если бы такой референдум был проведен.

Многое зависит и от результатов грядущих в сентябре парламентских выборов в ФРГ. Вновь борьба разгорелась между двумя ведущими силами — альянсом ХДС/ХСС и СДПГ. Но какой бы ни был результат, речь пойдет о приходе к власти той

или иной коалиции. Однопартийное правление в Германии сейчас возможно лишь в теории. Большинство немцев, по тем же самым опросам, выступает за большую коалицию, то есть за коалицию ХДС/ХСС и СДПГ. Одновременно каждая из ее двух потенциальных составляющих будет стремиться к созданию коалиции иной конфигурации.

Первые месяцы 2017 года Германия жила в тени «эффекта Шульца». Он набирал обороты, по крайней мере, до выборов в федеральной земле Саарланд, которые прошли 26 марта и на которых партия Меркель, ХДС, одержала убедительную победу. Но, действительно, после того, как бывший председатель Европарламента Мартин Шульц решил попробовать себя в национальной политике, СДПГ в беспрецедентной манере одним рывком сократила 10%-ное отставание в опросах общественного мнения от ХДС/ХСС.

В среднем социал-демократы получали в опросах 30–32%, а ХДС/ХСС — 32–34%. И все же «эффект Шульца» не производил впечатления устойчивого, а его предвыборная платформа долгое время была очерчена в самых общих чертах. Впервые Шульц пространно высказался по ключевым предвыборным темам на внеочередном съезде СДПГ 19 марта, на котором единогласно был избран лидером СДПГ и утвержден кандидатом на пост канцлера от этой партии.

Меркель же сосредоточилась на налаживании отношений с правым крылом ХДС, которые во многом были испорчены из-за миграционного кризиса, и также на во многом сопутствующей проблеме — турецкой. Ожидания заключаются в том, что после референдума об изменении конституции в Турции 16 апреля страсти между Анкарой и Берлином поулягутся, и дамоклов меч выхода Турции из соглашения с Евросоюзом о беженцах не сорвется вниз.

Еще одна, относительно недавняя проблема для Берлина — отношения с Польшей. В ней главный камень преткновения не верховенство закона, не либеральная демократия, хотя это звучит больше всего, а нечто намного более приземленное и меркантильное — проект «Северный поток — 2». В этом споре Варшава разворачивает принципы солидарности в Евросоюзе в свою пользу, обвиняя уже Берлин в национальном эгоизме, то есть в данном случае в пренебрежении интересами средних и малых стран Евросоюза. Когда же Польше указывают на то, что с 2004 года она получила из структурных фондов ЕС порядка 80 миллиардов евро, то следует ответ, что 80% из каждого евро возвращалось в Брюссель и что Германия за тот же период продала в Польшу своих товаров на сумму в 55 миллиардов евро. Также Варшава была взбешена тем, что 9 марта, против ее воли, на новый срок, два с половиной года, в качестве председателя Европейского совета был переизбран поляк Дональд Туск, и Германия полностью поддержала его кандидатуру. Туск же является злейшим политическим противником правящей в Польше партии «Право и справедливость» во главе с Я. Качиньским.

Еще одно яблоко раздора между грандами Евросоюза, в первую очередь Германией и малыми странами, — это концепция Европы «разных скоростей», или многоскоростной Европы. Уместно вспомнить еще об одной подноготной саммита, который прошел в Брюсселе 9 марта. Она состояла в том, что 1 марта Еврокомиссия опубликовала Белую книгу, в которой изложено пять сценариев развития Евросоюза на ближайшие годы. Первый — продолжение курса, второй — только единый рынок, третий — кто хочет больше, делает больше, четвертый — делать меньше более эффективно, пятый — делать больше вместе. Считается, что фаворитом

Брюсселя является сценарий третий: «кто хочет больше, делает больше». То есть это «хороший знакомый» — «Европа разных скоростей».

В этой концепции ничего нового нет. «Европа разных скоростей» в полную силу получила выражение в проекте еврозоны. В еврозону входит 19 из 28 стран, и только десять из этих 19 стран поддерживают идею введения налога на финансовые транзакции. Другой пример — Шенгенская зона. Только 22 страны из ЕС-28 входят в нее.

А. Меркель, как считается, симпатизирует комбинации из третьего и четвертого сценариев: «кто хочет больше, делает больше» плюс «делать меньше более эффективно». Жан-Клод Юнкер, председатель Еврокомиссии, предпочитает комбинацию из третьего и пятого сценариев: «Европа разных скоростей» плюс «делать больше вместе». В результате того, что ряд стран — Польша и другие члены Вишеградской четверки, Румыния — выступили резко против продвижения этой идеи, которую Берлин поддержал, под угрозой оказалось принятие юбилейной декларации в Риме 25 марта. В результате была найдена обтекаемая формула, чтобы удовлетворить всех, которую Меркель закрепила на пресс-конференции после саммита. Она подтвердила, что возможно использовать разные скорости интеграции, но при этом речь идет о движении в одном направлении.

Возвращаясь к выборам в Германии. На первом месте, как уже было отмечено, стоит вариант «большой коалиции». Но есть шансы и у другой «цветовой гаммы»: «красные-красные-зеленые». То есть СДПГ, Левая партия и «Союз-90/Зеленые». Проблема в том, что пока в сумме эти три силы не набирают 50 или более процентов голосов. Что касается Партии свободных демократов, которая не прошла в Бундестаг

в 2013 году, сейчас у нее порядка 6–7%, и она может вновь войти в парламент. Что касается, «Альтернативы для Германии», то у этой внесистемной политической силы 10–11%. Несмотря на это, она считается партией нон-грата для всех других игроков и даже в теории не имеет шансов претендовать на вхождение в какую-либо правящую коалицию.

Политика Германии после выборов сохранит характер мейнстрима, не стоит ждать, что в ней произойдет что-либо близкое к событиям в США или Великобритании. И во внешней политике выражением этого станет стремление к возрождению франко-германского тандема в Евросоюзе. По крайней мере, на это рассчитывают центристы во Франции. Да и у Берлина вряд ли есть иная альтернатива.

16 марта на встрече с Меркель Франсуа Макрон заявил о том, что Германия в последние два года изменила стратегию: ранее она делала ставку на сближение с Россией и Китаем, а теперь вновь возвращается к Франции. Надо сказать, что внешняя политика Берлина, действительно, до сих пор не отличается особой диверсификацией; например, такой факт: до сих пор в немецком МИД нет департамента Азии.

Что касается перспектив отношений России и Германии во главе с перелицованной «большой коалицией», то оптимизм здесь не уместен. Руководя Европарламентом, Мартин Шульц всегда прямолинейно выступал с жестких антироссийских позиций. Он также является убежденным сторонником внешней политики, основанной на ценностях, от чего был достаточно очевидный отход при Штайнмайере. А, как известно, такой идеологический подход не сулит ничего хорошего отношениям между Германией и Россией.

Что касается вопроса о том, кто станет следующим канцлером ФРГ, то интрига также налицо. Трудно представить,

что Меркель после трех сроков во власти согласится на вторые роли. Но не менее очевидно, что Шульц добровольно отказался от поста президента Европарламента не для того, чтобы в Германии стать вторым номером.

* * *

2017 is a year of several prominent anniversaries. For the European Union it is the 60th anniversary of the Treaty of Rome. This year, on March 25th, twenty seven EU members, minus the UK, have gathered to an informal summit in Rome to celebrate this anniversary.

In broader terms, we commemorate the centenary of the Russian Revolution, or Russian Revolutions, depending on how we interpret that period. And in that context, we first think about Europe again because, if not for those events, Russia would be different today (we can't be sure what it would be, but it would be different indeed), Europe would be different, and in many ways the whole world would be different, too.

I must also mention that this year, the Institute of Europe celebrates its 30th anniversary. The Association of European Studies (AES), an organization initiated by the Institute's staff, turns 25 this year. Its Founding President is Yuri Antonovich Borko. Today the Association has twenty six regional offices across the country, from Kaliningrad to Tomsk.

One of the topics that is currently in the spotlight in Europe is, of course, the Brexit. It is symbolic that just a few days after the British referendum that had proven to be disastrous for the EU, an important document determining the future of the entire integration project was published, it was pretentiously titled the EU Global Strategy. The document has sparked massive arguments and discussions, and they will continue in the future.

The strategy establishes the recipes for the EU to maintain its position as one of the centers of influence in the 21st century. The Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences has made several analytical publications on the topic. They can be accessed at instituteofeurope.ru.

In March, news broke around the globe that EC President Donald Tusk had received an official notification from UK Prime Minister Theresa May on enactment of the 50th article of the Treaty of Lisbon. Thus the official procedure for the UK's withdrawal from the European Union has commenced. It will take at least two years to complete, and until then Brexit is sure to hand us many surprises.

While discussing the current situation in the EU and its future, we can't but focus on the role of Germany, especially against the backdrop of Brexit. In many respects, the UK could challenge Berlin's leadership within the European Union. But now it is clear that in a little while Germany is going to become the sole apparent contender to the title in the EU.

Eventually, the current dramatic state of affairs in the EU, including Brexit, as well as the election of Donald Trump, opens the question about the future of this regional integration project. And specifically, the question about further aggravation of various disproportions and disparities within the EU. For Germany, these and other events are a good reason to reflect on its further tactics and strategies both within the union, and in the international arena.

It is well known that starting from the 1950s, European integration had been driven by the tandem of France and Germany, with the support from Italy. In 1973, the UK joined the company, creating the Big Four of sorts. But one important factor is that Britain joined the EU not so much as a like-minded ally,

but rather as an intra-European center of power that, in pursuit of its own interests, developed closer ties with both Berlin and Paris. And generally, it is these two capitals — Paris and Berlin — that until recently were the key players within the EU, as was once again (and so far, for the last time) demonstrated during the leadership of Jacques Chirac and Gerhard Schroeder.

This situation never stopped London from finding its own niches in which to build its privileged relations with one counterpart, and then with the other. Everyone remembers a meeting between Tony Blair and Jacques Chirac in France's Saint-Malo in 2008. The meeting that launched the joint foreign policies and security policies of the European Union.

Later Britain and France reached an unprecedented level of military cooperation when they signed the Lancaster Treaties in 2011. Again, these two countries have played the key and, I must add, an unfortunate role in the military intervention in Libya. In the following years London kept growing closer with Berlin due to the economic and administrative modernization of the European Union. At the same time, Paris sided with the countries of the Southern Europe, speaking against the policy of austerity that had been much vaunted by Germany. But whatever the dynamics within this triangle, in time its vertices came to be widely perceived as the EU's Big Three, with regular inclusion of Italy.

But we must note that this situation is rapidly changing. The EU practices not only informal summits and meeting of the European Council, but informal mini-summits as well. One of them was held in Versailles in March and was attended by the Big Four. But what Big Four are we talking about? They were France, Germany, Italy and Spain, in place of the UK. The European Union has a new Big Four, without London.

After Brexit, the problem with restatement of the France-Germany axis is that both France and Germany have changed greatly since the first decades of the European Union (then named the European Economic Community). The relative weight of the former has declined dramatically, while the relative weight of the latter has grown massively.

Over the recent years, the economy of France has been in a rather difficult situation. It has been regularly speculated that the country might become the next weak link in the Eurozone. It has been led for several years by a socialist President with an unprecedented level of unpopularity, while the center-right of the French political party system is fragmented, and the center is in limbo of sorts: Emmanuel Macron is not backed by any powerful political movement. I dare say this is the first such situation in the history of the Fifth Republic, with the exception of the legendary De Gaulle who, before coming to power, was a political heavyweight in his own right, without a political party. Amid disorientation of the French political establishment and uncertainty of the country's future, we witness the National Front led by Marine Le Pen scoring gains.

The processes that have been developing in recent years, or at least until recently, in Germany are largely the opposite. The country has managed to turn to its own advantage the idea of the supranational nature of the EU and its common currency. Bismarck talked about the nightmare of coalitions, implying their fluidity and instability. But today's Berlin has taken hold of controls that allow it to gain influence exactly through internal and external coalitions.

Let us look at the country's economy. It remained rather steady throughout the first phase of the 2008–2009 crisis, reaffirming its reputation as a driver for European integration. Over the

years, both unemployment and inflation have remained under control. Angela Merkel became a widely recognized heavyweight figure in the European Union. Rather flattering than critical, an observation that Germany is too big for Europe, but too small for the world has become a popular idea.

With De Gaulle's France possibly receding into the past in the early 20th century for good and with the new wave of Euroscepticism in the UK and throughout Europe, hopes are now placed on Berlin, along with Brussels, to become the center of power and influence that can pull the region out of a great many problems. But one must not overestimate the economic system of Germany. Throughout its existence, with the starting point set in 1949, the Federal Republic of Germany has gone through six crises where its GDP declined below zero. From 2004 till 2015 the country had only a total of four years where its GDP grew by more than 2%. These were 2006, 2007, and then 2010 and 2011. For several years, the GDP growth was less than one percent (2005, 2012, 2013), and in 2009 it dropped by 5.6%. There is no economic miracle of Germany to talk about; if there was any, it stayed in the 1950s.

Over the recent years, Germany looked better against the backdrop of those who looked even worse. While still the most powerful economy in the EU, the country does not have many more resources to accelerate its growth.

In contrast to the traditional ambitions of London and Paris, until recently Germany did not seek any significant autonomy for its policies within the EU, and even less so outside of it. The sovereignty of Germany remained, and essentially remains today behind two locks. The first lock is the sovereignty pool of the European Union that imposes voluntary limitations to the sovereignty of any country that joins the Union. And the second

lock is the rudimentary elements of external control of the Federal Republic of Germany, a legacy dating back to 1945.

A lot has changed since 1990. There is a well-known thesis in the West that the fall of the Berlin Wall has resolved the issue of communism, but reopened the issue of Germany. And it is true that in one form or another, discussions of the issue of Germany were ongoing throughout the 1990s, whether in a positive or negative sense.

Berlin's opposition to Washington on the issue of the Iraq invasion in 2003 was the country's strong claim for independence in decision-making. Some time later Germany demonstrated its leadership ability amid the budget and debt crisis in the EU and the Eurozone, and then again at the early stages of the migrant crisis.

For a long time, Germany has been a hostage to the same paradigm that affects the European Union as a whole: an economic colossus, politically it weighs little. Of course, during the recent decade the asymmetry of the economic power of the EU and immaturity of its foreign policies have been gradually finding balance. But despite any declarations, it appears that they will not reach parity in the near future. In this area, Brexit could have consequences that are entirely contradictory.

Logically, having broken free from the British Euroscepticism, the key countries of the EU could actively pursue their common foreign policies and security and defense policies. After the British referendum, these aspirations were soon brought up, for example, at the informal meeting of High Representative of the European Union for Foreign Affairs and Security Policy Federica Mogherini with foreign ministers of the EU member states in Bratislava in September 2016. The topic was again a prominent part of a joint document entitled "A Strong Europe in a World of Uncertainties" (signed by Frank-Walter Steinmeier, the now-

President of Germany, and by Jean-Marc Ayrault, the French Minister of Foreign Affairs). The document suggested that the EU member states should sign a European security treaty.

The political ambition of Germany was heavily tested by the debt crisis in a number of countries (Ireland, Portugal, Italy, Spain), and then, of course, over the last two years, by the migrant crisis. In case of the former, as a result of the debt crisis, the reputation of Berlin suffered a blow in the eyes of Southern Europe, including France and Italy. In case of the latter, during the migrant crisis, Berlin's reputation suffered in the eyes of Central Europe, particularly, the Visegrad Four (Poland, Slovakia, Czech Republic and Hungary).

In the recent years, more and more countries have come to suspect Germany of acting not only and not so much for the common benefit, but rather in its own interest, thus again boosting the discourse of the so-called national selfishness in the European Union.

Moreover, Germany is being constantly criticized both from within the EU and by the US for placing overwhelmingly harsh demands on its partners with regards to the austerity policy. And simultaneously Berlin continues to rely on the aggressive export focus of the German economy.

As a result, the political assets of Germany, amassed during its fat years and at the beginning of the financial economic crisis have worn very thin.

The bright side of Brexit for Germany is that further alienation of London from the continental Europe once again brings up the issue of Berlin's leadership in Europe. There are many "buts" here, of course. Can leadership do without hard power? What does data say? The strength of the Bundeswehr in 2016 was 185,000 in personnel, compared to 600,000 before the unification

of Germany. Between 2009 and 2014 the share of the country's defense spending in its GDP decreased from 1.44% to 1.29%.

Exemplary is the "2% discussion" that has flared up at the NATO with Trump's ascension to power. Germany, and that has become apparent at the Munich Security Conference in February 2017, does not want to raise its military spending and opens the question that security spending should include not just the "military hardware," but all security expenses (e.g., the country has spent twenty million euro on migrant crisis management). Here Germany's position contradicts its own enthusiasm for gradual adoption of hard power in the EU.

The new Global Strategy of the EU says outright that "in this fragile world, soft power is not enough." We can also think again about the joint Steinmeier-Ayrault document that expresses roughly the same idea. But at the same time Berlin remains antipathetic to the buildup of its own hard power, albeit with decreasing conviction and intensity. All in all, for now we are dealing with a hesitant leader phenomenon where the leader in many respects considers the responsibility to be a burden. At the same time, the culture of military restraint that is traditional for Germany is showing its first cracks.

If Germany's pacifism continues to dominate in the future, instead of heightening the role of Germany, Brexit could have an opposite effect: it could vacate political space for ambitions of countries other than Germany, for example, for France, Italy, Spain, or Poland. But naturally, it raises many questions, and the saying that goes "nature abhors a vacuum" might not work in this case. Out of the above countries, none seems to have the resources, capacity and the will to assume any bigger role. The situation might change should Emmanuel Macron win the Presidential election in France and Matteo Renzi return to power in Italy.

For today, Germany remains among the most Euro-optimistic countries in the European Union. According to the opinion poll held in Germany on March 23, 2017, 45% of Germans believe that EU membership is beneficial for the country, and 75% would vote to stay in the EU if such referendum was organized.

Much depends on the results of the September election in Germany. The race is once again between the two key powers — the alliance of CDU/CSU and the SPD. But whatever the result, the power will belong to one coalition or the other. Today a single-party government in Germany is only possible in theory. According to the same polls, the majority of Germans support a large coalition, i.e. CDU/CSU and SPD. At the same time, each of the two components will strive to create a coalition in a different configuration.

Germany spent the first months of 2017 in the shadow of the Schultz effect. It kept gaining momentum until at least the Saarland elections on March 26, where Merkel's party, the CDU, secured a solid victory. But after the former President of the European Parliament Martin Schultz attempted to try his hand in the national politics, the SPD has unprecedentedly, in a single leap closed its 10% gap with the CDU/CSU according to opinion polls.

On average, opinion polls showed that social democrats had the support of 30-32%, and the CDU/CSU would get 32-34%. And yet, the Schultz effect did not appear to be stable, and his election platform had for a long time remained outlined without much detail. Schultz for the first time talked at length about the key election topics at the extraordinary SPD congress on March 19, where he was unanimously elected the leader of the SPD and his candidacy to the position of the Chancellor was approved.

At the same time, Merkel focused on mending relations with the right wing of the CDU, that were injured by the issues related to the migrant crisis, and on the accompanying problem — the Turkey problem. The expectation was that after the Turkish constitutional referendum on April 16, the issues between Ankara and Berlin might deescalate, and the threat of Turkey's withdrawal from its Refugee Deal with the EU would be avoided.

Another problem for Berlin, this one relatively recent, is its relations with Poland. Here the stumbling point is not the supremacy of law, not liberal democracy, even though that is what's discussed most often, but something much more grounded and materialistic — the Nord Stream 2 project. In this dispute, Warsaw uses the principles of EU solidarity for its own benefit, accusing Berlin of national selfishness and disregard of the interest of mid-sized and small countries of the EU. When Poland is reminded that since 2004 it has received some 80 billion euro from the structural funds of the EU, it responds that 80% of each euro was returned to Brussels, and that during the same period Germany has sold 55 billion euro worth of products to Poland. Warsaw was also enraged when on March 9 Donald Tusk, a Pole, was re-elected as the President of the European Council against its will for two and a half more years, with full support from Germany. Tusk is a staunch opponent of the ruling Polish Law and Justice party led by Jaroslaw Kaczynski.

Another apple of discord for the EU powerhouses — first of all, for Germany and the smaller EU countries — is the European concept of a multi-speed Europe. There is another inside fact about the Brussels summit of March 9. On March 1, the European Commission published its White Paper that presents five development scenarios for the EU for the next few years. The first one continues the course, the second one preserves only

a common market, the third one proclaims that whoever wants more should do more, the fourth one is for doing less with higher efficiency, and the fifth one is for doing more together. The third scenario is thought to be favored by Brussels: whoever wants more, should do more. In the end, it is about the same old multi-speed Europe.

There is nothing new about this concept. The concept of a multi-speed Europe was fully reflected in the Eurozone project. Nineteen out of twenty eight countries are members of the Eurozone, and only ten of those are for the proposed financial transaction tax. Another example is the Schengen Area that includes only 22 countries out of 28.

It is believed that Angela Merkel leans towards a combination of the third and fourth scenarios: whoever wants more should do more plus doing less with higher efficiency. The President of the European Commission Jean-Claude Juncker favors a combination of the third and fifth scenarios: multi-speed Europe plus doing more together. After a number of countries — Poland and the other members of the Visegrad Four and Romania — spoke strongly against the idea that was supported by Berlin, the signing of the anniversary Rome Declaration on March 25 was put into question. In the end, a vaguer and broader wording was used to satisfy every party, which was made official by Merkel at the post-summit press conference. She confirmed that integration can be achieved at various speeds, as long as everyone moves in the same direction.

Now back to the elections in Germany. The current leader is the “big coalition” option that we have discussed earlier. But the green-red-green color palette has its chances, too. These colors are the SPD, the Left and the Alliance-90/The Greens. The problem is that together these three powers do not make up 50

or more per cent of votes. The Free Democratic Party failed to take any seats in the Bundestag in 2013, but today it has some 6-7% and has a shot at rejoining the Parliament. The Alternative for Germany is a non-system political force whose support level is at 10-11%. Nevertheless, it is considered a party non-grata for all other players and has no chance to join any ruling coalition.

After the election, German politics will remain mainstream in nature, it can't be expected to offer anything close to the events in the US or the UK. In its foreign policies it will manifest in the desire to revive the French-German tandem within the EU. At the very least, that is what French centrists expect to happen. And Berlin does not seem to have any other options.

During his March 16 meeting with Merkel, Emmanuel Macron said that over the last two years Germany has changed its strategy: it used to prioritize rapprochement with Russia and China, but now it is coming back to France. It must be noted that Berlin's foreign policies indeed remain rather undiversified; in fact, there is still no Department of Asia in the German Ministry of Foreign Affairs.

Speaking about the potential for Russia-Germany relations under the revamped "big coalition", there is no room for optimism. As the head of the European Parliament, Martin Schultz has always been straightforward in his anti-Russian position. He is also a strong advocate of value-based foreign policies, which is an obvious deviation from Steinmeier's position. And obviously, such an ideological approach only means trouble to the Russia-Germany relations.

With regard to whoever becomes the next Chancellor of Germany, the intrigue is obvious. It's hard to imagine that Merkel, having served three terms at the top, would accept a secondary role. But it is also clear that Schultz did not voluntarily withdraw from Presidency at the European Parliament to become second in Germany.

О ВОЗМОЖНЫХ ПРОГНОЗАХ О ЕВРОМЕХАНИЗМАХ

ABOUT SOME FORECASTS OF EUROMECHANISMS

М.В. ЕРШОВ

Член Правления ВЭО России, главный директор по финансовым исследованиям, руководитель Департамента финансового анализа «Института энергетики и финансов», профессор Финансового университета при Правительстве РФ, д. э. н.

M.V. ERSHOV

Member of the Board of the VEO of Russia, Chief Director of Financial study, Head of Financial analysis department of the Energy and Finance Institute, Professor of the Financial University under Government of the Russian federation, Dr.Sc.Econ.

АННОТАЦИЯ

Многие механизмы европейской интеграции не могут быть объяснены и спрогнозированы в рамках мейнстримовской экономической теории. Как любой теоретический подход, мейнстрим характеризуется упрощением действительности. Поэтому необходимо использовать весь набор оценок — как стандартных, так и нестандартных, чтобы получить более точный прогноз.

ABSRACT

Many mechanisms of european integration can't be explained and forecasted in terms of the mainstream economic approach. Like any theoretical approach, it simplifies the real picture and worsen forecasts. Thus,

all possible mechanisms that appraise the situation – standard and non-standard should be used get improve the forecast quality.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Евросоюз, Брекзит, ЕС – Греция, мейнстримовские подходы к экономической интеграции, немейнстримовские подходы к экономической интеграции.

KEY WORDS

European Union, Brexit, EU – Greece, mainstream approaches to European integration, non-mainstream approaches to European integration.

Европроблема, которая у нас в эпицентре внимания с разной степенью остроты встает то сильнее, то слабее, но хорошо демонстрирует, что мы, все наше мировое экспертное сообщество, в общем-то с прогнозами не очень справляемся. Мало кто прогнозировал, что будет Брекзит; мало кто прогнозировал, как будут решаться проблемы с той же самой, например, кризисной ситуацией в Греции, было лишь примерное понимание. Ну и так далее. А уж про мировую политику я тем более не говорю. Последний пример с Трампом, тем более для нас всех, что называется, гром среди ясного неба, для большинства, по крайней мере; для мейнстрима это явный сюрприз.

Поэтому, говоря сейчас о прогнозах, которые мы будем иметь в виду в контексте Евросоюза и в контексте проблематики перспектив его существования или укрепления (или ослабления), надо, конечно, рассматривать весь набор аргументов, которые при этом могут быть рассмотрены и могут сыграть свою решающую роль.

Напомню нам всем историю возникновения ЕС. Когда главным фактором была не экономическая ситуация,

не экономический аргумент, а политический. Потому что страны-то отличались между собой настолько, что они, по идее, не подлежали к объединению в единую организацию. С одной стороны, мы имели Германию, Францию, а с другой — ту же самую Португалию, ту же самую Грецию, то есть совершенно разного уровня развития, который явно не вписывался в единый интеграционный механизм. По классическим экономическим канонам эти страны не должны были входить под единый зонтик, по крайней мере сразу, одномоментно.

Но вошли. Потому что было принято политическое в первую очередь решение, и уже потом был вброшен весь остальной ресурс, который позволил каким-то образом это все «упаковать» в некий единый структурный механизм. Да и то — с некими изъятиями и изъятиями, помимо всего, уже о чем говорилось. А именно: что да, отчасти, конечно, и это был центральный стержневой уровень, валютная интеграция; да, в значительной степени, денежно-кредитная координация и интеграция; но отсутствовала самая главная (или одной из самых главных) — бюджетная интеграция.

В этой связи, если мы будем прогнозировать дальнейшее положение вещей, нам тоже нужно руководствоваться не только и не столько формальными экономическими моментами, хотя они, естественно — как среда, как фон, — важны, но и общим этим самым контекстом, как принимаются решения. Если по каким-то причинам те центры силы, которые принимают основополагающие решения в регионе, сочтут целесообразным механизм демонтировать, вновь по чисто политическим в первую очередь соображениям, значит, он будет демонтирован. Тогда опять, как и при создании, будет вброшен весь имеющийся набор ресурсов, который по-

зволит системе так или иначе все свои проблемы, которые у них возникают, перешагнуть и перемолоть.

На этом могут скептики сказать: «Да кто же будет в здравом уме пытаться систему демонтировать? В нее вброшен столь мощный ресурс». Действительно, это очень важный аргумент, что очень большие были потрачены средства, чтобы то, что сейчас мы имеем, создать. Но антискептики скажут для полемики, что и у демонтажа этой системы, и у возникающих в этой связи очевидных процессов дестабилизации есть свои, как это ни странно, плюсы: вы опять начинаете входить в такую интересную «игру» перегруппировки центров влияния, перегруппировки активов, переупаковки активов, решения накопившихся долговых проблем, которые сильно тянут еврозону вниз. Классический вариант, очень удобно: кризисная ситуация с долгами — опять либо они замораживаются, либо откладываются, как это бывало уже не раз в прошлом. То есть спецусловия предполагают и спецрежим. Соответственно, проблема долгов будет решена через 50 лет, к примеру. (Мы просто с вами постоянно рассуждаем, чтобы во всей этой палитре учесть самые неожиданные сценарии.)

Так вот, резюмирую, потому что сегодня, наверняка, будет много интересных выступлений и много интересных прогнозов. Я надеюсь, что при прогнозировании тех сценариев, которые возможны, мы будем учитывать и стандартные мейнстримовские аргументы и подходы, о которых уже отчасти говорилось, отчасти будет говориться, и такие чуть-чуть внесистемные аргументы, которые позволят нам избежать тех ошибок, которые мы, экспертное мировое сообщество, не раз уже делали, прогнозируя процессы, базирываясь на сугубо мейнстримовских подходах. В итоге по-

лучалось, что иногда на практике ситуация выглядела прямо обратной той, которая получалась и прогнозировалась.

Резюмируя совсем в контексте дуализма. Вроде как здравый смысл (специально говорю «вроде как») говорит о том, кто же в здравом уме будет пытаться поддерживать систему демонтажа более или менее, худо-бедно сложившегося механизма, который уже действует двадцать с лишним лет (да, со скрипом, да, со сбоями, но что бывает идеально, особенно на начальных этапах?). Но с учетом того, что копятся мощные системные проблемы в целом, которые так или иначе надо решать; а как их решать — толком никто и не знает: долговые, прочие остальные геоэкономического плана и так далее. Как раз где, как ни в условиях, когда будет такая повышенная турбулентность, такие проблемы не комфортно решить? Почему нет? Вопросительный знак.

То есть мы тоже должны иметь в виду, что есть при кажущемся противоречии здравому смыслу определенные центры интересов и определенная мотивировка, говорящие о том, что и у такого варианта есть, наверняка, свои союзники. Поэтому будем надеяться, я сам лично надеюсь, что ситуация нормализуется и Евросоюз будет успешно развиваться и дальше, но необходимо иметь каждый раз в виду, что на полях есть эти вопросительные знаки, которые требуют постоянного контроля и ответа. Их нужно иметь в виду, чтобы более правильно выверять курс дальнейших прогнозов и развития.

* * *

The Europroblem can be more or less vexed in our focus of attention but it vividly demonstrates that we, our world expert community did not learn to make forecasts effec-

tively enough. One could hardly predict Brexit, one could hardly predict solutions to the crisis situation in Greece; we just had a general idea of that. And so on. The world politics is an even harder to forecast area. The last example with Trump has been a bolt from the blue at least for the majority of us. It is an obvious surprise for the mainstream approach.

Therefore, when talking about the forecasts that we will bear in mind in the context of the European Union and in the context of prospects for its existence or strengthening (or weakening), we should of course consider the whole range of arguments that can be taken into account and might play their crucial role.

Let us recall the history of EU establishment. At that time, the main factor was political rather than economic, because the differences between these countries were so significant that they were hard to bind into a single organization. On the one hand, there were Germany and France, but on the other hand, there were Portugal and Greece, i.e. countries with an absolutely different level of development that did not fit into a unified integration mechanism. In compliance with the classical economic standards, these countries could not be spaced under a single umbrella, at least immediately.

However, they did form a single organization, because primarily there was a political decision and then authorities turned to the remaining resource that allowed them to “pack” all these countries into a single structural mechanism, but even then it had specific drawbacks and weaknesses, apart from everything that we have already mentioned. And namely: of course, partially it was a central backbone level, currency integration, to a significant extent — money and credit coordination and integration, but the most important factor (or one of the most important factors), i.e. budget integration, was absent.

In this connection, if we decide to forecast the future state of affairs, we should also be guided not only and not so much by formal economic aspects (although they are of course important as a medium, as a background) as by the general decision-making context. If the centers of forces that take fundamental decisions in the region consider it expedient to demolish this mechanism for some reasons — primarily on political grounds, it means it will be demolished. In this case, like during the foundation process, they will use the entire range of resources that will allow the system to overcome all its problems one way or another.

At this point, skeptics might say: “Will any right-minded person dare to try to demolish this system? They have already invested huge resources in it.” True, these huge amounts invested in creating what we have now are a very important argument. However, anti-skeptics would claim that this system demolition and the evident destabilization processes arising in this connection will have their own benefits, strange as it may seem: entering an interesting “game” of regrouping power houses, regrouping assets, repacking assets, finding solutions to the current debt-related problems that are pulling the Eurozone down. There is a classical, very convenient option: if there is a crisis situation with debts, they are either frozen or postponed, which has already been practiced many times in the past. Thus, special conditions also imply a special order. Consequently, the problem of debts will be solved in, say, 50 years. (We just continue the line of thought in order to take the most unexpected scenarios in this gamut into account).

I will summarize my ideas now, as we will surely listen to many interesting reports and many interesting forecasts today. I hope that when forecasting possible scenarios, we will be taking into account both standard mainstream arguments and approaches

that have already partially been mentioned and somewhat non-system arguments that will allow us to avoid the mistakes that we, i.e. the world expert community, have made many times when forecasting processes on the basis of purely mainstream approaches. As a result of such forecasts, sometimes the real situation was the inverse of what we had outlined and forecasted.

Let me summarize my speech in the context of dualism. Allegedly, common sense (I emphasize “allegedly”) implies that a right-minded person will never try to support the demolition of a more or less established mechanism that has been functioning for over 20 years (yes, it has its weaknesses and failures, but can you think of any ideal system, especially at the initial stage?). However, serious systemic problems are piling up and there is a need to solve them one way or another, whereas no one knows for sure any possible solutions to them. I mean debt-related, other geo-economic problems, etc. Isn't it obvious that it will be convenient to solve such problems in the conditions of severe turbulence? Why not? A question mark.

Thus, we should also take into account that despite the apparent contradiction to common sense, there are specific centers of interests and specific motivations saying that such a scenario has its adherents too. Therefore we will hope — and I do hope — that the situation will normalize and the European Union will continue developing successfully. However, we should bear in mind that there are question marks on the margins and they need permanent control and answers. They should be taken into account, so that we can verify the course of our further forecasts and development more correctly.

РАНО ХОРОНИТЬ ЕВРОПУ, И НЕ В НАШИХ ИНТЕРЕСАХ ЖЕЛАТЬ ЕЕ КОНЧИНЫ

TOO SOON TO BURY EUROPE AND IT'S NOT IN OUR INTEREST TO WISH ITS END

Р.С. ГРИНБЕРГ

Вице-президент ВЭО России, научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, д. э. н., профессор

R.S. GRINBERG

Vice-president of the VEO of Russia, Research Advisor of the Institute of Economics of the Russian Academy of science, corresponding Member of RAS, PhD in Economics, professor

АННОТАЦИЯ

Автор статьи характеризует ЕС как уникальную интеграционную группировку с плюралистической демократией, социально-рыночным хозяйством и гражданским обществом. Автор отмечает, что руководство Германии не стремится к доминированию в ЕС, ставя своей основной целью его сохранение. Восстановление и развитие взаимного сотрудничества между Россией и ЕС определяется автором как важнейшее направление международных отношений.

ABSTRACT

The author characterizes European Union as a unique integrative groupage with pluralistic democracy, social-market-based economy and civic society. The author notes that the German government is not aiming at dominating in EU, but strains after its keeping. Renewal and development of the mutual cooperation be-

tween Russia and EU are defined as the top priority course of the international relationship.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Международные отношения, сотрудничество между Россией и ЕС.

KEY WORDS

International relationship, cooperation between Russia and EU.

Германия для меня очень близкая, родная страна. Я практически 50 лет занимаюсь Германией, для меня это очень важная страна.

Надо сказать что 60 лет назад в Европе родилась интеграционная группировка, совершенно уникальная, абсолютно беспрецедентная. И она уже 60 лет работает. Сколько я себя помню, там никогда не было, ни одного года не было, чтобы кризиса не было — все время все в кризисе. Похоже, что в странах с демократической системой кризисы никогда не кончаются. Я с детства слышу, что ЕС опять в кризисе и что скоро Союз распадется. А что происходит на самом деле? СМИ всегда пишут о плохом, потому что о хорошем никто ни читать, ни смотреть не любит. И если Европейский союз делает три шага вперед и два назад — то говорят обычно об этих двух шагах, в то время как реальность такова, что он сделал очередной шаг вперед.

Надо отдавать себе отчет в том, что пространство ЕС — это, пожалуй, единственное место в мире, которое может считаться почти идеальным, где почти как в учебнике все работает, я имею в виду плюралистическую демократию, социально-рыночное хозяйство и гражданское общество. Почти как в учебнике. И даже коалиция, о которой Алексей Анатольевич Громько говорил, тоже работает.

Казалось бы, они вместе могут делать все, что хотят, как в других странах это бывает, а на самом деле этого не происходит, они дружат между собой, выпивают вместе, но они и следят друг за другом, чтобы никто не злоупотреблял властью, они не допускают никакого монополизма. Это поразительная история. Вот Мартин Шульц будет бороться с Ангелой Меркель, а они почти друзья. Но будут бороться честно.

Конечно, Германия в одиночку не спасет Европейский союз. Но еще не дошло до того, что его спасать надо.

Есть такой парадокс в истории: после сорок пятого года все думали, что с этой Германией делать? Она причинила столько страданий человечеству, как никакая другая страна. И если бы не было холодной войны, они бы там растерзали ее: и русские, и американцы, и кто хотите. Потому что ненависть к немцам была беспредельной. Но холодная война выручила и Восточную Германию, и Западную. Но дело-то в том, что они извлекли уроки из своего прошлого и оказались сегодня с большим отрывом от всех стран во всем: и в качестве демократии, и в качестве экономики. И они не знают, что делать с этим фактом. Сегодняшняя Германия не стремится к формальному доминированию в ЕС. Для нее важно его сохранение и развитие. В этом контексте безальтернативно сохранение германо-французского партнерства. Поэтому президентские выборы во Франции имеют экзистенциальное для ЕС значение и, вообще, рано хоронить Европейский союз, хотя, в сущности, это всего лишь остров изобилия. Их всего 7% населения в мире, и никто так не живет, как они. И не случайно многие туда стремятся, несмотря на острые проблемы, которые они сегодня переживают.

Теперь о России в европейском контексте. Наши отношения в очень плохом состоянии. И это позор для обеих сторон. И здесь конфликт на Донбассе — главная причина.

Мне кажется, что, если Германия не окажет мощного влияния на Киев, а мы не окажем мощного влияния на начальников самопровозглашенных республик в Луганске и Донецке, мы никогда не сможем изменить ситуацию. А у нас нет никакой разумной альтернативы, кроме восстановления и развития взаимного сотрудничества в мире, в котором будут править две нации: уходящая Америка и восходящий Китай.

Я не очень люблю, когда немцы учат нас демократии, но надо признать, что они часто правильно говорят. Конечно, интересы прежде всего. Но и ценности должны иметь значение. В этом смысле ЕС и его ценности, ценности демократии исключительно важны и для России. Так называемый постдемократический мир — это не тот мир, который нужен нам, нашим детям и внукам.

* * *

Germany is a very close, native country for me. I have been studying Germany for almost fifty years. This country is very important to me.

Completely unique and absolutely unprecedented integrated group was born in Europe sixty years ago. This group has already been working for sixty years. For as long as I can remember, none of these years was without a crisis — the crisis is always and everywhere. It seems that crises never end in democratic countries. Since my childhood, I have always heard that EU is facing a crisis again, and the Union will soon break up. But what happens in real life? Mass media always report on bad things,

since no one likes reading or watching good news. If the European Union makes three steps forward and two steps backward, they usually speak about these two steps only, while, in fact, the Union has just made another step forward.

It is necessary to understand that the EU space is perhaps the world's only place that can be considered almost ideal, where everything runs like clockwork. I am referring to pluralistic democracy, social market economy and civil society. Almost like in a textbook. Even the coalition mentioned by Aleksey Anatolyevich is also efficient.

It seems that all of them can do anything they want, like it can be in other countries. However, in reality, it does not happen — they are on friendly terms with each other, they drink together, but they also watch out for each other and prevent any abuse of power and monopolism. It is an amazing story. Martin Schulz is going to fight against Angela Merkel, but they are almost friends. However, they will be fighting honestly.

As for your question, Aleksandr Aleksandrovich, I will answer it right away. Of course, Germany will not save the European Union single-handedly. However, Aleksey Anatolyevich is right — the Union does not require a rescue at the moment.

There is such a historical paradox: in 1945, everyone was concerned about Germany — what to do about this country? This country caused so much suffering to humanity that no other nation did. If there had been no cold war, the country would have been torn to pieces by the Russians, Americans and other nations. Their hatred towards Germany was infinite. The cold war rescued both East and West Germany. The point is that they have learned a lesson from their past and managed to considerably outrun all other countries in all aspects: in terms of both democracy and economy. They do not know what to do about this fact. Contemporary Germany does

not strive for formal dominancy in the EU. It wants to maintain and develop the Union. Maintaining the German-French partnership is the only option in this context. That is why the presidential election in France has an existential meaning for the EU. Overall, it is too early to give up on the European Union, although, in fact, it is just an island of wealth. They compose only 7% of the world population, and no one lives as well as they do. It is no coincidence that many people want to go there in spite of the acute problems the Union experiences at the moment.

Now let us speak about Russia in the European context. I agree with Aleksey's skeptical point of view, i.e. our relations are in a very bad state. It is a disgrace for both parties. The conflict in Donbass is the key reason for that.

I believe that, if Germany does not exert strong influence on Kiev, and we do not exert strong influence on the leaders of the self-proclaimed republics of Lugansk and Donetsk, we will be unable to change this situation. We do not have any other reasonable alternative, except the renewal and development of mutual cooperation in the world ruled by two nations: outgoing America and rising China.

I do not like it when the Germans teach us democracy, but we have to admit that they are often right. Of course, interests are above all, but values should also matter. In this context, EU and its democratic values are extremely important to Russia. The so-called post-democratic world is not the world we want for ourselves, our children and grandchildren.

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ ГЛАЗАМИ РОССИЙСКОГО БИЗНЕСА

EUROPEAN UNION VIEWED BY RUSSIAN BUSINESS

К.С. ТЕТЕРЯТНИКОВ

Член Правления Вольного экономического общества, руководитель Группы независимых консультантов, к. ю. н.

K.S. TETERYATNIKOV

Member of the Free Economic Society Management Board, General Director of Independent Consulting Group, LL. D

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена истории, сегодняшнему дню и будущему Европейского союза как соседа и основного торгового партнера Российской Федерации. Автор полагает, что, несмотря на режим международных санкций, существуют объективные возможности для расширения не только приграничного, но и взаимовыгодного экономического сотрудничества среднего и малого бизнеса в различных отраслях, в том числе в экономике знаний. Диверсификация составов советов директоров за счет включения в них иностранных независимых директоров из ЕС и России способствовала бы не только повышению уровня корпоративного управления за счет социокультурного и национального многообразия, но и улучшению взаимного доверия на уровне бизнеса, чего сейчас так не хватает в двусторонних отношениях Российской Федерации и Европейского союза.

ABSTRACT

The article covers the past, today and the future of the European Union as a neighbor and a major trade partner of the Russian Federation. The author strongly believes that notwithstanding current international sanctions there are still good opportunities for expanding cross-border as well as small and medium business cooperation on a mutually beneficial basis in various areas including knowledge-driven economy. Inviting foreign non-executive directors from the EU and Russia to the boards of directors of the two sides would contribute both to raising corporate governance level as well as to improving mutual trust on the level of business which bilateral Russia-EU relations lack so much now.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Европейский союз, отцы-основатели ЕС, политика разорения соседа, проблемы и перспективы ЕС, разноуровневая система взаимоотношений в Европе, новые сферы сотрудничества, иностранные независимые члены совета директоров.

KEY WORDS

European Union, EU founding fathers, beggar-thy-neighbor policy, EU problems and prospects, multi-tire system in Europe, new areas of cooperation, foreign non-executive directors

Российская Федерация географически расположена в Восточной Европе и Северной Азии, причем 1/3 российской территории находится в европейской части, а 2/3 — в Азии. Россия, как и Китай, граничит с 14 государствами, при этом пять из них (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша) являются членами Европейского союза (ЕС), а еще одно — Норвегия, хотя и не член Евросоюза, но входит в Европейское экономическое пространство и Шенгенскую зону. Более того, несмотря на

взаимные экономические санкции, Евросоюз остается основным торговым партнером для Российской Федерации, а среди европейских зарубежных партнеров Россия занимает почетное третье место после США и Китая. Возобновление полноценного политического взаимодействия ЕС и России на данном этапе представляется маловероятным, однако это не исключает расширения и диверсификации экономического сотрудничества, особенно по линии среднего и малого предпринимательства. В этом плане крайне важно понимать особенности своих европейских бизнес-партнеров.

Евросоюз — уникальное международное образование, сочетающее признаки международной организации и государства, причем формально он не является ни тем ни другим. Возможно, именно поэтому в отличие от федеративного государства Советский Союз и Соединенных Штатов Америки второе слово названия того объединения на русском языке пишется с прописной буквы — Европейский союз. Этим подчеркивается, что, будучи субъектом международного публичного права, тем не менее Евросоюз государством не является. В отдельных областях решения принимаются независимыми наднациональными институтами, а в других — осуществляются посредством переговоров между государствами-членами.

ЕС объединяет лишь часть народов, проживающих на территории старушки Европы (*Grand Dame Europe*). На самом деле та Европа, которую в древнегреческой мифологии похитил Зевс, была юной финикийкой — именно этот сюжет лег в основу картин «Похищение Европы» кисти великих художников Рембрандта и Серова. «Старушка» же означает лишь принадлежность к так называемому Старому Свету

(Европа, Азия и Африка) в противовес открытому Колумбом Новому Свету (Северная Америка).

В настоящее время Евросоюз объединяет 28 из 48 государств, расположенных в Европе (пять из которых лишь частично находятся в Европе, поэтому европейскими государствами их можно назвать только условно). Тем не менее в Европе проживают около 800 млн человек, или 10% населения Земли, из них 520 млн приходится на долю стран ЕС (в России — 147 млн чел). Площадь ЕС в четыре раза меньше России, а плотность проживания населения в 15 раз выше (116 чел/кв. км). На экономику стран Евросоюза приходится 24,6% мирового ВВП (Россия — 1,6%). Совокупный ВВП стран Евросоюза по паритету покупательной стоимости (19,2 трлн долл. США) занимает второе место в мире после Китая (21,3 трлн долл. США), опережая при этом США (18,6 трлн долл. США). Уже только эти показатели заставляют российский бизнес серьезно задуматься над тем, что такое Евросоюз и каким образом ему удастся при всех существующих объективных и субъективных проблемах его развития оставаться в лидерах мирового сообщества.

История Европейского союза

Идея объединения европейских народов неоднократно приходила к политикам разных времен и народов, начиная с Римской империи. Об объединенной Европе, построенной на конфедеративной основе с единым законодательством, денежной системой и армией во главе с императором, мечтал Наполеон [4]. В начале XX века идея создания Соединенных Штатов Европы активно продвигалась французскими масонами. В 1915 году В.И. Ленин даже написал известную статью «О лозунге Соединенные Штаты Европы», разобла-

чающую планы мирового капитала по интеграции Европы в преддверии нарастающей угрозы социализма [5].

В 1922 году австрийский философ, писатель, политик, граф Рихард Николаус Куденхове-Калерги (нем. *Richard Nikolaus Coudenhove-Kalergi*; 1894–1972) опубликовал свое знаменитое произведение «Пан-Европа» и основал Панъевропейский союз, ставший первой организацией, стремящейся к объединению Европы. Идеи Куденхове-Калерги быстро завоевали поддержку многих европейских интеллектуалов, среди которых следует упомянуть такие имена, как Гийом Аполлинер, Альберт Эйнштейн, Зигмунд Фрейд, Томас Манн, Хосе Ортега-и-Гассет, Пабло Пикассо, Райнер Мария Рильке, Сен-Жон Перс и др. В число членов организации вошли также политики Аристид Бриан (фр. *Aristide Briand*; 1862–1932) и Кónрад Аденауэр (нем. *Konrad Hermann Joseph Adenauer*; 1876–1967), сыгравшие в последующем ключевую роль в рождении прототипа Евросоюза.

Среди отцов-основателей ЕС сегодня не упоминается имя Аристида Бриана, многократного министра иностранных дел и премьер-министра Франции, дважды лауреата Нобелевской премии мира, первого председателя Панъевропейского союза, создателя первой европейской системы коллективной безопасности, положившей в основу принцип запрета войны как средства национальной политики, автора несостоявшегося проекта Конфедерации европейских государств 1929–1931 гг. Бриан, к сожалению, допустил целый ряд ошибок, связанных с общественно-политической обстановкой того времени: игнорирование Советского Союза, уже игравшего в то время существенную роль в Европе; акцент на военно-политические, а не на экономические аспекты; направленность конфедерации 27 государств Европы при

лидерстве Франции против Великобритании, США и Германии. В результате допущенных ошибок панъевропейский проект был провален. Бриан скончался в 1932 году, так и не увидев плодов своих усилий по объединению Европы.

Что касается Куденхове-Калерги, то именно он заложил основы идеологии нынешнего Евросоюза, обозначив его цели: свобода, мир, экономическое процветание и культура. Его книги были запрещены и подлежали сжиганию в фашистской Германии. Он оставил глубочайший след в истории объединения Европы, будучи соавтором знаменитой речи бывшего премьер-министра Великобритании сэра Уинстона Черчилля в Цюрихском университете 19 сентября 1946 года, где тот заявил: «...мы должны воссоздать европейскую семью в рамках региональной структуры, которая могла бы называться Соединенными Штатами Европы». Черчилль надеялся, что Великобритания, Британское Содружество, США и Советская Россия «будут друзьями и покровителями новой Европы, отстаивающими ее право на жизнь и процветание». Последние слова речи Черчилля и сегодня любят цитировать европейские политики и ученые: «Да воскреснет Европа!» («*Let Europe arise!*”).

Впрочем, дальнейшие действия Черчилля свидетельствуют о том, что его понимание Соединенных Штатов Европы на самом деле сильно отличалось от видения объединенной Европы Куденхове-Калерги. На тот момент времени Лондон и Вашингтон намеревались создать англо-американский союз, в котором Европа рассматривалась лишь как зона свободной торговли под контролем наднациональной инстанции, руководимой Великобританией. Именно поэтому в послевоенный период при активном участии Черчилля, а также спецслужб США и Великобритании был

создан целый ряд международных организаций, декларировавших в качестве своей основной цели объединение европейских государств. Среди них можно назвать Лигу европейского сотрудничества (*League for European Cooperation, LEC*), генеральным секретарем которой стал Юзеф Ретингер (польск. *Józef Hieronim Retinger*; 1888–1960), бывший советник правительства Польши в изгнании (правительство Сикорского в Лондоне) и агент британской разведки, а председателем — бывший премьер-министр Бельгии Поль ван Зееланд (*Paul van Zeeland*; 1893–1973). В сентябре 1946 года по инициативе будущего главы ЦРУ Аллена Даллеса (*Allen Welsh Dulles*; 1893–1969) в Швейцарии создается Европейский союз федералистов (*Union of European Federalists, UEF*). В январе 1947 года Черчилль основал Временный комитет объединенной Европы (*Provisionnal United Europe Committee*). В самих США при участии руководителей ЦРУ Уильяма Донована (*William J. Donovan*, 1883–1959) и Аллена Даллеса влиятельный сенатор Джеймс Уильям Фулбрайт (*James William Fulbright*; 1905–1995), в честь которого была названа в последующем соответствующая образовательная программа, создает Комитет за свободную и объединенную Европу (*Free and United Europe Committee*). Однако вскоре этот комитет сменил другой — Американский комитет объединенной Европы (*American Committee on United Europe*).

В мае 1948 года в Гааге Черчилль организует Европейский конгресс, чтобы объединить Общеввропейский союз, Лигу европейского сотрудничества, Союз федералистов и другие подобные организации. В результате принимается решение об учреждении Европейского движения (*The European Movement*). Президентом движения избирается зять Чер-

чилля барон Дункан Сэндис (*Duncan Sandys*; 1908–1987), а генеральным секретарем — Юзеф Ретингер. Почетными президентами Европейского движения были избраны известные и популярные политические деятели того времени — У. Черчилль, Леон Блюм (*Leon Blum*, 1872–1950), бывший узник Бухенвальда и премьер-министр Франции, Альцид Де Гаспери (итал. *Alcide Amedeo Francesco De Gasperi*; 1881–1954), премьер-министр Италии, Поль-Анри Шарль Спаак (*Paul Henri Charles Spaak*, 1899–1972), инициатор создания союза Бенилюкс (Бельгии, Нидерландов и Люксембурга). Европейское движение способствовало появлению в 1949 году Совета Европы, объединяющего в настоящее время все 48 европейских государств (Россия вошла в Совет Европы только в 1996 году).

Для координации проектов экономической реконструкции Европы в рамках плана Маршалла в 1948 была создана Организация европейского экономического сотрудничества (*Organisation for European Economic Co-operation, OEEC*), с 1961 года именуемая Организацией экономического сотрудничества и развития, ОЭСР (*Organisation for Economic Cooperation and Development, OECD*). В настоящее время в эту международную экономическую организацию входят 35 государств, в том числе и ведущие члены Евросоюза. Однако наряду с европейскими странами членами ОЭСР являются также государства, расположенные в других частях света (например, США, Канада, Австралия, Япония, Южная Корея и т.д.). Россия не входит в состав этой организации, хотя и вела соответствующие переговоры о вступлении в нее. С марта 2014 года эти переговоры прерваны.

В 1949 году на основе Западноевропейского оборонительного союза был создан Североатлантический альянс (*North*

Atlantic Treaty Organization, NATO). В настоящее время в этот военно-политический блок входят 29 государств, в том числе большинство стран Евросоюза.

Очевидно, что во многом стремление к европейской интеграции в трех основных сферах — политике, экономике и обороне обуславливалось страхом перед военной и экономической мощью Советского Союза. Однако помимо этого основного мотива важную роль играл также фактор американо-англо-французского соперничества за лидерство в объединенной Европе. Давление Вашингтона и Лондона на своих европейских партнеров по плану Маршалла вызывало у европейцев желание избавиться от навязчивой опеки «старших» товарищей. В начале 1950 года руководитель французской комиссии по планированию и модернизации французской экономики Жан Монне (фр. *Jean Monnet*, 1888–1979) поделился с министром иностранных дел Франции Робером Шуманом (фр. *Robert Schuman*, 1886–1963) идеей создания европейской организации, которая бы контролировала все европейское производство угля и стали, в том числе и в Германии. Таким образом, создавался не только единый товарный рынок Европы, способствовавший хозяйственному возрождению Европы, но и достигалась важнейшая цель предотвращения тайного использования этих основных ресурсов для оборонной промышленности.

Заручившись поддержкой федерального канцлера ФРГ Кónрада Аденауэра (нем. *Konrad Adenauer*, 1876–1967), полностью поддержавшего этот простой, но эффективный план Монне, Р. Шуман 9 мая 1950 года сделал официальное заявление об объединении угольной и сталелитейной промышленности Франции и Германии, что дало толчок

к созданию Европейского сообщества производителей угля и стали (*the European Coal and Steel Community, ECSC*).

Интересно, что в Европе существует два официальных праздника, называемых Днем Европы. Они отмечаются в день создания Совета Европы (5 мая 1949 года, объявлен праздником Советом Европы в 1964 году) и в день декларации Шумана (9 мая 1950 года, с 1985 года этот День Европы отмечается ежегодно во всех странах Европейского союза как праздник мира и единства). День же победы над фашистской Германией отмечается 8 мая, когда был подписан соответствующий акт о капитуляции по европейскому времени.

18 апреля 1951 года в Париже был подписан договор о Европейском сообществе производителей угля и стали. Его участниками стали шесть стран — Франция, ФРГ, Италия, Бельгия, Нидерланды и Люксембург. Эти страны и сегодня составляют основу Европейского союза. Парижский договор вступил в силу 23 июля 1952 года и истек 23 июля 2002 года, спустя ровно 50 лет после его вступления в силу.

Официальный список отцов-основателей ЕС (*EU founding fathers*) включает лишь 11 имен [6]. Среди них семь человек, стоявших у истоков создания Европейского сообщества производителей угля и стали: Ж. Монне (его и сегодня называют «Отцом Европы»), Р. Шуман, которого католики пытались даже канонизировать за его заслуги перед Европой, К. Аденауэр (среди европейцев именуемый «*Der Alte*» («Старик» или «Хозяин» на нем.), Поль-Анри Спаак, «Отец Бенилюкс», Альчиде Де Гаспери, премьер-министр Италии, Жозеф Беш (люксем. *Joseph Bech*; 1887–1975), премьер-министр Люксембурга, и Йохан Виллем Бейен (нидерл. *Johan Willem Beyen*; 1897–1976), министр иностранных дел Нидерландов,

в последующем сыгравший большую роль в обосновании необходимости горизонтальной, а не только отраслевой интеграции Европы («план Бейена»).

Еще четыре человека внесены в список за различные заслуги перед Евросоюзом. Среди них: Уинстон Черчилль — за его призыв к созданию Соединенных Штатов Европы; Альтиери Спинелли (итал. *Altiero Spinelli*; 1907–1986) — итальянский государственный деятель, называемый европейцами пророком Европейского союза (*prophet of the European Union*), поскольку именно он стал автором проекта Договора об учреждении Европейского союза 1984 года («план Спинелли»), послужившего впоследствии основой для Закона о создании единого европейского рынка (*the Single European Act of 1986*) и Маастрихтского договора о Европейском союзе 1992 года (*The Maastricht Treaty on European Union or TEU*); Сикко Мансхольт (*Sicco Mansholt*; 1908–1995), автор Единой сельскохозяйственной политики ЕС, одного из наиболее выдающихся направлений политики союза с начала его основания; и Вальтер Хальштейн (нем. *Walter Hallstein*; 1901–1982), первый председатель Еврокомиссии после ее создания в 1958 году.

Куденхове-Калерги же в список отцов-основателей ЕС не попал, хотя среди его заслуг перед ЕС не только разработка идеологии европейского единства, но и активное участие в создании атрибутов Евросоюза. Так, например, в начале 1950-х годов Куденхове-Калерги предложил свой вариант флага Совета Европы, который впоследствии стал и флагом Евросоюза — 12 золотых звезд, расположенных по кругу на голубом фоне. Внутри круга звезд, по его замыслу, должен был быть золотой круг, посреди которого был расположен красный христианский крест. 12 звезд означали постоян-

ство (12 времен года, 12 знаков зодиака, 12 часов на циферблате часов и т.д.), а круг — символ единства равных народов (по аналогии с круглым столом Короля Артура). От золотого круга и креста члены Совета Европы отказались, а вот флаг со звездами на голубом фоне был утвержден и существует в неизменном виде до сих пор.

В 1955 году Куденхове-Калерги предложил также принять в качестве нового европейского гимна «Оду к радости» Фридриха Шиллера, положенную на музыку Бетховена. «Ода к радости», написанная Шиллером в 1785 году, посвящалась празднованию братства людей. Прелюдия к «Оде к радости» (4-я часть 9-й симфонии Людвиг ван Бетховена) была официально утверждена в качестве гимна Совета Европы лишь в 1972 году, после того как слова на немецком языке были сняты, чтобы не поднимать статус одного языка над другим. Сегодня эта мелодия является официальным гимном как Совета Европы, так и Евросоюза.

Официальный лозунг ЕС “*In varietate Concordia*” (латинский) или «*United in diversity*» (англ.) в переводе на русский язык означает «единство в многообразии». Данный лозунг появился лишь в 2000 году после многоступенчатого обсуждения. Этот девиз символизирует единство европейцев в работе на благо мира и процветания при сохранении множества различных культур, традиций и языков Европы. Такой подход полностью соответствует идеям пан-Европы, высказанным Куденхове-Калерги еще в 1922 году.

После создания Европейского сообщества производителей угля и стали европейские страны прошло большой путь по созданию единого экономического пространства, системы правосудия, общей внешней политики и безопасности посредством подписания новых международных

договоров — Римского, Маастрихтского, Шенгенского, Амстердамского, Ниццкого и, наконец, Лиссабонского. Интеграционные процессы в Европе продолжаются.

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ СЕГОДНЯ

В Евросоюзе до сих пор отсутствует конституция. Проект конституции ЕС, подписанный 29 октября 2004 года в Риме, так и не был ратифицирован всеми членами Евросоюза, поэтому 19 октября 2007 года был заменен Лиссабонским договором (Лиссабонский договор о внесении изменений в Договор о Европейском союзе (Маастрихтский договор от 7 февраля 1992 года) и Договор об учреждении Европейского сообщества (Римский договор от 25 марта 1957 года), англ. *Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community*). Лиссабонский договор содержит положения о порядке функционирования институтов ЕС в новых условиях.

На данный момент сформированы семь руководящих органов ЕС:

- Европейский совет (*the European Council*) — высший политический орган Европейского союза, состоящий из глав государств и правительств стран — членов ЕС.
- Совет Европейского союза (*the EU Council or the Council of Ministers*) — наряду с Европейским парламентом один из двух законодательных органов Европейского союза.
- Европейская комиссия (*the European Commission*) — высший орган исполнительной власти Евросоюза. Отвечает за выполнение решений ЕС.
- Европейский суд (*The Court of Justice of the European Union*) — высший суд ЕС.

- Европейский парламент (*the European Parliament*) имеет три важнейшие задачи: законодательство, бюджетирование и контроль деятельности Европейской комиссии.
- Европейская счетная палата (*The European Court of Auditors*) — институт, осуществляющий аудиторскую проверку бюджета ЕС и его учреждений.
- Европейский центральный банк (*The European Central Bank, ECB*) — центральный банк Евросоюза и зоны евро.

Кроме ранее упомянутых договоров, правовую основу деятельности Евросоюза дополняет Хартия Европейского союза об основных правах (*The Charter of Fundamental Rights of the EU*) от 7 декабря 2000 года. Хартия, представляющая собой самый современный образец Билля о правах (*Bill of Rights*) США от 15 декабря 1791 года, носила декларативный характер до вступления в силу Лиссабонского договора 1 декабря 2009 года. С тех пор Хартия является юридически обязательным для исполнения документом для всех стран и граждан ЕС. Положения Хартии по сути содержат описание европейских ценностей, подлежащих защите общеевропейскими и национальными судебными органами. Европейский суд нередко прямо ссылается на соответствующие разделы Хартии, обосновывая свои решения.

Европейский суд, расположенный в Люксембурге, — интереснейший институт Евросоюза. Его полное название — *European Court of Justice* нередко переводят буквально как Европейский суд справедливости. Между тем этот суд был всего лишь назван по аналогии с британским Высоким судом правосудия (*Her Majesty's High Court of Justice in England*). В англосаксонском праве исторически сложились два подхода к осуществлению правосудия — на основе верховенства

письменных законов (*rule of law*) и руководствуясь прагматическими соображениями судьи в каждом конкретном случае, исходя из собственного понимания справедливости (*rule of equity*). Судебная система Евросоюза не относится ни к англосаксонской, ни к континентальной правовым системам. Это совершенно новый тип правовой системы, где суд исходит как из указанных выше источников права (учредительных договоров и соглашений ЕС), так и из прецедентных решений, исходя из уставных целей Евросоюза.

Особенностью Европейского суда является то, что он сочетает в себе функции конституционного и высшего суда. При этом суд полностью независим от каких-либо иных институтов ЕС. Поэтому было бы правильным называть его либо просто Европейским судом, либо Европейским судом правосудия, нисколько при этом не умаляя справедливости выносимых им решений (ведь слово *justice* означает не только справедливость, но и правосудие). Европейский суд является высшей судебной инстанцией Евросоюза. Его решения всегда окончательные и не подлежат пересмотру. В силу высочайшего профессионализма это, пожалуй, самое уважаемое всеми европейцами и правительствами стран — членов ЕС учреждение Евросоюза (наименее уважаемые институты Евросоюза — Европарламент и Еврокомиссия).

Европейский союз — первое и пока единственное в мире региональное объединение государств, перешедших к пятой стадии экономической интеграции (вслед за зоной свободной торговли, таможенным и валютным союзом, общим рынком). Однако его влияние на европейские и мировые процессы шире, благодаря участию членов ЕС в целом ряде других объединений. Среди них Шенгенская зона, в которую входят 26 государств, в том числе все страны ЕС (за исклю-

чением Великобритании и Ирландии, Румынии, Болгарии, Кипра и Хорватии), а также Норвегия, Исландия, Швейцария и Лихтенштейн, не входящие в ЕС (плюс карликовые государства Монако, Сан-Марино, Ватикан и Андорра, также признающие Шенген). Пограничный контроль в странах этой зоны с общим населением свыше 400 млн человек осуществляется только на внешней границе — при въезде и выезде из зоны, но без пограничного контроля на внутренних рубежах государств, входящих в эту зону.

Еврозона — валютный союз 19 стран — членов ЕС с более чем 330 миллионами жителей. Не входят в еврозону Болгария, Великобритания, Венгрия, Дания, Польша, Румыния, Хорватия, Чехия и Швеция, использующие свои собственные национальные валюты. Кроме того, евро в качестве национальной валюты используют четыре карликовых европейских государства плюс два заморских региона Франции (по договоренности), а также Косово и Черногория (без договоренности с ЕС). Таможенный союз ЕС, в который входят все страны Евросоюза плюс Турция и карликовые государства Монако, Сан-Марино, Ватикан и Андорра. Единый таможенный режим для членов Таможенного союза ЕС означает отмену всех таможенных пошлин и ограничений между странами-членами, введение единого импортного тарифа для товаров и услуг третьих стран, общую торговую политику на внешних рынках.

Европейская экономическая зона (или Европейское экономическое пространство), объединяющая 31 государство, среди которых 28 стран — членов ЕС и три из четырех стран — членов Европейской ассоциации свободной торговли, ЕАСТ (Норвегия, Исландия и Лихтенштейн). Член ЕАСТ Швейцария не входит в пространство, но двусторонние

договоры с ЕС позволяют ей успешно работать на внутреннем рынке ЕС. В Европейской экономической зоне действует свобода передвижения товаров, услуг, трудовых ресурсов и капитала.

Кроме того, Евросоюз имеет существенное влияние на приграничные с ЕС государства посредством реализации Европейской политики добрососедства, ЕПД (*European Neighbourhood Policy; ENP*) [7]. Эта долгосрочная политика направлена на создание зоны безопасности и благосостояния вокруг границ ЕС. В рамках ЕПД реализуются конкретные программы развития сотрудничества Евросоюза с соседними странами в области политики, безопасности, экономики и культуры. ЕПД распространяется на отношения с 16 странами Восточной Европы и Средиземноморья (Алжир, Марокко, Египет, Израиль, Иордания, Ливан, Ливия, Палестинская Автономия, Сирия, Тунис, Армения, Азербайджан, Беларусь, Грузия, Молдова и Украина). На совместные проекты в рамках ЕПД в течение 2014–2020 годов ЕС выделит бюджет в 15,4 млрд евро. Россия хотя официально и не входит в этот список, тем не менее в настоящее время реализует семь совместных с ЕС программ приграничного сотрудничества: «Коларктик», «Карелия», «Юго-Восточная Финляндия — Россия», «Россия — Эстония», «Россия — Латвия», «Россия — Литва» и «Россия — Польша».

Важно, что ЕПД исключает использование «политики решения собственных проблем за счет соседей» или «политики разорения соседа» (*beggar-thy-neighbor policy*). Автором этого термина в экономической науке является Джоан Робинсон (Joan Robinson; 1903–1983), известный британский экономист из Кембриджского университета, ученица Джона Мейнарда Кейнса (John Maynard Keynes, 1983–1946).

Выдающийся экономист Кейнс так и не стал нобелевским лауреатом, поскольку Нобелевская премия в сфере экономики была учреждена лишь в 1968 году, а первое ее вручение состоялось в 1969 году. Однако Джоан Робинсон, одна из основательниц макроэкономики как науки, выдвигалась на эту премию в 1975 году, но лауреатом так и не стала (по-видимому, из-за своих увлечений марксизмом и маоизмом). Зато нобелевскими лауреатами стали двое ее учеников — Джозеф Стиглиц и Амартия Сен.

В 1930-е годы в составе так называемого Кембриджского кружка, возглавляемого Кейнсом, Робинсон занималась различными исследованиями причин и последствий Великой депрессии в США. Как известно, летом 1930 года, несмотря на протест 1028 известных американских экономистов, по инициативе президента Герберта Гувера был принят Закон Смута — Хоули о тарифах (*The Smoot-Hawley Tariff Act*). В соответствии с законом были подняты таможенные ставки на более чем 20 тысяч импортируемых товаров. Результатом стала ответная реакция других государств, даже ближайших соседей — Канады и Мексики, в свою очередь также поднявших пошлины на американские товары. Это привело к резкому спаду торгового оборота между США, их соседями и европейскими странами, что ускорило негативные процессы в американской экономике и окончательно ввергло страну в Великую депрессию.

В 1937 году Робинсон в своем эссе на тему «Введение в теорию занятости» (*Introduction to the Theory of Employment*) впервые дала определение политики разорения соседа как «экономической политики, с помощью которой одна страна пытается решить свои экономические проблемы за счет других стран». Робинсон перечислила четыре основных

инструмента *beggar-thy-neighbor policy*: искусственная девальвация национальной валюты, сокращение зарплат, экспортные государственные субсидии и ограничение импорта.

Сегодня некоторые лозунги новоизбранного президента США Д. Трампа, которого журнал *The Economist* называет экономическим националистом (*America First*), основаны на смеси популизма и протекционизма, что в очередной раз может привести к печальным последствиям как для самих Соединенных Штатов, так и для их крупнейших торговых партнеров — Евросоюза и Китая. В современных условиях глобализации реализация США политики разорения соседа вполне может привести к очередному мировому кризису, в результате которого обнищает уже весь мир (ситуация “*Beggar-the-Whole-World*”) [8]. В этой связи политика добрососедства, проводимая Евросоюзом, рассматривается многими экспертами как пример взаимовыгодного сотрудничества.

Политика Евросоюза по поддержке кандидатов на вступление и новых членов ЕС также способствует усилению роли этого надгосударственного объединения в мире. Новые члены принимаются в Евросоюз на основе всеобъемлющих процедур, включающих: оценку полноты соответствия кандидата всем стандартам и правилам ЕС, получение согласия со стороны всех семи институтов ЕС и всех 28 членов ЕС, согласие всех граждан этого государства — кандидата на вступление в ЕС, выраженное в соответствии с законодательством этого государства голосованием в парламенте или всенародным референдумом [9].

Для определения готовности кандидата к принятию в Европейский союз в 1993 году на основе Маастрихтского до-

говора Европейским советом были разработаны и приняты так называемые Копенгагенские критерии, в соответствии с которыми государство — кандидат на вступление в Евросоюз должно соблюдать принципы демократии, свободы и уважения прав человека, а также принцип верховенства закона (ст. 6, ст. 49 Договора о Европейском союзе). Также в стране должна присутствовать конкурентоспособная рыночная экономика и должны признаваться общие правила и стандарты ЕС, включая приверженность целям политического, экономического и валютного союза [10].

Кроме того, для кандидатов на вступление в Евросоюз огромное значение имеет набор правил, норм и процедур под общим названием “*acquis communautaire*”, который можно перевести на русский язык как «Достояние Сообщества», хотя в официальных документах ЕС, публикуемых на различных языках стран — членов ЕС, оно не переводится и употребляется в приведенной выше французской транскрипции. На данный момент времени *acquis communautaire* включает в себя 35 разделов, в которых изложены правовые основы жизнедеятельности ЕС в самых различных сферах общественно-экономической жизни. Эти нормы не могут быть поставлены под сомнение или модифицированы новыми государствами при их вступлении в ЕС. Первые четыре раздела *acquis communautaire* посвящены четырем свободам передвижения — людей, товаров, услуг и капитала, являющихся столпами общеевропейского рынка. Там же содержится и перечень основных европейских ценностей, которые кандидаты должны разделять: равенство, свобода, достоинство, уважение других членов ЕС, соблюдение прав человека, верховенство закона, демократия, толерантность, плюрализм мнений и свобода средств массовой информации [11].

На 1 апреля 2017 года приняты и рассмотрены заявки о приеме в ЕС пяти стран (Турецкая Республика, Республика Албания, Черногория, Республика Македония, Республика Сербия). Им официально присвоен статус кандидата на вступление. Впрочем, это не означает их скорого приема в члены ЕС. Ведь та же Турция имеет статус кандидата с 1999 года, подав заявление на вступление в 1987-м, а вообще-то соглашение об ассоциации было подписано между Турцией и Европейским экономическим сообществом еще в 1960 году. Однако эта страна испытывает большие сложности с приведением своего социально-экономического и политического устройства в соответствие с Копенгагенскими критериями и положениями *acquis communautaire*. Слишком далека политика, проводимая президентом Турции Эрдоганом, от восприятия мироустройства Евросоюзом. Что касается балканских государств, Евросоюз пытается их подтолкнуть (к перечисленным выше Балканским странам добавляются не признанное Россией Косово и Босния и Герцеговина, с которыми ЕС также подписал соглашение о стабилизации и ассоциации) к созданию некоего Балканского экономического сообщества, которое должно совместными усилиями стремиться к достижению стандартов ЕС в области политики, экономики и законодательства).

Впрочем, помимо указанных выше соглашений ЕС имеет множество иных соглашений об ассоциации с различными названиями. Так, например, в 2014 году были подписаны соглашения об ассоциации с Грузией, Молдовой и Украиной, ранее были подписаны европейско-средиземноморские соглашения о налаживании ассоциации с Алжиром и Египтом и об ассоциации с Ливаном, Иорданией, Марокко, Израилем и Тунисом. Существуют и многие другие двусторонние до-

говоры о сотрудничестве. Однако, как неоднократно подчеркивало руководство ЕС, статуса ассоциированного члена Евросоюза не существует. Есть лишь статус официального кандидата, который так же, как это видно на примере Турции, далеко не гарантирует вступления в Евросоюз. А договоры об ассоциации различных видов содержат лишь обязательства отдельных государств о проведении политических, экономических или законодательных реформ, приближающих эти страны к стандартам и нормам ЕС. В обмен на это ассоциированное государство может получить определенные ограниченные льготы, например безвизовый въезд при сохранении ограничений на трудоустройство, как это было с Украиной, или беспопшлинный доступ к рынку ЕС или отдельных стран ЕС по некоторым товарам и/или услугам, а также финансовую или техническую помощь. Любое соглашение об ассоциации подлежит ратификации всеми государствами — членами ЕС.

В ноябре 2016 года Еврокомиссия выступила с докладом о политике расширения Евросоюза (*Communication on EU Enlargement Policy*), подтвердив ужесточение контроля за соблюдением требований к кандидатам в члены ЕС [12]. Повидимому, в ближайшие пять — семь лет ЕС сосредоточится на решении своих внутренних проблем развития, отказавшись от приема новых членов. Тем более что, несмотря на стремление многих стран стать членами Евросоюза, существуют и центробежные тенденции по выходу отдельных стран из ЕС. В частности, 29 марта 2017 года заявление о выходе из Евросоюза подала Великобритания. В самой Европе набирают силу евроскептики, представляющие самые различные политические движения. Популисты (тот же Национальный фронт Марин Ле Пен во Франции или движение

Пяти звезд в Италии) строят свои избирательные компании на основе протестных настроений европейцев, чьи надежды на счастливое будущее в рамках объединенной Европы не оправдались. Возникают все новые очаги напряженности, связанные с обсуждением возможности выхода различных стран из Евросоюза (*Frexit, Grexit, Niderexit, Italexit* и т.д.). Все это свидетельствует о наличии серьезных проблем в развитии Евросоюза.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

В преддверии празднования 60-летия Римского договора от 25 марта 1957 года в начале марта 2017 года Еврокомиссия опубликовала доклад «О будущем Европы», содержащий подробный анализ достижений и проблем Евросоюза, а также описание сценариев дальнейшего развития ЕС в период до 2025 года [13]. Причем в подзаголовке доклада было демонстративно указано, что речь идет о 27 членах Евросоюза, хотя на тот момент Великобритания еще не подала соответствующего заявления в Совет ЕС. Более того, в соответствии с пунктами 2 и 3 статьи 50 (бывшая статья 49 А) Лиссабонского договора «2. Государство-член, которое принимает решение о выходе, уведомляет о своем намерении Европейский совет. В свете ориентиров, установленных Европейским советом, Союз проводит переговоры и заключает с данным государством соглашение, которое определяет порядок выхода последнего с учетом основ его будущих взаимоотношений с Союзом. Переговоры о заключении данного соглашения проводятся в соответствии с параграфом 3 статьи 218 Договора о функционировании Европейского союза. Соглашение от имени Союза заключает Совет, постановляя квалифицированным большинством, после одобрения Ев-

ропейского парламента. 3. Договоры прекращают применяться к заинтересованному государству со дня вступления в силу соглашения о выходе либо — при отсутствии такого соглашения — через два года с момента уведомления, предусмотренного в параграфе 2, если только Европейский совет с согласия заинтересованного государства-члена единогласно не решит продлить этот срок».

Таким образом, Великобритания остается полноправным членом Евросоюза либо до вступления в силу соответствующего соглашения о выходе, либо до 28 марта 2019 года включительно. Потеря Великобритании, на которую приходится 15% ВВП Евросоюза, безусловно, негативно скажется на общем состоянии экономики и ЕС, и Великобритании. Выход Великобритании из Евросоюза, получивший название **Brexit** (Брекзит) от слияния английских слов Britain – Британия и Exit – выход (чаще всего это слово во всех языках используется именно в английской транскрипции), повлечет за собой множество изначально непредвиденных последствий. Так, например, ЕС предстоит перераспределить британскую долю в расходах бюджета Союза среди оставшихся членов, поскольку Лондон уже сейчас заявляет о своем отказе финансировать участие в ЕС в полном размере. Кроме того, возникает масса вопросов о статусе граждан ЕС, работающих и проживающих в настоящее время в Великобритании (а их насчитывается почти 3 млн, в том числе свыше миллиона граждан Польши), одновременно свыше 2 млн британцев работают в странах ЕС. Не исключено и проведение соответствующего повторного референдума о выходе Шотландии уже из состава Великобритании.

Из-за попыток У. Черчилля при содействии США поставить процесс экономического объединения Европы под

британский контроль, что вызвало отторжение у европейских континентальных государств, Великобритания вступила в ЕЭС только в 1973 году после долгих лет переговоров. Однако за прошедшие до британского референдума о Brexit 43 года между континентальной Европой и Британией образовались очень прочные экономические, торговые связи, а также связи между людьми. Вместе с тем в последние годы недовольство Лондона уровнем государственного управления, осуществляемого брюссельскими бюрократами (не случайно их назвали еврократами — Eurocrats), становилось все более очевидным. Великобританию не устраивали решения по приему эмигрантов из арабских государств, принятые под нажимом Германии. В какой-то степени сыграло свою роль нежелание франко-германского руководства допустить в качестве третьего члена своего мини-союза премьер-министра Великобритании, ведь ее не было среди первых шести стран — подписантов Парижского договора 1951 года. Сказывались также и сугубо экономические и социальные проблемы Великобритании, истоки которых британцы видели в недостаточно компетентном управлении Брюсселем развитием экономики и внешней торговли ЕС.

Впрочем, подобные претензии высказывают многие страны ЕС. По-видимому, многим странам свойственно (да, впрочем, и очень удобно) винить в собственных проблемах соседние государства. В какой-то степени это можно объяснить неравенством в социально-экономическом развитии, ведь, например, уровень жизни в Великобритании в 4,5 раза выше, чем в Румынии. Существуют и проблемы взаимоотношений стран внутри ЕС, особенно между странами Северной и Западной Европы, которые дотируют страны Восточной и Южной Европы, вместе с тем, по сути, стимулируя потре-

бление собственных товаров и услуг за счет предоставляемых дотаций и кредитов. Нарастает также и недовольство лидерством Германии, которая хотя и стремится быть лидером во всем, но в одиночку не в состоянии удовлетворить растущие финансовые запросы коллег по Союзу.

В докладе Еврокомиссии «О будущем Европы» эта проблема описана как недостаток доверия и легитимности. В целом уровень доверия европейцев к самой идее интеграции Европы в единое государство на федеративной или конфедеративной основе за последние годы значительно упал. Руководитель Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер на этот счет был вынужден даже сделать соответствующее заявление. Сегодня в Евросоюз верит около трети европейцев, в то время как десять лет назад свои надежды на объединение всей Европы связывало свыше половины европейцев. При этом 2/3 европейцев по-прежнему видят в ЕС островок стабильности в бурлящем волатильном мире, более 80% поддерживают четыре ключевые свободы ЕС, 70% жителей еврозоны поддерживают введение единой валюты во всем Евросоюзе.

Наряду с внутренними существуют и внешние риски для функционирования Евросоюза. Прежде всего, они связаны с неопределенной позицией новоизбранного президента США Д. Трампа в отношении дальнейшего развития отношений как с ЕС, так и с НАТО. Такая ситуация рассматривается как серьезная угроза безопасности внешних границ Союза. Ведь главную роль в финансировании расходов НАТО по-прежнему играют США, которые с приходом Трампа хотели бы несколько облегчить взятые на себя изначально обязательства. Кроме того, подписание с Турцией соответствующего договора о приеме сирийских беженцев несколько снизило потоки мигрантов в Европу, однако вопрос об их ас-

симилиации или экспатриации на родину по-прежнему остается открытым. Тем более что Эрдоган умело манипулирует существующими проблемами ЕС в собственных интересах. Часть своих внутренних и внешних проблем Евросоюз, к сожалению, связывает и с Россией. Ведь найти внешнего врага всегда легче, чем признаться в своих собственных ошибках.

Еврокомиссия в докладе «О будущем Европы», анализируя существующие проблемы в деятельности Евросоюза, даже не рассматривает возможность распада ЕС под воздействием указанных выше внешних и внутренних рисков. Жан-Клод Юнкер предложил пять сценариев дальнейшего развития ЕС. Первый сценарий предусматривает «продолжение прежнего курса» — оставшиеся 27 стран Союза будут, как и прежде, концентрироваться на реформах, проблеме рабочих мест, экономического роста и инвестициях. Второй сценарий исходит из того, что главные усилия ЕС приложит в направлении развития общего внутреннего рынка при остановке интеграционных политических процессов. В то же время «ресурсы для совместной торговли ограничены», предупреждает глава Еврокомиссии, что приведет к «росту пропасти между ожиданиями и результатом на всех уровнях». Третий сценарий предусматривает «Европу разных скоростей», работающую по принципу «кто хочет большего, тот делает больше». Интеграционные процессы будут развиваться в группе стран внутри ЕС, а страны, не желающие принимать в них участие, будут предоставлены сами себе. В результате Евросоюз может стать еще более непрозрачной и сложной структурой, предупреждает Юнкер. Четвертый сценарий предполагает концентрацию усилий Евросоюза на нескольких направлениях по принципу «меньше, но эффективнее». Технологические инновации, безопасность, ми-

грация, защита границ и оборона останутся приоритетными направлениями, в то время как поддержка регионов, рынок труда, медицина и социальная политика вернутся в компетенцию государств. Еврокомиссия считает, что таким образом по ряду направлений можно будет достичь существенного прогресса. И наконец, пятый сценарий исходит из усиления роли еврозоны под лозунгом «Что хорошо для стран еврозоны, то хорошо для всех», имея в виду, что вхождение в валютный союз всех членов ЕС позволит им «разделять полномочия, ресурсы и ответственность за решения», то есть наращивать совместную деятельность. «Это испортит настроение той части общества, которая сомневается в легитимности ЕС и считает, что он забирает у национальных правительств слишком много власти», — предупреждает Юнкер.

25 марта 2017 года лидеры 27 стран Евросоюза отметили 60-летие Римских договоров соответствующей Римской декларацией, подтвердившей желание и дальше крепить единство ЕС. Ключевой момент в декларации — необходимость единства перед вызовами времени в Европе и во всем мире. Выделены четыре приоритетных цели следующего десятилетия: Европа должна быть безопасной, экономически процветающей, социально справедливой и более влиятельной на мировой арене. Приоритетный вариант сценария развития ЕС будет определен после завершения выборных кампаний во Франции и в Германии.

Тем не менее, несмотря на вполне оптимистичные прогнозы Еврокомиссии и то, что реальных предпосылок для распада Европейского союза пока не существует, журнал *The Economist* посвятил специальный выпуск, приуроченный к юбилейной встрече лидеров ЕС, под заголовком “*How to Save*

Europe?» («Как спасти Европу?») [14]. Аналитики этого издания отмечают, что евробюрократам из Еврокомиссии, сталкивающимся с проблемами существования ЕС, свойственны две реакции. Они либо начинают говорить о необходимости еще большей интеграции с передачей все больших полномочий центральным властям в Брюсселе в ущерб национальному суверенитету стран — членов ЕС (против чего выступают как правительства, так и простые граждане этих стран), либо просто замалчивают существующие проблемы, надеясь на то, что все как-нибудь разрешится само собой. Между тем *The Economist* считает, что Евросоюз должен быть более гибким в отношениях с другими странами Европы, предоставляя им возможность более тесно сотрудничать с ЕС, но не на основе известной многоскоростной системы, предложенной когда-то А. Меркель, а руководствуясь общеевропейскими интересами в рамках равноуровневой системы взаимоотношений (*multi-tire system*). Безусловно, в этой системе ключевая роль отводится странам с единой валютой — евро, которым потребуется большая степень интеграции, чтобы создать настоящий банковский союз наряду с валютным. Следующий уровень будет включать страны, не готовые пожертвовать частью своего суверенитета в части валюты. Некоторые страны будут заинтересованы в более тесном сотрудничестве в области обороны и внешней политики, другие — в торговле.

Кстати, подобный подход был когда-то предложен в рамках саммита Россия — ЕС, приуроченном к празднованию 300-летия Санкт-Петербурга 31 мая 2003 года, когда была объявлена идея создания «четырех общих пространств» между Россией и ЕС: экономического; свободы, безопасности и правосудия; внешней безопасности; науки, образования и культуры.

Для еврократов же недопустима сама мысль о том, что кто-то может сам выбирать то, что ему нравится, из различных сфер деятельности ЕС, однако свобода от мнения бюрократизированного Брюсселя — это именно то, что сегодня волнует европейцев. Слишком далеки рассуждения и планы Еврокомиссии от реальных потребностей людей, жизнь которых зависит от имитации бурной деятельности еврократами. Управлять на основе единых общеевропейских стандартов легче, однако не всегда это дает результаты, на которые надеялись обычные граждане. Не случайно ученые из авторитетного европейского Центра исследований экономической политики, также опубликовавшие перед римским саммитом ЕС в марте 2017 года свое исследование под названием «Куда путь держишь, Европа?» [15], пришли к следующим выводам:

Сохранение статус-кво не поможет Евросоюзу, необходимы нестандартное мышление и смелые шаги для успешной реализации проекта Европейского союза.

Необходим радикальный пересмотр всей структуры руководства Евросоюзом, различные вопросы деятельности ЕС нуждаются в разной степени централизации.

В условиях отсутствия единого европейского самосознания реформы деятельности Евросоюза должны начинаться на национальном уровне, страны — члены ЕС должны нести больше ответственности за свои решения и действия, направленные на укрепление Евросоюза.

Существуют и иные предложения политиков, ученых-экономистов и юристов, однако в нынешних условиях вряд ли стоит ожидать радикальных позитивных перемен в Евросоюзе. Как когда-то сказал Виктор Гюго, «...никакая армия не сравнится с силой идеи, время которой пришло». Значит, время таких перемен для Европы еще не наступило.

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ КАК ДЕЛОВОЙ ПАРТНЕР РОССИЙСКОГО БИЗНЕСА

В настоящее время отношения между Европейским союзом и Российской Федерацией регулируются двусторонним соглашением о партнерстве и сотрудничестве от 24 июня 1994 года (вступило в силу 1 декабря 1997 года). Была попытка реализации программы четырех пространств, о которой упоминалось ранее. В 2010 году в то время премьер-министр РФ В. Путин выступил с предложением о создании единого экономического пространства от Лиссабона до Владивостока. Однако российский призыв о создании зон свободной торговли ЕС — РФ не был услышан в Европе. В результате Евросоюз начал экономическую экспансию через двусторонние договоры, а также переговоры с США о заключении Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (*Transatlantic Trade and Investment Partnership*), от которого в конце концов отказались и Европа, и Америка. В то же время Россия инициировала интеграцию некоторых государств на постсоветском пространстве в Евразийский экономический союз (ЕАЭС). К сожалению, попытки заключить соответствующее соглашение между ЕС и ЕАЭС о создании зоны свободной торговли пока также не увенчались успехом.

Тем не менее продолжается реализация семи проектов приграничного сотрудничества, о которых шла речь в данной статье ранее. Приблизительно три процента всех компаний среднего и малого бизнеса в странах ЕС зарегистрировано с участием российского бизнеса, российских граждан или выходцами из России. Ведь, например, только в Германии проживает около 3,6 млн русскоязычных граждан (из 82 млн населения этой страны). В России же работает свыше 6000 компаний с немецким капиталом учредителей.

В последние годы российские компании активно регистрировали свои зарубежные «дочки» в Эстонии, занявшей по итогам 2016 года первое место в Европе по условиям ведения бизнеса (в том числе предоставляя банковские кредиты представителям среднего и малого бизнеса под 6–8% годовых). Высокие места в списке стран ЕС, предоставляющих выгодные условия для ведения бизнеса российским компаниям, занимают также Дания, Швеция и Финляндия. Самый низкий налог на корпоративную прибыль (9%) в Ирландии, что также привлекает российских инвесторов. В целом, по данным справочника Doing business Всемирного банка, Евросоюз занимает лишь 40-е место в мире по условиям ведения бизнеса.

Евросоюз является главным торговым партнером России, на него традиционно приходится около 50% российского экспорта. Поэтому любые экономические проблемы Евросоюза неизбежно негативно сказываются и на России. Правда, в последние три года происходит постепенное снижение объемов товарооборота, в 2016 году он составил лишь около 200 млрд долл. США, что на 15% меньше предшествующего года. Произошло это из-за международных санкций и антисанкций, а также из-за девальвации рубля (закупки импортного оборудования в ЕС стали слишком дорогими). Тем не менее Россия удовлетворяет приблизительно 1/3 общих потребностей стран ЕС в энергоносителях. Основными торговыми партнерами России в Европе являются Германия, Нидерланды и Италия. Россия для Евросоюза не является ключевым торговым партнером, тем не менее ее доля в импорте ЕС составляет около 8%. Наряду с поставками в ЕС из России энергоносителей (нефть, газ, уголь) в 2016 году выросли объемы поставок минеральных удобрений, алюминия, меди, свинца,

картона, бумаги и т.д. Однако несырьевой экспорт из России за год сократился на 18%, причем физические объемы поставок растут, а их стоимость падает. Связано это с тем, что девальвация рубля положительно повлияла на рост экспорта в Европу товаров с низкой и средней степенью переработки, в то время как объемы экспорта высокотехнологичной продукции машиностроения и автомобилестроения упали из-за роста стоимости импортных сырья и комплектующих.

Негативные последствия Brexit затронут и Россию, так как основной источник иностранных инвестиций поступает в РФ из Голландии и Кипра со счетов в британских банках. Не исключено, что в переходный период прохождение этих платежей будет осложнено новыми правилами транзакций. Кроме того, Brexit несет в себе угрозу сохранности золотовалютных запасов России, ведь из около 390 млрд долл. США 80% инвестировано в ценные бумаги иностранных государств, в том числе Британии — 9,4%, ЕС в целом — около 62%. 41,5% золотовалютных запасов России номинировано в евро. Правда, в случае жесткого сценария выхода Великобритании из Евросоюза, на который приходится свыше 60% британского товарооборота, и потерей свободного доступа на этот рынок Великобритания будет вынуждена искать новые рынки сбыта для своих товаров. В этом плане страны ЕАЭС могут частично компенсировать потери, хотя их платежеспособность вряд ли будет на уровне даже самых слабо развитых стран ЕС.

Таким образом, процессы, происходящие в Евросоюзе, одном из ближайших соседей России, всегда оказывали влияние и на экономику нашей страны. Евросоюз — это не только традиционный рынок сбыта и основной торговый партнер РФ, но и крупнейший центр геополитического притяжения

других стран, с которым необходимо считаться. В условиях международных санкций особенно актуальными становятся прямые связи на уровне негосударственных, частных компаний — представителей малого и среднего бизнеса. Свобода предпринимательства поможет создать российские торговые сети в Европе с ее высоким платежеспособным спросом. С другой стороны, компании из ЕС готовы заменить прямые инвестиции поставками своего высокотехнологичного оборудования в качестве доли в уставном капитале российских предприятий.

Европейский союз поддерживает сотрудничество с Россией в сфере экономики знаний, в этом плане открываются новые возможности для экспорта образовательных услуг и культурного обмена (русские школы балета и кинематографии, русского языка, научных исследований и т.д.), спорта (школы бокса, хоккея, гимнастики и т.п.), здравоохранения. Возможны совместные проекты в области инновационных технологий, например обеспечения информационной безопасности беспилотных автомобильных средств.

Для стимулирования международных контактов российская сторона могла бы рассмотреть адресные льготы представителям бизнеса отдельных регионов стран ЕС, стремящихся к развитию бизнеса в России, например Баварии, а также некоторых областей и провинций Италии (снятие антисанкций, льготное налогообложение, государственные и банковские гарантии и т.п.).

Кроме того, на взаимной основе можно было бы рассмотреть вопрос о диверсификации состава советов директоров российских и европейских компаний за счет приглашения профессиональных независимых директоров. Приглашение иностранных независимых директоров (*foreign non-executive*

directors) позволило бы не только повысить уровень корпоративного управления за счет социокультурного и национального многообразия, но и улучшить взаимное доверие на уровне бизнеса, которого сейчас так не хватает в двусторонних отношениях Российской Федерации и Европейского союза.

Литература

1. Право Европейского союза. Том 1, общая часть 4-е изд., пер. и доп. Учебник для бакалавров / Под ред. Кашкина С.Ю. — М.: Юрайт, 2015. — 647 с.
2. The Charter of Fundamental Rights of the EU. Электронный источник. Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:12010P&from=EN> или на русском языке: <http://eulaw.ru/treaties/charter>.
3. Acquis communautaire. Электронный источник. Режим доступа: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/policy/conditions-membership/chapters-of-the-acquis_en.
4. См.: Европейская идея и XIX век. История Европы, т. 5. С. 613.
5. Н. Ленин. О лозунге Соединенные Штаты Европы. Социал-Демократ № 44, 23 августа 1915 г. Электронный источник. Режим доступа: <https://www.marxists.org/russkij/lenin/1915/08/10a.htm>.
6. The Founding Fathers of the EU. Электронный источник. Режим доступа: https://europa.eu/european-union/about-eu/history/founding-fathers_
7. European Neighborhood Policy Электронный источник. Режим доступа: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/neighbourhood/overview_en. См. также: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/neighbourhood_consultation/consultation.pdf.

8. Protectionism in the G20. Электронный источник. Режим доступа: http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/549028/EXPO_STU%282015%29549028_EN.pdf.
9. Conditions for Membership. Электронный источник. Режим доступа: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/policy/conditions-membership_en.
10. Copenhagen Criteria. Электронный источник. Режим доступа: http://europa.eu/rapid/press-release_DOC-93-3_en.htm?locale=en.
11. Acquis communautaire. Электронный источник. Режим доступа: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/policy/conditions-membership/chapters-of-the-acquis_en.
12. 2016 Communication on EU Enlargement Policy. Электронный источник. Режим доступа: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/pdf/key_documents/2016/20161109_strategy_paper_en.pdf.
13. White Paper on the Future of Europe. Reflections and Scenarios for the EU27 by 2015. Электронный источник. Режим доступа: http://europa.eu/european-union/sites/europaeu/files/whitepaper_en.pdf.
14. How to save Europe? The Economist, March 25, 2017, P. 9.
15. Quo Vadis? Identity, policy and the future of the European Union. Электронный источник. Режим доступа: http://cepr.org/sites/default/files/news/QuoVadis_March2017.pdf.

* * *

The Russian Federation stretches across the Eastern Europe and Northern Asia with one third of the Russian territory lying in Europe and two thirds — in Asia. Just like China, Russia shares land borders with 14 countries, five of which (Finland, Estonia, Latvia, Lithuania, and Poland) are members of the European Union (EU) and Norway, although not an EU member

country, is part of the European Economic Area and the Schengen Area. More importantly, the European Union is still a major trade partner for the Russian Federation, while Russia is ranked third (after the USA and China) amid European foreign partners despite mutual economic sanctions. At this point, any revival of meaningful political interaction between the EU and Russia seems unlikely although it leaves open the window to expand and diversify economic cooperation, particularly in small and medium-sized business. In this regard, it is imperative to understand some special aspects of our European business partners.

The European Union is a unique international entity combining an international organization and a state except that formally it is neither. Perhaps, for this very reason, in Russian the word “*union*” in “*the European Union*” begins with the lower case letter unlike in the names of such federal states, as the Soviet Union and the United States of America. It emphasizes that if the European Union is an international entity, it is still not a state. In some domains, decisions are made by independent supranational institutions, in others — by way of negotiations between member states.

The EU unites only part of nations living in the Grand Dame Europe. Instead, Europa, who was kidnapped by Zeus in the stories of ancient Greece, was a young Phoenician. This story provided the basis for *The Abduction of Europa* painted by such great artists as Rembrandt and Serov. The Grand Dame merely means that it is a part of the so-called Old World (Europe, Asia, and Africa) as opposed to the New World (North America) discovered by Christopher Columbus.

Today, the European Union includes 28 of 48 states located in Europe (five of which are partly located in Europe and therefore may only roughly be considered European nations). However,

there are about 800 million people living in Europe or 10% of the world population with 520 million accounted for the EU countries (in Russia, there are 147 million inhabitants). The EU surface area is four times less than that of Russia while the population density is 15 times higher (116 per sq km). The economy of the European Union represents 24.6% of the global GDP (Russia — 1.6%). The total GDP of EU countries in purchasing power parity terms (\$19.2 trillion) is second only to China (\$21.3 trillion) and leaves the U.S. behind (\$18.6 trillion). These figures alone will drive the Russian business to give serious thought to what the European Union is and how it continues to be a global leader amidst all existing objective and subjective problems of its development.

HISTORY OF THE EUROPEAN UNION

The idea of uniting Europeans has more than once struck politicians in different ages and nations since the times of the Roman Empire. Napoleon was dreaming of the United Europe built as a confederation with the uniform legislation, monetary system, and army headed by the emperor [4]. In early 20th century, the French masons promoted formation of the United States of Europe. In 1915, V.I. Lenin even wrote the acclaimed article named *On the Slogan for a United States of Europe* exposing plans of the global capital to integrate Europe ahead of a growing threat of Socialism [5].

In 1922, count Richard Nikolaus Coudenhove-Kalergi (1894–1972), an Austrian philosopher, writer and politician, published his famous work named *Pan-Europa* and founded the Pan-European Union, which became the first organization seeking to unite Europe. Coudenhove-Kalergi's ideas quickly won over support of many European intellectuals, including such thinkers as Guillaume Apollinaire, Albert Einstein, Sigmund Freud, Thomas

Mann, José Ortega y Gasset, Pablo Picasso, Rainer Maria Rilke, Saint-John Perse, and others. The organization also included Aristide Briand (1862–1932) and Konrad Hermann Joseph Adenauer (1876–1967), politicians, who then played a key role in building the prototype of the European Union.

Today, Aristide Briand, who served several terms as Minister of Foreign Affairs and Prime Minister of France and who was a two times laureate of the Nobel Peace Prize, the first president of the Pan-European Union, a creator of the first European system of collective defence, who laid the groundwork for banning war as a national policy instrument, an author of the failed Confederation of European Countries in 1929–1931, is not mentioned among the EU founding fathers. Briand, unfortunately, made quite a few mistakes related to socio-political conditions back then: ignoring of the Soviet Union that already played an essential role in Europe; focus on military and political rather than economic aspects; thrust of the confederation of 27 European countries led by France against the United Kingdom, the USA, and Germany. As a result, the Pan-European Union failed. Briand passed away in 1932 and never saw fruits of his efforts to unite Europe.

As for Coudenhove-Kalergi, it was him who laid basis for the ideology of today's European Union by having set its aims: freedom, peace, economic prosperity, and culture. His books were banned and burnt in Nazi Germany. He left a most important mark on the history of Europe's unification as a co-author of the famous speech delivered by the former British Prime Minister, Sir Winston Churchill at the University of Zürich on September 19, 1946, in which he said, "...we must re-create the European family in a regional structure called, it may be, the United States of Europe." Churchill trusted that the United

Kingdom, the British Commonwealth, the USA, and the Soviet Russia “must be the friends and sponsors of the new Europe and must champion its right to live.” European politicians and scientists still like citing the last words of Churchill’s speech: “*Let Europe arise!*”

However, Churchill’s further actions show that his understanding of the United States of Europe was in fact very much different from the Coudenhove-Kalergi’s vision of the United Europe. Back then, London and Washington intended to create an Anglo-American union, in which Europe was considered solely as a free trade zone controlled by the supranational institution headed by the United Kingdom. For this very reason, Churchill, U.S. and British special services formed several international organizations in the post-war period proclaiming the unification of European countries as their major goal and objective. Among them is the Independent League for European Cooperation (ILEC) with Józef Hieronim Retinger (1888–1960), a former advisor to the Polish Government in Exile (Władysław Sikorski Government in London) and an agent of the British Intelligence Service, as Secretary General and a former Prime Minister of Belgium, Paul van Zeeland (1893–1973), as its Chairman. In September 1946, Allen Welsh Dulles (1893–1969), the future CIA Director, forms the Union of European Federalists (UEF) in Switzerland. In January 1947, Churchill founded the Provisional United Europe Committee. In the USA, James William Fulbright (1905–1995), an influential senator, who would then have the respective educational program of his name, formed the Free and United Europe Committee under the auspices of CIA decision makers William J. Donovan (1883–1959) and Allen Welsh Dulles. However, it was soon replaced with the American Committee on United Europe.

In May 1948, Churchill organized the European Congress in The Hague to unite the All-European Union, the League for European Cooperation, the Union of European Federalists, and other similar organizations. As a result, it was decided to establish the European Movement. The movement elected baron Duncan Sandys (1908–1987), Churchill's son-in-law, its President and Józef Retinger — Secretary General. The then famous and popular statesmen, such as Winston Churchill, Leon Blum (1872–1950), a former Buchenwald prisoner and Prime Minister of France, Alcide Amedeo Francesco De Gasperi (1881–1954), Prime Minister of Italy, Paul Henri Charles Spaak (1899–1972), a Benelux (Belgium, Netherlands, and Luxembourg) creator, became Honorary Presidents of the European Movement. The European Movement contributed to formation of the Council of Europe in 1949, which now unites all 48 European countries (Russia joined the Council of Europe only in 1996).

In 1948, the Organisation for European Economic Co-operation (OEEC) (the Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) from 1961) was founded to facilitate economic reconstruction of Europe as part of the Marshall Plan. Today, this international economic organization consists of 35 states, including the leading members of the European Union. However, OECD extends membership to non-European states (for example, the USA, Canada, Australia, Japan, South Korea, etc.). Russia is not an OECD member, although it had talks to join the organization. These negotiations have been suspended since March 2014.

In 1949, the Western European Defence Alliance was transformed into the North Atlantic Treaty Organization (NATO). Currently, this military and political bloc comprises 29 countries, including most European Union member states.

The European countries understandably were seeking integration in three major spheres — politics, economy, and defence out of sheer terror of the military and economic power of the Soviet Union. On top of that, a struggle between the USA, the United Kingdom, and France for leadership in the United Europe played a pivotal role. The pressure Washington and London put on their European partners in the Marshall Plan made Europeans get rid of the obtrusive patronage from “elders.” In early 1950, Head of the French Commission on Economy Planning and Modernization Jean Monnet (1888–1979) told Minister of Foreign Affairs of France Robert Schuman (1886–1963) the idea of forming a European organization that would control the entire European coal and steel production, including such production in Germany. That way, Europe not only created a common commodity market contributing to its economic rebirth but also achieved the most important goal of averting the secret use of these basic resources for defence industry.

On May 9, 1950, having secured the backing of German Chancellor Konrad Adenauer (1876–1967), who totally supported Monnet’s simple yet efficient plan, Robert Schuman made an official statement on the merger of French and German coal and steelmaking industries, which fuelled the formation of the European Coal and Steel Community (ECSC).

Interestingly, there are two separate designations of Europe Day in Europe. They are celebrated on the Council of Europe Day (May 5, 1949; it was proclaimed the holiday by the Council of Europe in 1964) and on the Schuman Declaration Day (May 9, 1950; this Europe Day has been an annual celebration of peace and unity in all European countries since 1985). The Victory Day is celebrated on May 8th when the respective instrument of surrender was signed (European Time).

The Treaty of Paris, which established the European Coal and Steel Community, was signed on April 18, 1951 by six countries: France, West Germany, Italy, Belgium, the Netherlands, and Luxembourg. These countries still form the basis of the European Union. The Treaty of Paris entered into force on July 23, 1952 and expired on July 23, 2002, fifty years after its entry into force.

The official list of the EU founding fathers includes only 11 names [6], including seven statesmen, who also fathered the European Coal and Steel Community: **Jean Monnet** (who is still called “*the Father of Europe*”), **Robert Schuman**, who Catholics even tried to have beatified for his merits to Europe, **Konrad Adenauer** (who Europeans call “*Der Alte*” (in German, “*the Old Man*” or “*the Master*”), **Paul Henri Charles Spaak**, “*the Father of Benelux*,” **Alcide De Gasperi**, Prime Minister of Italy, **Joseph Bech** (1887–1975), Prime Minister of Luxembourg, and **Johan Willem Beyen** (1897–1976), Dutch Minister of Foreign Affairs, who would then play a pivotal role to justify the need for Europe’s horizontal integration rather than industry-based integration alone (The Beyen Plan).

Four more persons have been listed for different merits to the European Union, including **Winston Churchill** for his call for formation of the United States of Europe; **Altiero Spinelli** (1907–1986), an Italian statesman called “*the prophet of the European Union*,” as it was him who authored the 1984 Draft Treaty Establishing the European Union (The Spinelli Plan), which then became the basis for the Single European Act of 1986 and the Maastricht Treaty on European Union (TEU); **Sicco Mansholt** (1908–1995), an architect of the EU Common Agricultural Policy, one of the European Union’s most prominent policies since its foundation; and **Walter Hallstein** (1901–1982), the first President of the European Commission after its formation in 1958.

Coudenhove-Kalergi did not make it to the list of the EU founding fathers, although his merits to the European Union include shaping the ideology of the European unity and development of EU attributes. In early 1950s, for example, Coudenhove-Kalergi offered his variant of the flag for the Council of Europe which then became the EU flag — a circle of twelve yellow stars in a blue field. Ostensibly, inside the circle of stars should have been a red equilateral cross inside a yellow circle. 12 stars meant continuity (12 months, 12 zodiac signs, 12 hours on the clock face, etc.) and the circle meant the unity of equal nations (similarly to the King Arthur's Round Table). The members of the Council of Europe gave up on the yellow circle and cross but the flag with stars in the blue field was adopted and has been in use in its original form since then.

In 1955, Coudenhove-Kalergi also suggested adopting *the Ode to Joy* by Friedrich von Schiller set to Beethoven's music as the new European anthem. Schiller wrote *the Ode to Joy* in 1785 as a celebration of the brotherhood of man. The prelude to *the Ode to Joy* (4th movement of Ludwig van Beethoven's 9th symphony) was officially adopted as the anthem of the Council of Europe only in 1972 after the German lyrics were removed in order to avoid rise of one language above the other. Today, this melody is the official anthem both for the Council of Europe and the European Union.

The official EU motto is "*In Varietate Concordia*" (Latin) or "*United in Diversity*." This motto appeared only in 2000 after a multi-stage discussion. This motto means that Europeans are united in working together for peace and prosperity, and that the many different cultures, traditions, and languages in Europe are a positive asset for the European Union. Such an approach fully conforms to Pan-European ideas pitched by Coudenhove-Kalergi in 1922.

After the formation of the European Coal and Steel Community, European countries traveled a long path to create a com-

mon economic space, system of justice, common foreign policy and security by signing new international treaties — Rome Treaty, Maastricht Treaty, Schengen Treaty, Amsterdam Treaty, Nice Treaty, and, finally, Lisbon Treaty. European integration continues.

EUROPEAN UNION TODAY

The European Union has not adopted a constitution yet. The Draft EU Constitution signed on October 29, 2004 in Rome was not ratified by all EU member states. For which reason, it was replaced with the Treaty of Lisbon on October 19, 2007 (Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union (Maastricht Treaty as of February 7, 1992) and the Treaty establishing the European Community (Treaty of Rome as of March 25, 1957). The Treaty of Lisbon contains provisions on the functioning of EU institutions under new conditions.

- The EU has formed seven governing bodies thus far:
- The European Council, a supreme political body of the European Union, consisting of heads of states and governments of the EU member states.
- The EU Council or the Council of Ministers which, along with the European Parliament, is one of two legislative bodies of the European Union.
- The European Commission, a supreme executive body of the European Union overseeing how EU decisions are implemented.
- The Court of Justice of the European Union, the supreme court of the European Union.
- The European Parliament has three paramount objectives: legislation, budgeting, and control over the European Commission.

- The European Court of Auditors, an institution auditing budget of the European Union and its bodies.
- The European Central Bank (ECB), the central bank of the European Union and the Eurozone.

In addition to the treaties mentioned above, the legal framework of the European Union is also based on the Charter of Fundamental Rights of the EU as of December 7, 2000. The Charter, representing the most up-to-date version of the U.S. Bill of Rights as of December 15, 1791, used to be declarative before the Treaty of Lisbon entered into force on December 1, 2009. The Charter has been a binding document for all EU member states and citizens ever since. As such, the Charter provisions describe European values protected by the European and national judicial authorities. In many cases, the European Court makes direct references to the corresponding sections of the Charter when justifying its rulings.

Luxembourg-based European Court is a most interesting institution of the European Union. Its full name, the European Court of Justice, is often translated literally (*Evropeysky sud spravedlivosti*, which in Russian stands for the European Court of Fairness). But the court merely styles itself to match the name of Her Majesty's High Court of Justice in England. In common law, there are two approaches to delivery of justice — based on the rule of law when a nation is governed by written laws and on the rule of equity when a judge issues a verdict on a case-by-case basis in reliance on his pragmatic considerations and personal understanding of justice. The European Union judicial system is based neither on common nor on civil law. It is a whole new type of the judicial system where the court relies both on the aforementioned sources of law (EU charters and treaties) and precedent-setting resolutions based on charter goals of the European Union.

What makes the European Court different is that it combines the functions of the constitutional and supreme courts. That said, the court is completely independent of any EU institutions. Therefore, it would be more accurate to call it either the European Court (*Evropeysky sud*) or the European Court of Justice (*Evropeysky sud pravosudia*, which in Russian corresponds to the European Court of Justice) without any prejudice to the fairness of its rulings (as the word *justice* denotes both fairness and justice proper). The European Court is a supreme judicial body of the European Union. Its rulings and awards are final and binding. It is possibly the most respected institution of the European Union among Europeans and governments of EU member states largely thanks to its highest professionalism (while the European Parliament and the European Commission are the least respected institutions of the European Union).

The European Union is the world's first and only regional association of states that moved to the fifth stage of economic integration (next to the free trade zone, customs and monetary union, common market). But its influence on European and global processes is wider as the EU member states take part in other associations and unions. Among them is **the Schengen Area**, comprising 26 states, including all EU member states (except the United Kingdom and Ireland, Romania, Bulgaria, Cyprus, and Croatia) and such non-member states as Norway, Iceland, Switzerland, and Liechtenstein (and such ministates as Monaco, San Marino, Vatican, and Andorra, which also recognize the Schengen Area). With population over 400 million people, the Schengen Area exercises only outside border control when exiting or entering the area but there is no control on the internal borders of Schengen member states.

Eurozone is a monetary union of 19 EU member states uniting over 330 million people. However, Bulgaria, Croatia, Czech Republic, Denmark, the United Kingdom, Hungary, Poland, Romania, and Sweden are not part of the Eurozone as they still use their own national currencies. Besides, euro is the national currency of four European ministates, two overseas regions of France (by agreement), Kosovo, and Montenegro (without agreement with the EU). The EU Customs Union includes all member states of the European Union, Turkey, and such ministates, as Monaco, San Marino, Vatican, and Andorra. The uniform customs treatment for the EU Customs Union members means there are no customs duties and restrictions among member states, but there is a uniform import tariff for third-country goods and services, a common trading policy on the foreign markets.

The European Economic Area (or the European Economic Space) comprises 31 countries, including 28 EU member states and three of four European Free Trade Association (EFTA) member states (Norway, Iceland, and Liechtenstein). Switzerland, the fourth EFTA member state, is not part of the European Economic Area although its bilateral treaties with the EU make it possible to operate on the EU domestic market. The European Economic Area supports free movement of goods, services, workers, and capital.

Besides, the European Union has a great impact on states bordering on the EU by implementing **the European Neighbourhood Policy (ENP)** [7]. This long-term policy is intended to create a safety and prosperity zone along the EU boundaries. ENP includes detailed programs on development of cooperation between the European Union and neighboring countries in politics, security, economy, and culture. ENP covers relations with 16 Eastern European and Mediterranean countries (Alge-

ria, Morocco, Egypt, Israel, Jordan, Lebanon, Libya, Palestine, Syria, Tunisia, Armenia, Azerbaijan, Belarus, Georgia, Moldova, and Ukraine). EU will provide €15.4 billion to fund joint ENP projects in 2014–2020. Russia, though not officially listed, is implementing seven joint Russia-EU cross-border cooperation programs: Kolarctic, Karelia, South-East Finland — Russia, Russia — Estonia, Russia — Latvia, Russia — Lithuania, and Russia — Poland.

It is important that ENP bars *the beggar-thy-neighbor policy* coined by Joan Robinson (1903–1983), a famous British economist of the Cambridge University and a disciple of John Maynard Keynes (1893–1946). The eminent economist Keynes has not become a Nobel Prize laureate as the Nobel Prize in Economic Sciences was established only in 1968 and first awarded in 1969. However, Joan Robinson, one of the founders of macroeconomics as a science, was nominated to the prize in 1975 but did not win it (apparently, because of her interest in Marxism and Maoism). But two of her disciples — Joseph Stiglitz and Amartya Sen, nevertheless, became Nobel Prize winners.

In 1930s, as a member of the so-called Cambridge Club chaired by Keynes, Robinson explored causes and consequences of the Great Depression in the USA. In summer 1930, the Smoot-Hawley Tariff Act was adopted at the discretion of President Herbert Hoover despite the protests of 1,028 famous U.S. economists. In accordance with the act, the U.S. raised customs rates for more than 20,000 imported goods. As a result, other countries, even next-door neighbors — Canada and Mexico, also raised duties for the U.S. goods. It led to a dramatic decline in commerce between the USA, their neighbors, and European countries, which expedited negative processes in the American economy and finally drove the country into the Great Depression.

In 1937, in her essay *Introduction to the Theory of Employment*, Robinson first defined the beggar-thy-neighbor policy as “an economic policy through which one country attempts to remedy its economic problems by means that tend to worsen the economic problems of other countries.” Robinson listed four main instruments of *the beggar-thy-neighbor policy*: artificial devaluation of the national currency, pay cuts, export state subsidies, and import restrictions.

Today, some of the slogans employed by the newly elected U.S. President Donald Trump, who was labelled by *The Economist* as an economic nationalist (America First), are based on a mix of populism and protectionism, which again may lead to dire consequences both for the United States and their biggest trade partners — the European Union and China. The U.S. steps to use the beggar-thy-neighbor policy may trigger another world crisis amid the existing globalization, which will make the whole world go bust (“*Beggar-the-Whole-World*”) [8]. The neighborhood policy implemented by the European Union is now considered by many as an example of the mutually beneficial cooperation.

The European Union’s policy to support EU candidate states also makes this supranational entity more important all over the world. New members are admitted to the European Union based on global procedures, including assessment of the candidate state compliance with all EU standards and rules, consents of all seven EU institutions and all 28 EU member states, consents of all citizens of the appropriate candidate state to accede to the EU expressed in accordance with the laws of such state by way of parliamentary vote or nationwide referendum [9].

In order to define whether a country is eligible to join the European Union, in 1993, the European Council developed and adopted the so-called Copenhagen Criteria under the Treaty of

Maastricht, which require that a candidate state to join the European Union must uphold democracy, freedom and respect for human rights, and the rule of law (Articles 6, 49 of the Treaty on European Union). A candidate state must also have a functioning competitive market economy and recognize general EU rules and standards, including adherence to the aims of political, economic, and monetary union [10].

Besides, candidate states eligible to join the European Union must strictly observe a set of rules, regulations, and procedures commonly named “**acquis communautaire**,” which may be translated into Russian as “*Community acquis*” although in EU official papers issued in different languages of EU member states it is used in the French transcription given above. At this point, *acquis communautaire* include 35 chapters outlining the legal framework for EU activities in different spheres of the socio-economic life. These provisions may not be challenged or modified by new member states upon their accession to EU. First four *acquis communautaire* chapters are dedicated to four freedoms of movement — persons, goods, services, and capital, as they are pillars of the European common market. They also list major European values which candidate states must share: equality, freedom, dignity, respect for other EU member states, respect for human rights, rule of law, democracy, tolerance, freedom of speech, and freedom of mass media [11].

As of April 1, 2017, the European Union accepted and reviewed accession applications of five countries (Turkey, Albania, Montenegro, Macedonia, Serbia). They officially became EU candidate states. However, it does not mean they will become EU members anytime soon. For example, Turkey has been a candidate state since 1999 after it filed an application to join the European Union in 1987. But the association agreement between Turkey

and the European Economic Community was signed as far back as 1960. However, this country is facing big problems to bring its socio-economic and political order into compliance with the Copenhagen Criteria and *acquis communautaire*. The policy pursued by President of Turkey Erdoğan is too distant from the European Union's perception of the world order. As for the Balkan states, the European Union attempts to urge them (among the Balkan states mentioned above is Kosovo not recognized by Russia and Bosnia and Herzegovina that has already signed a stabilization and association agreement with EU) to create a certain Balkan Economic Community which should work together to seek compliance with EU standards in politics, economy, and legislation).

But then again, EU has many other association agreements under different names apart from those mentioned above. In 2014, for example, the EU signed association agreements with Georgia, Moldova, and Ukraine. Earlier, the EU signed Euro-Mediterranean agreements establishing association with Algeria and Egypt and association agreements with Lebanon, Jordan, Morocco, Israel, and Tunisia. However, there are many other bilateral cooperation agreements. That said, the EU leadership has more than once stressed that **there is no EU associated membership**. There is only official candidacy which, as may be seen from Turkey's example, does not always guarantee accession to the European Union. Different association agreements simply contain commitments and obligations of certain states to implement political, economic or legislative reforms making these countries closer to EU standards and regulations. In return, an associate member state may receive certain limited benefits, such as visa-free entry with employment restrictions still in place though like it happened to Ukraine, or duty-free access of some goods

and/or services to the EU common market or markets of certain EU member states, and financial or technical assistance. Any association agreement must be ratified by all EU member states.

In November 2016, the European Commission issued the Communication on EU Enlargement Policy, having confirmed tightening of control over compliance with the EU membership requirements [12]. In the next five to seven years, the EU will apparently focus on handling its internal development problems and refuse to accept any more new members. There is all the more reason for this as there are centrifugal trends leading to exit of certain states from the EU, although many countries still seek to become members of the European Union. For example, on March 29, 2017, the United Kingdom filed an application to withdraw from the European Union. Eurosceptics, representing most diverse political movements, are growing stronger in Europe. Populists (for example, Marine Le Pen's National Front in France or the Five Star Movement in Italy), in their election campaigns, capitalize on protest sentiment of Europeans whose hopes for happy future in the United Europe have been misplaced. There are new seats of tension, arising from possible withdrawal of different states from the European Union (*Frexit*, *Grexit*, *Niderexit*, *Italexit*, etc.). This indicates there are some serious problems in the European Union development.

EU PROBLEMS AND PROSPECTS

In early March 2017, shortly before the 60th anniversary of the Treaty of Rome as of March 25, 1957, the European Commission issued the White Paper on the Future of Europe containing a detailed analysis of EU achievements and problems and a description of scenarios for the EU further development by 2025 [13]. Its foreword deliberately mentioned 27 leaders of the Europe-

an Union member states although the United Kingdom was still a member back then and had not filed an exit application to the EU Council. Furthermore, Article 50, Clauses 2 and 3 (formerly, Article 49 A) of the Treaty of Lisbon says, “2. A Member State which decides to withdraw shall notify the European Council of its intention. In the light of the guidelines provided by the European Council, the Union shall negotiate and conclude an agreement with that State, setting out the arrangements for its withdrawal, taking account of the framework for its future relationship with the Union. That agreement shall be negotiated in accordance with Article 218 para (3) of the Treaty on the Functioning of the European Union. It shall be concluded on behalf of the Union by the Council, acting by a qualified majority, after obtaining the consent of the European Parliament. 3. The Treaties shall cease to apply to the State in question from the date of entry into force of the withdrawal agreement or, failing that, two years after the notification referred to in paragraph 2, unless the European Council, in agreement with the Member State concerned, unanimously decides to extend this period.”

Thus, the United Kingdom remains a full member state of the European Union until the respective withdrawal agreement comes into force or until March 28, 2019, inclusive. The loss of the United Kingdom with its 15% of the EU GDP will ultimately have a negative impact on the general condition of economy both in the EU and the United Kingdom. The United Kingdom’s withdrawal from the European Union named **Brexit**, a portmanteau of “Britain” and “Exit” (which is most often used in English transcription in other languages), will give rise to many initially unexpected consequences. For example, the EU will have to redistribute the British share of the Union’s budgetary expenses among remaining member states, as London has already an-

nounced it will not fund EU membership in full. Besides, there are many questions about the status of EU citizens working and residing in the United Kingdom (almost 3 million people, including more than 1 million Polish citizens) and over 2 million British citizens working in the EU member states. Quite possibly, there may be another referendum in Scotland to secede from the United Kingdom.

The United Kingdom joined the EEC only in 1973 after many years of talks and negotiations over W. Churchill and U.S. attempts to put economic unification in Europe under British control which was rejected by European continental nations. Over 43 years until the Brexit referendum, Continental Europe and Britain have had very strong economic, trading relations, and relations between people. In the meantime, London's frustration with the level of government control exercised by Brussels bureaucrats (not for nothing are they called Eurocrats) has been much more obvious in recent years. The United Kingdom was unhappy about decisions to accept migrants from Arab states adopted at the German gun's point further fuelled by the reluctance of the French-German leadership to admit British Prime Minister as a third member of their miniunion, as Britain was not among the Inner Six of the 1951 Treaty of Paris. Other than that, the United Kingdom had strictly economic and social problems, which the British blamed on the Brussels incompetent management of the EU economy and foreign trade development.

But many EU member states voice such complaints. Apparently, it is in nature of many countries (which they never hate) to accuse neighboring countries of their own problems. Somehow, it could be chalked up to inequality in the social and economic development, as the living standards in the United Kingdom are 4.5 times higher than the living standards in Romania. There are

also problems with mutual relations between EU member states, especially between the Northern Europe and the Western Europe which subsidize Eastern European and Southern European countries while fostering consumption of their own goods and services at the expense of subsidies and loans they offer. Germany, which seeks to be a leader in everything but alone cannot satisfy the growing financial needs of other EU member states, also faces a rising discontent with its leadership.

The EC White Paper on the Future of Europe describes this problem as a lack of trust and legitimacy. In general, the level of trust of Europeans towards Europe's integration into a united federal or confederate state has dramatically declined in recent years. President of the European Commission Jean-Claude Juncker had to make an appropriate statement that only one third of Europeans believe in the objectives to transform the European Union into the state while 10 years ago more than half of Europeans banked on the unification of Europe. However, two thirds of Europeans still consider the EU as an island of stability in the raging volatile world; over 80% of Europeans support four EU key freedoms; 70% of Eurozone inhabitants back the common currency throughout the European Union.

Apart from internal risks, the European Union faces certain external risks for its functioning, which mostly come from an uncertain stance of the newly elected U.S. President D. Trump on further development of relations both with the EU and the NATO. Such situation is considered a serious security threat to the Union's external boundaries as the U.S. is still a major NATO sponsor and the Trump Administration would like to somewhat ease initially assumed obligations. Besides, signing an agreement under which Turkey must accept Syrian refugees slightly reduced the influx of migrants into Europe but the ques-

tion remains either to assimilate or expatriate them. Because Erdoğan is an expert in manipulating existing EU problems in his best interests. Unfortunately, the European Union blames part of its internal and external problems on Russia. Because it is always easier to find an enemy from without than to admit its own mistakes.

In the White Paper on the Future of Europe, the European Commission analyses existing problems of EU activities but does not even consider a possible dissolution of the European Union caused by the aforementioned external and internal risks. Jean-Claude Juncker offered **five scenarios for the EU further development**. The first scenario is “carrying on,” as the remaining 27 EU member states will like before stick to their course and focus on the reform agenda, jobs, economic growth, and investments. The second scenario provides that the EU will focus on developing a single domestic market and suspending political integration. In the meantime, “the resources for joint trade are limited,” the President of the European Commission warns. That could open “a gap between expectations and results on all levels.” The third scenario provides for “Multi-Speed Europe” working on the principle “those who want more do more.” Integration processes will develop in a group of EU member states, while the countries that are not willing to take part in them will be left alone. As a result, the European Union may become even less transparent and more complex, Juncker says. The fourth scenario suggests focusing EU efforts on several areas (“doing less more efficiently”). Technological innovations, security, migration, border control, and defence will remain priorities while regional support, labor market, public health, and social policy will be delegated back to member states. The European Commission believes that substantial progress might be made in certain domains. And, finally,

the fifth scenario is strengthened with understanding that whatever is beneficial for countries sharing the common currency is also beneficial for all, as accession of all EU member states to the monetary union will allow them “to share more power, resources and decision-making across the board,” i.e. to make sure that cooperation goes further than ever before. “However, there is the risk of alienating parts of society feeling that the EU lacks legitimacy or has taken too much power away from national authorities,” Juncker warns.

On 25 March 2017, 27 leaders of the European Union’s member states met to mark the 60th anniversary of the Treaties of Rome with the respective Rome Declaration, which reiterated the will to further strengthen the EU unity. The key moment in the Declaration is the need of unity to face challenges, both global and European. In the next decade, EU pledges to work towards a safe and secure, prosperous and sustainable, social, and stronger Europe on the global scene. The priority scenario of the EU development will be chosen after elections in France and Germany.

Despite quite optimistic forecasts of the European Commission and the fact there is no favorable environment for dissolution of the European Union yet, *The Economist* dedicated a special issue to the anniversary meeting of EU leaders titled “*How to Save Europe?*” [14]. The Economist further claims that Eurocrats of the European Commission facing problems of the EU existence tend to demonstrate two reactions. They either insist that the EU needs deeper integration and delegation of more powers to central authorities in Brussels at the expense of the national sovereignty of EU member states (what both governments and common citizens oppose), or suppress existing problems wishing away. Meanwhile, *The Economist* believes that the European Union must be more flexible in relations with other European states by offer-

ing them a chance to have closer cooperation with the EU and relying on European common interests as part of the multi-tier system rather than the famous multi-speed Europe proposed by Angela Merkel. Of course, this system assigns a major part to the EU member states with the common currency, euro, that need deeper integration to create a true bank and monetary union. The next level will include the member states that are not ready to sacrifice a part of their sovereignty when it comes to the national currency. Some countries will be interested in closer cooperation in defence and foreign policy, others – in trade.

Interestingly, such approach was proposed at the Russia-EU Summit dedicated to the 300th anniversary of Saint Petersburg on May 31, 2003 when it was announced that the parties might create “four common areas” between Russia and the EU: economic; freedom, security, and justice; external security; science, education, and culture.

But Eurocrats hate the very idea that someone can choose from different EU domains what they like although the freedom from opinions of the top-down Brussels is what matters now for Europeans. The plans and speculations of the European Commission are nowhere near the real needs of common people whose life depends on Eurocrats’ handwaving. It is easier to manage things based on the European common standards but it does not always yield results common citizens expected to see. It is not a mere coincidence that scientists of the reputable European Centre for Economic Policy Research who published their research titled *Quo Vadis?* before the EU Summit in Rome in March 2017 [15] came to the following conclusions:

- Carrying on will not help the European Union. It needs fresh thinking and bold moves to make the European Union project really come true.

- It needs a thorough review of all EU governance, while different EU activities require a different level of centralization.
- In the absence of the European common self-identification, EU reforms should begin on the national level and EU member states must bear more responsibility for their decisions and steps to strengthen the European Union.

There are also other suggestions made by politicians, economists and lawyers but dramatic positive changes in the European Union are hardly expected in the current settings. One day, Victor Hugo said, “...No army can withstand the strength of an idea whose time has come.” It means that the time for such changes in Europe has not come yet.

EUROPEAN UNION AS TRADE PARTNER FOR RUSSIAN BUSINESS

The existing relations between the European Union and the Russian Federation are governed by the bilateral treaty on partnership and cooperation as of June 24, 1994 (entered into force on December 1, 1997). The parties tried to implement the four-area program as is mentioned above. In 2010, Russian Prime Minister Vladimir Putin suggested creating a common economic space stretching from Lisbon to Vladivostok. But the Russian call to create EU-RF free trade zones was ignored in Europe. The result is that the European Union launched an economic expansion through bilateral treaties and talks with the USA about signing the Transatlantic Trade and Investment Partnership that Europe and America eventually gave up. In the meantime, Russia started integrating several post-Soviet states into the Eurasian Economic Union (EEU). Unfortunately, attempts to sign a respective treaty between the EU and the EEU to create a free trade zone got nowhere.

Nevertheless, the parties still implement seven cross-border cooperation projects mentioned above. Approximately three per cent of all small and medium-sized businesses in EU member states have been incorporated by Russian business, citizens or Russian-born individuals. But there are about 3.6 million Russian-speaking citizens in Germany alone (of 82 million German nationals). In Russia, there are more than 6,000 companies with the German capital.

In recent years, Russian companies have massively been incorporating their foreign subsidiaries in Estonia, which was ranked first in Europe by doing business in 2016 (including by bank loans extended to small and medium-sized businesses at 6–8% APR). Denmark, Sweden, and Finland are also ranked high among EU member states offering Russian companies favorable conditions for doing business. Ireland has the lowest corporate income tax (9%), which also attracts Russian investors. According to the World Bank's Doing Business, the European Union is ranked only 40th worldwide by doing business conditions.

The European Union is Russia's major trade partner accounting for about 50% of the Russian exports. Therefore, any economic problems the European Union might face will ultimately affect Russia. In the last three years, the sales volumes have gradually been declining to be honest. In 2016, it totalled a sheer of \$200 billion, a 15% decrease y-o-y. Such a decline comes from international sanctions and counter sanctions and rouble devaluation (as it is too expensive to buy foreign equipment in the EU). However, Russia meets approximately one third of common needs of EU member states for energy commodities. In Europe, Russia's major trade partners are Germany, the Netherlands, and Italy. For the European Union, Russia is not a key trade partner but its share still makes up about 8% of EU imports. In 2016, the EU increased

imports of energy commodities from Russia (oil, gas, coal) along with supplies of fertilizers, aluminium, copper, lead, cardboard, paper, etc. Alternatively, non-energy exports from Russia decreased 18% last year except that physical volumes of supplies are growing but their prices are crumbling. This is because the growth of exports of goods with low and average degree of processing into Europe benefited from rouble devaluation, while exports of hi-tech engineering and car making products took a hit over the growing costs of foreign raw materials and spare parts.

The negative effects sparked by Brexit will obviously affect Russia as major foreign investments in the Russian Federation come from accounts with British banks in the Netherlands and Cyprus. In the transition period, these payments may face certain impediments erected by new transaction rules. Besides, Brexit may jeopardize the safety of the Russian foreign exchange reserves, as 80% of about \$390 billion were invested in securities of foreign states, including 9.4% — in British securities and about 62% — in EU securities, in general. 41.5% of the Russian foreign exchange reserves are denominated in euro. But in the event of the harsh scenario of Britain's withdrawal from the European Union accounting for more than 60% of the British turnover and the loss of free access to this market, the United Kingdom will have to look for new outlets for its commodities. In this respect, the EEU countries may partially offset the losses but their paying capacity is hardly a match even to the most underdeveloped EU member states.

Thus, any processes taking place in the European Union, one of Russia's closest neighbors, are always affecting the economy of our country. The European Union is not only a traditional outlet and a major trade partner for the Russian Federation but also a biggest geopolitical attractor for other countries which should

be reckoned with. Direct links on the level of non-governmental, private small and medium-sized business take on greater importance amidst international sanctions. The freedom of enterprise will help create the Russian retail chains in Europe with its high purchasing power. On the other hand, EU companies are ready to replace direct investments with supplies of their hi-tech equipment as equity to the share capital of Russian businesses.

The European Union encourages cooperation with Russia in knowledge-driven economy and there are new opportunities to export educational services and offer cultural exchange (Russian ballet and cinematography, language, research, etc. schools), sports (boxing, hockey, gymnastics, etc. schools), public health. There may also be some joint projects in innovative technologies, such as IT security of unmanned vehicles.

In order to boost international contacts, Russia might consider targeted benefits for companies from certain EU regions seeking to develop business in Russia, for example, Bavaria, and certain provinces and regions of Italy (lifting counter sanctions, preferential tax treatment, state and bank guarantees, etc.).

Besides, we might consider diversification of board of directors in Russian and European companies on a mutually beneficial basis by inviting professional non-executive directors. Inviting foreign non-executive directors would contribute both to raising corporate governance level through sociocultural and national diversity as well as to improving mutual trust on the level of business, which bilateral Russia-EU relations lack so much now.

Bibliography

1. Law of the European Union (“Pravo Evropeyskogo soyuza”) Vol. 1, General Part, 4th edition, translated and enlarged. Textbook For Bachelors / Edited by S.Yu. Kashkina — M. Yurait. 2015. 647 p.

2. The Charter of Fundamental Rights of the EU. Electronic source. Available at: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:12010P&from=EN> or in Russian at: <http://eulaw.ru/treaties/charter>
3. Acquis communautaire. Electronic source. Available at: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/policy/conditions-membership/chapters-of-the-acquis_en
4. See: European Idea and 19th Century (“Evropeyskaya Ideya i XIX vek”). History of Europe (“Istoria Evropy”), Vol. 5, 613 p.
5. V.I. Lenin. On the Slogan for a United States of Europe. Social Democrat no. 44, August 23, 1915. Electronic source. Available at: <https://www.marxists.org/russkij/lenin/1915/08/10a.htm>
6. The Founding Fathers of the EU. Electronic source. Available at: https://europa.eu/european-union/about-eu/history/founding-fathers_
7. European Neighbourhood Policy Electronic source. Available at: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/neighbourhood/overview_en. See also: <https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/neighbourhood/consultation/consultation.pdf>
8. Protectionism in the G20. Electronic source. Available at: http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/549028/EXPO_STU%282015%29549028_EN.pdf
9. Conditions for Membership. Electronic source. Available at: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/policy/conditions-membership_en
10. Copenhagen Criteria. Electronic source. Available at: http://europa.eu/rapid/press-release_DOC-93-3_en.htm?locale=en
11. Acquis communautaire. Electronic source. Available at: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/policy/conditions-membership/chapters-of-the-acquis_en

12. 2016 Communication on EU Enlargement Policy. Electronic source. Available at: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/pdf/key_documents/2016/20161109_strategy_paper_en.pdf
13. White Paper on the Future of Europe. Reflections and Scenarios for the EU27 by 2015. Electronic source. Available at: http://europa.eu/european-union/sites/europaeu/files/whitepaper_en.pdf
14. How to save Europe? The Economist, March 25, 2017, P. 9.
15. Quo Vadis? Identity, Policy and the Future of the European Union. Electronic source. Available at: http://cepr.org/sites/default/files/news/QuoVadis_March2017.pdf

КОММЕНТАРИЙ ПО ТЕМЕ

COMMENT ON THE FOLLOWING TOPIC

ДЖЕЙМС К. ГЭЛБРЕЙТ

Член Международного комитета ВЭО России, профессор Университета Техаса, председатель Совета директоров ассоциации «Экономисты за мир и безопасность»

JAMES K. GALBRAITH

Member of the International Committee of the Free Economic Society of Russia, professor at the University of Texas, the Chairman of Economists for Peace and Security

АННОТАЦИЯ

Автор комментирует с экономической точки зрения сложившуюся ситуацию в Евросоюзе, в частности рост долгов и дефицита в некоторых странах ЕС и влияние и роль политики Германии в сохранении целостности ЕС.

ABSTRACT

The author from his economic point of view comments current situation in the European Union, hike of debts and deficiencies in some EU countries in particular, and the influence and role of Germany's policy in preserving EU's integrity.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Евросоюз, Греция, Кипр, Италия, Германия, долги, дефицит, кризис, развал ЕС.

KEY WORDS

European Union, Greece, Cyprus, Italy, Germany, debts, deficiencies, breakdown, EU's collapse

Мое видение этой проблемы обусловлено моим тесным взаимодействием с правительственными структурами, в частности с министерством финансов Греции, в период между выборами, состоявшимися в январе 2015 года, и референдумом в июле того же года. В этой связи я в разное время работал в Афинах, Брюсселе, Вашингтоне, Париже и Берлине. Алексей Анатольевич Громыко верно отметил, что Германия — лидер Европейского союза. Но с экономической точки зрения Германия является и главным источником давления на Евросоюз, особенно на ключевую его часть — еврозону, которая изначально не обладала прочностью. Давление это возникло с формированием евро и все возрастало в период кризиса, по мере того как Германия накапливала все больший профицит по текущим операциям (обратной стороной этого процесса стал рост долга и дефицита в других странах еврозоны). Эта система была не сбалансирована и уже к 2009 году рухнула, после чего стала применяться жесткая политика вынужденной экономии и последовал ряд идеологических реформ, которые в основном так и не способствовали повышению экономической эффективности, не подстегнули экономический рост стран, наиболее пострадавших от кризиса.

Такие меры, примененные к Греции в 2015 году, в их последней, наиболее жесткой версии не имеют даже видимости экономических реформ. Они представляют собой политику взыскания долгов и активов, призванную решить вопрос с банкротством, урегулировать который невозможно.

На Кипре еврозона экономически фрагментирована уже сейчас. Вот уже три-четыре года, как евро в кипрских банках не имеет той же стоимости, что евро вообще. В гре-

ческих банках евро перестал стоить столько же, сколько в других местах, с момента введения контроля над движением капитала в конце июня 2015 года. Греция остается неплатежеспособной уже семь лет. Италия, которая в 10 раз больше Греции, которая, в свою очередь, в десять раз больше Кипра, те же семь лет пребывает в состоянии экономической рецессии. Банки Италии нестабильны. В 2009 году акции старейшего из итальянских банков, Monte dei Paschi di Siena, торговались по цене более 100 евро каждая. В прошлом октябре их цена на момент закрытия составляла 27 центов за акцию. Если бы меры по контролю над движением капитала были применены к Италии, еврозона, по сути, перестала бы существовать.

Здесь есть и политический элемент, который заключается в абсолютной нетерпимости, особенно в правительстве Германии, к избранным правительствам левых в Европе. Это совершенно очевидно в случае с Грецией, но также сказалось и на отношениях с Португалией и сыграло роль в отказе испанских социалистов от формирования левой коалиции — шаг, на который в иных обстоятельствах они могли бы пойти. Это очень важный фактор, который снижает доверие к демократии на периферии Европы. Сегодня линия политического разлома проходит не через Францию, а через Италию, где, по данным последних опросов, лидирующие позиции занимает «Движение пяти звезд». Но даже это не главный вопрос.

Главный вопрос заключается в том, доведет ли правительство Германии, и в частности министр финансов Германии г-н Шойбле, какого-либо участника еврозоны до состояния абсолютного кризиса. Если конкретно: доведет ли он правительство Греции до такого кризиса уже этим летом?

Данная возможность существует, и это важно понимать. Его позиция ясна. Тайны из нее не делают. Он предпочел бы исключить из еврозоны не отвечающие ее требованиям страны и, кажется, недооценивает риски для общеевропейской структуры, связанные с реализацией таких предпочтений. Если он их действительно не учтет, в итоге это может спровоцировать фундаментальный кризис еврозоны, а за ней, возможно, и всего Европейского союза. Мы наблюдаем колоссальное злоупотребление властью в отношениях между странами Евросоюза и еврозоны, причем ситуация усугубляется провальными политическими мерами, принятыми в 2010 году отчасти под давлением со стороны Соединенных Штатов, которые стремились избежать дополнительных рисков для американской банковской системы, только вышедшей из кризиса 2008–2009 годов. Именно из-за этого риска Тимоти Гайтнер занял такую позицию.

Кроме того, поведение Международного валютного фонда в тот период было, безусловно, возмутительно и отчасти мотивировано постыдными личными амбициями управляющего директора МВФ в 2010 году. С того момента всему миру стало абсолютно очевидно, что этот человек не отвечает принципам высочайшей этики.

В завершение нужно сказать, что совершенно справедливо утверждение о том, что Германия может спасти Европейский союз. Именно на эту мысль опиралось и правительство Греции, и я в своих попытках убедить их летом 2015 года. Германия на это не пошла. Если Евросоюз и еврозона развалятся, произойдет это потому, что так решила Германия, намеренно или нет, но соответствующие действия будут инициированы правительством Германии, а не кем-либо еще.

* * *

The perspective that I bring to this question stems from my close involvement with the government and particularly with the finance ministry of Greece in the period between the election of January 2015 and the referendum of that July. In that connection I was in Athens, Brussels, Washington, Paris, and Berlin, at various moments.

Alexei Anatolievich Gromyko has said correctly that Germany leads the European Union, but from an economic point of view, Germany is also the leading source of stress on the European Union, especially on the key part of that union, the Eurozone, which was never designed in a robust way. That stress began with the formation of the Euro and it has been growing throughout the crisis, as Germany has accumulated ever-larger current account surpluses, the counterparts of which were the debts and deficits of the other countries of the Eurozone. This is an unbalanced system that had already collapsed by 2009 and which has been followed by a relentless policy of imposed austerity and also ideological reforms, having, for the most part, no success in delivering improvements in economic performance or any return to economic growth in the most heavily afflicted crisis countries.

In the latest and most extreme iteration of those policies imposed on Greece in 2015, there is no real pretense of economic reform. It is a debt collection or an asset seizure policy, essentially there to deal with a bankruptcy that cannot be resolved.

In Cyprus the Eurozone has already fragmented economically. A Euro in a Cypriot bank has not been worth the same as a Euro in general for three or four years. In a Greek bank, a Euro has not been worth the Euro elsewhere since capital controls were imposed in late June of 2015. Greece has been bankrupt for

seven years. Italy, which is 10 times bigger than Greece, which is itself 10 times bigger than Cyprus, has been in recession for seven years. The Italian banks are not stable. The oldest bank in Italy, the Monte dei Paschi di Siena, was trading in 2009 at over 100 Euros a share. It closed last October at 27 cents a share. If capital controls were imposed in Italy, that would be essentially the end of the Eurozone right there. There is also a political element here, which is an absolute intolerance, especially in the German government, for elected governments of the left in Europe. It is very clear to us in the case of Greece, but it also has affected Portugal, and it affected the will of the Spanish socialists to form a left coalition when they might otherwise have done so. It is a very important force which diminishes confidence in democracy all across the periphery of Europe. Right now, The biggest political faultline is not in France, but in Italy, where the Five Star Movement is in the leading position in the latest polls. Even there, however, that's really not the issue. The issue is whether the German government, and specifically the Minister of Finance, Mr. Schäuble, will force any particular member of the Eurozone to the point of absolute crisis. In particular, whether he might force the government of Greece to such a crisis as early as this summer. This possibility is in the air and we should be aware of it.

His position is clear. There's no secret about it. He would prefer to have the non-conforming countries out, and it seems he greatly underestimates the risk to the whole European structure if he carries forward on that preference. If he does underestimate it, he could possibly end up triggering a foundational crisis of the Eurozone and then potentially of the European Union itself. Between the countries of the European Union and Eurozone, what we've observed is a vast abuse of power, which is complicated

by the disastrous policies that were put in place in 2010, in part under pressure from the United States, as it did not want to risk any further dangerous exposure to the American banking system, which had just been rescued from the crisis of 2008–2009. That risk is why Timothy Geithner took the position that he did.

In addition, the conduct of the International Monetary Fund at that time was unquestionably a scandal, motivated in part by the disgraceful personal ambitions of the managing director of the International Monetary Fund in 2010. It has been entirely clear to the whole world ever since that that individual was not a figure of the highest ethics.

To conclude, it's absolutely correct that Germany can save the European Union. That was the policy of the Greek government and of my efforts to persuade them to do so in the summer of 2015. They didn't do it. If the European Union and the Eurozone are destroyed, it will be because Germany chooses to do it, whether advertently or inadvertently, but the actions will be taken at the initiative of the German government rather than of any other.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

CLOSING REMARKS

А.А. ДЫНКИН

Вице-президент ВЭО России, президент
ФГБНУ «Национальный исследовательский
институт мировой экономики
и международных отношений имени
Е.М. Примакова РАН», академик РАН

A.A. DYNKIN

Vice President of the Free Economic Society
of Russia, President at the Primakov National
Research Institute of World Economy and
International Relations under the Russian
Academy of Sciences, Academician of the
Russian Academy of Sciences

Ябы тоже хотел сказать несколько слов по тем проблемам, которые здесь прозвучали. По поводу Великобритании. Интересная была история вступления Великобритании в Европейский союз, потому что очевидна англосаксонская связка этой страны с Вашингтоном. Так вот в Вашингтоне была достаточно острая, не всегда публичная дискуссия о том, что как это так: наш ближайший союзник и вдруг вступает в объединение с недавним противником — Германией. Эта дискуссия закончилась в пользу того, что лучше пусть Великобритания будет «ин», чем «аут». И это очень важно иметь в виду.

Сегодня Великобритания надеется на то, что вот эти теснейшие связи с Соединенными Штатами восстановятся.

На конференции в Нью-Дели Борис Джонс, министр иностранных дел Великобритании, сказал о том, что Великобритания намеревается строить зону свободной торговли в рамках содружества. Совершенно новый разворот. То, что раньше называлось «Британское содружество наций». И как бы, в общем, ответ от членов этого содружества не был отрицательным.

Теперь по поводу Германии. Понимаете, тут очень верно было подмечено то, что сегодня мир захватила волна поиска национальной идентичности, неонационализма, мы это видим и в Великобритании, и в Соединенных Штатах, это просматривается в политике премьер-министра Японии Абэ, который посещает храм Ясукуни, который является символом японского милитаризма. Такие же ноты звучат у Эрдогана, даже у Виктора Орбана и так далее. И наверное, единственная страна, которая не может вернуться к этой теме, — Германия. И это ее самая серьезная уязвимость.

Кроме того, из тех стран, которые остались в Европейском союзе, я имею в виду отсутствие Великобритании, только одна страна обладает полноформатными вооруженными силами, это Франция, у которой есть серьезный военно-морской флот и есть ядерное оружие. И при всех наших калькуляциях этой темы эту вещь, на мой взгляд, надо учитывать.

И касательно наших отношений с Европой. Я поддерживаю все те хорошие слова, которые были сказаны о неизбежности и необратимости и невозможности разорвать эти связи. Но не надо закрывать глаза на тот факт, что сегодня Европа не является для России абсолютной моделью развития. Европейский тренд, на мой взгляд, на обозримую перспективу у нас отсутствует. К Европе относятся как к со-

седу, важному соседу, но только как к соседу, а не как к модели экономического и социального устройства жизни у нас в стране.

* * *

I would also like to say a few words about the problems that have been raised here. First let us talk about the UK. The history of the United Kingdom's entering into the EU looks rather interesting as close ties between the UK and Washington belonging to Anglo-Saxon world are obvious. It should be mentioned that serious (and not always public) discussion took place in Washington at that time. The Americans could not understand how it could happen that their closest ally United Kingdom entered into alliance with Germany, its recent opponent. Following the results of this discussion, they came to the conclusion that it was better to see the UK "in" the alliance than "out" of it. This fact is very important and should be taken into account.

The United Kingdom currently hopes to reestablish these close ties with the United States. Speaking at the conference in New Delhi, Foreign Secretary Boris Johnson said that The United Kingdom intends to build a free trade area within the boundaries of Commonwealth. I mean the alliance that we have referred to as "the British Commonwealth" before. A totally new turn of events! In general, the attitude of Commonwealth members towards this suggestion was not at all negative.

Now, let us talk about Germany. You know, it has been mentioned here that all countries are currently looking for national identity. The world is sort of gripped by a wave of neo-nationalism. We see this trend in the UK, the USA and even in Japan. By the way, Prime Minister of Japan Shinzo Abe often visits Yasukuni Shrine, which is the symbol of Japanese militarism. Sim-

ilar notes are heard in the speeches of Erdogan and even Viktor Orban. Germany is probably the only country that cannot come back to this topic, and this circumstance is a serious weakness of the German state making it vulnerable.

Besides, out of all countries that have still remained the EU members — I mean after the exit of the UK — only France can boast of fully-functional armed forces. The country has serious navy and even nuclear weapons. This thing should be taken into consideration in all discussions devoted to this topic.

Now, I would like to dwell on our bilateral relations with Europe. I back all the good ideas raised here, the ones about these ties being inevitable, irreversible and impossible to break. Yet, one should not put a blind eye to the fact that Europe is no more an absolute development model for Russia. In my point of view, the European trend is missing in Russia today and will be missing in the foreseeable future. We treat Europe as a neighbor, even as a very important neighbor, instead of viewing it as a model of socioeconomic development.

Форум Международного комитета Вольного экономического общества России, участники круглого стола на тему «Сможет ли Германия сохранить ЕЭС»

**ОТКРЫТЫЕ ЛЕКЦИИ
В РОССИЙСКОМ
ЭКОНОМИЧЕСКОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ ИМЕНИ
Г.В. ПЛЕХАНОВА**

**PUBLIC LECTURES
AT THE PLEKHANOV
RUSSIAN UNIVERSITY
OF ECONOMICS**

ЧЕТВЕРТАЯ ИНДУСТРИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ – ПРОЛОГ НОВОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ВТОРОЙ ГЕНЕРАЦИИ

THE FOURTH INDUSTRIAL REVOLUTION IS A PROLOGUE OF THE NEW INDUSTRIAL SOCIETY OF THE SECOND GENERATION

С.Д. БОДРУНОВ

Президент ВЭО России, директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, первый вице-президент Союза промышленников и предпринимателей Санкт-Петербурга, д. э. н., профессор

S.D. BODRUNOV

President of the VEO of Russia, director of the Institute of the new industrial development named after S.Y. Vitte, first vice-president of the Union industrialists and entrepreneurs of St. Petersburg, Dr. Sc. Econ., Professor

АННОТАЦИЯ

В статье дан анализ возрастания роли современных индустриальных технологий в системе общественного воспроизводства, формирования нового качества индустриального производства, которое становится знаниеинтенсивным, производством знаниеемких продуктов, технологические знания в которых получают превалирующее значение. Автор делает вывод, что нынешняя мировая ситуация обусловлена началом глобального перехода к новому технологическому укладу, влекущему соответствующие изменения общественного устройства, и рассматривает концептуальные направления общественного развития

и соответствующие меры в условиях глобальных трендов настоящего и будущего.

ABSTRACT

The article provides with analysis of the increasing role of modern industrial technologies in the system of public reproduction, the forming of new stature of industrial production, which becomes knowledge-intensive, the production of knowledge goods, in which technological knowledge is predominant. The author makes a conclusion that current world order is driven by the beginning of the global transmission to the technological mode resulting in appropriate changes of the social structure and considers conceptional directions of the social development and appropriate measures under conditions of the global trends of the present and the future.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Четвертая промышленная революция, материальное производство, технологический уклад, знаниеемкость, мироустройство

KEYWORDS

The fourth industrial revolution, material production, technological mode, knowledge-intensive, world order.

Уважаемые коллеги! Волнение охватывает меня всегда, когда я прихожу в Плехановский университет. Это моя, можно сказать, альма-матер, здесь я становился специалистом, экономистом, ученым. Я прекрасно помню те времена, когда были Первые, Вторые плехановские чтения. Если откроете соответствующие публикации того времени, эти брошюры, вы там найдете и мои скромные работы. Я благодарен своему учителю, который многое сделал для того, чтобы состоялась моя научная деятельность, моя научная карьера. Вот его портрет здесь — Борис Александрович Соловьев, —

в этом зале. Для меня он был образцом ученого, специалиста, учителя в конце концов. Я помню, как на кафедре экономики и торговли, тогда еще она так называлась, потом — кафедрой маркетинга, когда я защищал диссертацию, на «предзащите» диссертации, меня едва ли не раскатали под орех: то не так, это не о том, надо переделать. И в конце заключение: «Такая отличная работа!» Вот это стиль хорошего, нормального научного сообщества, когда коллеги в хорошем, дружеском ключе всегда подскажут, что лучше, что не так, что, по их мнению, надо изменить. Это очень важно. Это формирует школу, это шлифует собственное представление о том предмете, который ты исследуешь и защищаешь. Я благодарен родной, извините, «Плешке», за то, что она сделала для меня.

И конечно, когда Виктор Иванович¹ сказал мне о том, что есть предложение представить меня к званию почетного профессора РЭУ имени Г.В. Плеханова — это стало приятной неожиданностью; это огромная честь для меня. Виктор Иванович, я еще раз хочу поблагодарить Вас и перейти к теме сегодняшнего выступления.

Виктор Иванович сказал о том, что Джон Кеннет Гэлбрейт — фигура мирового масштаба. Я бы даже сказал следующее, что это фигура, по сегодняшним понятиям, глобального мышления, что ли, потому что те идеи, те мысли, которые Джон Гэлбрейт в свое время донес обществу, представил, так сказать, на всеобщее обозрение, противоречили всему, что было в то время трендом, мейнстримом мировой экономической науки. Он выступил против многих из тех, кто был нобелевским лауреатом, он себе этим сразу закрыл дорогу в нобелевские лауреаты, потому что практически все, кто были в комитете

¹ Гришин В.И., ректор РЭУ им. Г.В. Плеханова.

в то время, были противниками его идей. Тем не менее это был смелый, отважный ученый, осознававший свои представления мира и четко отстаивавший их в мировом сообществе.

Поэтому его книга сохранила свое значение и сегодня, и не только книга «Новое индустриальное общество», но и идеи. Когда у меня младшая дочь защищала кандидатскую диссертацию, накануне, где-то примерно за год, она сказала: «Папа, я должна защититься; я уверена — защищусь, но я хочу знать, какие книги главные все-таки я должна хорошо знать». И я ей дал три книжки: обзор трудов Адама Смита, первый том Марксова «Капитала» и книгу Гэлбрейта и сказал: «Эти три книжки ты должна знать, а уж все остальное добавим потом».

По прошествии полувека после выхода книги Гэлбрейта «Новое индустриальное общество» мы можем утверждать, что те идеи, которые были тогда, сегодня находят свое подтверждение. Именно поэтому мы в Институте нового индустриального развития издали книгу «Гэлбрейт: возвращение». Я, как директор Института нового индустриального развития, примерно 25 лет занимаюсь тем, что формирую представление о необходимости возвращаться к этим идеям. И то, что мы провели в Петербурге мемориум по этому поводу и на Петербургском экономическом конгрессе мы посвятили значительную часть сессии именно этой тематике, мне кажется, вызвало большой отклик у людей, которые туда приехали. 700 человек приехали, и было просто потрясающе — с 10 утра до 7 вечера конгресс, в 7 вечера в проходах стояли люди, у меня есть фотографии, и в коридорах, и дверь открыта, никто не уходил. Выступал присутствующий здесь Джеймс Гэлбрейт, выступали люди, которые рассказывали о том, что сегодня представляет собой Гэлбрейт для мировой и российской экономики. Огромный интерес и сейчас. Мне кажется, что это очень важно.

Я хотел бы сказать, что после Гэлбрейта появились люди, которые говорили о каких-то других вещах. Возникла концепция постиндустриального общества. Вы знаете, что была базовая книга Белла, она называлась «Грядущее постиндустриальное общество». До того как мы придумали книгу «Гэлбрейт возвращается», я выступил с книгой, которую я хотел бы сегодня (а я всегда прихожу в Плехановский университет с небольшими подарками) презентовать университетской библиотеке — книгу, которую я написал: «Грядущее. Новое индустриальное общество, перезагрузка». Это прямой отсыл и к Гэлбрейту, и к Беллу; это — провокационное название, прямой отсыл, и наша позиция — института и моя: мы отрицаем грядущее как постиндустриальное, мы принимаем грядущее как индустриальное общество нового поколения. Почему — я сегодня попытаюсь сказать. Я передаю в библиотеку университета книгу на русском и английском языках. И вот эту книгу тоже. Эта книга тоже несколько провокационная, но по-другому, потому что это стенограммы наших семинаров в институте, «нечищенные», непричесанные. Это раскрытие процесса рождения вот такого рода книг, которую я только что представил.

В постиндустриальной концепции ее авторы, отталкиваясь от внешне совершенно верного наблюдения за снижением стоимостной доли материального производства и его индустриального ядра в валовом внутреннем продукте, за этой внешней стороной не увидели истинных причин этого явления, подтверждающих сохраняющуюся и даже возрастающую роль современных индустриальных технологий во всей системе общественного воспроизводства.

Можно говорить о драматическом снижении себестоимости индустриальной продукции в доле ВВП при наблюдении того, что мы в нашем институте называли «синергии тех-

нологий». Посмотрим, допустим, на любой гаджет. Вот 80-й год. Мы взяли «средние данные по больнице» по некоторым видам продуктов, которые тогда выпускались. Мы набрали более чем на 10 000 долларов, если брать в долларовом выражении, продуктов, которые выпускались в то время для того, чтобы удовлетворить определенные потребности людей. Сейчас за 200 долларов мы удовлетворяем те же потребности и больше. Кто сегодня может сказать, что он знает все возможности своего планшета или гаджета? Не буду называть компании, чтобы не делать рекламу. Но стоит это все в ВВП совершенно других денег. И понятно, что здесь мы можем сказать, что надо отталкиваться не от каких-то статистических параметров и характеристик, которые сегодня меряются достаточно, я бы сказал, проблематично стандартной статистикой. Например, многие виды индустриальных работ, которые связаны с тем же наполнением этого гаджета, относятся почему-то к услугам во многих странах. Услуги — это уже по-другому считается, это не промышленность, не индустрия. Мы полагаем, что это не так.

Но если даже вот это не брать в расчет, то все равно мы получаем что? Сейчас золотой век на самом деле с точки зрения удовлетворения человеческих потребностей. Необходимы другие методы исследования. Необходимы не столько, может быть, статистические цифровые, числовые, численные методы, сколько методы качественного анализа, чтобы понять, что же происходит на самом деле. Я бы сказал так, что подчас за падение роли индустрии принимались другие вещи, например географическое перемещение индустрии из разных стран в новые индустриальные страны, мы это видели, когда анализировали процессы. А в то же время в мировой экономике в целом на самом деле никакого падения индустриального

производства не наблюдается. Вот посмотрите, на самом деле, какие данные, если брать в целом даже по официальной статистике. То есть, правильно фиксируя возрастание значения знаний и информации в производстве, адепты теории постиндустриального общества ударились в иллюзию, что знания и информация могут сами по себе заменить материальное производство, вытеснить его, низведя его роль до ничтожного значения. Но действительно происходящий переход к новому состоянию общества основывается не на падении роли материального производства, ибо заменить его ничто не может, так как производство в материальных условиях жизни и деятельности было и остается, по нашему мнению, необходимым основанием существования человеческого общества. Мир не переходит к постиндустриальному обществу в том виде, который провозгласили Белл и его последователи. Хотя, безусловно, зарождение некоторых постиндустриальных или каких-то таких сходных понятных, обозначающих это явление тенденций было бы неверно отрицать. Напротив, сейчас мы видим, что у нас сейчас формируется новое качество индустриального производства, открывается путь к новому индустриальному обществу, как мы его назвали, второго поколения. Вот об этом я как раз в этой книге и написал. Если кому-то будет интересно взглянуть, в библиотеке она сейчас будет.

В чем суть изменений? Суть изменений — в обретении нового качества самим материальным производством. Оно становится знаниеинтенсивным, производством знаниеемких продуктов, в которых технологические знания получают превалирующее значение как в смысле обеспечения принципиально иного качества продукта с точки зрения возрастающих возможностей, как я уже показывал, и удовлетворения соответствующих человеческих потребностей, так и с

точки зрения затрат в производстве такого продукта. То, что в устах многих экспертов получило сегодня название «новая нормальность» (вот наш американский коллега здесь присутствует); это пошло из Америки, там аналитический центр PIMCO такое название где-то в 2008–2009 годах придумал для обозначения сегодняшней мировой ситуации, и у нас подхватили все это. То есть это высокая волатильность мировых рынков, это несоответствие тех инструментов, которые сегодня используются, и они не позволяют решить те проблемы, которые обычно возникали и которые решались стандартными способами, и так далее. Это все обозвано новой нормальностью. Вот это является, скорее, может быть, признаком ненормальности, но я бы сказал точнее — несоответствием наблюдаемых эффектов нашим обычным ожиданиям.

Что происходит? Полагаю, что нынешняя ситуация как раз обусловлена началом глобального перехода к новому технологическому укладу, влекущему за собой и соответствующие изменения, уважаемые коллеги, общественного устройства и мироустройства. В Институте нового индустриального развития мы назвали эту ситуацию предтечей нового индустриального общества, переходом к новому индустриальному обществу второго поколения.

Сегодня главный тренд — это ускорение научно-технического прогресса. На прошлогоднем Давосском экономическом форуме, кто следил, помните, что заглавной темой было объявлено начало четвертой индустриальной революции. Что можно сказать по этому поводу? Помните классическую фразу: революция, о которой так долго говорили большевики, свершилась. То, о чем специалисты нашего института — большевики, меньшевики, но четко стоящие на позициях индустриализма, то, о чем мы говорили с 2005

года, — с большой помпой принято наконец мировым экономическим сообществом и объявлено глобальным трендом.

К чему этот тренд приведет? Становится все более ясно: не только к благам — он приведет к некоторой развилке. Либо технологический прогресс принесет известное благо, позволяющее все в большей степени удовлетворять потребности людей, либо прогресс, индустриальное развитие, следуя сегодняшней хищнической, я бы сказал, парадигме экономического развития (все больше, больше, больше продвинуть, задвинуть и выдвинуть некий товар...) может себя реализовать как угроза. Я бы сказал так: отталкиваясь от примера Французской революции, перефразируя известное изречение, можно сказать, что грядущая технологическая революция грозит поглотить своих отцов.

Что я имею в виду? Сейчас мы получаем все это «в одном флаконе», оба тренда. Причем не значит, что поровну. Чего в этом флаконе будет больше? Нужно успеть оценить это сегодня, чтобы усилить позитивную сторону этого тренда.

Вот об этом я хотел бы немножко сказать. Прогресс, удовлетворение потребностей людей, как известно, порождает новые потребности, в том числе симулятивные. Их рост обгоняет рост потребностей в целом. Мы это наблюдаем. При сохранении сегодняшней парадигмы экономического развития симулятивные потребности могут приобрести нетерпимо гипертрофированную роль. Мы можем пойти либо по пути наращивания технологических возможностей для реализации всяческих потребностей без меры, либо придать формированию новых потребностей разумную, подлинно человеческую основу.

При первом сценарии давление на ресурсы земли будет возрастать, несмотря на технологически обеспечиваемые возможности существенного снижения ресурсоемкости производства

за счет новых технологий. Безудержное потребление грозит поглотить любое количество природных ресурсов и завалить нас отходами, а то и ввергнуть в пучину конфликтов за материальные блага и скудеющие ресурсы для их производства. Мы видели буквально вчера, как наш президент вместе со своими коллегами по правительству ходит по тем землям, которые были совершенно девственно чисты 20 лет назад, и думает о том, как эти бочки из-под солярки, из-под всего, этот мусор, загаженную территорию очистить, потому что это влечет за собой уже просто экологические бедствия и проблемы не только для обитателей живой природы, но и для людей, которые там находятся и которые этим пользуются.

Можно ли избежать этого пути в тупик? Уверен, развитие может иметь и другой выход — через осознание человеком своих реальных потребностей и осознанное управление движением в позитивном направлении, что предполагает осознанное же ограничение симулятивных потребностей, разумное использование ресурсов, переход к технологическому развитию по пути рационализации деятельности человека, мотивов такой деятельности, ее целеполагания и так далее, включая развитие когнитивного базиса человека, а также его личностных характеристик.

Сегодня налицо обе тенденции, куда идти, и решение откладывать нельзя. Мы сейчас подходим как раз к развилке. Многие гранды мировой фантастики писали, снимали и продолжают это делать, об угрозах для человека от приходящих извне в нашу цивилизацию пришельцев. Оставим всех этих инопланетян, чужих, пришельцев фантастам. Мир, похоже, становится сложнее. Он сложнее фантастических конструкций. Вот чужие, подчеркиваю, уже здесь, среди нас. Что я имею в виду? Это те технетические (мы в Институте им. Витте при-

думали такую научную дисциплину — технетику и работаем по этой теме) виды цивилизационных сущностей, которые все больше и больше подменяют человека, меняя не только его возможности, а затем и среду его обитания, но и исподволь его самого. Я не буду здесь вдаваться в детали, это есть в наших книгах, можно это посмотреть, но могу сказать следующее: развиваясь, все эти вещи могут вполне вытеснить, сделать ненужным в формируемом обществе человека как субъекта базового интереса общества. Потеря, если говорить в коротком периоде, многочисленных профессий, работа, которую нечем заменить, и так далее. А в дальнем тренде — вообще большая проблема, на которую сразу ответить нельзя.

Я бы сказал даже так: по моему мнению, более фантастической выглядит сегодня версия движения по пути сохранения цивилизации как чисто человеческой, сохранения человека как личности и как основы, базового субъекта общественного интереса и пространства. Поэтому мне представляется, что проблема растерянности человека в сегодняшнем мире, которую вчера обсуждали на Московском экономическом форуме (если кто-то наблюдал, это была базовая идея форума), не сводится лишь к тем вопросам, которые там обсуждались, к вопросу проблемы путей экономического развития, эта проблема гораздо шире. И мы должны использовать для решения возникающей проблемы все тот же главный инструмент — научно-технический прогресс человеческой цивилизации. Другого инструмента реально нет. Вот я бы оценил ситуацию так.

При этом при всех существующих угрозах нам не следует впадать в мрачный пессимизм. Нам дан шанс построить иное будущее, использовать те возможности, которые мы сами создаем в ходе индустриального развития, опирающе-

гося на технологическое применение знаний, новых знаний, знаний, которые направлены на этот процесс. При этом мы имеем как технологии, которые могут поддерживать симулятивное направление движения в развитии, так и технологии, направленные на развитие человека как личности. Я бы назвал их «ноотехнологии», следуя Вернадскому. По этому поводу есть несколько статей, я не буду детально говорить, несколько материалов в журнале «Экономическое возрождение России», который издается Вольным обществом и нашим Институтом, там можно это увидеть, и в других журналах.

Что бы я сказал? Нам сейчас нужно определить первое: что на этом пути — позитив, что — негатив. Второе — оценить возможное направление развития, то есть найти вектор движения к позитиву. Третье — оценить возможность увеличить весомость движения по позитивному вектору. Весомость — это качество движения, темпы, скорость, разные параметры, я назвал бы это словом «весомость». Четвертое — сформулировать и постепенно и целеустремленно реализовать меры и методы, обеспечивающие такое движение. Повторю: откладывать это нельзя. Нам надо реализовать свой шанс.

В чем этот шанс? Человек — это единственное существо, способное преобразовывать материальный мир, окружающий его, в нематериальный мир знаний. Но в процессе познания мира человек также познает и себя, познает окружающих людей и те общественные связи, которые их соединяют, формируя общество. В процессе обретения таких знаний человек устанавливает и совершенствует определенные критерии своего общественного бытия, проверяя их, обновляя и рационализируя, создавая и развивая свой, я бы сказал, культурно-цивилизационный код.

Известный кинорежиссер Андрей Кончаловский сказал: «Я снял три фильма о русской деревне, я живу в стране и знаю народ. И постепенно убедился: чтобы изменить общество, нужно изменить ментальность, а чтобы изменить ментальность, надо изменить культурный геном, разобрать его на части, изучить и только потом принять решение, куда идти». Нельзя с этим не согласиться. Лишь на основе такого изучения, самопознания, рационализации и признания, я бы сказал, принятия в качестве императива критериев, по которым человек оценивает и строит собственную жизнь, можно поставить барьер на пути безудержной погони за симулятивным потреблением — и тем самым выйти на путь нового варианта цивилизационного развития, который предполагал возможным Владимир Вернадский. Вот в таком варианте я хочу сказать, что производство станет не столько царством техники, сколько царством человеческого разума, опирающимся при этом на сугубо материальные процессы нооиндустриального производства, ибо вне связи с ним человек не может ни обеспечить собственное существование, ни развиваться.

Одновременно резко возрастет социальная роль знания и как средства открытия новых более эффективных и экономических способов удовлетворения разумных человеческих потребностей в противовес нынешнему количественному наращиванию потребления, которое имеет видимые пределы, и как средство разрешения противоречий и снятия напряжения, сопровождающего глубокие технологические и, соответственно, общественные сдвиги. Полагаю, что от того, выберем ли мы такой путь, и от успеха на этом пути зависит, станем ли мы чужими друг другу, сами себе, нашей земле или звание человека будет по праву начинаться с заглавной буквы.

* * *

Dear colleagues! I always feel excited when I enter Plekhanov University. This educational establishment is a sort of my alma mater as it is here that I have established myself as a specialist, economist and scientist. I remember the first and second Plekhanov readings very well. If you open the respective publications of that time, you will find my works in these brochures, like the ones of my colleagues. I am grateful to my teacher as I owe my research activities and career in science to him. Here is his portrait hanging on the wall — Boris Alexandrovich Soloviev. For me, he has always typified the model scientist, specialist and teacher. I remember having defended my thesis at the Chair of Economics and Trade — now it is the Chair of Marketing. During the preliminary discussion, my work was placed under fire — those present said that everything was wrong, that the work should be done differently from the very beginning. However, the conclusion read: “Such a perfect paper!” It is the style of work typical of good academic community, when colleagues prompt you what ought to be changed in a friendly manner. Using such an approach is very important, as it helps shape an academic school and understand the subject that one studies in his/her thesis. I am grateful to Plekhanov University for all that the members of local academic community have done for me.

When Viktor Ivanovich¹ told me about the suggestion of awarding a title of Professor Emeritus at Plekhanov University to me, it became a pleasant surprise and great honor for me. Thank you once again, Viktor Ivanovich, and let me proceed to the topic of my presentation.

Viktor Ivanovich has mentioned that John Kenneth Galbraith is a scientist of global scale. I would even say that he is a figure

---

¹ Gryshin V.I., Rector of Plekhanov Russian University of Economics.

of modern thinking, as the message he sent and ideas that he made public, so to say, were at variance with the global trends of that time, the mainstream of economic science. He made a stand against many Nobel Prize winners, thus closing the way to Nobel Prize for himself as almost all members of the Nobel Committee were his opponents at that time. He was a brave and courageous scientist convinced in his concept being true and therefore defending it in discussions with members of global academic community.

That is why, his book *The New Industrial State* and ideas have retained their importance and are relevant today. When my younger daughter was writing her candidate's dissertation, she came up to me and said: "Dad, I know that I will defend it, yet I want to know which books are the key ones. Which of them should I know my onions about?" I recommended three books to her — a review of works by Adam Smith, the first volume of *Das Kapital* by Karl Marx and the Galbraith's one — and said: "You should know these three books; as for the rest, we will add all of the works later." Half a century after the release of Galbraith's book *The New Industrial State*, we can say that his ideas find convincing confirmation today. That is why we, the people working at the Institute of New Industrial Development, have decided to publish the book *Galbraith Coming Back*. As the director at the Institute of New Industrial Development, I have been trying over the past 25 years to convince everybody in the need for coming back to these ideas. As it seems to me, the fact that we held a forum in Saint Petersburg and devoted most of the time at the session of Saint Petersburg Economic Congress to this very topic has struck a deep chord in the hearts of the people who attended it. 700 people came to attend the forum. The sessions began at 10:00 and were closed at 7 p.m., yet the people would stand in the aisles. I have photos — the doors of the hall are open, yet nobody leaves. James Galbraith, who is pres-

ent here, made a presentation at the session there. Other speakers dwelled upon the importance of Galbraith's ideas for the global and Russian economy. Today, we also see strong interest in the topic. I think that it is very important.

I would like to say that some people after Galbraith started speaking about different things. Thus, a concept of postindustrial society has come about. All of you must know the book *The Coming of Post-Industrial Society* by Bell. Before we published *Galbraith Coming Back*, I came fore with a book that I would like to give to the University's library as a gift (I always come to Plekhanov University with small gifts). It is my book *The Coming. The New Industrial State: Reset*. It is a direct reference to both Galbraith and Bell. The title looks provocative, yet it is the position that I and my colleagues from the Institute adhere to. We deny postindustrial future, but talk about the industrial society of new generation. Today, I will try to explain why. Let me hand the book in Russian and in English to the library. And this book too. It also looks provocative, yet in a different way. It contains the "unedited" records of our seminars. Having studied it, you will understand the process of generating the books like the one I have just presented.

Stemming from the correct observation showing the reduction of monetary share of material production and its industrial core in GDP, the authors of postindustrial concept failed to see the true reasons behind this phenomenon. These reasons confirm that the modern industrial technologies retain their role and even play an increasingly larger part in the system of social reproduction.

We can talk about a dramatic reduction of the industrial products share in GDP when observing the phenomenon that we call "the synergy of technologies." Look, say, at any gadget. Here we have the data for 1980. We have taken some "average data" for some types of products that were manufactured at that time.

Thus, we have taken \$10,000 worth of products manufactured at that time to meet certain needs of the people. Today, we can meet the same needs with just \$200 and even less. Who can say today that he/she knows the true capacity of his/her tablet or another gadget? I would not mention the company names not to advertise them. Yet, it costs a different amount of money in terms of share in GDP. It is clear that we should not stem from some statistical parameters and characteristics, as the standard statistics offers, I would say, rather questionable methods of measuring them. For instance, many types of industrial works performed to fill the gadget with software belong to the sphere of services in many countries for some reasons, and services have nothing to do with industry. We believe that it is wrong.

Yet, what do we still get even without taking these things into account? We live in a sort of “golden age” in terms of meeting human wants. Thus, we need different research methods. We need not so much the quantitative methods, as the ones of qualitative analysis to understand what is going on. I would say that sometimes the geographical relocation of industry to new industrial countries was taken for decline in industrial production. We saw it while analyzing the processes. However, no drop in industrial production is actually observed in the global economy. Even the official statistical data shows it. It means that the adepts of postindustrial society theory, who were right to identify the increasingly larger role of knowledge and information in production sphere, have indulged in illusions that the knowledge and information can replace production making it play third fiddle. Yet, the transition to a new society is not actually based on drop in the role of material production. In fact, nothing can substitute for material production as it has always been and remains the foundation for the very existence of human society. There is actually no tran-

sition to the postindustrial society in the form that Bell and his followers have declared, though it would be wrong to deny some postindustrial or similar trends that are observed today. On the contrary, we see that the industrial production of a new quality is being currently born. We see a gate on the way to a new industrial society to open. It is the industrial society of second generation as we call it. This is what I have written about in this book. Those who are interested can now go to the library and study it.

What is the nature of changes? The nature of changes lies in the fact that material production acquires new qualities. It becomes knowledge-intensive, turns into the production of knowledge products, while technological knowledge takes on greater significance both from the viewpoint of improving the quality of products to meet the increasingly larger demands and in terms of reducing the costs of manufacturing such products. This phenomenon is referred to as “the new normality.” The term has been suggested by US-based analytical center PIMCO in 2008–2009 to describe the present situation in the world, and later it took root in Russia as well. It means high volatility of global markets, unsuitability of tools used today as they are incapable of solving problems that have been always solved by standard methods, etc. This is what “the new normality” means. However, these are likely to be the signs of abnormality when the effect observed is inconsistent with our expectations.

What actually happens? I think that the present situation is driven by the start of global transition to a new technological lifestyle bringing about the respective changes in the life of society and world order. My colleagues from the Institute of New Industrial Society and I have called this situation the precursor of a new industrial society, the transition to the industrial state of second generation.

The main trend today is acceleration of scientific and technological progress. As you may recall, the start of the fourth industrial revolution was declared as the main topic at the World Economic Forum in Davos last year. What can we say with regard to that? Do you remember the well-known phrase “The revolution that the Bolsheviks were talking about so much has happened.” What the specialists of our Institute firmly upholding the positions of industrialism have been talking about since 2005 is now accepted by the world economic community at last and even declared a global trend.

What will this trend lead to? It is clear that it will lead not only to positive consequences, but to a sort of fork in the road as well. Either the technological progress will do good allowing the society to meet the demands of people to a greater extent, or the industrial development will turn into a sort of threat as the present paradigm of economic development looks “predatory,” I would say (I mean the obvious desire to promote still more and more products). Stemming from the example of the French Revolution and paraphrasing a well-known aphorism, I would say that the forthcoming technological revolution threatens to devour its founding fathers.

What do I mean? Currently, we get both trends “in one bottle.” Moreover, it does not mean that the bottle contains equal quantities of both of them. Which trend will prevail? We have to find it out today in order to strengthen the positive aspect of this trend.

I would like to dwell on this topic a bit. As is known, the progress meeting the demands of people gives birth to new demands, including simulative (factitious) ones. They grow in number, and this growth outpaces the one of demands in general. That is what we observe today. If the current paradigm of economic development continues, simulative demands may start playing an

outsized role. We may either follow the way of building up technological capacity for meeting all demands beyond any measure, or make the process of forming new demands more reasonable and humane.

In case of the first scenario, the pressure on mineral resources will grow, despite the current opportunities for reducing the resource intensity of production by introducing new technologies. Unrestrained consumerism threatens to absorb any quantity of mineral resources and produce heaps of wastes, or even throw us into the turmoil of wars for material benefits and resources that are exhausting. Some days ago we saw our president and his colleagues visiting the territories that had been considered virgin lands, wilderness some 20 years ago and thinking how to remove all these diesel fuel barrels and other wastes from these areas and make them clear again, as contamination will inevitably lead to ecological disaster, serious problems for both animals and people who stay there.

Can we avoid the scenario leading to a blind alley? I am sure that there is another way of development. It is the way through realizing real demands and conscious control over the movement in positive direction, which suggests conscious limitation of simulative demands, sustainable use of resources, transition to technological development, rationalization of human activities, etc., including the development of cognitive basis and personal characteristics.

Both trends are observed today. We must decide where to go and cannot delay this decision. We are currently approaching the said fork in the road. The classics of science fiction continue to write and make films about the threats posed by extra-terrestrial beings. Let us leave all these “aliens” to the writers and film makers. The real world looks much more complex and

challenging than science fiction. The said “aliens” are already here, among us. What do I mean? I mean the technetic (we have invented a new academic discipline — technetics — at the Vitte Institute) beings that start replacing humans more and more, which leads to changes in habitat, the living environment and personality of a human being. I would not go into details, as the details can be found in our books. I want to say that, as the current events unfold, these things may replace human being as the subject of basic interest in society, make humans useless. I mean the loss of many professions in the short term, work that cannot be replaced, etc. In the long term, this trend will lead to serious challenges that cannot be addressed at once.

I would even say that the second trend looks even more fantastic. I mean the scenario of moving in the direction of preserving the civilization as human one, preserving human being as personality and basic subject of public interest and space. That is why, I think that the problem of people being distracted and confused in the present world, which was discussed yesterday at the Moscow Economic Forum (as you may know, it was the basic idea considered at the forum), does not come down to the issues discussed there, namely the issue of economic development ways alone. The problem actually requires a broader look. While looking for possible solutions of it, we should use the tool I have been talking about — the scientific and technological progress of human civilization. There is no other tool available. That is how I would size up the situation.

At the same time, we ought not to fall into gloomy pessimism, despite the threats that we face today. We have a chance of building a different future, taking advantage of the opportunities that we create in the course of industrial development on the basis of technological appliance of knowledge, a new type

of knowledge, the knowledge that is aimed at that very process. Moreover, we have at our disposal both the technologies capable of supporting the simulative direction of development, and the ones promoting the development of human being as personality. Paying tribute to Vernadsky, I would call them “noo-technologies.” There are several articles devoted to this topic, but I would rather not go into details. Several materials have been published in *The Economic Resurgence of Russia* magazine issued by the Free Economic Society and other periodicals, so you can study them.

What else can I say? First, we should distinguish between positive and negative aspects of this way. Second, we have to identify a possible direction of development, i.e. find the vector of movement leading towards positive aspects. Third, the possibility of increasing the weight of movement along positive vector ought to be assessed. Weight means the quality of movement, its tempo, speed and different other parameters. I would combine all of them into the notion of “weight.” Fourth, we should formulate the measures and methods promoting such movement and focus on their gradual implementation. I repeat — no delay is possible in this process. We have to convert on the chance we have today.

What kind of a chance do we have? Man is the only being capable of transforming physical world, the environment, and immaterial one, the world of knowledge. Yet in the process of learning the world, people cognize themselves, other people, as well as the social ties that connect them forming the society. While acquiring this knowledge, people set and upgrade certain criteria of their social being, verifying, updating and streamlining them. I would say that each of us creates and develops his/her cultural and civilizational code.

A famous Russian film maker, Andrey Konchalovsky, said: “I have made three films about Russian village. I live in the

country and know the people. Finally, I have realized that changing the society requires changing the mentality. To change the mentality, one has to change the cultural genome, break it into parts, study it, and only then decide where to go.” One has to agree with this idea. Only on the basis of studies, self-cognition, streamlining and recognizing (I would say adopting as imperative) the criteria that help people assess and build their lives, we can erect a barrier on the way of unrestrained simulative consumption and therefore embark on the road of new civilizational development, which Vladimir Vernadsky wrote about thinking it possible. In such a scenario, the production will cease to be just the kingdom of technologies and equipment, and turn into the kingdom of human intelligence relying at the same time on the material processes of noo-industrial production, as people cannot ensure their existence and development independently from such production.

At the same time, we will see a drastic rise of the role that knowledge plays, both as a means for discovering new and more efficient economic methods of meeting reasonable human demands, as set against the present quantitative build-up of consumption, which has visible limits, and a means for the resolution of conflicts and relaxation of tension that inevitably follows all profound technological and therefore social changes. Will we become strangers to each other, “aliens” on our own land, or will word “Human” still begin with a capital letter? I think that the answer to this question depends on whether we choose such a way and succeed walking along this very road.

НЕРАВЕНСТВО: МЕТОДЫ ОЦЕНКИ

INEQUALITY: MEASURING METHODS

ДЖЕЙМС К. ГЭЛБРЕЙТ

Член Международного комитета ВЭО России, профессор Университета Техаса, председатель Совета директоров ассоциации «Экономисты за мир и безопасность»

JAMES K. GALBRAITH

Member of the International Committee of the Free Economic Society of Russia, professor at the University of Texas, the Chairman of Economists for Peace and Security

АННОТАЦИЯ

Автор утверждает, что существуют общие для всего мира модели поведения, касающиеся динамики неравенства. Эти модели имеют определенное временное измерение, которое связано с конкретными историческими событиями. В особенности это касается трех таких событий: во-первых, кризис Бреттон-Вудской валютной системы в 1971 году и ее последующая ликвидация; во-вторых, долговой кризис 1980 года; в-третьих, период, начавшийся в 2000 году, характеризующийся падением процентных ставок и восстановлением цен на сырье. По мнению автора, концепция и причинно-следственные связи динамики экономического неравенства не сводятся только к политике отдельных государств, а требуют подхода, в основе которого лежат глобальные макроэкономические оценки.

ABSTRACT

The author claims that there are common worldwide patterns to the movement of inequality, and that they have a particular dimension in time, which can be related to specific historical events. And in particular,

there are three. The first is the collapse in 1971 of the dismantling of the Bretton Woods system of global exchange rate management, the second is the debt crisis in 1980, the third is a period after 2000, when interest rates came down and commodity prices recovered. According to author's opinion the concept or the causal sequence of the movement of economic inequality cannot be restricted to the policies of individual countries, but should to be considered in a global and macroeconomic setting.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Экономическое неравенство, методы измерения экономического неравенства, кибернетика, информатика, Клод Шеннон.

KEY WORDS

Economic inequality, MEASURING METHODS of economic inequality, cybernetics, information science, Claude Shannon.

Не могу передать, насколько я счастлив, что нахожусь здесь этим утром. Я приехал в Россию четыре или пять дней назад для выполнения миссии, которая имеет для меня огромное символическое значение и важность как в научном, так и в личном плане. Моя миссия заключается в том, чтобы помочь профессору Бодронову и его коллегам в их деятельности, имеющей целью представить идеи моего отца и разъяснить их научному сообществу, экономистам России и всего мира.

Как вы можете себе представить, эта задача на протяжении уже многих лет имеет для меня первостепенное значение. Мой отец скончался 11 лет назад, до самой смерти оставаясь яростным приверженцем и ведущим пропагандистом своих идей. Достаточно сказать, что свою последнюю книгу он опубликовал в возрасте 95 лет. Все эти годы после его кончины я несу ответственность за то, чтобы его

основные работы оставались общедоступными для ученых. Особенно это касается главной книги моего отца — *The New Industrial State* («Новое индустриальное общество»). 50-летняя годовщина со дня ее публикации и стала причиной, по которой профессор Бодрунов и его коллеги приложили все усилия к проведению данного мероприятия. Я также вижу свою задачу в том, чтобы обеспечить доступ к архивам моего отца, включая его письма и рукописи (а это 750 тыс. страниц), всем членам научного сообщества, причем на самых удобных для них условиях. Рад сообщить вам, что мы сумели добиться этой цели за последние 11 лет.

Однако именно сегодня научным сообществом приложены значительные усилия к тому, чтобы взять основные темы, разрабатываемые отцом, и развить их в контексте тех изменений, которые происходили в мировой экономике в 1950-х, 1960-х и 1970-х годах, ведь именно на этот период и приходится его основные теоретические изыскания. В связи с этим я хотел бы сказать, что считаю нынешнюю возможность крайне важной и ценной для себя как в профессиональном, так и в личном плане. Присутствовать здесь — большая честь для меня, и я благодарен всем за такую возможность.

И все-таки, если вы извините меня за этот акт сыновнего непослушания, нынешним утром я намерен поговорить о своей работе, а не о деятельности моего отца. Это так, но я все же должен сообщить вам, что между подходами к методике экономической науки, которые использовал мой отец и которые использую я, существует некая преемственность. Когда я учился в магистратуре, а также, наверное, до и после этого, в экономической науке всегда господствовало направление, утверждающее определенную иерархию

методов. На самом верху этой иерархической лестницы находится чистая экономическая теория, а внизу мы видим прикладные и описательные исследования. В основе этой иерархии, возможно, заимствованной из математики, лежит определенное ранжирование в плане престижа. Нужно сказать, что мой отец не был особым приверженцем такой системы. Его метод был исторически описательным и институциональным, а все проблемы он анализировал в свете постоянного взаимодействия, которое наблюдается между темами экономической теории и реалиями современного мира. В этом смысле я пошел по его стопам, хотя я использую подход, скорее характерный для клинических и статистических исследований, более ориентированный на обработку данных, чем тот, который применял отец. Более того, мне кажется, что я больше использую свою предрасположенность, но в то же время и возможности, которые принес нам век компьютеров.

Тем не менее я придерживаюсь своей собственной позиции, в основе которой лежат идеи великого американского философа XIX века Чарльза Сандерса Пирса (Charles Sanders Peirce), уроженца города Кембриджа штата Массачусетс. Он писал о Кеплере, что тот взялся провести кривую, соединяющую районы Марса, и его главная заслуга перед наукой заключалась в том, что он произвел впечатление на умы ученых, заявив, что это необходимо сделать, если они хотят развивать астрономию, и им не следует довольствоваться изучением того, чем одна система эпициклов отличается от другой, а нужно засесть за цифры и выяснить, как проходит эта кривая на самом деле.

Так звучит утверждение, которое я пытаюсь применить к изучению проблемы экономического неравенства вот

уже в течение нескольких десятков лет при поддержке со стороны многих моих талантливых коллег-студентов, получающих степени докторов и магистров в Техасском университете. Иными словами, я занимаюсь непрестижной, малопрестижной, по меркам экономистов, деятельностью и стараюсь сделать ее основой нашей совместной работы.

Меня могут спросить: «А зачем вам это нужно?» Что ж, приведу несколько примеров. Вот как выглядели показатели неравенства в мире на период 1990-х годов, когда Всемирный банк собрал соответствующие данные для небольшого числа стран. Обращаясь к вам с самыми лучшими намерениями, я призываю вас изучить эти данные и попытаться найти в них хоть какой-нибудь смысл. Вы не сможете выявить тенденции, увидите огромные пробелы в массивах данных, а если попытаетесь применить эконометрические методы к их изучению, то, боюсь, будете разочарованы результатами. Именно так и обстояли дела.

Итак, перед нами встал вопрос: а сможем ли мы изменить ситуацию к лучшему? Мы верили, что это возможно, но лишь при условии, что мы отойдем от традиционных подходов в выборе методов. На самом деле не так трудно предложить образ мышления и методы измерения экономического неравенства, подходящие для разных источников информации. Таким образом, мы решили выбрать образ действий, который заключается в том, чтобы взять на вооружение показатели неравенства, заимствованные из кибернетики, информатики и работ американского ученого Клода Шеннона (Claude Shannon) конца 1940-х годов, которые специалист по эконометрике Генри Тейл (Henri Theil) из Чикагского университета использовал для своих исследований в 1960-х и 1970-х годах. Это позволило нам исполь-

зовать то, что обычно называют энтропией в измерении информации, в качестве показателя экономического неравенства и применить его к массивам данных, которые очень часто собирают правительства почти всех стран мира с той или иной целью. Мы проделывали это многократно на протяжении долгого времени, используя множество различных источников данных, и в результате пришли к выводу, что данный способ хорошо подходит для выбора инструментов и показателей, которые обеспечивают превосходные расчетные оценки динамики неравенства в сравнении с традиционными методами. Преимущество заключается в том, что вы можете оперировать последовательными и системными показателями, которые позволяют проводить сравнения между странами и периодами, постепенно формируя понимание того, что действительно происходит в мире. Отсюда вы имеете возможность вернуться назад и найти наиболее подходящее объяснение для данного явления.

Таким образом, мы применили подход к экономике неравенства, который заложен в самих данных и оттуда проникает в теорию, вместо того чтобы взять за основу теоретическую гипотезу и попытаться проверить, является она верной или нет. Дело в том, что при выборе второго метода исследования становятся сильно уязвимыми для воздействия со стороны других экономистов, ведь они часто бывают предвзятыми и необъективными.

Вот, кстати, пример измерений неравенства, которые мы провели по округам Соединенных Штатов с использованием налоговых данных. Вы можете видеть практически каждый элемент динамики неравенства в США, определенной на основе данных, полученных в том числе в результате опросов. Это достаточно последовательные показатели и в отноше-

нии других вещей. Вы видите пик в 2000 году, вызванный бумом в области развития Интернета и информационных технологий, другой пик в 2007 году, как раз накануне кризиса, и общее повышение, наблюдавшееся с 1970-х годов и вплоть до конца столетия. Вы можете составить схему по округам США и увидеть, в каких секторах доходы растут и падают, в каких регионах страны преобладает богатство, а в каких — бедность. Поэтому данный метод отлично подходит для работы с массивами информации и позволяет сформировать на его основе понимание того, как развиваются события с точки зрения географии и секторов экономики.

Взяв данные по Китайской Народной Республике (на самом деле просто из государственного статистического ежегодника), мы стали одним из первых, а точнее первым исследовательским коллективом, сумевшим выявить пик подъема неравенства в Китае, который наблюдался в середине 2000-х годов. У нас были данные за период вплоть до 2012 года, однако впоследствии мы увеличили их массив. Мы также сумели показать, что в динамике наблюдался элемент, вызванный выходом неравенства на максимум во всех регионах Китая, который я называю пиком Кузнецца, и пик неравенства в секторах экономики, который я называю пиком Шумпетера, на момент кризиса в 2008 году. Ничего неожиданного в этой информации нет, однако, если вы желаете получить эти данные путем опросов, вам придется дольше ждать и потратить много денег, чтобы добиться точно таких же результатов.

Вы можете сделать это, составив карту, в которой указаны показатели неравенства в Китае в 1987 году и то, как они изменились к 1997 году. Вы увидите подъем в Пекине,

в провинции Гуандун и Шанхае, а также относительный спад в северо-восточных и юго-западных районах. Одним словом, крайне наглядный способ для того, чтобы показать, какие изменения происходят в стране.

Мы провели немало исследований и для Европы, по регионам Европы, показав важность динамики доходов в финансовом секторе. По-моему, мы анализировали данные за периоды до кризиса 2008 года и вплоть до 2012 года. Вывод наглядно показан на географической карте, демонстрирующей, что доходы всей Европы концентрируются в основном в двух городах — Лондоне и Париже.

Итак, данный метод позволяет нам работать с различными видами данных и, извлекая из них информацию, немедленно отображать ее на схемах и картах. Это поможет лучше узнать реальную экономическую историю исследуемого региона.

Теперь я хотел бы показать вам некоторые данные, касающиеся Российской Федерации и полученные несколько лет назад. Данное исследование мы проводили при поддержке со стороны ученого-экономиста, моего друга из Академии наук, Алексея Шевякова, уже, к сожалению, покойного. В начале 2000-х годов я посетил Госкомстат, где мне предоставили статистические данные об экономике в сфере труда, а затем вернулся в Остин, штат Техас, в котором чудесным образом появилась студентка Принстонского университета, уроженка Беларуси, Минска, Людмила Крытынская, которая перенесла все данные в сводную таблицу, и мы рассчитали динамику доходов по секторам экономики и регионам, для каждой области, каждого края и пр. регионов Российской Федерации. Вы можете видеть, как распределение, будучи весьма сжатым в 1990-х годах, рассредоточилось в 2000-х

годах. Вы можете наглядно увидеть, какие факторы вызвали это рассредоточение — это, собственно говоря, спад в сельском хозяйстве и подъем, в частности, в финансовом секторе в Московской области. Это не является сюрпризом, ведь вы наблюдали эти тенденции и переживали их сами, однако предлагаемый нами метод позволяет выявить эти явления с большой точностью, в результате чего становится совершенно ясно, какие именно объяснения нам следует искать.

На самом деле, имеющиеся материалы позволяют мне выступать в течение трех часов, однако я хочу показать вам то, чего нам удалось добиться путем иллюстрирования динамики неравенства в плане структуры заработной платы в промышленности, которая тесно связана со структурой доходов в мире в целом. Все данные за значительный период времени, с 1963 по 2008 год, наносились на карты и графики, построенные для шестилетних интервалов, таким образом, чтобы отобразить со всей возможной четкостью, когда показатель неравенства рос, а когда снижался. Таким образом, мы можем выбирать исторические события, которые влияли на динамику неравенства в течение полувека или даже более продолжительного периода времени.

Все эти исследования проводились при помощи одного и того же метода. На самом деле, мой метод не меняется от исследования к исследованию или от периода к периоду, меняются только источники данных. В данном случае самым полезным источником данных из тех, с которыми мы работаем уже много лет вплоть до настоящего времени, является промышленная статистика, подаваемая большинством стран мира в Организацию Объединенных Наций по промышленному развитию. Эти данные позволяют нам производить сравнительные расчеты для большинства государств

мира, которые могут похвастаться наличием промышленного сектора в экономике и предоставляют статистику для ООН. На основе этих данных мы строим графики и составляем карты, показывающие динамику неравенства за шестилетние периоды.

Вот перед вами 1960-е годы, очень стабильный период, в течение которого большинство показателей неравенства в мире либо оставались на одном уровне, либо снижались, а если кое-где и росли, то относительно медленно. На карте используется цветовая схема, позволяющая сразу понять, что происходит. Желтый, оранжевый и красный цвета указывают на серьезный рост показателей, а синий и голубой — на их снижение. Сейчас давайте проверим, как это работает. Вот перед вами период до начала 1970-х годов, и вы видите, что модель поведения меняется со временем. Период с 1970 по 1976 год весьма интересен, так как показатель неравенства по большому счету снижается в нефтедобывающих странах и растет в ряде государств — потребителей нефти.

Еще более интересные тенденции мы наблюдаем в 1980-е годы. В этот период происходит серьезное изменение ситуации на карте. Неравенство начинает расти во многих регионах мира. Итак, мы наблюдаем определенное движение во времени, говорящее нам о сути тех изменений, которые мы видим на карте. Эта тенденция охватывает, в частности, страны Латинской Америки и те государства Африки, для которых у нас есть данные. Что же происходило в начале 1980-х годов? В этот период разразился масштабный долговой кризис, затронувший вышеупомянутые страны. Неудивительно, что он сказался на внутреннем распределении неравенства в этих государствах, что мы и определили с помощью нашей системы измерения.

Теперь переместимся в период конца 1980-х годов и 1990-е годы. Я не думаю, что вас сильно удивит увиденное, а видите вы пропорционально самый серьезный рост неравенства в мире. Это своего рода исторический рекорд. Данная тенденция выпадает на переходный период в СССР, России и странах Восточной Европы. Итак, на карте просто показаны данные, предоставленные ООН, а показатель неравенства рассчитывали мы сами с помощью уже описанных мной технологий.

Впервые у вас есть карта-схема, на которой показаны глобальные модели такого явления, как, скажем, неолиберальная контрреволюция, последствия которой сказываются на странах с открытой экономикой, затронутых кризисом негосударственной задолженности в начале 1980-х годов, а затем крахом мировой социалистической системы в начале 1990-х. А когда вы заглянете в 2000-е годы... Китай, к сожалению, выпадает из общего ряда, однако вы можете видеть распространение этой тенденции на отдельные регионы Азии.

После 2000 года возникает другое явление — относительная стабилизация. Данная тенденция наблюдается в странах Латинской Америки, здесь у нас, а также в Китае. Данные по Китаю за период до 2008 года показывают, что неолиберальный период вовсе не стал концом истории, заключительным этапом процесса экономического развития. На самом деле правительства многих стран, включая государства Латинской Америки, Россию и Китай, приняли определенные меры, которые явились реакцией на проблемы, испытываемые этими странами в эпоху ничем не ограниченного роста неравенства. Эти меры оказались в определенной степени успешными, так как позволили добиться, если не возврата к прошлому, который, скорее всего, был бы нежелателен, то,

во всяком случае, стабилизации и даже некоторого снижения. Более того, и вы, возможно, со мной согласитесь, вышеупомянутые меры позитивно сказались на социальном климате и состоянии дел в экономике.

Итак, вы видите, какую информацию можно извлечь, опираясь на имеющиеся данные, и я могу продолжить. У меня есть еще множество данных, касающихся оценок неравенства в доходах домохозяйств и т. д., и т. п. У меня есть результаты более 4000 наблюдений и самый полный набор данных в сфере существующего неравенства. Я могу показать вам, как эта тенденция сказалась на обменных курсах валют в отдельных странах, но не буду этого делать. Я лучше перейду к заключительной части и расскажу о том, как осмыслить все эти вещи.

Мы утверждаем, что результаты проделанной нами работы указывают на наличие общих для всего мира моделей поведения, касающихся динамики неравенства. Эти модели имеют определенное временное измерение, которое связано с конкретными историческими событиями. В особенности это касается трех таких событий, к которым я хотел бы привлечь ваше внимание.

Во-первых, это кризис Бреттон-Вудской валютной системы в 1971 году и ее последующая ликвидация. Данное явление привело к созданию ситуации, в основе которой лежали экономический рост, обусловленный долговым финансированием, и бум на мировых товарных рынках, в результате чего показатель неравенства на короткий период протяженностью в 1970-е годы снизился в большинстве стран мира.

Затем случился глобальный долговой кризис 1980 года, волнами прошедший по всей планете и завершившийся азиатским кризисом 1997 года. Мы можем проследить, как

после всех этих событий росло неравенство и как страны с достаточно сильными институтами не устояли перед таким мощным и продолжительным давлением.

Затем был период, начавшийся в 2000 году, когда процентные ставки упали, а цены на сырье восстановились. В это время некоторые страны и регионы, включая Россию, начали отказываться от неолиберальных доктрин развития, а некоторые государства, включая Бразилию и другие страны Латинской Америки, стали проводить прогрессивную политику, отстранившись от так называемого «Вашингтонского консенсуса», и эта политика на самом деле позволила значительно снизить уровень неравенства и особенно бедности.

Итак, мы начинаем понимать, что концепция и причинно-следственные связи динамики экономического неравенства не сводятся только к политике отдельных государств. Их нельзя осмыслить, оперируя категориями микроэкономических показателей рынков труда, предложения рабочей силы, динамики развития технологий, предложения на рынке образования и даже международной торговли. Тут необходим подход, в основе которого лежат глобальные макроэкономические оценки.

Все это позволяет нам утверждать, что экономисты, возражающие против разделения экономических показателей на микро- и макроэкономические, на самом деле правы. С этим утверждением никак не мог согласиться мой отец. Однако систему следует воспринимать как единое целое, в котором средние показатели, представляющие собой явление макроэкономики, и разброс данных, который является микроэкономическим феноменом, тесно связаны между собой! Данное утверждение не станет сюрпризом для людей, немного разбирающихся в статистике, теории вероят-

ности или математике, однако идет вразрез с тем удобным и в основе своей идеологическим разделением показателей на макро- и микроэкономические, которое сложилось среди экономистов в послевоенный период.

Итак, мы договорились, что от данного деления следует отказаться, однако фундаментом, на котором строится макроэкономика, является отнюдь не микроэкономика, а силы влияния, те институциональные и политические силы, которые оказывают воздействие на мировую экономику, являющуюся по сути глобальной и капиталистической. Ведь именно фактор мировых финансов и влияние тех, кто определяет политику для мировой финансовой системы, играли решающую роль в том, что происходило с нами в последние 30–40 лет. Это обстоятельство позволяет мне сделать весьма простой, но обладающий глубоким смыслом вывод: если государство не может контролировать своих банкиров, оно вообще не в состоянии контролировать что-либо.

Данная работа, должен заметить, прекрасно согласуется с определенными аспектами моей профессиональной деятельности. Я начал свою карьеру много лет назад, в середине 1970-х годов, поступив на должность штатного экономиста в банковский комитет Палаты представителей Конгресса США. В то время мои служебные обязанности были весьма расплывчатыми по сути, они касались разработки системы показателей учета для Федеральной резервной системы и Центрального банка США, а также системы отчетности, которая находилась бы в соответствии с общими целями полной занятости и стабильности цен, внесенными в законодательство Соединенных Штатов в середине 1970-х годов. Подобная деятельность считалась одиозной, просто неприличной среди экономистов того времени. По мнению многих

специалистов, такая работа заключала в себе все то, что, возможно, хотят сделать политики, но с чем экономисты не желают иметь ничего общего. Однако сегодня, по прошествии 40 лет, я считаю, что именно тогда мы заложили основу для нынешних экономических исследований. Это показывает, что, хотя мне было всего 23 года, мой политический инстинкт меня не подвел, и это в какой-то мере служит оправданием в глазах экономического сообщества того, чем я занимался, будучи молодым специалистом, много лет назад.

В заключение я хочу еще раз подчеркнуть, что действительно считаю эту работу продолжающей традиции моего отца. Могу сообщить вам, что отец одобрял мои исследования в той мере, в которой он знал о них. Сегодня я очень рад тому, что нахожусь среди друзей, которые проводят исследования, обладающие, по-моему, потенциалом для возрождения экономической науки с точки зрения ее количественных и качественных аспектов.

* * *

I cannot tell you how happy I am to be here this morning. I have been now in Russia for four or five days, and on a mission of great symbolic and sentimental, as well as scientific, importance, which has been to assist professor Bodrunov and his colleagues in their work of presenting and representing the ideas of my father to the public, to the economists of Russia and of the world.

This is something, as you can imagine, that has been of exceptional importance to me over the years. My father passed away 11 years ago, he was up until that point very much the leading advocate of his own ideas, published his last book at the age of 95. But in the years since, it has become my responsibility to try to assure that his major works remained available, in particular

that important one, *The New Industrial State*, whose 50th anniversary of publication was the occasion for the great efforts that have been made by professor Bodrunov and his colleagues; and also to assure that his archive, consisting of letters and manuscripts, 750,000 pages, would be available to the research community on readily accessible terms, and we have achieved that in the last 11 years.

But this is the first time that a significant scientific effort has been undertaken to pick up the themes of my father's work, and to advance them in the context of the changes in the world economy since the period, the 1950s, 60s and 70s, when he was doing his major theoretical work. And so I just want to say that I think that for every reason, personal and professional, this is an occasion of particular importance and value, and I'm extremely grateful and honored to be here, to be part of it.

That said, if you will forgive me an act of filial disobedience, for this morning I intend to speak about my work rather than about my father's work. And I will say that although that is the case, there is a line of descent between my father's approach to the methods of economics and my own. When I went to graduate school, and I think both before and since, there has been a dominant strand in the economics profession, which asserts a certain hierarchy of methods. And at the top of the hierarchy is a pure economic theory, at the bottom of it is applied and descriptive research. That is a hierarchy which is perhaps drawn from pure mathematics, for example, and follows a certain prestige ranking. And it is one for which my father did not entertain, let's say, the closest allegiance. His method was historical descriptive institutional, and the analysis that he made was one that was a constant interaction between the themes of economic theory and the realities of the world as it could be observed. And in that

sense I have followed in his footsteps, although my approach has been more clinical and statistical, more data-oriented than his was, I suppose, taking advantage of my own predispositions, but also the opportunities that have come to us in the computer age.

I do follow, though, and I have, I think, some philosophical basis for the position that I take, and I draw it from the great American philosopher, Cambridge, Massachusetts, philosopher of the 19th century, Charles Sanders Peirce, who wrote of Kepler that he undertook to draw a curve through the places of Mars, and his greatest service to science was an impressing on men's minds that this was the thing to be done if they wished to improve astronomy; that they were not to content themselves with inquiring whether one system of epicycles was better than another, but that they were to sit down to the figures and find out what the curve in truth was.

And that's a proposition which I have attempted over several decades now, with the assistance of legions of talented PhD and master's students at the University of Texas, to apply to the study of economic inequality. That is to say, to take an activity which has no prestige, very low prestige, in the economics profession, and to make it the center of our work.

You can ask, "Why is this necessary?" I'll give you some examples. Here, this is what measures of inequality in the world looked like as they were compiled in the 1990s for a small selection of countries, a dataset that was assembled at the World Bank. With the best intentions in the world, I defy you to look at those numbers and make any sense out of them whatsoever. You can't find trends, you see enormous gaps in the data, you see multiple observations for particular years, and if you are going to set out to do apply econometric techniques to this, you are going to be, I think, disappointed in the results. And that was the case.

So, the question was, “Could you improve on this?” And we believed that it was possible to do so, but only if one chose to be somewhat unorthodox in one’s choice of techniques. And it’s not actually difficult to come up with a way of thinking about and measuring economic inequality which is appropriate to different sources of information. And what we chose to do, what we decided to do, was to adapt a measure of inequality that is drawn from cybernetics, from information science, from the work of Claude Shannon in the United States in the late 1940s, adapted by an econometrician named Henri Theil at the University of Chicago in the 60s and 70s, which permits us to use what are essentially called entropy measures of information as measures of economic inequality, and to apply those measures to datasets which are collected for administrative reasons very commonly and frequently around the world, by practically every organized government that exists, for one purpose or another. And our discovery upon doing this repetitively over a long period of time, with lots of different data sources, was that this was a very good way to come up with instruments or measures which provided excellent estimates of the movement of inequality as achieved by more traditional means, and the advantage was that you got consistent and systematic measures that could be compared across countries and across time, and therefore could build up an actual sense of what had happened in the world, from which one could then go back to ask what the most appropriate explanation for the phenomenon is.

So, an approach to the economics of inequality, which was rooted in data, and worked from there to theory, rather than starting with a theoretical hypothesis and attempting to test it, whether it was right or wrong, an approach which is amenable to being influenced very strongly by the preconceptions of economists and their confirmation bias.

So here, for example, is an example of a measure of inequality done this way across counties for the United States, using tax data, and you can see practically every feature of the movement of inequality in the U.S., which can be observed also from surveys. This is a consistent measure with respect to other things; you see a peak in 2000, with the Internet and information technology boom, a peak in 2007, just before the great crisis, you see the general rise from the 1970s up until the end of the century. You can map that out across counties in the United States, and you can see exactly where incomes are rising or falling, where the wealth and where the poverty is in the country. So, it's a rich way of approaching an information set and extracting from it an understanding of how events have unfolded both in terms of geography and in terms of economic sectors.

Taking data now for the People's Republic of China, this is just simply from the state statistical yearbook, we were among the first — in fact, we were the first research team to identify a peak in the rise of inequality in China in the middle 2000s, this data comes right up to 2012, and we've extended it since, — and to show also that it has an element that is due to a peaking of the inequality across regions in China, what I call the Kuznets peak, and a peak in the inequality across sectors, what I call the Schumpeterian peak, at the moment of the crisis, in 2008. Nothing counterintuitive about this information, but if you wanted to get it from surveys, you would wait a long time and spend a lot of money conducting those surveys, and you would come somewhat later to exactly the same result.

You can do this in a map, showing Chinese inequality in 1987, and how it changed by 1997, and you can see the rise of Beijing and Guangdong, Shanghai (it's too small for this map), and the relative decline of the Northeast and the Southwest.

It's a very clear way of illustrating what has happened in the country.

We did quite a bit for Europe, across regions of Europe, showing the importance of the movement of income in the financial sector, this is right up through the crisis in 2008 and on to 2012, I believe. And you can see it on a geographic basis, showing the importance of the concentration of income across all of Europe in just two places, the city of London and the city of Paris.

So, it's a method which enables one to exploit many different kinds of data, and to extract information which is immediately evident from a graphical or cartographic representation, as to what the economic history of the region that one is examining actually is.

I just want to show you some data that was done, taken some years ago for the Russian Federation, and this was with the assistance of an economist, a friend of mine from the Academy of Sciences, Alexey Shevyakov, now, alas, deceased. I went down to Goskomstat in the early 2000s and was provided with the economic statistics on labor (on 'trud'), and came back to Austin, Texas, where a student from Princeton, actually, who was from Belarus, from Minsk, Ludmila Krytynskaia, appeared miraculously and turned all of this into spreadsheets, and we calculated the movement of incomes across sectors and regions, across all the oblast, and the krai, and so forth, of the Russian Federation, and you can see very clearly how a compressed distribution in 1990 becomes a very dispersed one in 2000, and you can see very clearly, in fact, what the sources of the dispersion are: the decline, relatively speaking, of agriculture, and the increase, in particular, the financial sector in the Moscow Region. It's not a surprise, nothing that you didn't observe and live through yourselves, but something which this method permits us to illustrate with great

clarity, and that makes it very clear what one should look for in terms of explanations.

I could go on for three hours with the material that I have, but I want to show you what we were able to do by way of illustrating the movement of inequality in industrial pay structures, which are very closely related to income structures, for the world as a whole. Over a substantial period of time, it's 1963 to 2008, and this is done with maps constructed over six-year intervals, in such a way as to show with reasonable clarity when inequality is rising and when it is declining, and so it is we are able to pick out the historical events that dominate the movement of inequality over a half century or more time.

And this is using the same, exactly the same method — my method really doesn't change from one study and one period to the next, but the sources of data do change, and in this case the most useful source of data which we have worked with over years now has been the industrial statistics supplied by most of the nations of the world to the United Nations industrial development organization. And that data permits us to make exactly comparable calculations for most of the countries of the world, most of the countries that have industrial sectors and that were reporting to the United Nations, and from that we are able to construct maps of the movement of inequality in six-year intervals.

This is the 1960s, a very stable period in which in much of the world inequality was either stable or declining; if it was rising in a few areas, it was rising relatively slowly. 1970 to 1976 is interesting, because inequality is declining in those countries which are oil producers, by and large, and increasing in a number of countries which are oil consumers.

But the story becomes very interesting in the 1980s. And in the 1980s, you can see, there's a big change in the pattern of the

map. And inequality starts rising in many regions of the world. So we can see a particular time movement, which informs us about the nature of the changes we should be looking at. It is a movement which affects in particular the countries of Latin America, those countries of Africa for which we have data, and what was happening in the early 1980s? Well, there was a debt crisis, of colossal scope, that affected those countries; it's not surprising that it would affect their internal distributions, and we can pick it up with our measures.

And then we move into the late 1980s, and into the 1990s, and I don't think what you will see next will surprise you. What you will see next is the largest in proportion increases in inequality in the world. And in our historical record. And this is clearly at the moment of transition in the former Soviet Union and in Russia and Eastern Europe. So, it simply shows up in the data provided by the United Nations, as with inequality measures calculated by ourselves, with the techniques that I've just been describing.

And now you have really for the first time a mapping out of the global patterns of, let's say, the neoliberal counterrevolution, which affects the countries who were open economies that were affected by the commercial debt crisis in the early 1980s, then the collapse of the socialist systems in the early 1990s, and when you go on into the 2000s... China drops out of this, unfortunately, but you will see this spreading to parts of Asia as well.

And then, as you get past the 2000s, another phenomenon begins to emerge, which is a relative stabilization. And it occurs in part in Latin America as well, and it occurs here, and it occurs also in China. China is going up to 2008.

And so, one can see that the neoliberal period was not the end of history, it was not the final word in economic development, but in fact a great many countries, including in Latin America,

including Russia, including China, took measures which were a reaction to the problems that they experienced in an era of unrestricted increase in inequality. And they were, in fact, to a degree successful in achieving if not a return to the previous period, which might not have been desirable in any case, but a stabilization and some reduction. With, I think, as you probably would agree, considerably positive effects on the social climate as well as on economic performance.

And so, what I would draw from this, and I could go on, I have lots and lots of data about our estimates of household income inequality, and on and on and on and on, with almost 4000 observations for which is the most comprehensive dataset on income inequality that exists, and I could show you how in individual countries this is related to exchange rates, but I won't do that; I'd rather simply proceed to conclusions about how to think about these things.

What we suggest is that the work that we have done shows that there are common worldwide patterns to the movement of inequality, and that they have a particular dimension in time, which can be related to specific historical events. And in particular there are, let's say, three, to which I would call attention.

The first is the collapse in 1971 of the dismantling of the Bretton Woods system of global exchange rate management, which created a climate of debt-fueled growth and commodity booms, which lowered inequality for a brief period, like 1970s, in much of the world.

There was then the debt crisis, the global debt crisis, which began in 1980 and proceeded in waves around the world, ending with the Asian crisis of 1997. And we can track the increase of inequality that occurs after as those events progress, and as countries whose institutions were progressively stronger succumbed to the length and intensity of those pressures.

And then there was a period after 2000, when interest rates came down and commodity prices recovered, when neoliberal doctrines began to be repudiated in parts of the world, including here, and where in many countries, including in Brazil and other parts of Latin America, progressive policies that detached themselves from the so-called Washington consensus actually produced a significant reduction of inequality and especially of poverty.

And so we can begin to see, in fact, that the concept or the causal sequence of the movement of economic inequality cannot be restricted to the policies of individual countries, and cannot be thought of in terms of the microeconomics of labor markets, supply of skills, movement of technology, supply of education or even international trade as such, but has to be considered in a global and macroeconomic setting.

And that enables us to say, really, that the economists who object to the division of economics between micro- and macroeconomics are correct, this is something my father never accepted. But that you have to see the system as an organic whole in which the mean, which is the macro phenomenon, and the dispersion, which are the micro phenomena, are closely related! It's not surprising to anybody who knows a little statistics or a little probability or mathematics, but it still flies in the face of what was essentially an ideological division of convenience between the micro- and the macroeconomists in the economics profession over the postwar period.

So we believe that that division should be set aside, but it's not microeconomics that is the foundation on which macroeconomics is built, but the common forces that influence, institutional and political forces that influence the global economy, and in particular in a world that is global and capitalist it is the

power of global finance and the power of those who set policy for global finance which has to be accorded a decisive role in what has happened to us all in the last 30 or 40 years. And that seems to me to provide very profound and fairly straightforward policy implications: if you cannot control your bankers, you can't control anything at all.

This work, I have to say, nicely dovetails with certain aspects of my own career; I started many years ago in the mid 1970s as a staff economist for the banking committee of the House of Representatives of the United States Congress. My responsibility for them was very obscure subject at the time, it was to try to establish an accounting framework for the Federal Reserve System, for the Central Bank of the United States, and a reporting framework that would be consistent with the overall objectives of full employment and price stability which we wrote into law in the United States in the mid 1970s. And all of that was extremely disreputable work amongst economists at the time; it was work that was considered to be, you know, something politicians might want to do but that economists would not be associated with. But now, 40 years later, I believe that we've laid the foundation for economic research, showing that my political instincts as a young man of 23 were not entirely misdirected, and so there is at least some satisfaction in, what shall we say, retroactive scientific justification for what I was doing as a young activist many years ago.

And once again, I just have to say that I do think this work is very much in my father's tradition, and I can report that he did approve of it to the extent that he knew of it, and that I'm pleased to be amongst friends who are carrying on in what I think has the potential of being a very major revival on both the qualitative and the quantitative sides.

Открытые лекции С.Д. Бодрунова и Дж. К. Гэлбрейта в РЭУ им. Г.В. Плеханова, присвоение звания «Почетный доктор наук РЭУ им. Г.В. Плеханова» С.Д. Бодрунову, Дж. К. Гэлбрейту

НАУЧНЫЕ
ДИСКУССИИ

АБАЛКИНСКИЕ
ЧТЕНИЯ НА ТЕМУ
«ИНСТИТУТЫ РАЗВИТИЯ
И ГРАЖДАНСКАЯ КУЛЬТУРА»

19 апреля 2017 года в медиацентре «Российской газеты» Вольное экономическое общество России провело Абалкинские чтения на тему «Институты развития и гражданская культура».

Модератором Абалкинских чтений выступил Д.Е. Сорокин, вице-президент ВЭО России, научный руководитель Финансового университета при Правительстве РФ, член-корреспондент РАН.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

OPENING SPEECH

Д.Е. СОРОКИН

Вице-президент ВЭО России, председатель Научно-практического совета ВЭО России, научный руководитель ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», член-корреспондент РАН

D.E. SOROKIN

Vice-president of the VEO of Russia, chairman of the Scientific and practical board of the VEO of Russia, scientific director of the Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Financial University under the Government of the Russian Federation», corresponding member of the Russian Academy of Sciences

Доброе утро, уважаемые коллеги! Мы сегодня проводим наше мероприятие в необычном формате. Мы проводим его не в каминном зале ВЭО, а в редакции «Российской газеты». Поэтому и регламент достаточно жесткий — мы должны провести наш круглый стол в течение часа, форма заседания — мини-конференция.

Я благодарен академику Полтеровичу Виктору Мееровичу, который согласился выступить со стартовым докладом. Для тех, кто впервые присутствует, напоминаю, что никаких вопросов докладчику не задается, а выступающие высказывают свое мнение по обсуждаемой проблеме. В конце

заседания докладчик, если сочтет нужным, может высказать свое отношение к выступлениям.

В связи с жестким регламентом я заранее попросил выступить нескольких товарищей. Но одно исключение я сделаю: если кто-то из присутствующих молодых людей, не обремененных степенями и званиями, захочет что-то сказать по этому вопросу, то я тут же дам ему слово.

Тема нестандартная. О развитии мы говорим очень много. Нам сейчас говорят, что мы выходим из кризиса и наступает то ли депрессия, то ли оживление. Тем не менее, хотя и создаются институты развития, само развитие не очень получается. Виктор Меерович, который работает в этом направлении, предложил выступление, которое называется «Институты развития и гражданская культура». Многие знают, что в последнее время мы много внимания уделяем тому, что я называю неэкономическими факторами экономического роста. Отсюда и тема сегодняшнего заседания.

Пожалуйста, Виктор Меерович, Вам слово.

ИНСТИТУТЫ ДОГОНЯЮЩЕГО РАЗВИТИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ КУЛЬТУРА¹

INSTITUTIONS OF CATCHING-UP DEVELOPMENT AND CIVIL CULTURE

В.М. ПОЛТЕРОВИЧ

Заместитель директора Московской школы экономики МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующий лабораторией ЦЭМИ РАН, академик РАН

V.M. POLTEROVICH

Deputy director of Moscow School of Economics of Lomonosov MSU, head of laboratory CEMI RAS, academician of the RAS

АННОТАЦИЯ

При проектировании долгосрочных стратегий целесообразно различать институты конкурентного рынка (ИКР) и институты догоняющего развития (ИДР). ИКР нацелены на обеспечение высокого качества конкурентной среды: на противодействие коррупции, антимонопольное регулирование, сокращение доли теневого сектора, снижение административных барьеров, укрепление права собственности. В условиях недостаточно развитой гражданской культуры попытки прямолинейного улучшения ИКР оказываются весьма затратными и, как правило, малоуспешными. Поэтому страны, сумевшие из развивающихся стать развитыми, опирались на ИДР, такие как корпоративистская система государственного управления, индикативное планирование, генераль-

¹ Переработанный текст доклада, прочитанного в рамках Абалкинских чтений 19 апреля 2017 г. Более детальное изложение представленных здесь идей содержится в статьях (Полтерович, 2016а, 2016б). Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-02-00234а).

ное агентство развития и ряд других. ИДР способны функционировать при низком уровне гражданской культуры и одновременно повышать его, обеспечивая, в частности, укрепление доверия между государством бизнесом и обществом. Предлагаемый взгляд на догоняющее развитие позволяет наметить контуры институциональной реформы, которая дала бы возможность запустить и поддерживать быстрый и устойчивый экономический рост в России.

ABSTRACT

Designing long-term strategies, it is advisable to distinguish between competitive market institutions (CMIs) and institutions of catch-up development (ICDs). The CMIs are aimed at ensuring the high quality of the competitive environment: combating corruption, antitrust regulation, reducing shadow sector and administrative barriers, strengthening property rights. If civil culture is underdeveloped, straightforward attempts to improve CMIs are very costly and, as a rule, unsuccessful. Therefore, former developing countries that have managed to become developed ones, have relied on ICDs, such as the corporatist system of public governance, indicative planning, General development agency, and some others. ICDs are able to function under low level of civil culture and the same time to enhance it, ensuring, in particular, the strengthening of trust among state, business and society. The proposed viewpoint on the catching-up development gives a possibility to outline the basic principles of institutional reform that would allow launching and supporting rapid and sustained economic growth in Russia.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Догоняющее развитие, институциональные реформы, индикативное планирование, корпоративизм, доверие, культурная ловушка.

KEY WORDS

Catching-up development, institutional reforms, indicative planning, corporatism, trust, cultural trap.

ВВЕДЕНИЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В мире не менее 150 развивающихся стран. Все они постоянно проводят реформы, стремясь догнать развитые экономики. Однако большая часть реформ не достигает поставленных целей. Типичная ошибка реформаторов — попытка внедрить передовые институты, не удовлетворяющие технологическим, ресурсным, культурным или институциональным ограничениям. В результате попытки трансплантации передовых институтов оказываются неудачными (Полтерович, 2016а).

Чтобы добиться успеха, надо рассматривать реформы не как одномоментный акт принятия соответствующих законов, а как последовательность преобразований, построение институциональной траектории, ведущей к намеченной цели. Элементы этой траектории — промежуточные институты — должны удовлетворять существующим ограничениям и в то же время ослаблять эти ограничения, обеспечивая возможность последующих шагов (Полтерович, 2007). В недавней работе (Норт и др. (2012)) косвенно подтверждается этот тезис. Авторы пишут: «...различаются две задачи развития, которые обычно смешиваются. *Вторая* — переход от обществ с ограниченным доступом к порядкам открытого доступа... Обычно именно этой задачей занимаются специалисты по проблемам развития — как трансформировать развивающиеся общества в современные капиталистические демократии. Однако прежде чем общества будут в состоянии трансформироваться таким образом, они сталкиваются с *первой* задачей: как улучшить социальную организацию, чтобы обеспечить увеличение выпуска, снижение уровня насилия, стабильную политическую систему и повышение индивидуального благополу-

чия граждан, при этом оставаясь в режиме ограниченного доступа?» (С. 7).

Важнейший вопрос состоит в том, как построить промежуточные институты, совместимые с перечисленными ограничениями. В данной работе я буду делать акцент на культурных ограничениях, на мой взгляд, наиболее серьезных.

В процессе реформы необходимо создать институциональную систему, которая обеспечивала бы формирование, непрерывное пополнение и реализацию портфеля масштабных, эффективных проектов, нацеленных на повышение уровня технологий и организации всех отраслей народного хозяйства. Такова фундаментальная проблема, которая стоит перед реформаторами. Нужно сказать, что за последние 70 лет лишь немногие догонявшие страны сумели решить эту задачу.

ГРАЖДАНСКАЯ КУЛЬТУРА И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ

Термин «гражданская культура» многозначен. Я понимаю под гражданской культурой совокупность отношений индивида к институтам, другим индивидам и социальным группам, его ожиданий, установок и ценностей, а также социально-психологических характеристик, определяющих «умения» — способность функционировать при наличии тех или иных предписаний и стереотипов.

Примерами характеристик гражданской культуры являются уровень доверия, толерантность, патерналистские ожидания, ценность свободы выбора, уровень рациональности. Вопрос о взаимовлиянии гражданской культуры и институтов чрезвычайно важен для проектирования реформ. В настоящей статье я уделяю особое внимание уровню доверия.

Насколько инерционна культура? Есть исследования, показывающие, что влияние культуры сохраняется в течение столетий. Авторы работы (Guiso, Sapienza, Zingales, 2014) обнаружили это, рассматривая культурные различия между югом и севером Италии. Оказалось, что города, бывшие самоуправляемыми в 1176 или в 1300 гг., имели в 2000 году больший «запас гражданского капитала», измеряемого числом некоммерческих организаций, вероятностью списывания при прохождении математических тестов и т.д.

С другой стороны, в работе (Inglehart, Welzel, 2010) подчеркивается, что «некоторые массовые культурные установки, связанные с модернизацией, формируют характеристики данного общества, которые стабильны абсолютно в той же мере, как и стандартные социальные индикаторы» (р. 551). Можно ожидать, что они за обозримое время могут быть изменены. И действительно, данные свидетельствуют о том, что за 20–25 лет могут происходить очень серьезные изменения гражданской культуры. Например, в работе Conradt (1989, р. 239) приводятся результаты опросов об интересе к политике в Германии с 1952 по 1977 год. В 1952 году интерес проявляли 27 процентов граждан, а в 1977-м уже 50 процентов.

В контексте настоящей статьи особое значение имеет межличностное доверие. Согласно одному из определений, которое используется в соответствующей литературе, это ожидание того, что на партнера можно положиться в отношении его обязательств, предсказуемости его поведения, честности в действиях и переговорах, притом что он имеет возможность повести себя недобросовестно.

Обобщенное доверие характеризуется ответами на вопрос: можно ли доверять большинству людей или во взаимоотношениях нужно быть осторожным? Оно проти-

вопоставляется ограниченному или локальному доверию: доверию членам семьи, близким, друзьям. Ограниченное доверие не слишком сильно влияет на современное развитие, а межличностное, обобщенное доверие действительно влияет сильно, это установлено во многих работах. Кроме того, важно еще доверие к институтам, а также доверие между организациями.

Есть целый ряд работ, которые выявляют роль обобщенного доверия. Оно уменьшает издержки взаимодействия, обеспечивает кооперацию и сотрудничество, смягчает так называемую проблему безбилетника. Оно положительно коррелировано с уровнем образования, с темпами экономического роста экономики, с качеством институтов конкурентного рынка; чем выше уровень доверия, тем в среднем ниже в стране коррупция. Доверие влияет на качество финансовой системы и на инвестиционную активность. Это очень важный культурный показатель.

Можно ли рассчитывать на достаточно быстрое изменение уровня доверия? Обратимся к данным. В 1990 году на вопрос «Можно ли доверять большинству людей?» положительный ответ давали 34,7 процента респондентов-россиян, а в 2006 году — только 24,6%. За годы реформ уровень доверия резко снизился. А в 2000-х началось постепенное повышение. Зависимость очевидна: в периоды экономического спада уровень доверия падает, а когда начинается подъем, то он обнаруживает тенденцию к возрастанию.

Аналогичная динамика наблюдалась практически во всех бывших социалистических странах: и в Польше, и в Эстонии, и в Венгрии. В Румынии и Словакии снижение доверия продолжается до сих пор. Эта тенденция была слабой в Белоруссии, где спад производства был относительно неглубоким,

а наибольший уровень доверия после реформ сохранялся в Китае, где экономика быстро росла.

Очень важен также такой параметр, как уровень доверия представителям определенных профессий, потому что он отражает доверие к институтам. Из опроса ВЦИОМ 2015 года следует, что учитель, военнослужащий, инженер, ученый имеют относительно высокий ранг, в то время как полицейский, работник государственных органов, предприниматель и политик имеют самые низкие ранги.

В результате взаимовлияния гражданской культуры и экономического роста возникает «культурная ловушка»: низкий уровень гражданской культуры во многом детерминирует медленный рост, порождает стагнацию и одновременно слабые институты, что в свою очередь способствует поддержанию низкого уровня гражданской культуры. Возможен целый ряд аналогичных институциональных ловушек. Например, принято считать, что надо снижать барьеры входа фирм на рынок. Однако попытки снизить барьеры при низком уровне законности нередко ведут к расширению теневой экономики, падению благосостояния и к очередному ужесточению барьеров входа.

ПРОБЛЕМА УЛУЧШЕНИЯ «ИНСТИТУТОВ»

Возникает вопрос о том, как выйти из ловушки стагнации. Стандартная рекомендация — улучшать «институты». Имеется в виду противодействие коррупции, сокращение доли теневого сектора, снижение административных барьеров, достижение прозрачности бизнеса, укрепление права собственности и т. п.

В принципе, все эти цели достойны того, чтобы их добиваться. Беда в том, что успех в их достижении зависит от

массовой культуры, от неформальных норм. Если неформальные нормы не поддерживают реформу, то попытки ее реализации путем принуждения и контроля оказываются особенно затратными. Многолетние перипетии закона № 94-ФЗ о государственных закупках или единого государственного экзамена демонстрируют, как мало шансов на улучшение «институтов» путем прямолинейного копирования западных механизмов.

«Институциональная мода» среди исследователей, занятых задачами догоняющего развития, давно прошла. На первый план выдвинулись проблемы промышленной политики, выявления приоритетов, стимулирования экспортоориентированного роста. С другой стороны, улучшение институтов в указанном выше смысле не является ни необходимым, ни достаточным условием успеха догоняющего развития. Сопоставим, например, значения индикатора *rule of law* (измеряющего уровень законности) и темпы экономического роста для четырех стран: Белоруссии, Украины, Венгрии и Чили за период 2000–2012 годов. По уровню законности Беларусь наиболее отсталая из этих стран, а Чили наиболее передовая, но тем не менее максимальный темп роста имел место как раз в Белоруссии. По сравнению с Украиной, если взять более широкий промежуток времени, разница совершенно фантастическая: в 1994 году белорус была на четыре процента богаче украинца, а в 2012 году почти вдвое. Сравнение качества институтов и темпов роста Индии и Китая в послевоенный период приводит к аналогичному заключению.

Конечно же, можно возразить, что качество институтов является лишь одним из факторов, которые влияют на рост. Это верно. Среди важнейших факторов — наличие институ-

тов иного типа, способных работать при относительно низком уровне массовой культуры.

Институты догоняющего развития

Чтобы избежать ошибок при разработке стратегий, необходимо опираться на теорию в широком смысле этого слова: на абстрактные «модельные» разработки, на эконометрические исследования, на изучение опыта успешных стран. В каждом случае мы сталкиваемся с определенными ограничениями. Например, эконометрические расчеты позволяют сформулировать правдоподобные гипотезы, но не окончательные заключения, так как полученные с их помощью выводы справедливы «в среднем» по выборке, но не обязательно для каждого конкретного объекта. Более того, поскольку успех догоняющего развития редок, успешные страны нередко оказываются аутлайерами. Чтобы ответить на вопрос, как проводить реформы, очень важно опираться на опыт этих стран.

Изучение этого опыта приводит к заключению о том, что целесообразно различать институты конкурентного рынка и институты догоняющего развития.

Институты конкурентного рынка — это те самые институты, которые уже упоминались выше: они должны обеспечить эффективное исполнение закона, защиту прав собственности, низкий уровень коррупции и т. д. И как было подчеркнуто, попытки непосредственного совершенствования этих институтов не ведут к успеху вследствие культурных и других ограничений; здесь на решающий прорыв рассчитывать нельзя.

Страны, которые преуспели в догоняющем развитии, использовали институты иного типа. Восточноазиатские «ти-

гры», послевоенная Франция, Испания в 1960-х, Ирландия в 1990-х — все они опирались на корпоративистскую систему государственного управления, на индикативное планирование, на институты, обеспечивавшие эффективное заимствование технологий. Во всех этих странах для проведения перспективной экономической политики и институциональных реформ было создано генеральное агентство развития, подчинявшееся непосредственно главе правительства; в некоторых случаях его роль играло выделенное министерство. Аналогичные институты догоняющего развития (ИДР), включая генеральное агентство, существуют и в современном Китае, и в Малайзии, бурно развивающейся в последние три десятилетия. Как показывает практика, ИДР способны функционировать в «плохой» институциональной среде. Иницилируя и поддерживая в течение некоторого времени экономический рост, они ускоряют эволюцию гражданской культуры, создавая условия для совершенствования институтов конкурентного рынка, и постепенно, по мере движения вперед, теряют свое значение.

ИДР направлены на решение фундаментальной проблемы, о которой говорилось выше: на формирование, отбор и реализацию крупномасштабных проектов модернизации. В этом процессе инициатива принадлежит правительству, которое следует принципам корпоративизма.

Корпоративизм — это система принятия политических и экономических решений, основанных на взаимодействии государства с организациями, представляющими группы интересов — работников, работодателей, представителей гражданского общества. К корпоративистским относят широкий спектр систем — от франкистской Испании до Скандинавских стран и Австрии в послевоенные годы. В процессе

взаимодействия преодолевается взаимное недоверие, повышается вероятность успеха экономической политики. Успех (экономический рост) в свою очередь способствует укреплению доверия, изменению гражданской культуры. Роль государства в таких системах постепенно уменьшается, осуществляется постепенный переход к полноценной демократии.

Индикативное планирование нельзя рассматривать как чисто технический элемент институциональной системы. Важная роль индикативного планирования состоит в организации диалога между государством и заинтересованными агентами. Именно на эту функцию обращал внимание создатель первой системы индикативного планирования во Франции Пьер Массе. Он писал: «План вырабатывается посредством согласованных усилий представителей экономических и общественных сил: гражданских служащих, менеджмента (сельскохозяйственного, промышленного, коммерческого), профсоюзов и работников. Это сотрудничество обеспечивает более когерентные прогнозы и решения и создает ощущение единства, способствующее выполнению плана» (Masse, 1965).

Преодоление недоверия, учет патерналистских ожиданий, консолидация — на это был нацелен и ряд других институтов, характерных для стран «экономического чуда». В их числе система пожизненного найма, существовавшая в Японии и ряде других азиатских экономик и обеспечивавшая приверженность наиболее квалифицированных работников целям фирмы. Эта система противоречила идее свободной конкуренции на рынке труда, но оказалась эффективной в специфических условиях догоняющих экономик. Другой нестандартный институт — система главного

банка, преодолевая недостаток доверия на рынке кредитов. Правительства успешных стран поддерживали низкий уровень неравенства, что также способствовало консолидации общества. Чтобы снизить возможности лоббирования, в качестве важнейшего элемента промышленной политики использовался валютный курс. Поддержание его реального значения на достаточно низком уровне стимулировало экспортоориентированный рост.

Задаче консолидации была подчинена и деятельность генеральных агентств развития. Для достижения эффективных компромиссов в сфере экономической политики опять-таки необходим достаточно высокий уровень культуры. Иначе возникает бесконечное «перетягивание каната» между министерством экономики, министерством финансов и центральным банком. Стоит подчеркнуть, насколько общим элементом «экономических чудес» было наличие генерального агентства развития. Были созданы: Генеральный комиссариат по планированию при Правительстве Франции, Министерство промышленности и торговли в Японии, Комиссия по планам в Испании, Совет по планированию в Ирландии, Национальная комиссия по развитию и реформам в Китае, Малазийское управление по эффективности и поставкам (PEMANDU) в Малайзии.

О ПРОГРАММЕ «ПЕРЕСТРОЙКА-3»

Естественно предполагать, что сходство промежуточных институтов, формировавшихся в успешных странах, объясняется совпадением целей и общностью технологических, институциональных и культурных ограничений, которые необходимо было учитывать и преодолевать. Если согласиться с тем, что эти ограничения во многом являются ре-

шающими и для России, то изложенный выше анализ может быть положен в основу плана модернизации российской экономики. Я условно называю этот план «Перестройкой-3», имея в виду, что первая перестройка у нас происходила после 1917 года, а вторая — в 1992 году.

Чтобы запустить устойчивый долгосрочный экономический рост, требуется существенное изменение институтов, новая перестройка. Но, в отличие от первых двух, она не должна носить шокового характера, она может базироваться на уже достигнутом, тем более что ряд институтов, о которых шла речь выше, у нас уже существуют, пусть и в зачаточном состоянии. В частности, у нас издан ряд постановлений, касающихся системы национального планирования, на них можно опереться. Здесь, правда, предстоит решить нетривиальную задачу: синтезировать индикативное планирование и программное бюджетирование (Полтерович, 2015). В процесс планирования целесообразно вовлечь региональные агентства развития и бизнес-ассоциации, чтобы обеспечить союз с обществом. Необходимо создать Федеральное агентство развития для координации планов и реформ.

Нужно достроить национальную инновационную систему. Из хаотичного набора институтов развития, работающего безо всякой координации и подчас с неверными установками, следует сформировать эффективную систему, обеспечивающую трансфер технологий и постепенный переход к инновационному развитию.

Необходима также модернизация управления государственностью. Целесообразно разработать классификацию задач (миссий) госпредприятий. Каждому госпредприятию должна быть вменена миссия на текущий год; по его завершении должен быть представлен отчет, на

основе которого принимается решение о целесообразности или нецелесообразности приватизации. Каждый акт приватизации крупного предприятия должен сопровождаться проектом-обоснованием.

В статье Полтерович (2016b) указан ряд других направлений реформирования институтов и мер экономической политики, которые следовало бы включить в программу предстоящих реформ. В их числе формирование современного сектора науки, включающего сеть отраслевых НИИ; совершенствование человеческого капитала; сочетание частно-государственного партнерства и проектного финансирования; введение прогрессивного подоходного налога; предотвращение завышенного валютного курса.

Только опираясь на систему институтов догоняющего развития, адекватную массовой культуре и удовлетворяющую существующим ограничениям, можно рассчитывать на запуск и поддержание быстрого и устойчивого экономического роста.

Библиографический список

1. Норт Д., Уоллис Дж., Уэбб С., Вайнгаст Б. (2012). В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
2. Полтерович В.М. (2015). О формировании системы национального планирования в России. ЖНЭА, № 2 (26), 237–242.
3. Полтерович В.М. (2016a). Институциональные реформы и гражданская культура. Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 8, № 2-2. С. 225–238.
4. Полтерович В.М. (2016b). Институты догоняющего развития (к проекту новой модели экономического развития России).

Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 5 (47), 88–107.

5. Полтерович В.М. (2007). Элементы теории реформ. М.: Экономика. — 447 с.
6. Conradt, D.P. (1989). Changing German Political Culture. In: Almond, Gabriel A., and Sidney Verba (eds.). *The Civic Culture Revisited*. Newbury Park. Sage Publications. 212–272.
7. Guiso L. Sapienza P., and L. Zingales. (2014). «Long-Term Persistence», Kellogg School of Management. 33 pp.
8. https://www.google.ru/search?hl=ru&newwindow=1&output=search&sclient=psy-ab&q=Long-term+Persistence&oq=&gs_l=&pbx=1&gws_rd=ssl
9. Inglehart, R., C. Welzel (2010). Changing Mass Priorities: The Link between Modernization and Democracy. *Perspectives on Politics* 8 (2), 551–567.
10. Masse P. (1965). The French Plan and Economic Theory. *Econometrica*. Vol. 33, № 2.

ОБ АКТУАЛЬНЫХ ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНЫХ ПОДХОДАХ

ABOUT SOME ACTUAL APPROACHES TO MONETARY POLICY

М.В. ЕРШОВ

Член Правления ВЭО России, главный директор по финансовым исследованиям, руководитель Департамента финансового анализа «Института энергетики и финансов», профессор Финансового университета при Правительстве РФ, д. э. н.

M.V. ERSHOV

Member of the Board of the VEO of Russia, Chief Director of Financial study, Head of Financial analysis department of the Energy and Finance Institute, Professor of the Financial University under Government of the Russian federation, Dr. Sc. Econ.

АННОТАЦИЯ

Банк России продолжает проводить умеренно жесткую денежно-кредитную политику, направленную на снижение инфляции. В этой связи ограниченными остаются перспективы уменьшения ставок по кредитам. При этом из-за дорогого кредита у банков наблюдается структурный профицит (деньги не нужны их клиентам по высокой цене).

Однако в целом экономика РФ испытывает нехватку ликвидности (о чем, в частности, свидетельствует низкий уровень ее монетизации (M2/ВВП)). В этой связи много лет в России ощущается существенный дефицит длинных финансовых ресурсов, необходимых при осуществлении инвестиций и инноваций.

Автор предлагает альтернативный подход для политики регулятора, направленный на более активное использование денежно-кредитных механизмов в России. Этот альтернативный подход основан на опыте западных центробанков (TLTRO в Европе; покупка длинных госбумаг ФРС и Банком Японии).

ABSTRACT

The Bank of Russia continues to pursue its moderately tight monetary policy aimed at inflation reduction. So the possibility of cut in nominal interest rate is limited. Still the structural liquidity surplus that emerged recently is in the first place due to high nominal interest rate.

However we have a general liquidity deficit in Russian economy as a whole. In particular monetization ratio (M2 as a percentage of GDP) is around 45%, which is a barrier that hampers the growth of long term funds in Russian economy, that are necessary for investments and innovations. The author proposes an alternative approach to CBR's monetary policy, which is aimed at more active use of monetary mechanisms in Russia, and will focus on progressive structural changes. Such approaches are similar to those pursued by major central banks (ECB, Fed, Bank of Japan) and are necessary to improve the quality of economic growth.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Денежно-кредитная политика, денежно-кредитные механизмы, ликвидность, структурный профицит ликвидности, структурный дефицит ликвидности.

KEY WORDS

Monetary policy, monetary mechanisms, liquidity, structural liquidity surplus, structural liquidity deficit, state's long securities.

Многие из стоящих задач, которые мы обсуждали не раз в прошлом и в других аудиториях, часто так и остаются как благие пожелания, не реализуясь до конца просто потому, что при этом отсутствуют необхо-

димые механизмы и инструменты их внедрения в жизнь. Поэтому я впервые сейчас буду говорить по техническим вещам, чтобы нам всем вместе понять, какой у нас потенциал и возможности, что все ставящиеся вещи, связанные с институтами развития, со структурными преобразованиями, все-таки довести до завершения.

Нам никуда не деться от денежно-кредитных финансовых ограничений. Помните, раньше говорилось: экономика должна быть экономной. Ну да, а дальше что? Неплохо было бы услышать конкретный набор доводов, фактов, аргументов, механизмов, как это сделать на самом деле в жизни. Денежно-кредитные подходы. Конечно, необходимы длинные деньги.

Должна быть и доступность по цене. Мы все знаем, когда ставки запредельно высоки, и выше, чем эффективность по проектам, деньги брать никто не будет. У нас есть профицит ликвидности, деньги вроде никому не нужны, если цена их высока, выше, чем то, что вы можете себе позволить в проекте.

Здесь важно, чтобы деньги носили в значительной степени изначально структурный системный характер. Сложный момент, но вынужден сказать: вся монетизация ведущих зрелых систем мира (и доллара США, и японской иены) на 90–95 процентов по балансам их центральных банков изначально сложилась и сформировалась на основе покупки центральными банками целевых государственных бумаг их Минфина. То есть вся монетизация на первом этапе носила структурный бюджетный характер. Вот у вас малый бизнес, вот у вас ипотека, вот космос, банки развития и все остальное. На 90 процентов ведущие финансовые системы так были сложены. У нас цифры в России меньше 5 процентов. Потен-

циал роста огромен для закладывания финансовых целевых структурных подходов к этим вещам. Бумаги носят сугубо длинный характер: 30 лет в США, 40 лет в Японии. Может, до 100 лет будет бумага. 100-летний кредит Центрального банка своему Минфину. И дальше на все остальные вещи эти деньги будут направлены. Конечно, здесь есть возможности для развития и для всего остального.

Процентные ставки. Переходим в область ЕЦБ. Прошлом лето — механизмы рефинансирования TLTRO. В описании будет техника. Введены отрицательные ставки по неким целевым программам. Например, коммерческий банк, работающий в Европе, пришел в свой ЕЦБ, взял деньги на рефинансирование, четыре года спустя деньги возвращает, ставка отрицательная, то есть не он платит в ЕЦБ за взятые деньги, а ЕЦБ платит коммерческому банку. Банк взял миллион, а возвращает 980 тысяч. Регуляторы банку по конкретным целевым направлениям дают бонус, говорят, если ты включаешься в наши приоритетные сферы, ты от нас получаешь соответствующую премию. Это темы, где нам в России есть над чем подумать. У нас есть потенциал, который мы почему-то не используем.

Еще один момент. Соединенные Штаты, у них есть такой закон, до сих пор существующий, называется закон о региональных реинвестициях. Его основы были приняты в годы великой депрессии 29–33 годов. Он до сих пор не отменен. Он до сих пор активно мониторится. И суть его состоит в том, что частный бизнес очень сильно стимулируется — подталкивается к финансированию собственными средствами каких-то часто малоэффективных социально значимых структурных задач. Причем он не принуждается, типа ваше право участвовать или нет. При этом степень

вашего участия будет приниматься во внимание, когда вы как бизнес будете обращаться к нам как к регуляторам, когда у вас будут какие-то вопросы. Естественно, вопросы возникают ежедневно, еженедельно, ежемесячно, конечно, весь бизнес старается максимально вести себя хорошо. Одновременно у них есть стимулы. А если вы при этом будете себя вести в соответствии с теми рекомендациями, которые вам регуляторы предлагают, то они будут это учитывать, будут нормативы более льготные к бизнесу применять.

В завершение. Существует богатый мировой опыт, у нас есть собственные неиспользуемые наработки, все это реально воплотить в жизнь. И будем надеяться, что нашим регуляторам будет важно такие подходы внедрять. Тем более что потенциал очень большой.

ОСТАЕТСЯ ЛИ ФОРМАЦИОННЫЙ ПОДХОД В СИЛЕ?

FORMATION'S APPROACH. IS IT STAYING IN FORCE?

Г.Н. ЦАГОЛОВ

Действительный член Сената ВЭО России, профессор Международного университета в Москве, член Союза писателей России, академик РАЕН, академик Международной Академии менеджмента, академик Европейской Академии безопасности и конфликтологии, д. э. н.

G.N. TSAGOLOV

Acting member of the Senate of the International University in Moscow, member of the Union of writers of Russia, Academician of the Russian Academy of Natural Science, Academician of the International Academy of Security and Conflictology, Dr. Sc. Econ.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается взаимосвязь между институционализмом и формационным подходом. Показано, что они не исключают, а дополняют друг друга.

ABSTRACT

The article analyses the interaction between the institutionalism and the formation approach. It is shown that they don't exclude each other, but supplements each other.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Институционализм, капитализм, социализм, планирование, новое интегральное общество.

KEY WORD

Institutionalism, capitalism, socialism, planning, the new integral society.

Мы заслушали доклад одного из наиболее ярких представителей современного российского институционализма — известного ученого-экономиста академика РАН В.М. Полтеровича. О том, что это научное направление очень важное, свидетельствует и тот факт, что меньше месяца назад в этом же зале наша встреча была посвящена 50-летию книги «Новое индустриальное общество» великого Джона Кеннета Гэлбрейта, который также считается институционалистом. Сергей Дмитриевич Бодрунов к этой дате организовал выход коллективной монографии «Гэлбрейт: возвращение», в которой принимали участие и модератор сегодняшней конференции, член-корреспондент РАН Дмитрий Евгеньевич Сорокин, и многие здесь присутствующие. Между прочим, наибольшее влияние на мировоззрение раннего Гэлбрейта (1908–2006) оказали влияние работы основоположника институционализма американского ученого Торстейна Веблена (1857–1929): «Почему экономика не является эволюционной наукой?» (1898), «Теория праздного класса: экономическое исследование институтов» (1899), «Инстинкт мастерства» (1914), «Инженеры и система цен» (1921). Как вспоминал Гэлбрейт: «Влияние Веблена продолжалось очень долго. Хотелось, чтобы и одна из моих работ вызвала раздражение у тех людей, которые удобно устроились в своих должностях. Только

потом я стал понимать, что эти люди вообще редко что-либо читают»¹.

Виктор Меерович Полтерович следует прогрессивным традициям институциональной школы. В отличие от большинства других отечественных институционалистов, он глубоко анализирует наши реформы 1990-х и является наиболее убедительным их критиком. В докладе прозвучала мысль о необходимости «новой перестройки». Причем она была названа «третьей перестройкой» и поставлена в ряд событий 1917 и 1991 гг. Эта идея мне показалась весьма оригинальной и интересной. В 1917 г., как известно, произошла социалистическая революция, 100-летие которой исполняется в этом году и чему теперь посвящается так много материалов в СМИ и научных журналах. Перестройка, начатая в середине 1980-х годов, закончилась в 1991 г. антисоциалистической революцией, и на смену просуществовавшему семь десятилетий строю вновь пришел капитализм. Если «Перестройка 3» равноценна по значимости предшествующим переменам, то она должна означать новую революцию или такую эволюцию, которая ведет к возникновению качественно нового типа общества по сравнению с ныне существующим. Естественно, что нам был бы предпочтителен второй — эволюционный вариант. Но как обозначить ориентир? И какова дорожная карта его достижения?

Убедителен данный В.М. Полтеровичем анализ порочности реформ 1990-х. Это была не «шоковая терапия», а «большевизм наоборот». Вместо постепенных и последовательных действий, направленных на встраивание рыночных регуляторов в плановое хозяйство, была сломлена «до основания» вся

¹ Джон Кеннет Гэлбрейт. Новое индустриальное общество. Избранное. М.: Эксмо, 2008. С. 14.

существующая экономическая система и не создано ничего нового и действенного ей взамен. В результате произошло невиданное обрушение, превзошедшее результат Великой Отечественной войны. Нынешние экономические проблемы во многом связаны с этой преступной трансформацией. В.М. Полтерович подчеркивает необходимость соблюдения принципа постепенности при проведении реформ.

Весьма ценен представленный в докладе анализ взаимосвязей и взаимодействия институтов развития и гражданской культуры. В прежние времена этим аспектам не уделялось должного внимания. В то же время между ними существуют твердые зависимости, учет которых столь необходим при проведении грамотной экономической политики. Для России этот аспект крайне важен, и усилия, направленные на продолжение таких исследований, надо всячески приветствовать и продолжать.

Другой вопрос: проводя такие исследования, следует ли отказываться от всех предыдущих знаний, добытых общественно-экономической наукой? К примеру, институционалист Гэлбрейт не отказывался от таких понятий и категорий, как капитализм и социализм. И рассуждая об обществе будущего, он не говорил, что оно будет рыночным. Он называл его и новым социализмом, и планово-рыночной бимодальной системой. Поэтому применяемая некоторыми исследователями «безымянность» настоящего и будущего общества наводит на мысль, что, по всей видимости, ими и сейчас, и в грядущем видится рыночное общество и рыночная экономика. Следовательно, капитализм подразумевается естественной и вечной системой.

Здесь моя позиция другая. Она состоит в том, что мы должны построить не чисто рыночную экономику, а мы должны

построить планово-рыночную экономику, забрав из прежней формации, в том числе и социалистической, великое ее достижение, это плановую систему, но не в бюрократическом, а в обновленном виде, и соединив ее с достоинствами рыночной капиталистической экономики. Это не просто слова. Многие страны идут под этими знаменами и идут успешнее всего. Уважаемый докладчик не раз говорил о Китае. В одной из его работ я прочитал, что Китай отказался от планового хозяйства и перешел к рыночной экономике. Мне же представляется, что это не совсем так, а может быть, и совсем не так. В Китае действовали постепенно и добавляли рыночные механизмы к плановому хозяйству, не разрушая последнее. Сейчас страна успешно выполняет наметки 13-го пятилетнего плана, а в стране существует смешанная, планово-рыночная экономика, в чем и состоит главная причина ее успеха. И не только в Китае. Во Вьетнаме и во многих других странах, умеющих сочетать преимущества планового и рыночного хозяйства, наблюдаются и высокие темпы экономического роста, и рост благосостояния народа. И эту систему нельзя назвать чисто капиталистической или чисто социалистической. Это — то новое, что характерно для сегодняшнего дня и что представляет собой один из главных трендов развития. Это есть новое интегральное общество.

В коллективной работе, которую мне довелось начинать вместе с академиком РАН О.Т. Богомоловым, а заканчивать уже без него, эти аспекты рассмотрены более подробно¹. Олег Тимофеевич был очень увлечен этими вопросами, и мы

---

¹ Новое интегральное общество. Общетеоретические аспекты и мировая практика. Под ред. Г.Н. Цаголова. М.: ЛЕНАНД, 2016. Авторами книги являются Богомолов О.Т., Водолазов Г.Г., Глазьев С.Ю., Глинкина С.П., Дашичев В.И., Куликова Н. В., Меньшиков С.М., Меньшикова Л.А., Пивоварова Э.П., Цаголов Г.Н.

вместе с другими авторами пришли к выводу, что именно в этом направлении идет развитие современного мира. А это значит, что и для нашей страны следует обозначить ориентир. Мы не должны считать, что рыночное общество и капитализм — венец истории. Более того, это уже и сегодня далеко не все, что уже есть. Каждая система имеет свои плюсы и минусы. Нам важно стремиться к тому, чтобы минимизировать пороки капитализма, которые присущи ему. И в то же время минимизировать пороки социализма, но не отказываться от лучшего, что есть и было у него, например от плановой системы или принципов распределения по труду.

ПАМЯТИ Л.И. АБАЛКИНА

TO THE MEMORY OF L.I. ABALKIN

Е.Г. ЯСИН

Действительный член Сената ВЭО России, научный руководитель НИУ ВШЭ, директор Экспертного института при РСПП, д. э. н., профессор

E.G. YASIN

Acting member of the Senate of the VEO of Russia, Научный руководитель of the National Research University - Higher School of Economics, head of the Expert Institute of the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs, D. Sc. Economics, professor

АННОТАЦИЯ

Автор вспоминает о Леониде Ивановиче Абалкине, его роли в развитии российской экономической науки и важной роли в трансформации российского общества в 80-х гг. и начале 90-х.

ABSTRACT

The author recalls Leonid Ivanovich Abalkin, his role in the building up Russian economic science and his role in Russian society transformation in the beginning of 80th and 90th.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Абалкин, Явлинский, Маслюков, экономическая наука, общество, реформы.

KEY WORDS

Abalkin, Yavlinsky, Maslyukov, economic science, society, reforms.

Культура» и «институт» — это близкие, если не одинаковые по смыслу понятия, и лично я в этом глубоко убежден. С моей точки зрения, это термины близкого содержания, которые родились в разных областях. Но жизнь их свела: культура и есть система институтов. Дальше начинаются вопросы: какая культура, как она организована, как она воспринята обществом, структурой этого общества и т. д. Это является основной важной вещью.

У меня есть что сказать, и я считаю, что к той теме, которую мы сегодня обсуждаем, это тоже имело бы важное отношение. Но сейчас я скажу о Л.И. Абалкине.

Леониду Ивановичу Абалкину, на мой взгляд, принадлежит очень важная роль в развитии российской экономической науки. Но, кроме того, он сыграл исключительно важную роль в трансформации российского общества и в 80-х г., и в начале 90-х г. Это крайне конструктивный, крайне серьезный вклад. Жизнь в самые острые моменты развела нас в разные концы. Но именно поэтому я хочу сказать, что я высоко ценю вклад Леонида Ивановича в наши преобразования и считаю его исключительно важным нашим активом, о котором мы должны говорить и всегда отмечать его заслуги.

Я знал его издавека, он работал в «Плешке», был видным деятелем в науке. Было известно, что он является представителем реформаторского направления. Серьезные шаги по перестройке плановой экономики были его убеждением.

А затем нас судьба свела в 1989 году, когда после Первого съезда народных депутатов Леонида Ивановича пригласили в правительство. Он стал вице-премьером и председателем комиссии по экономической реформе. Мне повезло, Леонид

Иванович пригласил меня на работу в его комиссию, вместе с Григорием Алексеевичем Явлинским, для того чтобы мы начали работу над программой реформ.

Первым заданием, которое я получил вместе с Явлинским, была работа над концепцией реформ, которые будут проходить в Советском Союзе. Мы занялись этой работой. В моей жизни это были самые важные моменты! Притом даже если вы мне скажете: «Вы же были министром в правительстве!» Но это гораздо менее важно, чем то, чем мы занимались под руководством Леонида Ивановича Абалкина. Мы получили предложение делать концепцию программы экономических реформ. Мы сидели вдвоем, на это ушел месяц — сентябрь и часть октября 1989 года. После этого были знаменательные дни, проходила дискуссия в Колонном зале Дома Союзов, на которой Леонид Иванович выступил с докладом о нашей работе. Замечательный был доклад. Я лично тоже был немолодым человеком, но у меня было такое ощущение, что я — юноша, который наконец-то приступает к главному делу своей жизни под руководством Леонида Ивановича.

Когда Леонид Иванович выступал в Колонном зале Дома Союзов, по улицам Москвы, рядом с этим залом, проходила демонстрация под лозунгом «Долой абалкинизацию всей страны!».

Отношения с Абалкиным строились легко. Он был открытым человеком, очень порядочным. Все, что можно сказать хорошего о Леониде Ивановиче, я это все произнесу.

Вскоре наши предложения рассматривались на заседании правительства и были поддержаны. С очень яркой речью выступил Николай Иванович Рыжков, он сказал: «Мы приступаем к важной работе!»

Мне было около 60 лет, и я вдруг оказался в центре такого колоссального события, во главе которого стоял Леонид Иванович.

Я замечу, у нас в то время каждый год, начиная с 86-го года, дефицит бюджета был 20 процентов. А в 90-м году, когда экономической частью руководил Леонид Иванович, дефицит снизился до 10 процентов. Это о многом говорит. Если вы любите разбираться в цифрах, то вы понимаете, насколько это важно.

Затем произошли поворотные события — состоялся II Съезд народных депутатов, это был декабрь 89-го года, там высказали большую настороженность по отношению к тем событиям.

На Втором съезде были противоположные решения в сравнении с Первым. Мы будем строить 13-й пятилетний план, а какие-то экономические реформы мы начнем, вероятнее, через два года. Были приняты соответствующие решения, и Юрий Дмитриевич Маслюков, первый зампред и председатель Госплана, получил поручение перестроить всю эту программу и показать, как мы должны идти без лишних рисков и т. д.

А сам Рыжков уехал с государственным визитом в успешную Малайзию.

Леонид Иванович на Втором съезде и сразу после него, на заседании правительства, высказал возражения против тех предложений, которые были приняты на Втором съезде и после него в правительстве.

Я хочу напомнить, что должны были быть выборы Президента СССР в марте 90-го года. И тогда Леонид Иванович написал коротенькую записочку для будущего президента, конечно, М.С. Горбачева, которую положил к себе в сейф.

Там было написано, что он не согласен с этими решениями и считает, что необходимо, пусть постепенно, поворачивать в сторону рыночных реформ и не откладывать то, что мы надумали раньше ради XIII пятилетки... А Маслюков в это время получил новое задание — нарисовать другой план, чтобы он был положен в основу XIII пятилетки. «К моему возвращению, — это сказал Николай Иванович Рыжков, — чтобы вы уже были готовы». Через 2–3 дня Юрий Дмитриевич позвонил Леониду Ивановичу и сказал: «Что-то у нас ничего не получается. У вас случайно нет ничего?» И Абалкин, широкий человек, достал из сейфа свою записку и отправил ее Маслюкову.

Маслюков прочитал и сказал: «Мы со всем согласны, давайте что-нибудь более развернутое».

Тогда мы получили поручение от Леонида Ивановича вместе с Григорием Алексеевичем подготовить более развернутый текст, и чтобы было в нем очертание этой программы. Мало было времени, потому что Николай Иванович Рыжков должен был вот-вот вернуться из Малайзии. Мы написали 13 страниц. Если вы спросите, какая была самая важная бумага в моей жизни, то это те 13 страниц, которые мы передали Леониду Ивановичу Абалкину. А он ее передал Маслюкову, а Маслюков дал ее своим ребятам, главное лицо среди них был Грибов. Они посмотрели, согласовали текст, и эту бумагу во время возвращения Рыжкова Маслюков вручил у трапа самолета Николаю Ивановичу. Через два дня Рыжков сообщил о своем согласии.

Я помню, был тогда момент в нашей жизни, когда я вместе с Явлинским — «маленькие люди» — сидели в приемной Маслюкова, рядом с Леонидом Ивановичем Абалкиным и как равные обсуждали, как будут дальше разворачивать-

ся события. Мы получили поручения уже готовить развернутую программу. Эта программа была закончена к концу марта 1990 года. Нас отправили с визитом в Японию. И мы узнали, как там истинно делаются подобные вещи.

А в это время был избран президентом М.С. Горбачев и проведен Президентский совет с обсуждением нашей программы. Тогда было принято решение по нашей программе, что все это ерунда, либерализация не нужна, давайте сделаем по-другому. И стали делать по-другому Н.И. Рыжков и В.С. Павлов. Основным решением стало — поднять вдвое цены на продовольствие и втрое — на хлеб.

Леонид Иванович в моей памяти — одна из самых больших величин. У меня в кабинете небольшая выставка фотографий моих ближайших покойных друзей. Среди них портреты Леонида Ивановича Абалкина и Юрия Дмитриевича Маслюкова.

О ДОГОНЯЮЩЕЙ МОДЕРНИЗАЦИИ, ПРОМЕЖУТОЧНЫХ ИНСТИТУТАХ И АЛЬТЕРНАТИВАХ РАЗВИТИЯ

CATCH-UP MODERNIZATION, INTERMEDIATE INSTITUTES AND ALTERNATIVES OF DEVELOPMENT

А.Е. ГОРОДЕЦКИЙ

Руководитель научного направления
«Институты современной экономики
и инновационного развития» ФБГУ «Институт
экономики Российской Академии наук»,
д. э. н., профессор

A.E. GORODETSKY

Supervisor scientific direction «The institutions
of the modern economy and innovation
development» of the FBGI «Institute of
Economics of Russian Academy Science»,
D. Sc. Economics, Associate Professor

АННОТАЦИЯ

Теоретические дискуссии о типах модернизации в 90-е годы и начале 2000-х. Догоняющее развитие. Трансплантация институтов как ошибка реформ. Институты и гражданская культура. Гражданская культура и стимулы развития. Промежуточные институты. Приоритеты стимулирования экономического роста. Успехи и неудачи модели догоняющего развития.

ABSTRACT

Theoretical discussions about modernization types in the 90th years and the beginning of the 2000th. The catching-up development. Transplan-

tation of institutes as error of reforms. Institutes and civil culture. Civil culture and incentives of development. Intermediate institutes. Priorities of stimulation of economic growth. Progress and failures of model of the catching-up development.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Догоняющая модернизация, трансплантация институтов, альтернативные модели модернизации, промежуточные институты, гражданская культура как приоритет, экономический рост и улучшение институтов, опорные точки экономического роста, опыт моделей вторичной модернизации и модели национального капитализма.

KEY WORDS

The catching-up modernization, transplantation of institutes, alternative models of modernization, intermediate institutes, civil culture as priority, economic growth and improvement of institutes, reference points of economic growth, experience of models of secondary modernization and model of national capitalism.

Тема догоняющего развития и его совместимости с реалиями российской экономики пришла к нам из 90-х. Столкнувшись с результатами шоковых рыночных реформ, за которыми идеологически и теоретически стояли концепты догоняющей модернизации, российская теоретическая мысль обратилась к активному осмыслению, во-первых, сущности теории догоняющей модернизации и, во вторых, к поиску альтернативных моделей развития, на основе которых можно было бы решать стоящие перед страной задачи перехода к рыночной экономике.

О возможных альтернативах и вариантах развития спорили экономисты, философы, историки, политологи. Свои взгляды отстаивали исследователи как либерального, так и левого

направлений. Позднее начала оформляться консервативная линия в дискурсе о модернизации и ее осуществлении в Российской Федерации. И если сторонники либеральных моделей опирались на наследие классических доктрин 50-х — 60-х; их критических видоизменений в 70-е — 80-е годы, то в левом дискурсе были представлены ученые, сохранившие приверженность традиционной марксистской школе, а также ориентированные на опыт современных социалистических и социал-демократических идеологий и партий.

Среди ученых левого направления широко известны работы А.В. Бузгалина и А.И. Колганова¹, Г.Н. Цаголова, С.С. Дзарасова² и др. Ближе к ним стоит сегодня научная школа С.Д. Бодрунова³, известного своими разработками о новой индустриализации 2.0, 4-й промышленной революции, о новых-старых технологических вызовах модернизации.

Очень интересные научные направления сложились в философской и исторической науках⁴, где по преимуществу и сформировались теоретические концепты о не запад-

¹ Бузгалин А.В., Колганов А.И. Теория социально-экономических трансформаций. Прошлое, настоящее и будущее экономик «реального социализма» в глобальном постиндустриальном мире. М.: ТЕИС, 2003. — С. 656.

² Дзарасов С.С. Российский гос. гуманитарный университет, 1994. — 335 с.

³ Бодрунов С.Д., Пороховский А.А. Экономическая система современной России: Анатомия настоящего и альтернативы будущего. М.: Под ред. С.Д. Бодрунова, А.А. Пороховского. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: ЛЕНАНД, 2015. — 416 с.; Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. М.: Культурная революция, 2016. — 352 с.; Форсайт «Россия»: новое производство для новой экономики. Том I; Форсайт «Россия»: новое производство для новой экономики. Том I / Сб. пленарных докладов Санкт-Петербургского международного экономического конгресса (СПЭК-2016) / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. М.: Культурная революция, 2016. — 156 с.; Производство, наука и образование России: преодолеть стагнацию. Сборник материалов II Международного конгресса (ПНО-II) / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2016. — 716 с.; Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. М.: Изд. 2-е, дополненное. — СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте. — 328 с.; Новое индустриальное общество: истоки, реальность, грядущее / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. Сб. науч. трудов. — СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2017. — 606 с.; Гэлбрейт: возвращение / Монография / Под ред. С.Д. Бодрунова. М.: Культурная революция, 2017. — 424 с.

⁴ Сиземская И.Н., Новикова Л.И. Три модели развития России. М.: ИФРАН. 2000. — 258 с.

ных моделях модернизации, специфическом российском модернизационном историческом опыте. В частности, широко известна серия научных работ В.Г. Федотовой о моделях модернизации на основе собственной идентичности¹. Особняком здесь стоит В.И. Толстых, создавший целую многостороннюю культурную, историческую и философскую панораму России 90-х — начала 2000-х, — России на перепутье, России в поисках самой себя — в дискуссиях и спорах интеллектуального сообщества².

Но, как бы то ни было, истина, как говорится, рождается в спорах, а практика идет своим путем. Российская практика шла и продолжает идти по калькам модели догоняющей модернизации, выстраивая в соответствии с ней политику и логику институциональных реформ, практическую экономическую политику.

В этом смысле теоретическое кредо и научная позиция академика РАН В.М. Полтеровича заслуживает особого внимания и уважения. Им принимается концепт догоняющей модернизации как данное и как вполне допустимый теоретический концепт. Но это не означает, что принимаются те противоречивые опыты неолиберальных реформ, которые были запущены в приснопамятных 90-х, продолжены в 2000-х, и, судя по намерениям власти, составят содержание стратегии и государственной экономической политики в долгосрочной перспективе на 10–15–20 лет.

¹ Федотова В.Г. Судьба другой Европы. ИФ РАН. М., 1997. — 255 с.

² Какая модернизация России нужна и какая возможна? // Консолидация и модернизация России. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. С. 134–169. Толстых В.И. Свободное слово. Интеллектуальная хроника. Альманах, 2004/2005. (Ответственный редактор и составитель). Толстых В.И. Свободное слово. Интеллектуальная хроника. Альманах, 2005/2006. (Ответственный редактор и составитель). Толстых В.И. Свободное слово. Интеллектуальная хроника 2007/2008. (Ответственный редактор и составитель). Толстых В.И. Российский выбор: в контексте реальной истории. М.: РОССПЭН, 2009. Толстых В.И. Настоящее будущее: без утопии и возврата в прошлое. М.: РОССПЭН, 2009.

Академик В.М. Полтерович известен созданием критической концепции трансплантации институтов¹, в соответствии с которой простое механическое перенесение институтов, исторически сложившихся и доказавших свои эффективность в ходе так называемых органических (или первичных) модернизаций (стран Западной Европы и Северной Америки), не принесло, да и не могло принести положительных результатов в совершенно другой системе ценностей, традиций, социально-культурной и хозяйственной среде. Но тем не менее вся практика институциональных реформ начала 2000-х годов пошла по этой колее, и мы получили то, что получили. Все, о чем предупреждал Полтерович, другие ученые РАН, по большому счету преобладающая часть научного сообщества, получило свое воплощение в очевидных неудачах реформ, — кризисе и последующей стагнации в 2008–2016 годах, отсутствии структурных реформ, в неэффективных и неработающих институтах, разваленной социально-экономической инфраструктуре, кризисующих социальных институтах, все возрастающем социальном неравенстве, отвратительном государственном управлении, предельно забюрократизированной государственной службе и далее по списку. И в этой ситуации поиски решения насущных проблем не менее важны, чем продолжение теоретических дискуссий. Именно в этом направлении и идут последние научные разработки академика Полтеровича.

Находящиеся во власти либеральные элиты настаивают на продолжении реформ на основе теории догоняющего развития, причем тех ее классических вариантов, которые сложились, начиная с середины 50-х годов и просуществова-

¹ Полтерович В.М. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2001. № 3. С. 24–50.

ли примерно до начала 80-х годов, когда была осуществлена фундаментальная критика этих моделей и сформулированы положения о вреде европоцентризма, теоретических конструкций о линейности общественного прогресса, непреодолимости конфликта между традицией и современностью, механического заимствования (имитации) институтов, исторически сложившихся в зонах первичной (т.е. классической западной) модернизации. Именно на основе этой критики были определена принципиальная возможность *не западных моделей* модернизации, более того, вариативности, множественности модернизационных процессов в зависимости от цивилизационно-культурных факторов¹.

Академик В.М. Полтерович не отрицает возможностей догоняющего развития. Но то, что им предлагается, в существенной мере отличается от официальной позиции Правительства РФ. Можно только поддержать его взгляды на реформы как на процесс, имеющий свое начало и завершение и допускающий изменение и адаптацию институтов к особенностям этого процесса на разных его этапах. Обоснование в этой связи понятия «промежуточных институтов»,

¹ Эйзенштадт Ш. Революции и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс, 1999; Штомпка П. Социология социальных изменений [Электронный ресурс] // Сайт «Библиотека «Полка букиниста»» / © PolBu.Ru. — 2006–2008. — Электрон. данные. — Режим доступа: <http://polbu.ru/sztompkasociology>, свободный; Caldwell R. Between Scylla and Charybdis: Reinhard Bendix on theory, concepts and comparison in Max Weber's historical sociology // History of the Human Sciences. 2002. Vol. 15. № 3. P. 25–51; Delanty G. An interview with S.N. Eisenstadt. Pluralism and the multiple forms of modernity // European Journal of Social Theory. 2004. Vol. 7. № 3. P. 391–404; Eisenstadt Sh. N. Breakdowns of modernization // William J.G. (ed.). The Dynamics of Modern Society. New York: Basic Books, 1964. P. 434–448; Eisenstadt Sh. N. Modernization: Protest and Change. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1966. P. 2.; Eisenstadt Sh. N. Breakdowns of modernization. P. 435; Huntington S.P. The change to change: modernization, development and politics // Black, Cyril E. (ed.). Comparative Modernization. New York: Free Press, 1976. P. 36; Gusfield J.R. Tradition and modernity: misplaced polarities in the study of social change // American Journal of Sociology, 72 (January 1966). P. 352; Tipps D.C. Modernization theory and the comparative study of Societies: a critical perspective // Black, Cyril E. (ed.). Comparative Modernization. New York: Free Press, 1976. P. 74; Huntington S.P. The change to change: modernization, development and politics // Black, Cyril E. (ed.). Comparative Modernization. New York: Free Press, 1976. P. 38.

адаптированных к реальным историческим, экономическим, социальным, ментальным и ценностным факторам, можно только приветствовать. Они, в принципе, не противоречат сегодняшним модернизационным парадигмам, оперирующим понятиями альтернативной модернизации, неомодернизации, постмодернизации и контрмодернизации.

Согласен и с разграничением понятий «институты» и «гражданская культура». С одной стороны, «истинная правда», что упование на институты и институциональные изменения как главное направление экономических и структурных реформ — это вчерашний день теории и, с очевидностью, весьма рискованная практика. О рисках и ожидаемых неудачах, как всегда, предупреждает значительная часть научного и экспертно-аналитического сообщества. А вот ставка на развитие гражданской культуры, особенно в направлении приближения к известной¹ *аналитической модели современной личности*, — этот подход имеет все шансы на успех. Особенно имея в виду динамизм совре-

¹ Аналитическая модель современной личности сформирована в современной западной социологии и имеет следующие качества:

- открытость к экспериментированию, инновациям и изменениям;
- готовность к плюрализму мнений и одобрение такого плюрализма;
- ориентация на современность и будущее, а не на прошлое;
- экономия времени, пунктуальность;
- убежденность в способности организовать жизнь так, чтобы преодолевать создаваемые ею препятствия;
- планирование будущих действий для достижения предполагаемых целей как в общественной, так и в личной жизни;
- вера в урегулированность и предсказуемость социальной жизни и возможность рассчитывать действия благодаря известным экономическим законам, торговым правилам и правительственной политике;
- чувство справедливости распределения — вознаграждение по возможности зависит от мастерства и вклада;
- высокая ценность формального образования; уважение достоинства других независимо от их статуса, объема власти и т. д.

Источник: См. Ермаханова С.А. Теория модернизации: история и современность // Актуальные проблемы социально-экономического развития: взгляд молодых ученых. Новосибирск, 2005. Разд. 2. — С. 233–247.

менной культуры, традиций и ценностей в современном информационном (цифровом) обществе.

И еще более прав академик Полтерович, когда говорит о том, что с точки зрения выбора приоритетов экономических реформ решающее значение приобретает стимулирование высоких темпов экономического роста, что, несомненно, приводит и к улучшению институтов.

Опора этого роста совершенно обоснованно видится в развитии теории и теоретизирования, очищенного от идеологической предвзятости и монополии на истину каких бы то ни было научных школ и, самое главное, в уважительном отношении к науке, умении ее слышать и выслушивать. В этом смысле необходимо честное и самое тесное партнерство власти и науки, не забывая о том, что наука в России всегда была и есть элитная и одна из самых уважаемых и влиятельных сил гражданского общества.

Необходим объективный и спокойный анализ собственного прошлого и настоящего опыта без нигилистического отрицания реальных достижений и успехов страны (а не только ошибок и неудач). Не менее важен опыт успешных стран, который нуждается в осмыслении, обобщении и адаптации в той части, которая может оказаться полезной и применимой для российских условий.

Более дискуссионным кажется оптимизм в отношении институтов догоняющего развития, в том числе корпоративистского государства. Но они вполне вписываются в общую теоретическую схему автора и вполне могут обсуждаться.

С чем хотелось бы поспорить. Все-таки сам тип догоняющего развития серьезно развенчан в зарубежной науке и прежде всего в социологии. У нас в обществовед-

ческой литературе этот опыт тоже достаточно критически освещен¹.

Считается, что опыт догоняющего развития не оправдал себя нигде. Именно на этом знании сформировалась зарубежная социологическая критика в конце XX — начале XXI века, о которой сказано выше. В отношении дальневосточного и юго-восточного опыта можно сделать дополнительно и еще ряд замечаний. Японский опыт является весьма специфическим. Япония к началу XX века сформировалась как страна со специфической моделью азиатского лидерского капитализма, с многовековой высокоразвитой восточной культурой, со своеобразной политической культурой и институтами, высокоразвитым образованием, развитой промышленностью, соответствующей социальной структурой, собственным ОПК. Переняв в свое время технологический и управленческий опыт западных стран, она сформировала свой уклад, весьма далекий от модели «вторичной модернизации». После поражения во Второй мировой войне, в условиях оккупационного режима, страна вступила в фазу ремодернизации, и можно было ожидать, что она пойдет по классическим рецептам догоняющего развития. Но Япония выбрала иной путь: она пошла по пути «модернизации на основе собственной идентичности» (термин В.Г. Федотовой) и сформировала вполне себе национальную модель японского «общинного капитализма». Отметим далее, что страны

¹ См., например, Бодрунов С.Д. Очередная реинкарнация идеи модернизации России: выбор модели // Экон. стратегии. 2011. № 3. С. 24–31; Глазьев С. Какая модернизация нужна России? // Экономист. 2010. № 8. С. 3–17; Глазьев С.Ю. Уроки очередной российской революции: крах либеральной утопии и шанс на «экономическое чудо». М.: Экономическая газета, 2011. — 575 с. (Русская классическая библиотека «Экономика и духовность»); Ермаханова С.А. Теория модернизации: история и современность. Источник: URL: www.econom.nsc.ru/ieie/SMU/conference/articles/Ермаханова.do; Масловский М.В. Современные теории модерна и модернизации // Социологический журнал. 2008. № 2. С. 39–43.

«догоняющего развития» в большинстве случаев были хоть и периферией, но все-таки колониальной периферией западного капитализма. Здесь институциональная модернизация происходила несколько иначе. В азиатских колониях европейских стран элиты получали образование в метрополиях, соответствующий опыт управления в колониальных администрациях, их институты во многом отражали соответствующий институциональный опыт стран-метрополий. Поэтому, хотя в конечном итоге формируются национальные модели капитализма, они несут на себе вполне отчетливую наследственную стилистику экономической и управленческой культуры — англосаксонской, французской, голландской.

И наконец, о главных неудачниках догоняющего развития. Это конечно, Россия. Романовская модернизация завела страну в исторические тупики, окончившиеся крахом монархии и имперской государственности. Социалистическая модернизация, проводившаяся в Советском Союзе, не была, в сущности, разновидностью модели догоняющей модернизации, но имела с нею ряд общих черт. Успехи социалистической экономики были несомненны. Но в конечном итоге она не смогла ответить на вызовы научно-технической революции, управленческой революции, информационной революции, глобализации, не смогла выдержать нагрузок оборонных расходов и холодной войны, и привела к краху советской государственности. За 25 лет догоняющего развития новой России мы пока тоже не наблюдаем успехов этой модели.

Поэтому для решения «промежуточных, текущих» задач мы, конечно, можем искать промежуточные приемлемые решения. Но принципиальных результатов нельзя ожидать без серьезной научной и экономико-политической ревизии всех сторон российской модели догоняющей модернизации.

«ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ» ЭКОНОМИКА И РЕАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

«THEORETICAL» ECONOMICS AND THE ACTUAL PRACTICE

А.И. МУЗЫКАНТСКИЙ

Член Правления ВЭО России, заместитель секретаря Общественной палаты РФ, заведующий кафедрой информационного обеспечения внешней политики факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова, к. т. н., профессор

A.I. MUZYKANTSKIY

Member of the Board of the VEO of Russia, Assistant Secretary of the Civic Chamber of the Russian Federation, Head of the foreign affairs communication subdepartment of the School of world politics, Lomonosov Moscow State University, Ph.D. in Engineering Science, professor

АННОТАЦИЯ

Обращается внимание на то, что появившиеся в последнее время различные программы реформы российской экономики не уделяют внимания реформированию среды, лежащей за пределами непосредственно экономических отношений. Приводятся примеры, показывающие, что современная российская законодательная и правоприменительная практика способствует падению уровня доверия граждан к органам власти, делая невозможным успешную реализацию какой-либо из программ экономических реформ. Делается вывод о необходимости разработки одновременно с программами экономических реформ программы реформирования системы государствен-

ного управления, программы повышения уровня доверия к власти и проводимой ею политике.

ABSTRACT

The attention is drawn to the fact that recently emerged various programs of reform of Russian economy do not pay attention to the reforming of the environment outside economic affairs. Examples illustrate that modern Russian legislation and law enforcement practice work towards the fall of the level of citizens' credibility for authorities making any successful program implementation impossible. It is concluded that.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Программы реформы российской экономики, реформирование среды, государственное управление.

KEY WORDS

Programs of reform of Russian economy, reforming of the environment, public administration.

В последнее время в публичном пространстве появилось большое количество программ реформирования российской экономики. Причина их появления вполне понятна: рецессия последних лет в российской экономике последовала вслед за резким снижением темпов роста экономики, которая имела место начиная со второго полугодия 2013 года, т.е. еще до присоединения Крыма, конфликта на юго-востоке Украины, введения санкций против России и до резкого падения мировых цен на нефть. Другими словами, указанное снижение темпов роста экономики с последующим переходом в рецессию имеет свои фундаментальные причины в самой российской экономике. Об этом же говорил и Президент РФ в своем Послании Федеральному Собранию в декабре 2016 года: *«Главные причины торможения экономики кроются прежде всего в наших внутренних про-*

блемах. Это дефицит инвестиционных ресурсов, современных технологий, профессиональных кадров, недостаточное развитие конкуренции, изъяны делового климата».

В этом же послании Президент РФ дал специальное поручение: *«Поручаю правительству с участием ведущих деловых объединений не позднее мая будущего года разработать предметный план действий, рассчитанный до 2025 года, реализация которого позволит уже на рубеже 2019–2020 годов выйти на темпы экономического роста выше мировых, а значит, наращивать позиции России в глобальной экономике».* Это поручение среди прочих включено в перечень поручений Президента по итогам Послания Федеральному Собранию от 05.12.2016 (подп. «б» пункта 1). По решению, принятому на совещании у Медведева 12.12.2016, проект указанного плана поручено подготовить Минэкономразвития. Однако весь ход работы над выполнением этого поручения показал, что правительство подобный план разработать не в состоянии.

На этом фоне и появилось множество программ стратегического развития экономики. Назовем лишь некоторые из них. Программу Центра стратегического развития изложил на Гайдаровском форуме А. Кудрин. Со своей программой выступил С. Глазьев. Свою программу представил Столыпинский клуб (председатель правления Б. Титов). Еще одну программу предложила Комиссия Совета Федерации по мониторингу экономического развития (председатель комиссии С. Калашников).

Многие из этих программ докладывались и обсуждались на заседаниях и семинарах Вольного экономического общества России. Они отражают различные подходы к решению возникших проблем (зачастую прямо противоположные).

Однако в задачу настоящей публикации не входит их подробный разбор. Задача совершенно другая — обратить внимание на то общее, что их объединяет. А этим общим является то, что указанные программы и многие другие содержат лишь соображения «чистой экономики», оставляя в стороне общую систему государственного управления, правовую ситуацию в стране, систему подготовки, набора и выдвижения кадров и другие соображения, выходящие за пределы «чистой», «теоретической» экономики.

А можно ли без решения этих вопросов провести эффективную реформу экономики?

Приведем еще одну цитату из Послания Президента Федеральному Собранию от декабря 2015 года: *«За 2014 год следственными органами возбуждено почти 200 тысяч уголовных дел по так называемым экономическим составам. До суда дошли 46 тысяч из 200 тысяч, еще 15 тысяч дел развалилось в суде. Получается, если посчитать, что приговором закончились лишь 15 процентов дел. При этом абсолютное большинство, около 80 процентов, 83 процента предпринимателей, на которых были заведены уголовные дела, полностью или частично потеряли бизнес. То есть их попрессовали, обобрали и отпустили. И это, конечно, не то, что нам нужно с точки зрения делового климата. Это прямое разрушение делового климата. Я прошу следственные органы и прокуратуру обратить на это особое внимание».*

Я специально поинтересовался в аппарате Уполномоченного по защите прав предпринимателей, как изменилась ситуация за 2016 год. Ответ просто обескураживает: а ничего не изменилось. Те же 200 000 уголовных дел по экономическим составам, те же 15% из них закончились обвинительными приговорами. И те же 80% предпринимателей, потерявших

свой бизнес за время следствия: тех самых, которых *попрессовали, обобрали и отпустили*.

Возникает естественный вопрос: можно ли рассчитывать на успешную реализацию какой-либо из упомянутых выше программ (либо любых других экономических программ), если правоприменительная практика в стране устроена таким образом, что ежегодно возбуждается по 200 тыс. уголовных дел против предпринимателей и при этом приговором из них заканчивается лишь 15% , а у 150 тыс. из них в ходе следствия отнимается бизнес? Ответ очевиден.

Еще один пример, на этот раз из нашей законодательной практики. Летом 2015 года был принят Федеральный закон № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости». Это один из важнейших законов, регулирующих экономическую жизнь государства. Он содержит требования к ведению Единого государственного реестра недвижимости (прав), (ЕГРН) запись в котором является единственным юридическим актом признания и подтверждения наличия собственности у субъекта права. Ясно, что статус института ЕГРН(П) необходимо всемерно повышать. Именно его высокий статус является гарантом стабильности экономических отношений.

Однако судебная практика содержит тысячи судебных решений, которыми собственность у граждан изымается. Уже одно то, что в 100 процентах случаев у граждан изымается недвижимость, права на которую были официально зарегистрированы в Едином государственном реестре прав, говорит о том, что сам институт государственной регистрации права нуждается в существенном укреплении. Указания на этот счет были даны Президентом РФ в его выступлении на пленарном заседании Общественной палаты РФ в июне

2015 года. Но все дело в том, что новый Федеральный закон № 218-ФЗ, принятый в июле 2015 года, вовсе не служит повышению статуса института государственной регистрации права. Закон содержит десятки положений, которые откровенно работают на понижение статуса этого института. Об этом в процессе обсуждения законопроекта говорили многие депутаты, члены Общественной палаты. И тем не менее закон был поспешно принят. И это привело к необходимости его столь же поспешно корректировать: за год после принятия в него было внесено более 100 поправок (из них только одна работает на повышение статуса института государственной регистрации права). И еще многие поправки уже готовятся. Но и это еще не все. С вступлением в силу Федерального закона № 218-ФЗ утрачивает силу принятый в 1997 году Закон № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним». Так вот, за период с момента принятия этого закона и до 2016 года Государственная дума приняла 97 (девяносто семь!) законов, которые внесли в закон от 1997 года несколько сотен поправок.

И опять возникает вопрос: можно ли рассчитывать на успешную реализацию какой-либо из упомянутых выше программ (либо любой другой экономической программы), если законодательная практика в стране устроена таким образом, что в основополагающий закон, регулирующий экономическую жизнь государства, обеспечивающий гарантии стабильности прав собственности, поправки в течение 20 лет (с 1997 по 2017 год) вносятся со средней скоростью несколько штук в месяц? Ответ опять же очевиден.

Еще один вопрос требует обсуждения. В своем докладе на Абалкинских чтениях в апреле 2017 года профессор В.М. Пол-

терович подробно остановился на проблеме доверия. Особенно на проблеме доверия граждан к институтам и доверии институтов друг к другу. Проблема рассматривается им во многих аспектах и на примере разных стран. При этом общий вывод достаточно очевиден. «Чем выше уровень доверия, тем меньше издержки взаимодействия, тем выше уровень кооперации. Уровень доверия положительно коррелирован с качеством финансовой системы, с инвестиционной активностью. Это очень важный культурный показатель».

А какова позиция российских властных институтов в вопросах повышения уровня доверия? Выше уже говорилось об институте государственной регистрации права. Казалось бы, наличие государственной регистрации прав на недвижимость должно быть определяющим в судебных спорах по искам об изъятии недвижимости. Ведь гражданин, совершая сделку, ознакомился с наличием зарегистрированных прав у продавца. Другими словами, государство в лице органа государственной регистрации, проведя все необходимые юридические проверки, признает и подтверждает наличие у продавца прав собственности.

Однако это далеко не так. В Обзоре судебной практики от 01.10.2014 ВС РФ разъясняет: *«Разрешая вопрос о добросовестности приобретателя, суды учитывают не только наличие записи в ЕГРП о праве собственности отчуждателя имущества, но и какие меры принимались им для выяснения прав лица, отчуждающего это имущество»*. И далее: *«Суды исходят из того, что о добросовестности приобретателя может, в частности, свидетельствовать ознакомление его со всеми правоустанавливающими документами на недвижимость, выяснение оснований возникновения у продавца права собственности»*.

Получается, что ВС РФ требует, чтобы покупатель, не доверяя государственному регистратору, еще раз проверил то, что уже должно было быть проверено государственным органом при государственной регистрации права собственности отчуждателя недвижимости.

В соответствии с действующим законодательством решение о выбытии имущества из государственной (муниципальной) собственности могут принимать и принимают не только уполномоченные органы, отвечающие за жилищную политику. Подобные решения могут принимать и другие государственные органы, имеющие полномочия по распоряжению имуществом, и суды. Подобные решения могут быть также следствием нотариальных актов.

При этом ВС РФ по-прежнему исходит из того, что факт принятия судебного решения (впоследствии отмененного), на основании которого имущество выбыло из государственной (муниципальной) собственности, не влияет на необходимость и возможность истребования имущества от добросовестного приобретателя. Другими словами, наличие права собственности любого гражданина, возникшего на основании судебного акта, должно вызывать у любого другого гражданина, не имевшего никакого отношения к данному судебному разбирательству, сомнение и подозрение, так как соответствующий судебный акт может быть впоследствии отменен с самыми печальными последствиями для последнего приобретателя имущества. Ведь ВС РФ в своих разъяснениях нигде не указывает на то, что речь идет о судебных решениях, уже **отмененных к моменту совершения оспариваемой сделки**. В этом случае еще можно требовать от покупателя уровня осмотрительности, включающего проверку статуса судебного решения на момент совершения

сделки. Однако ВС РФ использует формулу «впоследствии отмененные судебные решения», а суды распространяют действие этого «термина» на судебные решения, отмененные уже **после совершения оспариваемой сделки**. Каким же уровнем осмотрительности нужно обладать, чтобы предусмотреть такое развитие событий!

Типичный пример подобного подхода — ситуация в микрорайоне Щербинка (г. Москва), «где не смогли проявить достаточный уровень осмотрительности» и лишились жилья несколько сотен москвичей.

Таким образом, покупка жилого помещения, право собственности на которое продавец или один из предыдущих владельцев получил на основании судебного акта, является чрезвычайно рискованной операцией. Покупка такого имущества — прямая и непосредственная угроза лишиться своей собственности и оказаться на улице.

Также у потенциального покупателя должны вызывать опасения жилые помещения, право собственности на которые продавец или один из предыдущих владельцев получил по наследству. Через некоторое время может выясниться, что такое жилое помещение является выморочным имуществом, а документы, выданные нотариусом или судом, являются недействительными.

Фактически ВС РФ призывает граждан заранее сомневаться в документах, выданных как нотариусами, так и судами, т.е. не доверять этим государственным институтам. Кроме того, ВС РФ призывает граждан не доверять государственным органам, осуществляющим государственную регистрацию права собственности. Такая позиция сама по себе подрывает авторитет государства в глазах граждан, но когда она исходит от высшего судебного органа стра-

ны, ее разрушительное влияние усиливается многократно. Если уж Верховный суд РФ призывает граждан не доверять органам власти, то что остается в такой ситуации делать гражданам?

Подобные примеры можно продолжать. Можно еще сказать про высокий уровень коррупции и низкий уровень госуправления. Ясно, что подобная ситуация делает весьма проблематичной надежду на реализацию каких-либо программ экономического реформирования. Это означает, что параллельно с подобными программами, должны разрабатываться и реализовываться программы реформирования системы государственного управления, программы повышения уровня доверия к власти и проводимой ею политике.

Конечно, это не означает, что подобные программы должны разрабатывать ученые-экономисты. Для их разработки нужны специалисты других специальностей, но нужно совершенно ясно понимать, что без решения этих вопросов никакие программы «теоретической экономики» не будут иметь никакого шанса на успешную реализацию, будучи погруженными в реальную ситуацию сегодняшнего дня.

Напрашивается весьма показательная аналогия. Допустим, специалистами высокой квалификации разработана на самом высоком уровне технология по выпуску современной микроэлектроники. Однако специалисты по подготовке производственной среды в этом проекте не участвовали. В результате при реализации проекта содержание посторонних примесей в производственном помещении составило не 1–2 атома на кубометр, как следовало бы, а как обычно — несколько миллионов. Ну и какой процент брака будет на подобном производстве?

Участники Абалкинских чтений на тему «Институты развития и гражданская культура», медиацентр «Российской газеты»

ФЕСТИВАЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

ЭКОНОМИКА = ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ

Фестиваль экономической науки – всероссийский проект Вольного экономического общества России, который призван развить интерес к экономической науке и способствовать самореализации молодых экономистов-практиков.

В 2017 году всероссийский проект включает в себя несколько этапов. Одним из ключевых мероприятий Фестиваля экономической науки является XX Юбилейный Всероссийский конкурс научных работ молодежи «Экономический рост России».

Призы победителям Фестиваля будут вручены 11 ноября 2017 года, в профессиональный праздник – День экономиста в торжественной обстановке на Всероссийском экономическом собрании в Колонном зале Дома Союзов.

Информация о проведении Фестиваля и его результатах размещается на страничке в facebook ВЭО России, на сайте ВЭО России, странице Всероссийского экономического собрания, странице Фестиваля, в сети Интернет, в средствах массовой информации.

Слоган Фестиваля экономической науки

Голосование по выбору слогана Фестиваля экономической науки завершено. Пользователям социальных сетей было предложено выбрать один из предложенных ВЭО России вариантов или прислать свой. В результате открытого голосования первое место занимает слоган «Экономика = здравый смысл!»

III ЯЛТИНСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

МАТЕРИАЛЫ СЕКЦИИ ВЭО РОССИИ НА ТЕМУ «УСТОЙЧИВОСТЬ ЭКОНОМИКИ: ПРИНЦИПИАЛЬНОЕ ТРЕБОВАНИЕ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ»

В рамках программы III Ялтинского международного экономического форума Вольное экономическое общество России провело 20 апреля 2017 года в Ливадийском дворце секцию на тему «Устойчивость экономики: принципиальное требование новой экономической модели».

Модератор секции — Аксаков Анатолий Геннадьевич, член Правления ВЭО России, председатель Комитета Государственной Думы по финансовому рынку, президент Ассоциации региональных банков России, к. э. н., доцент.

ИНВЕСТИЦИОННЫЙ ИМПУЛЬС ДЛЯ КРЫМА

THE INVESTMENT IMPETUS FOR CRIMEA

С.Ю. ГЛАЗЬЕВ

Вице-президент ВЭО России, советник
Президента Российской Федерации, академик
РАН, академик РАЕН, д. э. н., профессор

S.YU. GLAZ'EV

Vice-president of the VEO of Russia, advisor
to the President of the Russian Federation,
Academician of the Russian Academy of
Sciences, Academician of the Russian Academy
of Natural Sciences, Dr. Sc. Econ., Professor

АННОТАЦИЯ

Автор рассуждает в статье о стратегии развития Крыма. В ней определены отрасли развития, которые являются достаточно капиталоемкими. В связи с этим функцию института развития должно взять на себя государство. Без создания институтов развития, которые бы опирались на целевую кредитную эмиссию со стороны Центрального банка, по мнению автора, никаких задач ни в части модернизации крымской экономики, ни по подъему экономики в масштабе всей России объективно не решить.

ABSTRACT

The author in his article talks about Crimea development strategy. It defines capital intensive enough development branches. Hence the development institution task must be taken upon the government. In author's opinion none of Crimea economy modernization problems could be solved without creating development institutes based on dedicated

credit emission on the part of Central Bank neither do nationwide economic recovery problems.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Стратегия, развитие, эмиссия, Центральный банк, государство, инвестиции, кредиты, Крымская корпорация развития.

KEY WORDS

Strategy, development, emission, Central Bank, government, invests, facilities, Crimean development corporation.

Хотя наши друзья из Италии будут, конечно, стремиться к тому, чтобы их европейские коллеги по возможности вернулись к здравому смыслу во взаимоотношениях с Россией, до тех пор пока Украина оккупирована американскими «аудиторами», трудно рассчитывать на то, что санкции будут сняты. Это безусловный минус.

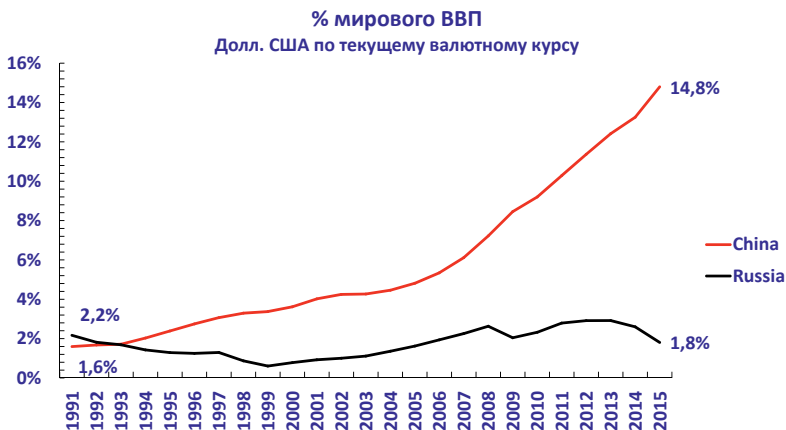
Но есть и плюсы. Во-первых, наступает лето, сезон увеличения спроса и возможностей для работы в Крыму. Люди, учитывая уникальные природно-рекреационные особенности полуострова, будут тянуться в Крым, но не только отдыхать, но и вкладываться в развитие крымской экономики. Однако одной констатации естественной привлекательности Крыма мало, нужно уметь распорядиться этим конкурентным преимуществом, освоить его. Но осваивать его, просто правильно задавая приоритеты, недостаточно. Сегодня была представлена стратегия развития Крыма, определены очевидные конкурентные преимущества крымской экономики. Я не буду сейчас о них подробно говорить, отмечу лишь, что стратегические отрасли развития являются очень капиталоемкими. Возьмите локомотив — курортно-рекреационный комплекс, здравоохранение. Вряд ли мож-

но за несколько лет окупить инвестиции в эту сферу, это десять — пятнадцать лет, плюс модернизация инфраструктуры. И ясно, что крымчане не имеют такого количества сбережений для того, чтобы профинансировать модернизацию не только здравоохранения, но даже сельского хозяйства. Я думаю, если бы не было механизма льготирования в сельском хозяйстве и механизма возврата части средств, которые фирмы тратят на инвестиции, то и не было бы подъема сельского хозяйства. Если мы не добьемся того, чтобы появились долгосрочные кредиты в развитие крымской экономики, то эти приоритетные направления сами по себе реализованы не будут.

В отношении тех сюжетов, о которых Анатоли (Аксаков. — *ред.*) сказал. Центральный банк таргетирует инфляцию, ее уровень в России теперь такой, как в Китае. Но посмотрите на слайд, демонстрирующий сопоставление темпов роста российской и китайской экономик (рис. 1).

Красной линией изображена доля китайской экономики в мире: она выросла в разы. А доля России уменьшилась, и если мы в начале реформ опережали Китай по объемам производства, то сегодня мы десятикратно меньше производим. Причины связаны с инвестициями, у них есть инвестиции, у нас их нет. На тот ориентир в 27% нормы накопления к 2018 году, который Президент ставил, мы должны были выйти уже сейчас. В Китае норма накопления составляет 45%, и нет ни одного примера экономического чуда, где бы норма накопления была ниже 30%. В России она не растет, хотя все поручения по этому поводу были даны. Почему этого не происходит? Потому что мы имеем дело с примитивизированной денежной политикой. Классик теории денег, нобелевский лауреат Тобин, говорил, что главной целью денежной поли-

Изменение доли России и Китая в мировом ВВП, 1991-2015 гг.

Источник: J.Ross, Chongyang Institute for Financial Studies

Рис. 1

тики и вообще работы Центрального банка должно быть создание условий для максимизации инвестиций. Вслушайтесь: рост инвестиций как макрозадача денежных властей. Можно побороть инфляцию и в первобытном обществе, но от этого инвестиции сами по себе не появятся, для этого нужны механизмы их создания, создания источников финансирования.

Как в других странах эти механизмы создавали? Перед периодами экономического всплеска (называемыми нами «экономическим чудом») все известные нам сегодня успешные государства были нищими. Они не располагали пенсионными сбережениями, накоплениями на сберкнижках. Поэтому функцию института развития у них на себя брало

государство. Государство само создавало внутренний кредит за счет целевой кредитной эмиссии, других источников. Без создания институтов развития, которые бы опирались на целевую кредитную эмиссию со стороны Центрального банка, мы никаких задач ни в части модернизации крымской экономики, ни по подъему экономики в масштабе всей России решить объективно не сможем.

Мне говорят: вот, вы предлагаете печатать деньги. Вынужден повторить в сотый раз: я предлагаю наращивать инвестиции с помощью целого арсенала инструментов, которые имеются в распоряжении денежных властей. По мере того как у нас идет борьба с инфляцией, инвестиции сокращаются, хотя по логике денежных властей они должны были бы расти. Они же считают, что чем ниже инфляция, тем больше стабильности и, соответственно, должно быть больше инвестиций. Но если нет сбережений, если у нас население превратилось уже больше в должника, чем в кредитора, из-за потребительских кредитов, откуда возьмутся сбережения, необходимые для того, чтобы увеличить объем инвестиций в полтора раза, как предписывалось одним из указов главы государства от 7 мая 2012 года?

В том же Китае именно Центральный банк создавал кредитные ресурсы для стимулирования бизнеса и подъема китайской экономики. Механизм был утроен так: Центральный банк создает кредиты, они через государственные коммерческие банки под приоритеты, под индикативные стратегические планы, под обязательства по росту производства идут на финансирование инвестиций в производственную сферу. По мере того как этот механизм работает, экономика растет, появляются частные сбережения, растут доходы населения, и значение централизованной кредитной эмиссии сокращается.

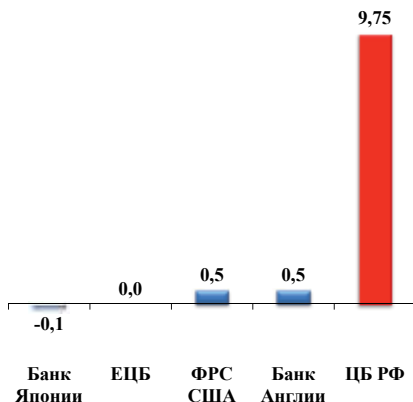
Или как устроено денежное предложение в США. Американцы увеличили количество денег в три раза за последние восемь лет. Откуда они взялись? Их создала Федеральная резервная система под облигации американского правительства. Мы сегодня являемся кредиторами Соединенных Штатов, покупая их облигации. Но перед тем, как мы их купим, американцы сначала пропускают денежную эмиссию через бюджет на покрытие его долга, а затем половина вновь напечатанных под долговые обязательства правительства США долларов растекается по миру. И такие сверхбогатые страны, как мы, покупаем эти облигации, кредитую американцев дважды: один раз — используя доллары, а второй раз — покупая облигации казначейства.

Вы видите (рис. 2), мы проводим экзотическую по современным меркам политику, характеризующую предельно жестким денежно-кредитным регулированием, в то время как условия доступа к деньгам в других странах мира смягчаются, не повышается ключевая ставка, а, напротив, снижается.

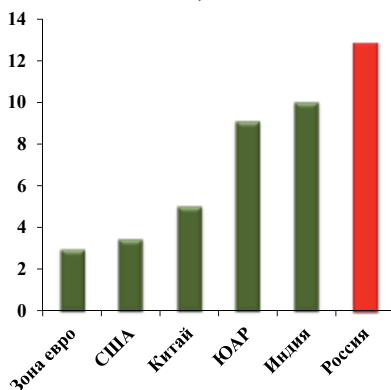
Кроме нас, разве что Украина. Все другие страны проводят денежную политику в той мере, в какой это необходимо для финансирования инвестиций, для преодоления структурного кризиса, роста нового технологического уклада, модернизации. И процентные ставки колеблются длительное время около нуля, а Европейский центральный банк даже под отрицательные процентные ставки выдает кредиты на финансирование производственных инвестиций.

Деньги мы печатаем, только проблема в том, что мы печатаем только под краткосрочные цели. Есть, конечно, привилегированные структуры, которые получают денежную эмиссию под 0,5–2% годовых, но в целом Центральный банк последние три года больше изымает денег, чем выдает. Вот вам представ-

**Ключевые ставки
центральных банков, %**

**Процентные ставки банков
по кредитам нефинансовому
сектору (сроком до 1 года/1
год), %**

Источник: центральные банки соответствующих стран

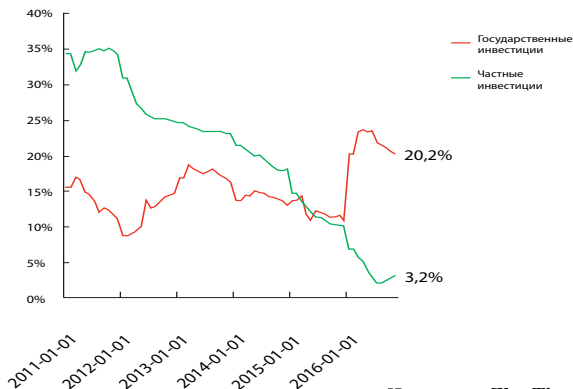
Рис. 2

лена схема, как у нас устроена денежная эмиссия, в основном это краткосрочное рефинансирование от коммерческих банков под потребности в ликвидности на два, три дня.

Все другие страны стремятся создавать длинные деньги. Та же американская эмиссия идет сегодня под пяти-, десятилетние облигации, Трамп, кстати, сказал, что неплохо бы и столетние выпустить. Во всех без исключения странах, сталкивающихся с падением экономической активности, инвестиционный импульс обеспечивает государство. В Китае случился всплеск государственных инвестиций, когда они столкнулись с замедлением экономического роста (рис. 3), в Индии главным локомотивом являются именно государственные инвестиции (рис. 4). И у нас нет других

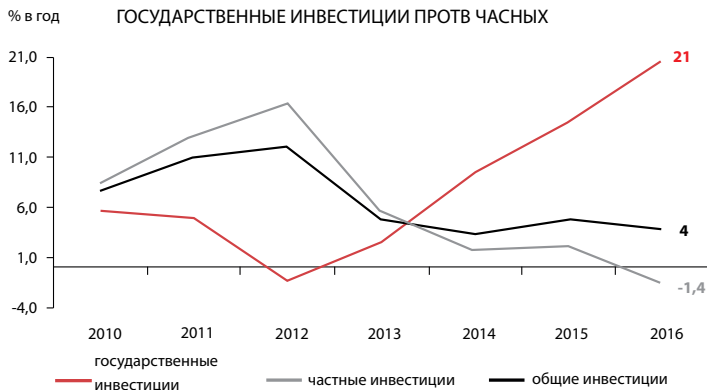
Государственные и частные инвестиции в Китае (2011-2016 гг.)

Источник: Zhu Tian по данным CEIBS и Национального бюро статистики Китая, 2016

Рис. 3

Государственные и частные инвестиций в Индии (2010-2016 гг.)

Источник: Zhu Tian

Рис. 4

способов добиться роста инвестиций, кроме как организовать целевую кредитную эмиссию.

Вместо этого наш Центральный банк изъял 6 триллионов рублей из экономики за последние три года. В ближайшие три года (исходя из Основных направлений единой государственной денежно-кредитной политики) эта политика будет продолжена. Главным механизмом работы денежных властей станет стерилизация излишних денег. То есть будут выпускаться облигации для того, чтобы коммерческие банки могли пристроить свои деньги под 2–3%, ничем не рискуя.

Для того чтобы уйти от такой роли финансового донора, а стать, наоборот, государством развития, нам нужно сочетать те приоритеты, о которых сегодня говорилось на форуме. У нас определена не только Стратегия развития экономики Крыма, большинство регионов имеет стратегии развития, почти по всем отраслям определены стратегии развития, но нет инструментов их финансирования. Поэтому эти стратегии развития так и остаются на бумаге, а мы продолжаем жить в интересах международной конъюнктуры и от нее зависеть. Значит, нам нужно сочетать механизмы централизованного регионального индикативного и стратегического планирования с механизмами гибкого кредита.

Нам не хватает сегодня примерно 10 трлн для обеспечения простого воспроизводства экономики. Эти деньги были изъяты за последние три года частично иностранными кредиторами, частично нашими же денежными властями. Но эти 10 трлн нужно вливать не через ключевую ставку на рефинансирование по операциям РЕПО, а под индикативные планы в рамках механизма государственно-частного партнерства. Последнее предполагает совместное опреде-

ление задач государством и бизнесом. Они договариваются о проектах, под эти проекты оформляются специвестконтракты, о которых говорил Президент в своем послании Федеральному Собранию. Эти контракты имеют статус региональных законов, соответственно, бизнес берет на себя обязательство наращивать производство, создавать рабочие места, модернизировать экономику, а государство создает соответствующие благоприятные условия. Такие специвестконтракты должны не только подкрепляться местными льготами по налогам, но и централизованными кредитными ресурсами, поэтому без создания мощного института развития, который работал бы в Крыму в качестве канала притока денег для финансирования инвестиционных проектов, та же самая Стратегия развития Крыма, которая сегодня обсуждалась, едва ли окажется эффективной.

В Крыму достаточно активов для того, чтобы принять довольно большой объем кредитных ресурсов. Огромную ценность представляют земельные участки, уникальные объекты здравоохранения, курортно-рекреационного комплекса, промышленности. Но для того, чтобы эти объекты могли принять кредиты, должны быть соответствующим образом оформлены имущественные права. И вот здесь, мне кажется, мы довольно длительное время топчемся на месте, проявляем некоторую робость в решении задачи прояснения имущественных прав. Пока мы не проясним имущественные права и не сделаем экономику прозрачной, даже при помощи централизованных кредитов добиться их эффективного использования будет сложно.

Мне кажется, этот переходный период уже подходит к концу, и нам надо попытаться до конца года все-таки имущественные права на земельные участки, по которым идет

перерегистрация в соответствии с российским законодательством, утрясти. Для этого, безусловно, нужна определенная воля, но если мы говорим об имущественных правах, которые в явном виде предъявлены собственниками, они должны быть автоматически оформлены после соответствующих проверок и как можно быстрее. Я вообще был сторонником того, чтобы мы автоматически имущественные права, которые были в украинской юрисдикции, просто перерегистрировали в российскую. Но есть проблема, что на Украине сегодня нет легитимной власти, и в течение этих трех лет появилось огромное количество мошеннических процедур, когда «черные» нотариусы выписывают задним числом документы, и теперь уже никто не понимает, кто же является собственником многих объектов. Если переходный период заканчивается, мы должны всем собственникам сказать: либо они должны в явочном порядке сюда прийти и зарегистрироваться, либо это имущество по нашему законодательству будет лишено хозяина. Здесь необходимо установить какие-то сроки. Ведь, с одной стороны, много земли не обрабатывается, потому что собственники испарились (хотя сельское хозяйство на подъеме). В то же время есть работающие предприятия, но кому они принадлежат, кто является их конечными бенефициарами, неизвестно? Предприятие работает, у него имеются определенные обязательства перед обществом не только по уплате налогов, но и соблюдению экологии и т.д. Собственник существует виртуально — он вроде бы есть, но реально мы его не видим.

Соответственно, те предприятия, права собственности на которые не будут явно подтверждены, не будут выведены из офшоров, не придут в крымскую юрисдикцию как конечные бенефициары, должны, по моему мнению, уйти

под управление Крымской корпорации развития. А дальше, если собственник появится, Крымская корпорация развития будет уже с ним договариваться, оформлять имущественные отношения и т.д. Но терпеть, когда те или иные объекты являются источником доходов для людей, находящихся за рубежом, через офшорные зоны уходят от налогов, а на крымской территории оставляют загрязненную атмосферу и природу, я думаю, не нужно. Тем более что речь идет о промышленных объектах, остро нуждающихся в модернизации. Их нужно настроить на новый технологический лад, оснастить дорогостоящими очистными сооружениями, при этом собственники должны в явном виде присутствовать.

Если мы добьемся решения этих задач до конца этого года, тогда можно быть уверенными, что режим финансирования инвестиций за счет федеральной целевой программы плавно перетечет в режим финансирования за счет кредитов, где ключевую роль должна играть Крымская корпорация развития. Она должна быть федеральной по своему смыслу, то есть работать на основе федеральных кредитных ресурсов, а для этого корпорация должна выпустить облигации под 2–3 % годовых. Центральный банк может эти облигации купить, как в США ФРС покупает облигации правительства, а дальше коммерческие банки на рынке с этими облигациями работают. Точно так же Корпорация развития Крыма может продать облигации Центральному банку, если нет других возможностей. По субъективным причинам наши банкиры, которые боятся персональных западных санкций, не пускают государственные деньги в Крым. Это тоже проблема, которую нужно решать, если государственный Сберегательный банк отказывается в Крыму кредитовать проекты, а Украину кредитует. Я уверен, что это происходит не потому, что есть

большой риск потери активов из-за кредитования проектов в Крыму. Есть ощущение, что граждане, которые руководят этими банками, боятся персонально попасть под санкции, потому что им интереснее сидеть в советах директоров зарубежных инвестиционно-финансовых групп. Но, в конце концов, если государственный банк по каким-то причинам отказывается работать в Крыму, несмотря на приоритетность региона для всей нашей экономики, тогда пусть выкупит облигации Корпорации развития Крыма. Это позволит в личном качестве там не присутствовать, но его кредитные ресурсы будут в Крыму работать.

Мне кажется, все управленцы, имеющие отношение к модернизации и развитию экономики Крыма, должны начинать каждый рабочий день с ответа на вопрос, что ты сделал для Крыма, для подъема крымской экономики.

УСТОЙЧИВОСТЬ ЭКОНОМИКИ: ПРИНЦИПИАЛЬНОЕ ТРЕБОВАНИЕ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

ECONOMIC RESILIENCE: ESSENTIAL DEMAND OF THE NEW ECONOMIC MODEL

С.В. КАЛАШНИКОВ

Член Президиума ВЭО России, первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по экономической политике, председатель временной комиссии Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по мониторингу экономического развития, д. э. н., профессор

S.V. KALASHNIKOV

Member of the Presidium of the VEO of Russia, First Deputy Chairman for Economic Policy at the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Chairman of the Federation Council's Interim Commission for Economic Development Monitoring, Dr. Sc. Econ., Professor

АННОТАЦИЯ

Автор статьи рассматривает перспективы устойчивого экономического развития территории Крыма, акцентируя внимание на преимуществах региона и его потенциале как ведущей санаторно-курортной базы России. Автор подчеркивает, что для дальнейшего развития Республи-

ки Крым необходимы частно-государственное партнерство и прямые государственные инвестиции, без которых невозможно преодолеть технологическое отставание региона.

ABSTRACT

The author of the article examines the perspectives of Crimea territory sustainable economic growth, putting an emphasis on region's advantages and its capacity as a leading Russian sanatorium-and-health-resort. The author underlines that for the further development of the Republic of Crimea there is a need for public-private partnership and direct public investments, without which there will be impossible to overcome technological inferiority of the region.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Конкурентоспособность, «устойчивое развитие экономики», инвестиции, частно-государственное партнерство, прямые государственные инвестиции, технологическое отставание.

KEY WORDS

Competitive ability, "sustainable economic growth", public-private partnership and direct public investments, technological inferiority.

Я должен сказать, что для всех экономических моделей и задач есть один критерий — это конкурентоспособность экономики страны. Если мы будем следовать определенным принципам — кого-то догнать, быть такими, как кто-то... А вот когда мы ставим задачу обеспечить конкурентоспособность, то у нас сразу возникают два вопроса, что нам мешает быть конкурентными и за счет чего, за счет каких преимуществ мы можем эту конкурентность обеспечить. И я бы хотел вернуться к теме нашего сегодняшнего заседания — это устойчивое развитие экономики.

Термин «устойчивое развитие экономики» имеет два понимания. Это как бы сделать так, чтобы экономика того или иного субъекта развивалась без потрясений и развивалась при этом. Но вообще-то с 1972 года в экономической мысли это понятие существует именно как экологическая экономика, то есть экономика, направленная на устойчивость развития не собственно экономики, а общества как такового, как перспектива, чтобы человечество выжило.

И вы знаете, мне кажется, с тех времен, когда в 1972 году ООН образовало соответствующую миссию по устойчивому экономическому развитию, с тех пор этот термин в этой ипостаси, с одной стороны, немножко устарел, а с другой стороны, полностью слился с термином, а что такое вообще экономическое развитие. По одной простой причине: на самом деле термин «устойчивая экономика» был предшественником, предтечей той современной инновационной экономики, которая появляется как шестой экономический уклад в результате четвертой революции. И здесь я хотел бы обратить внимание на несколько примеров, связанных с конкурентоспособностью.

Например, с чего бы это в экологическом плане устойчивые экономики тех или иных предприятий были более прибыльными? А многочисленные данные свидетельствуют о том, что они действительно более прибыльные. Да потому что в мире изменилась и достаточно быстро меняется дополнительно совершенно вся система оценки товаров. Мы на сегодняшний день платим не за потребительские свойства, а платим за лейблы, за фирму, за имидж, что непосредственно связано именно с признанием того или иного товара экологическим, зеленым и т. д.

Не тратя времени, могу сказать, что если Крым хочет догнать и перегнать очень быстро на повороте, то основной, как сегодня звучало слово, фишкой должно быть именно построение зеленой экономики во всех ее ипостасях, в том виде, как она есть. Просто других результатов не так уж много.

И сразу, забегаая вперед, могу сказать еще один маленький момент. Любая реформа мешает конкурентоспособности из-за того, что она порождает новые проблемы, к которым мы не готовы. Я считаю, что не менее важным, чем построение эффективной экономики в отдельно взятом субъекте, является именно учет тех опасностей, которые сопряжены с любыми трансформациями, с любыми революциями, в том числе мирными экономическими. И я просто обозначу эти опасности. Они общие для всего мира, они не только для России и для Крыма.

Грядет фантастическая глобальная нищета населения всего мира. Я не беру третий мир, я говорю про развитые страны.

Рентабельность основных производств 7–11%. Завод, работающий на 10-процентной прибыли, — это хороший завод. А рентабельность в новых технологиях 30–70%. Куда пойдут деньги? Не нужно никому рассказывать — они пойдут туда, где выше рентабельность.

Если деньги пойдут из основных производств сегодняшнего, например, четвертого передела, который является преобладающим в Российской Федерации, то возникает вопрос: мы что, всех шахтеров сделаем программистами? Это же невозможно. Это сулит нам очень много социальных проблем.

Технологическое отставание. Если мы действительно не используем свой резерв... Кстати, я хорошо знаю науку Кры-

ма, и у нее резерв достаточно большой. Я всегда люблю приводить пример, что японцы еще в начале 90-х годов широко использовали советский журнал «Юный техник» и широко превратили в реальные товары многие из тех выдумок, которые в этом «Юном технике» были. Вот если мы это не используем, то поезд уйдет и мы уже не впрыгнем в развитые страны под новым технологическим переделом.

И понятно, что новая экономика требует новых секторов экономики. Рекреационная база Крыма позволяет ему вырваться вперед. С присоединением Крыма санаторно-курортная база Российской Федерации удвоилась. На сегодняшний день проблема реабилитации и превентивной медицины является определяющей. Бессмысленно делать высокотехнологические операции, если после этого человек не реабилитируется, это просто идет все насмарку.

Мы так и не сделали за три года Крым всероссийским центром по реабилитации и превентивной медицине. Но что нам мешает? А мешает то, что нужны деньги. Но деньги не такие большие, как Сергей Юрьевич¹ говорил, что действительно большие капиталовложения. На самом деле Крым обладает тем потенциалом, который он не растерял, и прежде всего, если говорить о тех изюминках, это фантастические природные лечебные ресурсы.

Все знают Саки. Чтобы понять, что такое Саки, могу сказать, что, например, на грязи Мертвого моря евреи пишут: «Грязь Мертвого моря такая же, как сакская». Но дело в том, что в Крыму, в том числе в Восточном Крыму, разведаны колоссальные залежи очень эффективных лечебных средств, которые никак не используются.

¹ С.Ю. Глазьев, вице-президент ВЭО России, советник Президента Российской Федерации, академик РАН, академик РАЕН, д. э. н., профессор.

Частно-государственное партнерство, прямые государственные инвестиции — это то, что может действительно сделать Крым Меккой для всего мира. Когда человек болеет, ему плевать на санкции, он поедет куда угодно, и такие примеры в мире есть.

РЕСПУБЛИКА КРЫМ: ИНВЕСТИЦИОННАЯ СТРАТЕГИЯ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

REPUBLIC OF CRIMEA: INVESTMENT STRATEGY UNDER CONDITIONS OF SANCTIONS

В.А. КОНСТАНТИНОВ

Председатель Государственного совета
Республики Крым

V.A. KONSTANTINOV

Chairman of the State Council of the Republic of
Crimea

АННОТАЦИЯ

Среди ключевых элементов инвестиционной политики Крыма в условиях санкций автор статьи выделяет: во-первых, решение инфраструктурных проблем; во-вторых, создание благоприятного бизнес-климата и внутренних условий для инвестиций; в-третьих, использование инструментов народной дипломатии для изменения мирового общественного мнения о Республике Крым. Основными причинами, сдерживающими экономическое развитие региона, автор называет неразвитость финансовой сферы, недостаток готовых промышленных площадок для реализации инвестиционных проектов, неурегулированные проблемы в земельных отношениях, высокие административные барьеры.

ABSTRACT

Among the key elements of the investment policy in Crimea under conditions of sanctions the author of the article has outlined the following: firstly, dealing with infrastructural problems; secondly, advantageous business climate and internal conditions for investments; thirdly, the usage of people's diplomacy for the change of global public opinion about the Republic of Crimea. The author mentions the underdevelopment of financial sector, the lack of ready-made industrial estates for investment projects` implementation, unsettled problem of land matters and the higher administrative burden as the main reasons which hold back the economic growth of the region.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Крым, инвестиционная политика, санкции, инфраструктурные проблемы, бизнес-климат, народная дипломатия.

KEY WORDS

Crimea, investment policy, sanctions, infrastructural problems, business climate, people's diplomacy.

Хочу обозначить три ключевых элемента, «три кита» инвестиционной политики Крыма в условиях санкций: во-первых, решение инфраструктурных проблем; во-вторых, создание благоприятного бизнес-климата и внутренних условий для инвестиций; в-третьих, использование инструментов народной дипломатии для донесения до мировой общественности правды о Крыме, а также доказательств неправомерности санкций. Все эти задачи надо решать параллельно и в комплексе. Без снятия инфраструктурных ограничений трудно рассчитывать на рост инвестиционной активности. В первую очередь это касается транспортной, энергетической сфер и водоснабжения. В этом плане за три года проделан колоссальный объем работы.

Пропускная способность международного аэропорта Симферополь и Керченской паромной переправы увеличена в разы. «Узкие места» транспортной инфраструктуры будут окончательно сняты с вводом в эксплуатацию Керченского моста и трассы «Таврида».

Основой новой энергетической инфраструктуры полуострова является энергомот с Кубани в Крым. Ввод в строй новых электростанций в Симферополе и Севастополе, увеличение мощности действующих Симферопольской, Сакской, Камыш-Бурунской ТЭЦ создадут энергетические резервы для развития Крыма на много лет вперед.

Организовав водную блокаду, Украина рассчитывала на разрушение инфраструктуры водоснабжения региона, уничтожение сельского хозяйства, на гуманитарную катастрофу. По сути, она совершила преступление против крымчан, которое на Западе лицемерно не замечают. Но планы Киева провалились. Дефицита питьевой воды на полуострове нет. Мы выстраиваем новую инфраструктуру водоснабжения, задействуем подземные водные ресурсы, внедряем водосберегающие технологии в промышленности и сельском хозяйстве. Продолжается переориентация аграрной отрасли на засухоустойчивые культуры.

Государственный совет и правительство республики постоянно работают над улучшением бизнес-климата, созданием максимально благоприятных условий для инвесторов. Свободная экономическая зона, которая действует с начала 2015 года, дает нашему полуострову серьезные конкурентные преимущества в борьбе за инвестора. Об успехе этого важнейшего проекта говорят как количество участников СЭЗ (их уже выше восьми сотен), так и объем заявленных инвестиций — более 80 миллиардов рублей. Участники

СЭЗ получают серьезные налоговые льготы, возможность применения процедур свободной таможенной зоны. Мы стараемся максимально упростить бюрократию и облегчить жизнь инвесторам. В том числе и путем принятия законов и других нормативно-правовых актов.

В январе текущего года появилась Стратегия социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года. Одним из важнейших ее направлений является создание лучшей в России бизнес-среды. Это предусматривает формирование максимально привлекательного (по сравнению с другими регионами Российской Федерации и Причерноморья) инвестиционного климата. Действует Закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Республике Крым», направленный на комплексную поддержку бизнеса. Налажены и работают механизмы такой поддержки, которая увеличивается с каждым годом.

Закон «Об управлении и распоряжении государственной собственностью Республики Крым» регулирует предоставление объектов, находящихся в собственности республики, для осуществления инвестиционной деятельности. В ближайшее время в Госсовет поступит закон «Об инвестиционной политике в Республике Крым», разработанный нашим правительством. Он очерчивает цели и принципы инвестиционной политики, а также государственной поддержки субъектов инвестиционной деятельности. Сегодня в Крыму внедряются лучшие практики Национального рейтинга состояния инвестиционного климата. В соответствии с поручением президента от 5 декабря 2016 года утверждены «дорожные карты» по внедрению в регионе 12 целевых моделей упрощения процедур ведения бизнеса и повышения инвестиционной привлекательности. Утверждена подпро-

грамма «Улучшение инвестиционного климата Республики Крым» Государственной программы «Экономическое развитие и инновационная экономика на 2017–2020 годы». Она определяет основные приоритеты и прогнозные показатели инвестиционной деятельности, а также мероприятия по созданию благоприятного инвестиционного климата. Действует канал прямой связи инвесторов и руководства Крыма, который позволяет оперативно решать возникающие проблемы. Сопровождением инвестпроектов и реализацией региональной инвестстратегии занимается Корпорация развития Республики Крым.

Конечно, проблем у нас еще много. Это и неразвитость финансовой сферы, связанная с отсутствием на полуострове системообразующих банков и, как следствие, доступных кредитных ресурсов для бизнеса. Это и недостаток готовых промышленных площадок для реализации инвестиционных проектов, и неурегулированные проблемы в земельных отношениях, высокие административные барьеры, от которых мы пока еще не избавились. Но мы решаем проблемы — системно, методично, настойчиво. А для тех, кто любит поговорить об изоляции Крыма, назову несколько красноречивых, на мой взгляд, цифр. Сегодня на территории республики для реализации инвестиционных проектов зарегистрированы около 580 юридических лиц, учредителями которых являются 750 организаций из 30 стран. И еще одна цифра — в российском Крыму побывало порядка 80 иностранных делегаций из Франции, Италии, Германии, Японии, Китая, Индии, других стран. А в нынешнем форуме участвуют гости более чем из 40 стран.

Уверен, народной дипломатии под силу изменить общественное мнение на Западе. Мировая общественность

должна знать: санкции — инструмент, который новоявленные претенденты на мировое господство пытаются использовать, чтобы наказать народ Крыма за свободный выбор. С правовой точки зрения это незаконно и является вопиющим нарушением прав человека. С моральной — несправедливо и отвратительно. Это проявление тоталитарного мышления и тоталитарных методов в международных отношениях. И конечно, абсурд с точки зрения экономики и бизнеса. Мы призываем вернуться к здравому смыслу. Надеюсь, зарубежные гости Крыма, Ялтинского международного форума станут народными послами Крыма и России в своих странах.

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КАК ОСНОВНОЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

FOREIGN ECONOMIC COOPERATION AS THE KEY FACTOR FOR THE DEVELOPMENT OF THE REPUBLIC OF CRIMEA

Г. Л. МУРАДОВ

Член Правления ВЭО России, заместитель
Председателя Совета министров Республики
Крым — Постоянный Представитель Республики
Крым при Президенте Российской Федерации

G.L. MURADOV

Member of the Board of the VEO of Russia,
Deputy chairman of the Council of Ministers of
Republic of Crimea - Resident Representative of
the Republic of Crimea under the President of
the Russian Federation

АННОТАЦИЯ

Статья раскрывает тему создания и функционирования единственной в России Свободной экономической зоны (СЭЗ), действующей в масштабе субъекта Федерации — Республики Крым. СЭЗ ориентирована на решение приоритетных задач экономического развития региона, на реализацию стратегических программ и проектов. Автор на основе политического и экономического обобщения выделяет основные сложности поддержания режима Свободной экономической зоны в Республике Крым в условиях антикрымской экономической блокады и санкций, предлагает меры по привлечению иностранных инвестиций в российскую экономику.

ABSTRACT

The article covers the issue of creating and functioning of the only in Russia the Special Economic Zone (SEZ) applied in sub-federal entity the Republic of Crimea. SEZ is aimed at dealing with top targets of economic development of the region, strategic programs and projects. The author based on political and economic generalization marks the main difficulties of supporting the condition of the Special Economic Zone in the Republic of Crimea under conditions of anti-Crimean commercial embargo and sanctions and suggests measures aimed at attracting foreign investments for Russian economy.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Республика Крым, свободная экономическая зона, санкции, иностранные инвестиции.

KEY WORDS

The Republic of Crimea, the Special Economic Zone, sanctions, foreign investments.

События «Крымской весны» 2014 года повлекли за собой крупные политические последствия на мировой арене и изменения в экономической сфере не только России, но и всего мира. Реакция на «Крымскую весну», на желание нашего народа воссоединиться вернуло вековые внешние угрозы, вызвавшие «прояснение сознания» российской нации, восстановившей в своей исторической памяти великие смыслы народного сплочения, консолидации общества вокруг национальных целей и нормального патриотического восприятия Отечества.

Россия в связи с геополитическим разворотом, который произошел в результате событий на Украине и «Крымской весны», оказалась в центре политического и экономическо-

го циклона. Выйти из этой ситуации России уже так просто не удастся. Либо она выйдет окрепшей и сильной своим единством, либо столкнется с большими проблемами сохранения суверенитета территориальной целостности. Это необходимо всем нам осознавать.

Поэтому в первую очередь надо остановиться на тех возможностях создания устойчивой экономики, которые вытекают из сегодняшней политической и экономической ситуации, характеризующейся долгосрочными санкциями, по существу, открытой и широко ведущейся агрессией и войной против России. Война ведется по разным направлениям, не только экономическим, но и по информационным, политическим, военно-политическим и так далее. Сложность сложившейся ситуации осознается руководством нашей страны. Так, Председатель Правительства Российской Федерации Д.А. Медведев заявил на днях, что России объявлена блокада и санкции — это долговременное явление. Поэтому необходимо на данном этапе понимать, каким путем идти не только Крыму, но и России. Опыт преодоления подобной тяжелой ситуации может быть заимствован из истории государств, которые уже так или иначе сталкивались с подобного рода агрессивными действиями. Такой опыт был и в истории нашей страны. Расслабленность и непринятие мер в экономике перед лицом существующих вызовов и угроз несет опасность для страны. В то же время в условиях олигархической системы, когда заработанные на природных ресурсах доходы тут же выводятся за границу, добиться внедрения элементов мобилизационной экономики невозможно.

С присоединением Крыма к России «точка невозврата» в отношениях с западными странами была пройдена. По-

ворота к прежним партнерским отношениям с США и Европейским союзом уже не будет. В условиях серьезного обострения международной обстановки, введения Западом против России незаконных и нелегитимных санкций, основная цель которых заключается в том, чтобы подорвать Россию и подвести ее к разрушению, необходимо в короткий срок сформировать такой тип экономических отношений, при которых все ресурсы страны направляются на одну или несколько приоритетных целей, что позволило бы противодействовать угрозам существования страны как целостной системы.

В этом контексте укрепление Крыма, его превращение в образцовый субъект Российской Федерации — задача прежде всего политическая. Крым — это не просто форпост Черноморского флота, а ключевая, неотъемлемая часть российского сознания, «точка сборки» новой российской идентичности и новой экономической политики.

С целью максимально полного использования имеющихся производственных ресурсов в Крыму была создана уникальная, единственная в стране особая экономическая зона в масштабах целого региона. Цель ее формирования — ускорить социально-экономическое развитие Крыма, обеспечить приток инвестиций в экономику, стимулировать ускорение роста регионального валового продукта. Решение по созданию Свободной экономической зоны в Крыму не было случайным, но по прошествии двух с половиной лет ее работы мы должны объективно оценить ее эффективность.

Изначально, когда создавался этот крупный проект, нам представлялось, что мы создаем некие инвестиционные ворота в Россию, международный финансово-экономический центр. Ведь у каждой крупной экономической юрис-

дикции, будь то США со своим Делавером и другими такого рода свободными экономическими зонами, будь то Великобритания с Гибралтаром и Виргинскими островами или Китай с Гонконгом. Всегда у ведущих экономик мира есть такие юрисдикции, которые позволяют активно привлекать иностранный капитал и открывать ворота для инвестиций. Именно таким мы и рассчитываем увидеть Крым.

Как же реально складывается ситуация в крымской экономике сегодня? Прежде всего, чтобы разобраться, стоит остановиться на формировании доходной части бюджета Республики Крым, которая формируется из трех почти равных частей и составляет порядка 150 миллиардов рублей на сегодняшний день. Одну треть бюджета составляют собственные заработки в бюджет, одну мы получаем в рамках федеральной целевой программы развития Крыма, еще одна треть дотируется и субсидируется из федеральных источников.

Возникает вопрос: как в подобных финансовых условиях работает Свободная экономическая зона? В ней числится около 850 предприятий, 93% из которых составляют предприятия микробизнеса, порядка 5% — малые предприятия и совсем немного предприятий среднего бизнеса. При этом в Крыму существует примерно 120 тысяч предприятий разного уровня (малого, среднего, микро и так далее). Таким образом, число участников СЭЗ в среднем составляет 0,6–0,7% от общего количества хозяйствующих субъектов Крыма. Следовательно, поскольку это только крымские предприятия, от их участия в СЭЗ инвестиций, тем более иностранных, не прибавится.

Вместе с тем на международных форумах и площадках Крым ведет работу по привлечению инвесторов, и они хотят

работать в регионе. Интерес к Крыму растет, однако вышеуказанные условия не позволяют обеспечить им безопасное функционирование в СЭЗ без санкционных рисков.

В этой связи совместно с коллегами из Государственной Думы полтора года назад мы разработали трастовые формы ведения бизнеса и механизмы защиты бенефициаров в Крыму. Это делалось по многочисленным просьбам партнеров. Востребованность такого совершенствования функционирования СЭЗ была подтверждена и в выступлениях зарубежных участников в ходе III Ялтинского международного экономического форума, в частности на секции «Международное экономическое сотрудничество как фактор успешного развития региона». Однако государственные ведомства пока не проявляют готовности пойти на трастовые формы работы, особенно применять их для отечественных инвесторов, опасаясь ухода отечественного бизнеса в теневой сектор экономики под прикрытием трастов. Хотя отработать механизмы предотвращения такого рода нежелательных явлений, на наш взгляд, было бы возможно. Таким образом, сложилась сложная ситуация, которая призывает объективно оценить привлекательность Свободной экономической зоны в ее нынешнем виде.

Другой проблемой является отсутствие крупных банков и корпораций в Республике Крым. Солидные иностранные инвесторы, в частности китайские, прямо говорят о необходимости наличия крупного государственного финансового инструментария в Крыму.

Беседы с ведущими международными экспертами выявили еще одну болезненную для крымчан и экономики региона проблему. Украинские финансовые структуры аккумулировали депозиты физических лиц, а также остатки

денежных средств на расчетных счетах юридических лиц и компаний и сразу после воссоединения Крыма с Россией вывозили эти капиталы на Украину. Затем появлялись коллекторы, которые стали заниматься «выбиванием» выданных ранее такими банками кредитов. Безусловно, подобные действия вызвали справедливое возмущение как у населения, так и у крымских фирм. При этом нужно иметь в виду, что кредитов было выдано в полтора раза меньше, чем денежных средств, вывезенных за пределы республики. Для обеспечения нормальных условий работы инвесторов подобные схемы, по мнению зарубежных финансовых экспертов, необходимо признать в их совокупности мошенническими и отказать в требованиях погашения кредитов до возобновления работы ушедших вместе с деньгами банков.

Продвижение Крыма на международном уровне также сталкивается с определенными трудностями. На многие выставочные площадки вход Крыму негласно закрыт, под предлогом «не раздражать» зарубежных деловых партнеров (в том числе союзников по ЕАЭС). У некоторых чиновников, даже из дружественных стран, в высказываниях в отношении Крыма проскальзывают выражения о его «сомнительном или неопределенном статусе». С подобными ситуациями необходимо бороться на государственном уровне и находить эффективные пути решения данной проблемы в интересах эффективной интеграции региона в экономику России и Евразийского экономического союза.

Что касается международной стороны работы по улучшению экономического и инвестиционного климата в Крыму, то можно с уверенностью сказать, что противники и соперники не дремлют. В частности, Украина предприняла все меры, чтобы максимальное количество участников III Ял-

тинского международного экономического форума отказалось от участия в этом крупном российском мероприятии.

Своими силами Крым с проблемой противодействия Украине не справится. Необходимо дать твердый ответ подобным действиям националистических киевских властей на федеральном уровне.

Таким образом, в экономической ситуации, которая сложилась в Крыму, больше вопросов, чем ответов, именно поэтому необходимо обсудить данную ситуацию и привлечь к ней внимание тех специалистов и структур, которые могут предложить конструктивное решение существующих проблем.

Основной целью создания Свободной экономической зоны в Крыму должно стать не только привлечение иностранного капитала, но и апробирование новых способов государственного регулирования внешней торговли, иностранных инвестиций и финансового сектора.

Для этого необходимо в первую очередь разработать систему мер по прорыву жесткой антикрымской блокады, нацеленной на недопущение превращения Крыма в неотъемлемую часть российской экономической системы.

Во-вторых, надо обеспечить активное продвижение на международном и двустороннем уровне, в том числе в рамках работы межправительственных комиссий с зарубежными странами, а также через заграничные учреждения России преимуществ Свободной экономической зоны и инвестиционного потенциала Крыма.

В-третьих, было бы важно предусмотреть особый порядок реализации инвестиционных проектов, включая правовые формы их реализации для иностранных партнеров. На уровне региона необходимо проводить неформальную

и скрупулезную работу с потенциальными иностранными инвесторами.

В-четвертых, следует активно использовать крымские некоммерческие организации для развития и укрепления международных экономических связей, что дает долгосрочный эффект с точки зрения восприятия Крыма как неотъемлемой части Российской Федерации, способствует социально-экономическому развитию региона, его полноценной и всесторонней интеграции в международное экономическое пространство.

СИЛЬНЫЙ ВУЗ – ЭТО СИЛЬНЫЙ РЕГИОН

STRONG UNIVERSITY MEANS A STRONG REGION

С.Г. ДОНИЧ

Ректор Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского, доктор медицинских наук, профессор

S.G. DONICH

Rector of V.I. Vernadsky Crimean Federal University, doctor of Medicine, professor

АННОТАЦИЯ

В 2015 году был создан Крымский федеральный университет, автор рассказывает о том, как университет развивается.

ABSTRACT

Crimean Federal University is created in 2015, and author talks about its expanding.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Крымский федеральный университет, развитие, кадры, образовательные программы, онлайн-образование.

KEY WORDS

Crimean Federal University, development, work force, education programs, online education.

Сегодня совершенствование системы образования рассматривается как ключевой приоритет среди национальных интересов России. Я представляю Крымский федеральный университет, который работает с 1 января 2015 года. Это один из самых молодых университетов среди десяти федеральных университетов Российской Федерации. Но тем не менее у нас есть вековые традиции и научные школы, а также богатейшая вековая история, поскольку Крымский федеральный университет по праву является правопреемником Таврического университета — первого высшего учебного заведения в Крыму, созданного в «буреломное» время — в 1918 году — во время Гражданской войны, голода и разрухи.

Тогда в Таврическом университете, в состав которого сразу вошли медицинский и сельскохозяйственный факультеты, ставшие позже самостоятельными институтами, работали, творили, несли в народные массы прогрессивное «доброе и вечное» выдающиеся ученые-педагоги, украсившие мировую науку. Их имена сегодня на века запечатлены на мемориальной стеле в главном корпусе нашего вуза. Это Игорь Васильевич Курчатов — человек, который предотвратил, по сути дела, очередную мировую войну, ядерную войну, его соратник Игорь Иванович Щелкин. В университете работали два нобелевских лауреата по физике — Игорь Тамм и Илья Франк. И конечно, один из основателей университета, его прародитель, выдающийся естествоиспытатель XX века академик Владимир Иванович Вернадский. Теперь его имя по праву с гордостью носит Крымский федеральный, почти через 100 лет вернувшийся к своим истокам. Этот юбилей мы будем отмечать в следующем году.

Сегодня, несмотря на молодость, главный вуз Крыма активно развивается, энергично сотрудничая с научным, образовательным пространством Российской Федерации, с ведущими учеными России. Нашими почетными профессорами в 2016 году стали лауреат Нобелевской премии по физике, член Государственной Думы РФ, академик Жорес Иванович Алферов и советник Президента Российской Федерации академик Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор Сергей Юрьевич Глазьев. Они, приезжая к нам, читают лекции для крымского студенчества, которые воспринимаются на ура.

Своей основной задачей и миссией Крымский федеральный университет видит создание и воспроизводство существующего кадрового потенциала, опережающее обучение молодежи в системе онлайн, дистанционное и инклюзивное обучение для того, чтобы наши выпускники, получив диплом, могли достаточно быстро трудоустроиться, а главное — были востребованы на рынке труда. Для этого у нас уже есть определенные предпосылки и наработки.

При формировании федерального университета, общая численность которого теперь составляет 8 тысяч работающих и 37 тысяч студентов всех форм обучения, была утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации Программа развития КФУ до 2024 года. Согласно ей первые пять лет наше материально-техническое оснащение и модернизация финансируются из федерального бюджета. В этом аспекте сегодня мы работаем в крайне динамичном темпе: создаем новейшие лаборатории, о которых здесь в Крыму, особенно в последнюю четверть века изоляции от России, никто никогда и мечтать не смел. Я не говорю уже о каком-то научном прорыве.

Имея сегодня такую мощную поддержку со стороны государства, Правительства и лично Президента России Владимира Владимировича Путина, мы стараемся охватить в своей деятельности все научно-образовательные и инновационные кластеры. Но приоритет, конечно, отдается здравоохранению и санаторно-курортному комплексу. Потому что Крым всегда был в первую очередь всесоюзной здравницей. Сегодня руководители многих санаториев активно идут на контакт с Крымским федеральным университетом, в состав которого входит Медицинская академия, с просьбой стать клиническими санаториями. Они готовы предоставлять площади для проведения учебного, научного процесса, участвовать в софинансировании, потому что это совершенно другой статус. И потом, без новейших технологий в лечении и оздоровлении заманить курортника одним «морем-солнцем» в наше время крайне не просто. А наши здравницы уже сейчас вполне могут работать в круглогодичном режиме, с круглогодичной загрузкой. При этом самое интересное в том, что это вовсе не Южный берег, а, например, западное побережье. Та же Евпатория, Саки. Колоссальный ресурс в этом смысле есть и на востоке Крыма. Это Чокракский лес, Чокракские озера, где запас лечебной грязи (по расчетам еще в советские времена) — на несколько тысяч лет.

Кроме того, в рамках Программы развития мы создаем центры коллективного пользования, где студенты могут на самом современном оборудовании изучать те или иные образовательные программы (а их у нас более 300). Конечно, эти программы в первую очередь мы пытаемся нацеливать и создавать «под заказ» для эффективного социально-экономического развития нашего субъекта и страны в целом.

Поэтому уже создан ряд базовых кафедр на предприятиях Крыма, для того чтобы с первых курсов наши студенты могли получать навыки будущей профессии, проходя практику и трудясь в ведущих организациях, учреждениях, компаниях, фирмах, на заводах и фабриках республики. К примеру, это заводы «Фиолент», «Пневматика», Крымская астрофизическая обсерватория, туристическая компания «Крымтур», Госархив, предприятие «Крымтеплица» и т. д.

Чтобы возродить крымскую инженерию, мы создали новый институт — Физико-технический, потому что обычные инженерные специальности после развала Союза в Крыму были, по сути дела, в загоне, процветали только гуманитарные. А востребованность в «технарях» сегодня крайне высока. Мы возрождаем такие заводы, как завод «Море» в Феодосии, завод «Залив» в Керчи. Инженеры очень нужны, и в этом нас поддерживают и правительство, и президент нашей страны.

Поэтому у Крымского федерального сегодня принцип такой: «Сильный вуз — это сильный регион. Сильный регион — это сильная наша держава».

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРИМЕРЫ РАЗБАЗАРИВАНИЯ ШАНСОВ УСТОЙЧИВОГО СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

HISTORICAL EXAMPLES OF SQUANDERING THE CHANCES OF SUSTAINABLE SOCIO- ECONOMIC DEVELOPMENT IN RUSSIA

Ю.В. ЯКУТИН

Вице-президент ВЭО России, председатель Совета директоров, научный руководитель ЗАО «Издательский дом «Экономическая газета», заслуженный деятель науки Российской Федерации, д. э. н., профессор

YU.V. YAKUTIN

Vice-president of the VEO of Russia, chairman of the Board of Directors, scientific director of the «Publishing House «Economic Newspaper», honored Science Worker of the Russian Federation, Dr. Sc. Econ., Professor

АННОТАЦИЯ

В статье автор приводит примеры, связанные с Крымом и Ливадийским дворцом, повлиявшие на историческое развитие России. Подчеркивает важность следования основным положениям российской школы социально-экономической мысли. Независимо от выбранной модели экономического роста в числе приоритетов должны быть не-

отложенные меры, поддерживаемые населением страны, а проводимые реформы должны быть предметом диалога с обществом.

ABSTRACT

In the article the author gives examples related to the Crimea and the Livadia Palace, which influenced the historical development of Russia. Fresses the importance of following the main provisions of the Russian school of socio-economic thought. Regardless of the chosen model of economic growth, priority measures should be among those priorities, supported by the population of the country, and the ongoing reforms should be the subject of dialogue with the society.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Крым, социально-экономическое развитие страны; исторический опыт; средний и малый бизнес; новый технологический уклад, социально-экономическая модель; коррупция; национальная безопасность; общественный диалог; общественный контроль; социально-экономическое развитие; государственное управление.

KEY WORD

Crimea, social and economic development of the country; Historical experience; Medium and small business; A new technological structure, a socio-economic model; corruption; National security; Public dialogue; Public control; Socio-economic developmen; public administration.

Понимаю, что сегодня второй день работы нашего экономического форума и этот день уже заканчивается, все устали. Поэтому, не напрягая сидящих в зале, мне бы хотелось обратить внимание на те события в истории, которые непосредственно связаны с тем местом, в котором мы сейчас с вами находимся — Ливадийским дворцом и Крымом вообще, существенно повлияв на социально-экономи-

ческое развитие страны. Это не простое место, здесь много что было. Для меня лично важны следующие три момента, которые очень красноречивы.

Первый. Вы знаете, что император Александр III пострадал во время теракта на железной дороге. Спасая свою семью, он удерживал руками крышу вагона от обрушения, что подорвало его здоровье. Под конец жизни императора направили лечиться в Крым, сюда в Ливадийский дворец. Здесь он умирал и здесь принимал решение о наследнике престола, будущем государе. В возможностях старшего сына, Николая, управлять государством Александр III сильно сомневался. Сын Георгий был болен, не мог жить в Санкт-Петербурге, ему был необходим свежий, лучше всего горный воздух. Он поселился на Кавказе, стал известным ученым, умер в 1899 году. Младший сын, которому Александр III хотел бы отдать трон, Михаил Александрович, был еще несовершеннолетним. Но династия в государственной власти не могла прерваться, преемник был необходим.

Здесь хочу озвучить одну из версий разрешения возникшей проблемы, которую выдвигают некоторые специалисты и которая представляется вполне возможной и логически увязанной с последующими ситуациями. Эта версия упоминается в некоторых материалах, с которыми мне пришлось познакомиться при подготовке книги об Александре III, выпущенной нашим Издательским домом «Экономическая газета»¹. Суть такова. В царской семье предложили компромисс, с которым согласилась правящая элита. Через пять лет правления Николай II передаст трон Михаилу, когда тот достигнет совершеннолетия. Такова

¹ Александр III. России отдаю всю мою жизнь. М.: ИД «Экономическая газета», 2014. С. 784.

была, как утверждают, последняя воля умиравшего императора. Гарантом такой «сделки» должна была стать супруга Александра III, мать Николая — Мария Федоровна, датская принцесса Дагмар. Но когда пришел этот срок, Николай II согласованные с ним условия наследования престола соблюдать отказался, как считают, под давлением своей супруги — императрицы Александры Федоровны. В 1904 году в семье Николая II родился цесаревич Алексей, ставший наследником. Не буду останавливаться здесь на всех деталях дальнейших событий. Сторонники этой версии считают, что ее подтверждают преследовавшие царствование Николая II всякого рода несчастья — трагедия на Ходынском поле при венчании на царство, протестные выступления рабочих после забастовки в Орехово-Зуеве, крестьянские волнения, в начале XX века неудачная война с Японией и т.д. Указывают также, что Мария Федоровна, мать Николая II, неоднократно выражала недовольство его поведением, уезжала из Петербурга. Все это якобы своего рода расплата за нарушение воли Александра III, заветов ушедших в мир иной предков, что недопустимо в православии.

Все эти вопросы, конечно, нуждается в дальнейшем исследовании. Для меня важно то, что император Александр III видел в сыне Николае неготовность к царствованию. Так или иначе воля Александра III не была выполнена. Исторический шанс пойти другим путем Россия упустила.

Второй исторический факт, о котором я упомяну, тоже связан с Ливадийский дворцом, хотя может, на первый взгляд, и показаться несерьезным. Здесь 4–11 февраля 1945 года проходила Ялтинская конференция союзных руководителей антигитлеровской коалиции. Рассказывают, что во время этой конференции в зал заседаний как-то заходит У. Черчилль,

а его министр иностранных дел сразу передает ему какую-то записку. Черчилль прочитал, закурил сигару, записку сжег, затем пишет ответ министру. Тот прочитал, скомкал бумажку и бросил в корзинку. Понятно, что это не могло не заинтересовать представителей наших разведывательных органов. Записку извлекли, прочитали и очень удивились. В ней было написано: «Старый орел из гнезда не выпадет». Что же это такое? Шифровальщики так и не смогли установить, о чем же шла речь. Прошли годы, и вот уже в послевоенный период, в 1956 году, собирается Н.С. Хрущев нанести визит в Великобританию. Делегацию встречал Черчилль, и его решили спросить про ту давнюю историю с запиской. Да, ответил Черчилль, помню. Ваш дядюшка Джо (иностранцы так часто называли Сталина), сказал он, «залил» тогда меня хорошим коньяком, я его «переработал», а выходя из туалета ширинку не застегнул и так пришел в зал заседаний. Вот об этом мне и написал господин министр, а я ответил ему: не беспокойтесь, старый орел из гнезда не выпадет.

Анекдот, конечно. Но в этом анекдоте скрыта огромная историческая истина. Мы знаем, что во время переговоров на конференции в Ялте разрабатывалась уже в стенах британских штабов операция «Немыслимое». Намечалось начать третью мировую войну 1 июля 1945 года, нанести тотальное поражение Советскому Союзу, подчинить его США и Великобритании. Планировалось использовать не только их вооруженные силы, но и перешедшие на сторону коалиции войска германского вермахта, всего 110 дивизий. Однако тогда в Ялте наши спецслужбы «проморгали» такие приготовления. И об этой несостоявшейся, к счастью, операции «Немыслимое» сегодня мы знаем только из рассекреченных позднее документов.

И третий факт. Мне очень приятно, что мы сейчас находимся в Ялте. Получилось так, что батюшка, с которым наш Издательский дом в самом начале постсоветского времени работал, служил в свое время на флоте в Новороссийске. И вот как-то он приехал в Москву, зашел к нам в редакцию, рассказал о своей прежней службе и добавил, что хорошо бы помочь той его подводной лодке, так как моряки бедствуют, все базы снабжения закрылись. Наш Издательский дом решил оказать нужную помощь. Тогда в начале 90-х годов в нашей газете «Экономика и жизнь», как и вообще в СМИ, было принято публиковать рекламу, получая в зачет ее оплаты продукцию рекламодателей. Часть такой продукции мы и просили пересылать команде подводной лодки. И вот в 1994 году меня приглашает адмирал Черноморского флота, чтобы наградить медалью Ушакова за помощь флоту. Делегация редакционных работников приехала в Новороссийск. Командующий Черноморским флотом рассказал также, что хорошо подготовленные морские базы в Крыму в результате развала Советского Союза перешли Украине, пришлось платить аренду. Но договор о ней был подписан до 2017 года, нужно было готовить свою инфраструктуру в Новороссийске для перевода туда судов, хотя было ясно, что времени для этого мало (потом уже В. Путин с В. Януковичем продлили договор аренды до 2049 года).

Мы тогда потеряли Крым, сокровищницу Российской империи. Это, как считают историки, самая кровопролитная российская территория, на нее приходится больше всего войн и и погибших на них.

И только благодаря народу Крыма эта земля в 2014 году осталась в России. На самом деле Россия выполнила волю народа, не бросила Крым. Что было бы сейчас с флотом, что

было бы с населением, поступи в 2014 году мы иначе. Народ всегда справедливо говорит. Так давайте народ слушать, прислушиваться к нему.

Какие же выводы напрашиваются из этих трех упомянутых фактов для обсуждаемой нами темы «Устойчивость экономики: принципиальное требование новой экономической модели?».

Мое выступление частично облегчил предыдущий оратор — Дониц Сергей Георгиевич, ректор Крымского федерального университета. С удовольствием отмечаю, что В.И. Вернадский, чье имя носит Крымский федеральный университет, сын известного российского экономиста И.В. Вернадского, тесно сотрудничавший с Вольным экономическим обществом. «Ваш» Вернадский вырос в семье этого выдающегося экономиста, действительного статского советника, преподавателя политэкономии в петербургских вузах Ивана Васильевича Вернадского (1821–1884). В 1876 году он возглавил комитет по политэкономии ВЭО. Ученый много занимался изучением истории российской экономической мысли. Именно ему мы обязаны, говоря современным языком, пропаганде трудов первого российского академика политэконома А.К. Шторха (1766–1835). Андрей Карлович Шторх — автор шеститомного труда «Курс политической экономии, или Изложение начал, обуславливающих народное благоденствие», вышедшего в 1815 году на французском языке в Санкт-Петербурге. Этот «Курс...» написан на основе лекций, прочитанных ученым детям Павла I, в том числе и будущему императору Николаю I. Именно И.В. Вернадский опубликовал в 1881 году первые полтора тома трудов Шторха на русском языке и свои заметки к этому изданию с разъяснениями и комментариями. Полностью

это произведение на русском языке опубликовал только наш Издательский дом «Экономическая газета» в 2008 году. Презентация «Курса...» состоялась в том же году в Вольном экономическом обществе. Так что все мы можем гордиться тем, что в той или иной степени причастны к тому, что облегчили доступ современному читателю к положениям этого замечательного представителя российской школы социально-экономической мысли. Вернадский разделял положения Шторха о большом значении политэкономии для выработки научных основ собственной экономической политики государства. Свои заметки И.В. Вернадский начинает со следующего положения: «В ряду тех наук, которые признаются за самые необходимые в нашем общественном быту, едва ли не первое место занимает политическая экономия».

И еще одно характерное для И.В. Вернадского положение: законы политической экономии — законы материальные, т. е. такие, которых человек не может нарушить безнаказанно до тех пор, пока живет в обществе и пока имеет какие-либо потребности, т. е. никогда. В заметках И.В. Вернадского на труд А.К. Шторха нет оценки выдвинутой им теории цивилизационного развития, но несомненно, что он высоко оценивал его произведение. Шторх считал, что о развитии цивилизации надо судить по производству не только материальных благ, но и благ внутренних. К их числу он относит развитие образования, здравоохранения, профессиональных знаний, нравственных качеств населения. Для нас важны и положения Шторха о том, что нельзя допускать в государстве больших разрывов между богатыми и бедными, что сила власти государственной измеряется народным благосостоянием, что все должны быть равны перед законом и судом, что правовая система должна стоять на

страже собственности. А в тех государствах, где сама власть, вместо того чтобы быть порукой собственности, становится ее безраздельным хозяином и распоряжается частными состояниями по своей прихоти и капризу, не стоит надеяться на обнаружение предприимчивости и богатства.

Возвращаясь к теме нашего сегодняшнего обсуждения, надо несомненно признать, что приведенные положения этих представителей российской школы экономической мысли не стоит забывать при выработке условий устойчивого социально-экономического развития страны. Здесь нужно, пожалуй, напомнить и слова одного из первых экономистов этой школы Ивана Тихоновича Посошкова (1652–1726), автора работы «О скудости и богатстве». Существеннейшая (и очень русская) черта всех его предложений по обогащению российского царства — снискание «невещественного богатства», «снискание правды». Когда найдем правду, когда она у нас твердо вкоренится, писал он, «то не можно царству нашему российскому не обогатиться и славно не возвыситься». Приведу еще одно его замечательное утверждение: не то великое дело, чтобы царскую сокровищницу наполнить богатством, «но то великое и многотрудное есть дело, чтобы народ весь обогатить!». Слова эти не утратили своего значения и в наши дни.

В общем и целом мы представляем, что должны делать, чтобы добиваться устойчивого социально-экономического развития. Но обычно при этом повторяем привычные уже лозунги: научно-техническая революция, цифровая экономика, формирование нового технологического уклада, экономика знаний, постиндустриальное общество... Но на что же конкретно должны быть нацелены наши усилия, чтобы придать экономике устойчивость социально-экономиче-

ского развития? Здесь при детализации не все ясно, предлагаемые специалистами конкретные меры стратегического характера нередко противоречивы, особенно если они касаются финансовой сферы, денежно-кредитной политики. Может быть, хватит экспериментов, давайте наконец-то определимся, чтобы двигаться в правильном направлении. Предпринимательство сегодня по рукам связали, у малого бизнеса нет перспектив развития. У среднего бизнеса также мало возможностей, по крайней мере в тех объемах, которые необходимы нынешней России. Всего в нашей стране функционирует около 6 млн малых и средних компаний, в них заняты 19 млн человек, доля малого и среднего бизнеса в экономике составляет 21%, что существенно меньше, чем в развитых странах мира. Я не буду говорить о тех назревших решениях, о которых мы в течение 20 лет повторяем на заседаниях Вольного экономического общества России, а реальной отдачи от этих разговоров мало.

Сегодня народ задыхается от непомерного социального неравенства. Огромны различия в дифференциации доходов. По данным журнала «Forbes», общее состояние 200 богатейших российских бизнесменов выросло за 2016 год на 100 млрд — до 460 млрд долларов, а количество долларовых миллиардеров увеличилось с 77 до 96 человек. Социальные услуги все более и более недоступны для населения. Как признал министр экономического развития М. Орешкин 14% населения находится за чертой бедности — это 20 млн россиян, трудности с покупкой одежды испытывают 41% граждан, 11% испытывают проблемы с покупкой продуктов. Вы что хотите повторения революции? Ведь в начале XX века тоже вроде было все в порядке, тишь, гладь, благодать. Россия гордилась, что она ведущая мировая держава.

И понадобилось всего три года Первой мировой войны, чтобы пропала эта мировая империя. За царя не заступилось его окружение, по сути, его предали правящая элита, генералы и министры.

Так вот, если мы будем работать над назревшими проблемами, не придумывать какие-то новые, непроверенные решения, а брать те, что поддерживаются народом, делать необходимое, соответствующее нашему мировоззрению, нашему менталитету, то можно изменить все к лучшему. Жилища, инфраструктуру надо обновлять, современные дороги надо делать, надо с коррупцией бороться, конфискацию имущества коррупционеров вводить, деньги из-за границы возвращать. Главное же — формировать новый технологический уклад, новую социально-экономическую модель, чтобы убрать утвердившийся у нас номенклатурно-олигархический строй, как справедливо его назвал Г.Х. Попов.

При выборе модели социально-экономического развития необходимо, конечно, становиться на какую-то определенную теоретическую позицию — либо отказа от неолиберального курса, либо перехода к мобилизационной экономике, либо экономике здравого смысла, либо цифровой экономике.

Все это очень важно и интересно. Но есть также задачи, которые неоспоримы и неотложны для сегодняшнего времени, которые мы должны ставить на первое место. В их числе важнейшее значение приобретает борьба с коррупцией. Приходится менять глав регионов, мэров городов, видных чиновников из-за их коррупционных поборов. Почему мы не можем наладить диалог с обществом о лучших условиях в борьбе с коррупцией, с оппозицией для решения этой задачи? Почему не можем поставить средства федерального

центра под действенный общественный контроль? Почему плохо используем такой фактор экономического развития, как возвращение в государственную казну похищенных коррупционерами и «спрятанных» у их родственников средств? А величина их прямо-таки огромна.

По оценке исследовательской фирмы New World Wealth, Россия занимает первое место в мире по степени имущественного неравенства, 26% всего национального богатства принадлежит миллиардерам, а 62% долларовым миллионерам. В апреле 2017 года в интервью «Российской газете» Александр Бастрыкин отметил, что коррупция — одна из глобальных угроз национальной безопасности страны. Она тормозит крупномасштабные экономические и социальные преобразования, расширяет сектор теневой экономики, уменьшает налоговые поступления в бюджет. Также он заметил, что необходимо до суда блокировать счета коррупционеров и их родственников. За 2016 год по уголовным делам о коррупционных преступлениях государству возмещено почти 3 млрд рублей, наложен арест на имущество обвиняемых в коррупции на сумму почти 18 млрд рублей. Как сказал генпрокурор Юрий Чайка в своем выступлении с докладом в Совете Федерации о законности и правопорядке в 2016 году, от коррупции Россия понесла огромный ущерб. За год зарегистрировано 33 тысячи случаев взяточничества, ущерб превысил 78 млрд рублей.

Другим важным предметом общественного диалога, как представляется, может стать обсуждение приоритетов регионального развития, в том числе и в Крыму. Кто этим должен заниматься? Московский чиновник или крымский или это предмет общественного диалога? Нужно искать и другие точки соприкосновения с обществом, привлечения

его к решению важнейших задач. Сделать, например, конкурс проектов экономического возрождения Крыма. В приоритеты развития, конечно же, войдут меры по развитию образования. Но мне кажется, что Крым — это прежде всего всероссийская здравница. Надо совершенствовать инфраструктуру, чтобы сделать ее круглогодичной, особенно в интересах развития туризма. Я категорический противник того, чтобы такое освоение Крыма замыкалось только прибрежной зоной. Степной Крым также нужно развивать. У Крыма большие потенциальные возможности, не нужно ничего изобретать необыкновенного, надо создавать условия для бизнес-инвестиций. Важна индивидуальная работа с каждым бизнесменом, каждой бизнес-структурой, освобождение их от всего бюрократического налета.

III Ялтинский международный экономический форум

КООРДИНАЦИОННЫЙ КЛУБ
ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА РОССИИ

ПЯТАЯ ЭКСПЕРТНАЯ СЕССИЯ
КООРДИНАЦИОННОГО
КЛУБА ВЭО РОССИИ
НА ТЕМУ «СТРАХОВОЙ
РЫНОК РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ»

ВЭО России продолжает консолидацию усилий ведущих экономистов страны в решении вопросов модернизации российской экономики и в разработке эффективной модели социально-экономического развития страны.

С данной целью ВЭО России создан Координационный клуб ВЭО России, в рамках которого на постоянной основе проходят экспертные сессии.

21 марта 2017 года состоялась пятая экспертная сессия Координационного клуба Вольного экономического общества России на тему «Страховой рынок Российской Федерации: проблемы и перспективы развития» в медиацентре «Российской газеты».

Модератор заседания — Бодрунов Сергей Дмитриевич, президент ВЭО России, директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, д. э. н., профессор.

С основным докладом выступил Цыганов Александр Андреевич, руководитель Департамента страхования и экономики социальной сферы ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», д. э. н., профессор.

Цель экспертной сессии: оценка состояния страховой деятельности в Российской Федерации, анализ проблем развития страховой отрасли, разработка предложений по ее совершенствованию.

ЭКСПЕРТНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

СОСТАВИТЕЛЬ А.А. ЦЫГАНОВ

Развитие национального страхования связано с развитием экономики и общества, которые формируют в соответствии со своими особенностями определенный вариант развития страхового рынка и его регулирования. Анализ государственных программ развития страхования, страхового рынка и страхового дела в России с 1998 года по настоящее время позволяет сделать выводы о причинах и последствиях принятия различных программ развития страхования, их целях и задачах (приложение 1).

К середине 2010-х годов страховой рынок России приобрел свои, присущие именно ему черты, пройдя в своей эволюции несколько стадий, связанных с увлечением российских страховщиков определенными видами или технологиями страхования, в некоторых случаях лишь формально относящихся к страхованию. Важно отметить, что развитие определенных секторов страхового рынка практически всегда было связано с запросами российского финансово-банковского, промышленного, торгового или сельскохозяйственного бизнеса. Потенциальная роль и социально-экономическая значимость страхования в экономике России придает важность деятельности по активизации страховых отношений.

Говоря о долгосрочных тенденциях, сложившихся еще начале 2000-х годов, следует выделить:

- обеспечение роста страхового рынка за счет обязательных видов страхования и вовлечения населения в страховые отношения через связанные с кредитованием (ипотека, потребительское кредитование, автокредитование) виды страхования;
- превалирование страхования предприятий и корпоративных клиентов в ущерб массовым видам страхования, рассчитанным на физических лиц (за исключением ОСАГО), — низкий уровень проникновения и социализации страховых услуг;
- концентрация страхового бизнеса в Москве в рамках деятельности нескольких десятков крупных страховых компаний;
- малые объемы реального рынка страхования жизни вплоть до конца 2000-х годов, отсутствие коммерческих страховщиков в пенсионной реформе;

- зависимость от зарубежного перестрахования;
- недостаточное развитие независимых страховых посредников и инфраструктуры страхового рынка;
- рост страховых взносов долго не сопровождался соответствующим ростом реальных активов страховых компаний;
- высокие расходы на ведение дела у российских страховщиков;
- существование в 1990-х — начале 2000-х годов значительной доли страховых взносов, приходящихся на «серые» схемы налоговой оптимизации;
- покрытие государством наиболее резонансных событий и убытков, которые не были застрахованы.

На развитие страхового рынка в 2013–2014 годах оказали влияние многие факторы, но Банк России выделил¹ четыре наиболее существенных:

- трудности с перестрахованием,
- обесценение национальной валюты,
- активизация мошенничества,
- снижение покупательной способности.

Представляется, что проблемы с перестрахованием предприятий и граждан, попавших под экономические санкции, распространяются не на весь страховой рынок и могут быть решены на основе предоставления государственных гарантий или создания государственного перестраховщика. Дополнительными факторами, негативно влияющими на развитие страхового рынка, в рассматриваемый период стали:

- продолжающийся рост убыточности на фоне роста потребительского движения на страховом рынке;

¹ Агентство «Финмаркет», 23.06.2015.

- падение темпов развития кредитования и, соответственно, связанного с ним страхования;
- нарастание разочарования собственников страхового бизнеса, вынужденных вкладывать дополнительные средства из-за неуклонного повышения нормативных требований к величине и наполнению собственных средств страховщика.

В 2013–2016 гг. экономические процессы, происходившие на страховом рынке, а также очередной этап формирования нормативно-правовой базы регулирования страховой отрасли оказали неоднозначное влияние на развитие страхового рынка и систему защиты прав страхователей в Российской Федерации.

В рассматриваемый период Банк России практически выполнил задачу по улучшению качества собственных средств и страховых резервов у страховщиков. Также были приняты и вступили в действие поправки в страховое законодательство в части информирования страхователей, а также в связи с развитием косвенных механизмов обеспечения прав страхователей через формирование системы внутреннего контроля и аудита, взаимодействие с депозитариями, актуарную деятельность.

Происходило существенное сокращение численности страховых компаний, рост убыточности по ключевым видам страхования, усиление надзорного давления со стороны Банка России, которое повлекло не только оптимизацию страховщиками расходов на ведение дел, но и в значительном числе случаев ограничение выплат страхователям, часто с нарушением их законных прав. Это, в свою очередь, породило проблему в тех случаях, когда страхователи и выгодоприобретатели могут настоять на

своих правах и получают поддержку независимых юристов в судах. К 2016 году стало очевидно углубление кризиса на рынке ОСАГО.

Структура страховых взносов в нашей стране сдвинута в сторону корпоративного страхования, страховые интересы граждан во многих случаях остаются не только нереализованными, но часто и невыявленными. Существенно отстает в развитии взаимное страхование, практически отсутствует микрострахование, составляющие существенную долю рынка на многих национальных страховых рынках.

Необходимость более четкого структурирования целей и задач развития страхования в России связана и с определенным когнитивным диссонансом из-за формально декларируемого начиная с 2008 года приоритета добровольных видов страхования на фоне принятия все новых видов обязательного страхования (проект введения обязательного страхования жилья) или расширения практики существующих и приобретших за время существования негативную оценку у значительной части российского общества.

Вышеуказанные причины, а также имеющиеся в России кризисные явления на финансовых рынках и в социальной сфере, а также действие санкционного режима в отношении нашей страны побуждают рассмотреть возможности по совершенствованию практики целеполагания и, соответственно, регулирования страхового рынка. Основная цель — повышение уровня защищенности и комфортности жизни российских граждан должна учитывать сложившееся недоверие к страховым компаниям и возможности получения справедливых страховых выплат. Среди первоочередных мер и задач, направленных на выполнение этой цели, необходимо особо выделить следующие.

- Формирование концепции регионального развития страхования в России, в том числе принятие изменений в Закон РФ от 27.11.1992 № 4015-1 (ред. от 03.07.2016) «Об организации страхового дела в Российской Федерации» касательно выделения региональных компаний и установления им адекватных требований к капиталу и собственным средствам одновременно с ограничением деятельности в отношении обязательного страхования и территории страхования.
- Модернизация регулирования обществ взаимного страхования (ОВС) с целью повышения их роли в страховании граждан и малого бизнеса.
- Совершенствование рынка моторного страхования, включая реформу ОСАГО в части изменения условий тарификации на основе более полного учета факторов риска, а также формирование стандартов автокаско, учитывающих возможность и необходимость использования франшиз.
- Формирование и совершенствование механизма государственно-частного партнерства на рынках страхования имущества граждан (муниципальное страхование жилья, микрострахование) и медицинского страхования (инкорпорация обязательного медицинского страхования в полисные условия по добровольному страхованию и/или в платные медицинские услуги).
- Развитие рынка страхования жизни на основе принятия мер по его популяризации, введения новых мер налогового стимулирования, формирования системы государственных и/или отраслевых гарантий сохранности накоплений граждан в полисах страхования

- жизни; разработка мер по включению коммерческих страховщиков в пенсионную реформу.
- Повышение качества корпоративного управления в страховых компаниях, повышение финансовой устойчивости самих страховщиков и страхового рынка в целом.
  - Формирование комплекса мер по повышению транспарентности деятельности страховых агентов, в том числе на основе ведения единого российского Реестра страховых агентов.
  - Совершенствование программ повышения финансовой грамотности в части страхования, разработка мер по повышению не только страховой культуры, но и культуры страхования.
  - Формирование мер по обеспечению прав страхователей, выгодоприобретателей и застрахованных лиц на случай банкротства страховой компании, а для эффективного разрешения спорных случаев при организации страховых выплат обеспечить создание института страхового омбудсмена в приоритетном по отношению к иным финансовым рынкам порядке.
  - Восстановление института типовых правил страхования и совершенствование стандартов ведения страхового бизнеса, в том числе на основе применения системы профстандартов.

Следует признать, что в настоящее время институциональная структура страхового рынка сдерживает его развитие, вызывая появление ряда противоречий и способствуя ориентации на экстенсивный путь развития и введение новых видов обязательного и/или вмененного страхова-

ния. Для подлинной социализации страховых услуг созданы базовые условия, но многое еще предстоит, и в первую очередь необходимы меры по стимулированию и развитию рынка страхования в России, направленные не на формальное увеличение страховых взносов, но более на улучшение качества страховой защиты и реальный рост добровольного страхования.

Государственные программы развития страхования в 1990–2010-х гг.

№	Наименование	Период действия	Цель	Количественные показатели выполнения	Примечание
1	Основные направления развития национальной системы страхования в Российской Федерации в 1998–2000 годах	1998–2000 гг.	Создание эффективной системы страховой защиты имущественных интересов граждан и юридических лиц в Российской Федерации, обеспечивающей: реальную компенсацию убытков (ущерба, вреда), принимаемых в результате непредвиденных природных явлений, техногенных аварий и катастроф и негативных социальных обстоятельств, за счет резервов страховых организаций при снижении нагрузки на бюджет; формирование необходимой для экономического роста надежной и устойчивой хозяйственной среды; максимальное использование страхования как источника инвестиционных ресурсов	...основные количественные показатели отечественного страхового рынка (объем страховых взносов и емкость страховых компаний) возрастут в 2–2,5 раза. Будет обеспечен опережающий рост добровольного страхования в 2–3 раза в сравнении с 1,5–2-кратным увеличением масштабов обязательного страхования. Наиболее быстрыми темпами должно развиваться имущественное страхование и страхование ответственности (увеличение в 3–5 раз к концу 2000 года) при относительном замедлении темпов ОМС.	В России страхуется менее 10 процентов потенциальных рисков (против 90–95 процентов в большинстве развитых стран), 90 процентов собственности предприятий не обеспечено страховой защитой

2	Концепция развития страхования в Российской Федерации	2002 – 2007 гг.	Основными целями развития страхового дела остаются разработка и реализация мер по удовлетворению потребностей в страховой защите населения, организаций и государства, которые являются стимулом расширения предпринимательской деятельности и аккумулирования долгосрочных инвестиционных ресурсов для развития экономики государства	Доля совокупной страховой премии во внутреннем валовом продукте предположительно составит около 5 процентов	При существующем уровне платежеспособного спроса на услуги добровольного страхования приоритетным является обязательное страхование, которое позволит создать страховую защиту для потенциально рискованных групп населения, юридических лиц, а также значительно снизить затраты государства на возмещение ущерба пострадавшим в результате стихийных бедствий, аварий и катастроф
---	---	-----------------	--	---	---

3	Стратегия развития страховой деятельности в Российской Федерации на период до 2013 года	2008–2013 гг.	Определение перспективных направлений развития страховой деятельности и государственных мер по совершенствованию страхового законодательства и его правоприменению	Доля страховых премий в ВВП будет обеспечивать рост на 0,1–0,2% в год и к 2010 году составит 2,5–2,6%, к 2012 году – 2,8–3%. Увеличится объем инвестиций в экономику (страховые резервы к 2010 году составят около 700–750 млрд рублей, к 2012 году – 800–850 млрд рублей)	Страхование как один из эффективных рыночных механизмов управления рисками призвано способствовать обеспечению стабильного развития экономики и социальной сферы. В Стратегии выделены разделы «Повышение финансовой грамотности и информированности» и «Защита прав потребителей страховых услуг»
---	---	---------------	--	--	--

4	Стратегия развития страховой деятельности в Российской Федерации до 2020 года	2013–2020 гг.	<p>... комплексное содействие развитию страховой отрасли, в частности превращению ее в стратегически значимый сектор экономики России, обеспечивающий:</p> <ul style="list-style-type: none"> повышение экономической стабильности общества; повышение социальной защищенности граждан и снижение социальной напряженности в обществе <p>путем проведения эффективной страховой защиты имущественных интересов граждан и хозяйствующих субъектов;</p> <p>привлечение инвестиционных ресурсов в экономику страны</p>	<p>В качестве контрольных индикаторов успешной реализации «дорожной карты» выбраны показатели, характеризующие проникновение страхования в экономику России, общепринятые количественные финансовые показатели деятельности страховщиков, показатели, характеризующие соотношение добровольных и обязательных видов страхования, свидетельствующие о сценарии (экстенсивный или интенсивный), по которому происходит развитие страховой отрасли, показатели роли страхования в обществе</p>	<p>План мероприятий («дорожная карта») определяет комплекс мер по содействию развитию страховой отрасли и ее становлению как стратегически значимого сектора экономики России</p>
---	---	---------------	---	---	---

Источник: составлено автором по государственным программам развития страхования

Пятая экспертная сессия Координационного клуба ВЭО России на тему «Страховой рынок Российской Федерации: проблемы и перспективы развития», медиацентр «Российской газеты»

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА: ОПЫТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

WORKFORCE PRODUCTIVITY: EXPERIMENT OF SOCIO-ECONOMIC ANALYSIS

Г.Л. ПОДВОЙСКИЙ

Член Правления ВЭО России, ведущий научный сотрудник Центра макроэкономических отношений Департамента экономической теории ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ», кандидат экономических наук

G.L. PODVOYSKIY

Member of the Board of the VEO of Russia, leading research associate of the Centre of the macroeconomic relationship of the Economic theory department of the Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Financial University under the Government of the Russian Federation», Ph.D. in Economics

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются основные причины отставания производительности труда в России от европейского и американского уровня. По мнению автора статьи, корни низкой производительности труда следует искать в советском периоде. Рост производительности труда в тот период сдерживался высокой долей ручного труда, его низкой технической и технологической оснащённостью, высоким уровнем производственного травматизма и т. д.

Масштабная экономическая трансформация 90-х годов оказала существенное влияние на все процессы, которые происходили в сфере труда. «Старые» проблемы советского периода наложились на новые, возникшие в ходе смены экономической модели. Автор особо выделяет весь комплекс низкой производительности труда с тем, чтобы все это было учтено при разработке национальной программы по повышению производительности труда, которая должна быть представлена в мае этого года на Совете по стратегическому развитию и приоритетным проектам при Президенте РФ.

ABSTRACT

The main reasons for the workforce productivity lagging in Russia compared to the European and American level have been studied in the article. It is the author's opinion that the origins of the low workforce productivity should be sought in the Soviet period. The growth of the workforce productivity at that period was held back by the high share of the hand-labour, its low technological and engineering infrastructure, high level of the workplace injuries and etc.

Widespread economic transformation of the 90s had significant influence on all the process in the sphere of labour. The "old" issues of the Soviet period were combined with the new, which resulted in the course of the change of economic model. The author puts an emphasis on the whole complex of the low workforce productivity in order that it all should be considered at national program of the workforce productivity's increase, which is to be presented in May, 2017 at the RF Presidential Council of the strategic planning and priority projects.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Сфера труда, производительность труда, ручной труд, научная организация труда, мотивация труда работника, управленческие практики, национальная программа по повышению производительности труда.

KEY WORDS

Labour sphere, workforce productivity, hand-labour, scientific labour management, labour motivation, management practice, national program of workforce productivity's increase.

Совет по стратегическому развитию и приоритетным проектам при Президенте РФ на своем заседании 21 марта рассмотрел вопрос о производительности труда в стране. Впервые за 25 лет постсоветской истории эта проблема была включена в общенациональную экономическую повестку дня и внесена на столь высокий государственный уровень.

Предваряя обсуждение на Совете, Президент РФ В. Путин особо подчеркнул, что производительность труда — «ключевой вопрос экономического развития», отметив, что сегодня она отстает от европейского и американского уровня.

Так, по данным экспертов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), за человеко-час в России производится продукта на \$25,9. Это вдвое меньше среднего показателя стран еврозоны — \$55,9.

Самый высокий показатель производительности труда, по данным ОЭСР, в Люксембурге (\$95,9), Норвегии (\$88) и Бельгии (\$66,5).

По подсчетам ОЭСР, Россия сегодня уступает США в производительности более чем вдвое — в пересчете на ВВП за человеко-час в США производят продукции на \$67,4¹.

---

¹ Автор настоящей статьи не ставил перед собой задачу анализа методов расчета производительности труда.

По мнению одного из ведущих российских экономистов профессора М. Делягина, производительность труда в экономике у нас очень плохо считается: берут ВВП и делят его на число работающих. При этом полностью игнорируется тот факт, что у нас ВВП зависит не от качества труда, а от цен на нефть, и получается, что когда цена на нефть растет, с производительностью труда все «улучшается», а когда падает — «ухудшается», хотя ситуация остается той же самой.

В своем выступлении на Совете В. Путин особо подчеркнул, что «нам нужно форсировано наращивать производительность труда, ежегодно минимум на 5–6% увеличивать. За этими цифрами — рост эффективности экономики и предприятия, создание современных рабочих мест и достойной заработной платы, а значит, будут увеличиваться, если мы решим эту задачу, и доходы граждан — они смогут обеспечивать свои семьи, своих детей.

Хорошие профессиональные перспективы откроются и для молодежи, которая только выходит на рынок труда. Совместно с регионами, предприятиями, бизнесом следует выстраивать четкую, работающую систему поддержки занятости и трудовой мобильности. Подход должен быть один: если одно старое неэффективное рабочее место сокращается — значит, как минимум одно новое должно быть создано как на открывающихся крупных современных предприятиях, так и в малом бизнесе.

Производительность труда, подчеркивает М. Делягин, у нас считается по западным методикам, и она не учитывает специфики российской экономики. На одной из конференций западным экспертам был задан вопрос, учитывают ли они всю выпущенную продукцию или только выпущенную официально: ведь известно, что даже на многих крупных заводах часть продукции выпускается неофициально.

С мнением профессора М. Делягина солидаризируется и д. э. н. Н. Кричевский.

В 2011 году в российской промышленности было занято чуть больше 27% от общего количества рабочей силы, в сельском хозяйстве — 8%, в сфере услуг — почти 65%. Так в чем же измерять производительность работников каждого сектора, в физических или денежных величинах? Во многих случаях предпочтение будет отдано деньгам.

Если мы подразумеваем, считает Н. Кричевский, физический способ измерения (количество комбайнов, объемы добычи нефти или центнеры с гектара), требуется один подход к повышению производительности. При этом разговор будет идти о росте трудоотдачи всего лишь 35% занятого населения. Если же мы говорим о финансовых показателях, примерно, 65% всех занятых работников, то и подход будет иной. К слову, нефтяники давно этот постулат усвоили и нашли множество способов повышать финансовые результаты производства, не увеличивая физический объем продукции.

Если завтра российская нефтянка гипотетически значительно увеличит нефтедобычу, мировые цены на «черное золото», столкнувшись с избытком предложения, поползут вниз. Как следствие — налоговые поступления уменьшатся, дефицит бюджета увеличится, рубль ослабнет, инфляция возрастет, зато с производительностью все будет в порядке.

Особое значение приобретает малый бизнес. Нужно дать возможность каждому человеку получить новую работу или открыть свое дело, повысить свою квалификацию или освоить другую профессию, поэтому принципиально важно, чтобы программа повышения производительности труда осуществлялась в тесной координации с мерами по подготовке кадров и развитию предпринимательства.

Предлагаю отработать этот механизм в нескольких субъектах Федерации в рамках региональных программ повышения производительности труда и прошу Правительство отобрать такие регионы, оказать им все необходимое содействие. На федеральном уровне нужно провести ревизию нормативно-правовой базы, снять излишние барьеры, мешающие формированию современного рынка труда, создать дополнительные стимулы для компаний повышать производительность, проводить технологическое обновление и создавать новые рабочие места ...

...Важно найти баланс между задачами роста производительности труда, интересами бизнеса и интересами людей. Права граждан на труд, безусловно, должны быть защищены в условиях новой технологической революции».

Завершая свое выступление, Президент РФ предложил «на федеральном уровне с участием институтов развития создать центр компетенции. Его задача — распространить лучший мировой опыт, лучшие российские практики в сфере повышения производительности и организации труда. Речь о том, как оптимизировать производственный и бизнес-процессы, мотивировать работников. Этими знаниями должны владеть и представители органов власти, в том числе на местах, и управленческий персонал предприятий».

В чем же причина низкой производительности труда в России по отношению к европейскому и американскому уровню?

Производительность труда — это многоаспектная и многофакторная проблема, которая требует глубокого научного анализа и осмысления. По нашему мнению, корни низкой производительности труда коренятся в советском периоде. Россия вступила в период крупномасштабных экономических трансформаций с грузом «старых» проблем в сфере труда, которые накопились в советский период. Но при переходе на новую экономическую модель возникли «новые» проблемы, которые наложились на старые, в том числе на проблему производительности труда.

1. Производительность труда: советское наследие

Вопрос производительности труда в течение всей истории советского периода рассматривался как один из важнейших и приоритетных. При этом он рассматривался не только как экономический вопрос, ему придавалось большое значение как вопросу идеологическому и политическому.

О необходимости увеличения производительности труда постоянно и в своих выступлениях и статьях говорил руководитель советской России В.И. Ленин, подчеркивая, что производительность труда очень важна для победы нового общественного строя.

В 1920-х годах повышение производительности труда было провозглашено одним из главных целей экономической политики СССР. В 1929 году И. Сталин выдвинул лозунг «Пятилетку — в четыре года!». В 1931 году были опубликованы «Шесть условий» генсека, посвященные, в частности, борьбе за производительность путем механизации, улучшения организации труда и развития хозрасчета.

В 1935 году в Донбассе родилось стахановское движение. 31 августа шахтер Алексей Стаханов добыл за смену 102 тонны угля при норме 7 тонн, а 19 сентября увеличил рекорд до 227 тонн. И. Сталин призвал распространить его опыт на весь СССР. За перевыполнение норм и планов выплачивались крупные премии.

В послевоенные годы производительность пытались поднять с помощью более эффективной организации труда. Кроме того, работников предприятий поощряли за рационализаторские предложения, которые позволяли повысить эффективность и производительность труда, премиями и различными льготами.

Ученые и специалисты по экономике труда, изучавшие производительность труда в тот период, проводили свои исследования в рамках негласных ограничений, поскольку на изучение целого ряда проблем в сфере труда были положены негласные табу.

Однако нельзя отрицать тот факт, что СССР действительно добился больших успехов в повышении производительности труда: с 1913 по 1975 год в промышленности она возросла в 24,7 раза; в сельском хозяйстве в 1975 году увеличилась по сравнению с 1913 годом в 5,6 раза. По темпам прироста производительности труда СССР в 1950-е, 1960-е и 1970-е годы опережал США (см. таблицу 1).

Таблица 1

Темпы прироста производительности труда в промышленности СССР и США (в расчете на 1 работающего), %. 1950=100%

	1951–1955	1956–1960	1961–1965	1966–1970	1971–1975
СССР	8,2	6,6	4,6	5,8	6,0
США	3,6	2,7	4,9	2,3	3,2

Повышение производительности труда, по мнению ученых по экономике труда того периода, зависело от ряда факторов: уровня технической вооруженности труда, организации труда и производства, улучшения условий труда, квалификации кадров, развития социалистического соревнования.

Уровень технической вооруженности труда определяется научно-техническим прогрессом. Один из важнейших показателей его роста — повышение его электровооруженности. Однако, несмотря на значительный рост электровооруженности труда СССР в советский период, оно отставало от ведущих капиталистических стран.

В рамках пятилетних планов страны осуществлялась программа увеличения парка высокопроизводительных машин, обслуживающих различные отрасли народного хозяйства, повышения уровня механизации работ, комплексной механизации и автоматизации производства, что вело к повышению фондовооруженности труда и позволяло повысить его производительность. Однако, несмотря на это, доля ручного труда в советской экономике была весьма значительна, и это была очень серьезная экономическая и социальная проблема.

Численность вспомогательных рабочих в промышленности СССР, занятых преимущественно ручным, а также тяжелым физическим трудом, в абсолютных значениях увеличивалась вплоть до начала 1970-х годов, а их удельный вес в общем количестве промышленных рабочих сокращался во второй половине 1960-х годов менее чем на один процент в год.

При подготовке экономической реформы ЦСУ в августе 1965 года провело массовый учет вспомогательных рабо-

чих в промышленности. Учет проводился по профессиям на предприятиях с общей численностью рабочих около 20 млн человек, что составляло 90% всех рабочих промышленности. Из этого числа рабочих более 10,5 млн человек являлись основными производственными рабочими и свыше 9 млн (46,5%) — вспомогательными рабочими. Во многих отраслях производства численность вспомогательных рабочих значительно превышала число основных производственных кадров.

Результаты статистического учета показали, что из 20 млн учтенных рабочих промышленности более 8 млн человек (40,9%) выполняли работу вручную (без использования машин и механизмов), из них 4,3 млн рабочих (53,8%) являлись вспомогательными рабочими. В общей численности промышленных рабочих доля рабочих, занятых ручным трудом, составляла 36%. Наиболее высокой доля ручного труда была в машиностроении и металлообработке, в легкой и пищевой промышленности, в стекольном и фарфорово-фаянсовом производстве, а также в промышленности строительных материалов. В числе рабочих, выполнявших все виды работ вручную, без использования каких-либо машин и механизмов, доля вспомогательных рабочих в названных отраслях промышленности составляла 55–70%. Значительная часть вспомогательных рабочих была занята погрузочно-разгрузочными работами и транспортировкой грузов. Большая численность и высокий процент вспомогательных рабочих в промышленности определялись в основном низким уровнем механизации и организации вспомогательных работ.

Наличие большого количества рабочих, занятых ручным трудом, свидетельствовало о существенных недостатках

в технологии и организации труда на производстве. Именно эти факторы в значительной мере сдерживали рост производительности труда.

Повысить эффективность и производительность труда позволяет организация производства, включающая рациональное размещение производительных сил, широкую специализацию и кооперирование предприятий и отраслей народного хозяйства, организацию ритмичной работы предприятий, улучшение их материально-технического снабжения, сокращение простоев оборудования и др.

Большое значение в плане производительности труда (особенно после 1965 года) придавалось научной организации труда (НОТ).

Так, в 1971–1975 годах реализованные мероприятия НОТ обеспечили примерно 20–25% прироста производительности труда в промышленности и строительстве. Улучшение условий и организации труда способствовало сохранению здоровья работников, повышало их работоспособность, создавало возможности и условия для их всестороннего развития.

Применяя арсенал различных средств и методов расстановки и организации работников, нормирования труда, улучшения условий и охраны труда и т. д., научная организация труда позволяет каждому работнику наиболее экономно использовать свое рабочее время и достигать максимальной производительности труда.

Важную роль для развития НОТ в советский период сыграло Всесоюзное совещание по научной организации труда, состоявшееся в июне 1967 года и определившее в своих рекомендациях дальнейшие пути развития работы в области НОТ. Эти рекомендации, по сути, на два десятилетия,

вплоть до перестройки, обозначили направления работы по НОТ в стране.

После совещания 1967 года был создан Всесоюзный научно-методический центр по организации труда и управления производством Госкомтруда СССР (ВНМЦентр). НИИ труда и ВМЦентр стали межотраслевыми головными научно-исследовательскими организациями, проводившими исследования и координирующими работу отраслевых НИИ, проектных институтов по широкому спектру проблем труда, в том числе и по НОТ. Кроме того, ВМЦентр стал координатором деятельности отраслевых центров научной организации труда и управления производством (ЦНОТ и УП). На предприятиях создавались службы НОТ. Мероприятия по внедрению НОТ стали планировать централизованно. В народно-хозяйственном плане появились обязательные задания по НОТ, которые доводились до каждого предприятия и включались в их техпромфинпланы. Была введена обязательная годовая статистическая отчетность о внедрении мероприятий по НОТ.

Начиная с 1985 года внимание к проблемам НОТ резко снизилось, а работа по научной организации труда начала сворачиваться. Стали упраздняться подразделения по НОТ на предприятиях, отраслевые центры НОТ, остановлены научные исследования, проводимые НИИ труда. В 1996 году на базе ВМЦентра создан Всероссийский центр охраны и производительности труда (ВЦОПТ). В 2002 году на базе упраздненных Института труда, Института рынка труда и Центрального бюро нормативов по труду (ЦБНТ) создан Институт труда и социального страхования.

Одной из серьезных проблем, которая тормозила повышение производительности труда в советский период,

стал производственный травматизм. В Основах законодательства Союза ССР и союзных республик о труде было записано, что ни одно предприятие, цех, участок, производство не могут быть приняты и введены в эксплуатацию, если на них не обеспечены здоровые и безопасные условия труда. Государство ежегодно направляло на обеспечение техники безопасности и улучшение условий труда большие средства.

Вопросы техники безопасности и охраны труда в СССР находились в ведении профессиональных союзов. Однако реальным решением этих вопросов зачастую приходилось заниматься партийным органам, поскольку профсоюзы не обладали необходимым влиянием, чтобы преодолеть административные барьеры.

Уровень производственного травматизма в стране оставался высоким. Так, по данным ЦСУ РСФСР, в 1966 году в Российской Федерации пострадали от производственных травм во всех отраслях народного хозяйства 632,5 тыс. чел. В отдельных отраслях народного хозяйства на одну тысячу работающих приходилось до 46 чел., пострадавших от производственных травм.

Наиболее высокий и тяжелый травматизм наблюдался в нефтедобывающей промышленности, геологии, газовой промышленности, цветной металлургии и химической промышленности. Повышенный травматизм отмечался также при выполнении монтажных и строительных работ. В отдельных отраслях был зафиксирован рост числа смертельных случаев.

Вследствие производственного травматизма в 1966 году в народном хозяйстве было потеряно 12,2 млн человеко-дней, в том числе в промышленности — 6,8 млн человеко-

дней, в сельском хозяйстве — 2,6 млн, в строительстве — 1,1 млн человеко-дней.

Анализ причин производственного травматизма в советский период позволял сделать вывод, что подавляющее большинство работников пострадали из-за несоблюдения норм и правил техники безопасности.

Наряду с экономическими потерями из-за неудовлетворительных условий труда, производственного травматизма и профессиональных заболеваний государство имело большие социальные издержки, связанные с выплатой пособий по временной нетрудоспособности, пенсий по инвалидности и по случаю потери кормильца. Это побуждало государство ежегодно выделять значительные, хотя и явно недостаточные, средства на проведение работ по охране труда.

К середине 70-х годов административно-командная система управления экономикой начала давать сбои. Руководство страны неоднократно принимало решения, направленные на преодоление диктата ведомственной бюрократии, на развитие экономических методов хозяйствования, расширение самостоятельности предприятий. Но все решения оставались на бумаге. Академик Л.И. Абалкин подчеркивал, что драматизм ситуации в 1970-е годы состоял в том, что коренные экономические преобразования в которых нуждалась экономика, не реализовывались, а все строилось на бесконечном словоблудии.

Переход от экстенсивного экономического развития к интенсивному не происходил. Началось торможение научно-технического прогресса, усилилось отставание от Запада. Приоритетно развивались лишь отрасли военно-промышленного комплекса. Гражданское производство получало все меньше ресурсов.

В 1960-е и 1970-е годы страна пропустила три этапа научно-технической революции: переход к компьютерным технологиям, политике ресурсосбережения и к так называемой «зеленой революции».

Все прогрессивные, коренные преобразования в экономике сдерживались старой системой управления и планирования.

Курс на повышение доходов населения, на рост его образования, улучшение жилищных условий способствовал развитию потребностей, повышению спроса на новые более качественные товары и услуги. Однако производство товаров народного потребления, организация снабжения продовольствием, развитие сферы услуг, торговли, индустрии отдыха, медицинского обслуживания было на низком уровне.

К началу 1980-х годов состояние экономики, как писал в своем очерке «Авансы и долги» Н.П. Шмелев, не удовлетворяло никого.

В 1987 году началась подготовка документов по повышению эффективности советской экономики. В аналитической записке по актуальным проблемам советской экономики один из лучших советских экономистов академик А.И. Анчишкин так определил главные причины низкой производительности труда в стране:

- высокий удельный вес ручного труда (по его оценкам ручным трудом занято 50 млн человек);
- большие потери рабочего времени в промышленности (по его оценке 15%);
- низкая техническая и технологическая оснащенность труда;
- излишняя численность работников на предприятиях и в организациях (в среднем по стране от 10 до 20%);

- высокий уровень производственного травматизма;
- искусственное сдерживание роста квалификации работников¹.

А.И. Анчишкин делал вывод, что «ослабевание социальных и экономических стимулов к эффективному и качественному труду, объясняемое отсутствием заинтересованности в рабочем месте, отрывом оплаты труда от его количества и качества, трудностями в реализации денежных доходов, скрытым ростом цен и другими факторами. Без преодоления этих отрицательных явлений нельзя обеспечить ускорение роста производительности труда, экономию материальных ресурсов на основе ускорения научно-технического прогресса».

Но в своей записке он не анализирует, почему к началу 1980-х годов были сильно ослаблены стимулы к труду. Здесь уместно привести мнение В.С. Павлова, последнего премьера СССР, и его оценку, почему ослабли стимулы к производительному, добросовестному и качественному труду.

«На протяжении десятилетий СССР — пишет В.С. Павлов в книге «Верю в Россию» — шел путем наращивания общественных фондов потребления. Мы по праву гордились бесплатным образованием, здравоохранением, жильем, льготными путевками в санатории, пионерскими лагерями. Но на пороге 1980-х годов сложилась ситуация, при которой доля общественных фондов в потребительской корзине (это понятие я толкую здесь расширительно, как совокупность всех потребностей) превысила 50 процентов. Практически это означало, что больше половины произ-

¹ Начальник управления социальной политики аналитического центра при Правительстве РФ Н. Николаева считает, что на производительность труда в советский период существенно влияли устаревшие мощности и технологии, неэффективная организация и дисциплина труда.

веденного национального дохода мы стали распределять бесплатно, а поэтому роль трудовых стимулов резко упала: зарплата перестала быть главным мерилем жизненного уровня и человеку почти невыгодно хорошо работать. Особенно сильно такой перекося ударил опять-таки по передовой части общества, шедшей в авангарде НТР. Непомерно возросшая доля общественных фондов потребления не просто вела к уравниловке — она давала отрицательный результат: чем больше и лучше люди трудились, тем относительно меньше они начинали зарабатывать. Все это тоже требовало внести принципиальные изменения в систему оценки труда».

И еще исключительно важная причина, которая влияла на производительность труда. Это качество трудовых ресурсов.

Вот как охарактеризовал эту проблему академик Ю.В. Яременко.

По его словам, самое страшное, что произошло в экономике в 1980-е годы, — это порча трудовых ресурсов. Крупные контингенты занятых работали в условиях с элементами принудительного труда. Это прежде всего лимитчики. Очень много людей в нашей стране прошло через «лимит». Крупным контингентам занятых привили антиобщественный комплекс, комплекс отчуждения. Они воспринимают труд как принудительный акт.

Для этих людей, считал Ю.В. Яременко, проблема заключается не в том, чтобы интегрироваться в общество, а в том, чтобы ему противостоять. Противостоять тем силам, которые пытаются их себе подчинить. Профессиональная деградация, пьянство, дисквалификация — это скорее уже явления второго порядка. Это характеристики социального типа человека, который формируется в этих условиях.

На нашем производстве вместо социализации происходит активная десоциализация, обучение антиобщественным навыкам. Возникает асоциальный тип человека. Вопрос об измерении масштабов этого процесса очень важен. Если мы пропускаем большое количество людей через такую «школу», то что они там приобретают? Очень немногие и лишь в особых условиях могут затем преодолеть те асоциальные мотивации и навыки, которые они там приобрели.

Что мы можем ожидать от человека, прошедшего через «лимит»? Максимум — это стремление зарабатывать деньги. У многих не остается даже этого. Но даже те, кто не деградировал, кто себя ценит и хочет зарабатывать, — что это за люди? Это асоциальные личности, которые не могут интегрироваться в социальный коллектив. Возможность создания из этих людей плодотворно работающих коллективов весьма и весьма проблематична.

Эти людей очень конфликтны, они с большим трудом идут на сотрудничество друг с другом, с администрацией. Главная их черта — это сильный негативизм. Это отнюдь не «классовое самосознание», если понимать под ним стремление к некой консолидации, отстаиванию общих интересов. Это форма социальной дезинтеграции, которую люди приобретали, начиная с ПТУ, оргнаборов, армии и т.п.

Эти разрушительные тенденции, по мнению Ю.В. Яременко, сильнее всего проявились в конце 1970-х годов.

2. СФЕРА ТРУДА: ПОСТСОВЕТСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

25 лет назад был дан старт широкомасштабной трансформации советской экономической модели. В сфере труда произошли радикальные изменения. Эти изменения были связаны не только с тем, что была разрушена прежняя мо-

дель «выращивания работника»: сменилась вся система социальных лифтов, которые работали в советский период, а с ней и вся трудовая идеология, которая культивировалась в прежней системе. Почему это произошло?

Первое. Процесс приватизации государственных предприятий разрушил монополию государства как главного и единственного работодателя. Возникли акционерные общества, частные предприятия, индивидуальные предприниматели. Для людей старшего и среднего поколения отношения «хозяин — работник» были в новинку, а новый Трудовой кодекс, который законодательно оформлял отношения сторон, их права и обязанности, был принят только в 2001 году и введен в действие с 1 февраля 2002 года, т.е. через десять лет после начала экономических реформ.

Второе. За прошедшие 25 лет произошли глубокие качественные изменения в сфере труда. С одной стороны, налицо были радикальные изменения к худшему: неработающие предприятия и организации, ликвидация многих учебных и научных центров, рост явной и скрытой безработицы, очень низкая плата за труд, постоянные задержки выплаты заработной платы миллионам наемных работников.

Ведущий английский экономист, директор Центра научных исследований проблем развития Кембриджского университета профессор Питер Нолан так описал эти процессы:

«В 1992 году мы с женой были в Санкт-Петербурге, я там читал курс лекций. Я никогда не забуду того, что увидел тогда: людей, которые были раздавлены, их культура растоптана, нищих инженеров и ученых, продававших ботинки и прочую мелочь. Это ужасное зрелище — разрушение культуры и потерянные люди, потерявшие все. Сейчас на Западе

говорят, что альтернативы не было. Я думаю, это абсолютно не так. Уверен, были и другие варианты».

Но, с другой стороны, набирала силу и другая тенденция: открылись новые возможности для активных, инициативных людей, исчезли потолки заработной платы, появились новые рабочие места в новых фирмах и компаниях, созданных самими людьми.

Третье. Резкое обнищание большинства работающих приводило к необходимости смены профессий, шли процессы массовой деквалификации и маргинализации высококвалифицированных рабочих и инженеров. Это был колоссальный психологический шок для людей.

Вице-президент Никитского клуба, научный редактор журнала «Эксперт» А.Н. Привалов, выступая на заседании клуба, посвященного 25-летним итогам рыночных реформ в России, подчеркнул, что 90-е годы — это время страшной социальной деградации, это время, когда целые интеллектуальные слои общества ударились в нищету и спустились по квалификационной пирамиде.

Четвертое. Начавшийся со второй половины 90-х годов массовый приток низко квалифицированной рабочей силы из ближнего зарубежья деформировал зарождающийся российский рынок труда и привел к существенному падению стоимости рабочей силы.

Пятое. Труд в постсоветский период стал фактически монопольным средством обеспечения благосостояния. На социальные гарантии и льготы, которые существовали ранее в советское время, сегодня наемный работник уже не может рассчитывать. Именно поэтому в настоящее время большинство россиян готовы к работе. Но эта готовность не очень добровольная, скорее даже вынужденная.

Шестое. Люди старшего поколения жили в трех эпохах: сначала в Советском Союзе, потом в «лихие 90-е», теперь — при втором издании российского капитализма. И у российских граждан, в большинстве своем, за прошедшие годы была настолько подорвана ментальность, что они без особых на то причин испытывают негатив к работодателю, приходят на работу не для того, чтобы развивать себя и компанию, а используют принцип «инициатива наказуема» и не видят связи между результатами своей работы и зарплатой.

У российских работников не высока мотивационная составляющая, они редко держатся за рабочее место. К тому же они понимают, что, если их захотят уволить, они вряд ли что-то смогут сделать. В Европе развита профсоюзная деятельность, у людей, оставшихся без работы, достаточно хорошее пособие по безработице — они чувствуют себя более защищенными, знают свои права.

Седьмое. Исследователи отмечают, что корни многих трудовых проблем постсоветского периода лежат не только в сфере экономического устройства и дефицита мощных социальных институтов, но и в том специфическом состоянии, в котором находится вся сфера правоприменения. Опросы показывают, что большинство российских граждан отчетливо понимают, что мы живем в обществе взаимной безответственности и попустительства.

Восьмое. Попытки сформулировать некие неизменные культурные национальные матрицы российского работника, как «относиться к труду с прохладцей», эксперты считают тупиковым направлением при изучении проблемы трудовой мотивации работника. Наоборот, исследования показывают, что во многих российских фирмах и организа-

циях удается изменить доминирующую трудовую мотивацию «поменьше усилий — побольше вознаграждение».

Девятое. Опросы показывают, что для работника с увеличением трудового стажа и профессиональной квалификации становится важным не только заработок, но и интересная работа. Социологи сформулировали эту установку так: «побольше зарабатывать на интересной работе в хорошем окружении и при высокой гарантии занятости: чтобы тобою дорожили».

Десятое. Такая трудовая мотивация, как «энтузиазм» (т.е. человек трудится, потому что ему интересна работа, он хочет добиться результата, проявить инициативу, самореализоваться), пока не стала доминирующим мотиватором трудовой активности российских работников.

Одиннадцатое. В умах российских граждан в переходный период произошел глубокий переворот в сторону индивидуалистического. Поэтому люди сегодня склонны не видеть, не замечать, игнорировать проявление альтруистичности. Но у человека всегда есть потребность в принадлежности к социальному сообществу, потребность служить его интересам. В советское время это была формула «приносить пользу людям». Сейчас ее пытаются заменить формулой: «ты должен работать на благо своей фирмы».

Двенадцатое. Огромное влияние на жизненные установки работников за прошедшие 25 лет оказали электронные СМИ. В сериалах 1990-х и 2000-х годов проводилась идея о том, что богатство не зарабатывается долгим, упорным, кропотливым трудом, а либо сваливается на человека, либо имеет криминальное происхождение. Все это подавляло желание работать инициативно, ответственно и увлеченно. Эксперты считают, что весь этот информационный поток

был пронизан «игрой на понижение», поскольку в сознание работников вкладываются определенные стереотипы поведения, и в результате можно легко перераспределять недооцененные ресурсы и управлять людьми.

«Дешевые работники» без чувства собственного достоинства, с чувством внутренней вины от постоянных нарушений и правил выгодны работодателю.

3. Производительность труда: ПОСТСОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

Производительность труда в России с 1990–1997 годов сокращалась. В период между 1999–2007 годами она росла в среднем на 6% в год и обеспечила 2/3 прироста ВВП на душу населения, в основном за счет повышения загрузки мощностей. В результате средняя величина производительности в России выросла с 18% от уровня США (по десяти секторам) в 1999 году до 26% в 2007 году (по пяти секторам). По отраслям производительность труда составляла: 33% от уровня США — в сталелитейной промышленности, 31% — в розничной торговле, 23% — в розничном банковском бизнесе, 21% — в жилищном строительстве и 15% — в электроэнергетике. Оставшаяся треть прироста ВВП на душу населения происходила за счет увеличения числа занятых в экономике. С 1998 по 2007 год их число выросло на 13%. Снижение уровня безработицы служило стимулом к массовому притоку трудовых мигрантов из стран СНГ.

Однако отрасли, в которых отмечена наибольшая производительность труда, имеют по сравнению с развитыми странами производительность в разы ниже. Например, электроэнергетика. В самой передовой российской генерирующей компании (МосЭнерго) для того, чтобы произвести 1 МВт мощности, требуется 0,45 чел. В то время как сред-

ний показатель по развитым странам составляет 0,28 чел. на 1 МВт. То есть лидирующая в данной отрасли российская компания заметно отстает от средних мировых показателей.

В расчете на одного работника компания «Роснефть» добывает в два раза меньше, чем Shell и BP, а выпуск автомобилей на одного работника у АвтоВАЗа примерно в пять раз меньше, чем у General Motors.

Сельское хозяйство в России, с его разрушенной системой колхозов и совхозов при еще не устоявшемся фермерстве, является сектором с крайне низкой производительностью труда. В среднем каждый занятый в этой отрасли экономики производит продукции на \$ 17 тыс. в год, в то время как в США — \$ 108 тыс. долларов, в Бразилии — \$ 103 тыс., в Австралии и Канаде — по \$ 81 тыс.

Производительность российского финансового сектора в 2013 году была в 3–3,5 раза ниже, чем во Франции, в Бельгии, США и Нидерландах.

Низкая производительность труда в строительстве объясняется большим количеством неквалифицированной рабочей силы, дешевыми методами и технологиями. «Все, что можно делать вручную, у нас делается именно так. К сожалению, здесь мы движемся именно китайским путем, используя доступную дешевую рабочую силу», — объясняют ситуацию эксперты компании «Финэкспертиза».

Во время экономического бума 1999–2007 годов темпы роста денежных доходов населения России в 2–3 раза превышали темпы роста производительности труда работников страны, что поставило под угрозу будущую конкурентоспособность российской экономики. Кризис 2009 года позволил несколько сгладить это различия. Другой проблемой российской экономики является наследие экономической

перестройки 1990-х годов, когда значительная часть высококвалифицированной рабочей силы крупных, технологически продвинутых и более производительных предприятий была вытолкнута реформами в мелкоформатный частный сектор, часть этих работников ушла в теневой сектор экономики¹.

Почему российской экономики не удастся выйти на устойчивые темпы роста производительности?

В 2009 году одна из крупнейших консультационных фирм MiKinsey&Company представила в Москве свой доклад «Эффективная Россия: производительность как фундамент роста».

Главной причиной сохраняющегося отставания России по уровню производительности от других стран до недавнего времени, по мнению авторов исследования, было отсутствие серьезных стимулов к ее повышению. Инерция последних десяти лет была обусловлена благоприятной рыночной конъюнктурой и недостаточной интенсивностью конкуренции в основных отраслях, из-за чего вопросы повышения эффективности бизнеса отошли на второй план.

В результате исследования были выявлены основные причины низкой производительности в России:

- неэффективная организация труда;
- непрозрачное и избыточное регулирование;
- устаревшие мощности и методы производства;
- редкое применение комплексного подхода к планированию развития территорий;
- дефицит профессиональных навыков;

---

¹ В 2016 году неформальный сектор в России вырос до рекордных масштабов за последние 11 лет, — пишет РБК, ссылаясь на данные Росстата. Согласно официальным данным, в 2016 году в неформальной экономике были заняты 15,4 млн человек, или 21,2% от общего количества занятых. В то же время альтернативные оценки относят к теневому сектору около 30 млн россиян (более 40% экономически активного населения).

— неразвитость финансовой системы.

Сохраняющееся отставание в производительности от других стран в большей мере обусловлено отсутствием серьезных стимулов к ее повышению.

Начальник Управления социальной политики Аналитического центра Правительства РФ Н. Николаева отмечает, что к новым причинам низкой производительности труда, возникшим в постсоветский период, следует отнести ограниченную конкуренцию, наличие административных барьеров, дефицит квалифицированных кадров, в том числе управленцев, низкую мобильность трудовых ресурсов, неразвитость финансовой системы.

«Как результат, — считает Н. Николаева — в экономике Российской Федерации, по данным Росстата, наблюдается снижение индекса производительности труда (в % к предыдущему году): с 107% в 2003 году до 101,9% в 2013 году. При таких темпах преодоление различий в уровнях производительности труда в России и в развитых экономиках даже за пределами 2020 года более чем проблематично».

Известны и последствия низкой производительности труда, в том числе более низкая, чем в экономически развитых странах, заработная плата работников, низкие темпы ее роста, высокая занятость ручным трудом, сохранение производственного травматизма, профзаболеваний.

Однако эти причины, при всей их очевидности, являются, по мнению Н. Николаевой, следствием действия более глубоких, системных факторов. Среди них, во-первых, отсутствие мотивации и стимулов к повышению производительности труда на уровне первичных бизнес-структур — как государственных, так и негосударственных. Они ориентированы не на долговременные, стратегические результаты, не

на повышение стоимости бизнеса, а на рост прибыли, что сказывается на инвестициях в модернизацию производства, в человеческий капитал.

Во-вторых, отсутствие на государственном уровне четких стратегических установок и единства практических подходов к решению задачи повышения производительности труда. Достаточно сказать, что такие государственные программы, как «Экономическое развитие и инновационная экономика», «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности», не предусматривают в качестве целей повышение к 2020 году производительности труда и сокращение разрыва в данной области с экономически развитыми странами. Противоречат решению задачи повышения производительности труда также и некоторые предпринимаемые правительством меры, направленные на сохранение нерентабельных производств и избыточной численности работников.

Для российской экономики характерен большой разрыв в производительности труда между регионами, отраслями экономики и даже отдельными производствами. Абсолютный лидер — нефте- и газодобыча, там почасовая выработка превосходит среднюю по стране более чем в семь раз, а в сельском и лесном хозяйстве — в 40 раз. Разрыв между максимальным и минимальным уровнями производительности в сельском хозяйстве достигает 19,4 раза, в строительстве — 13,5 раза, свидетельствуют данные СОПСа. Самая высокая производительность труда — в Тюменской области и Якутии. Наименее эффективны Дагестан и Калмыкия. Традиционно производительность труда в бюджетной сфере ниже, чем в коммерческом секторе, хотя он во многом определяет производительность экономики в целом, а низ-

кая эффективность приводит к лишним тратам времени и усилий на получение разрешений и согласований. Глава рекрутинговой компании HeadHunter Михаил Жуков считает, что в госкомпаниях мотивируют к работе в основном за правильность исполнения инструкций: «В наших госструктурах мотивация людей заключается в том, чтобы получить больше ставок, народ меряется административным ресурсом и своим влиянием. Коммерческие компании пытаются премировать за результат. В производстве премируют за выработку и соблюдение качества».

В 2016 году в Совете Федерации прошел научно-методический семинар «Производительность труда в России и в мире. Влияние на конкурентоспособность экономики и уровень жизни».

Серьезным тормозом для повышения производительности труда, по мнению директора Института нового индустриального развития им. Витте профессора С. Бодрунова, является износ основных фондов.

По данным Бодрунова, на заводах и в цехах в основном преобладает оборудование, работающее более 20 лет. Фактически, полагает эксперт, мы имеем дело с затянувшейся деиндустриализацией российской экономики: дело не только в плохом состоянии оборудования или низкой инновационной активности, но и в человеческом факторе — нет хорошо оснащенных рабочих мест, значит, нет и высококвалифицированных кадров.

Зависимость очевидна: чем более современное оборудование, тем выше производительность труда, но импортные технологии — дорогое удовольствие.

По мнению ученых Центра конъюнктурных исследований НИУ Высшей школы экономики, доступ к длинным западным

кредитам в связи с санкциями ограничен, а чтобы закупать импортное оборудование под сегодняшнюю ключевую ставку в 10, а реально — в 15–16 процентов, нужно иметь огромную рентабельность. К тому же речь о длинном инвестиционном цикле: новое предприятие не создашь за полгода, а бизнес живет сегодняшним днем. Зачем что-то обновлять, если есть неопределенность по поводу экономического завтра?

Эксперты из Общественного объединения по повышению производительности труда считают, что собственники и руководители российских предприятий просто не задумываются о повышении производительности труда — нет у них такой озабоченности. Эксперты убеждены, что она и не возникнет, если не стимулировать к решению задачи бизнес: поощряя его участием в госзаказах, снижая налоги и т.д.

По мнению экспертов, в большинстве своем россияне слабо мотивированы бороться за высокую эффективность труда, поскольку в условиях деиндустриализации бизнес делает ставку не на мотивацию персонала, а на другие факторы роста.

Министр экономического развития М. Орешкин, выступая с основным докладом о производительности труда в стране на заседании Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам в марте 2017 года, выделил четыре ключевые проблемы сохранения низкой производительности.

Первое — это низкий уровень у предприятий проблемной группы управленческих и технологических компетенций, необходимых для качественного скачка в производительности.

Вторая проблема — это неразвитость механизмов проектного финансирования, необходимых для реализации проектов по повышению эффективности производства.

Третья история — это значительный объем барьеров, мешающих повышению производительности, которые сосредоточены не только и даже не столько в Трудовом кодексе, сколько в многочисленных нормах отраслевого регулирования, устанавливающих, например, избыточные требования, приводящие к необходимости держать избыточные штатные единицы.

Четвертая проблема — это, конечно же, высокие социальные риски массовых сокращений и не всегда работающие механизмы быстрого поиска новой работы и переобучения и повышения квалификации сотрудников.

Именно на преодоление этих проблемных зон, по мнению министра, и предполагается направить работу в рамках национального проекта «Производительность труда».

4. Производительность труда: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Чтобы работать эффективнее, российским работникам нужны более грамотные управленцы и увеличение зарплаты — таковы результаты опроса сотрудников, проведенного компанией Synovate. Было опрошено 1,2 тысячи сотрудников в семи регионах России. Низкие зарплаты и плохие начальники — традиционная жалоба российских работников. 44% опрошенных считают, что для увеличения производительности труда компаниям нужно перестать экономить на персонале. Опрошенные работники полагают, что увеличение зарплат до прежнего уровня повысит их эффективность.

Второй причиной низкой эффективности труда российские работники считают низкую квалификацию управленцев, так считают 35% опрошенных. Неграмотные начальники

создают такую систему труда, при которой сотрудники не бывают удовлетворены своей зарплатой.

Еще одна причина недовольства работников — протекционизм на работе, то есть продвижение в компанию своих, «блатных» людей. Об этом заявили 19% опрошенных. Интересно, что работодатели часто имеют противоположное мнение. Многие руководители уже сейчас говорят о том, что зарплату персоналу приходится неоправданно завышать, а подготовка кандидатов оставляет желать лучшего.

Заместитель директора Института социологии РАН М. Черных считает, что отличительная черта наших руководителей — подозревать свой народ в лени: «Однако, когда мы с коллегами в Институте социологии анализируем результаты всероссийских опросов, выясняется всегда противоположное: соотечественники много и упорно трудятся — кто, где и как может... Можно сказать с уверенностью, что работаем мы, по крайней мере, не меньше, чем люди в других развитых странах, и точно больше, чем, предположим, в Европе».

М. Черных задает вопрос: «Может ли быть производителем человек, из которого выжали максимум времени и сил? Я удивляюсь святой вере наших руководителей в то, что может. Не все, конечно, признаются в этой вере, хотя некоторые проговариваются: вспомним замечательное предвыборное предложение одного олигарха отменить восьмичасовой рабочий день... Если это не глупость, то, по крайней мере, образчик мышления времен Средневековья. Нам как мантру твердят одно и то же: если мечтаете больше получать — больше работайте! Авторам этих лозунгов мне всегда хочется задать один простой вопрос: может ли работать больше пилот гражданской авиации... у нас идея

про «больше» всегда перекрывает идею про «лучше», когда речь заходит о производительности. Хотя опыт всех без исключения стран подсказывает, что лучше, то есть производительнее и эффективнее работает тот человек, у которого есть возможность приобретать новые знания, восстанавливать силы, наконец, трудиться на лучшем оборудовании».

М. Черных делает такой вывод «...странно полагать, что в экономике, которая сама по себе развивается экстенсивно, за счет увеличения добычи углеводородов, вдруг к рабочей силе начнут относиться иначе: думать не о том, чтобы «больше» ее использовать, а о том, чтобы «лучше». Модели мышления, они ведь более или менее одинаковые в обществе — сверху донизу. Здесь мы подходим к важному замечанию: борьба за интенсивный рост производительности труда требует долгосрочных вложений... Не бывает роста производительности труда без роста инвестиций в обновление технологий, в развитие».

И еще один важный аспект производительности, о котором говорит М. Черных: «Мы часто думаем о производительности труда как о некоем усредненном на всю экономику показателе. Однако известно, что ее уровень всегда и заблаговременно ниже в секторе услуг, чем, скажем, в производстве программного обеспечения. Более высокотехнологичные сектора экономики всегда и более производительные, и уровень квалификации труда находится в прямой зависимости от его производительности. В нашей же стране высокотехнологичных производств немного, доля сектора услуг растет — понятно, что общий уровень производительности падает».

На Российском инвестиционном форуме в Сочи в феврале 2017 года на секции, посвященной обсуждению вопро-

сов повышения производительности труда, вице-премьер Правительства РФ Ольга Голодец отметила, что «сегодня основным препятствием роста производительности труда является резкое сокращение инвестицией в российскую экономику и отсутствие стимулов у предпринимателей вкладывать в техническое перевооружение. К этому стимулирует, к этому подталкивает абсолютно дешевая, заниженная стоимость рабочей силы, которая не соответствует сегодняшнему уровню квалификации наших работников. Отсутствие мотивации у бизнеса делать долгосрочные инвестиции сдерживает рост экономики в РФ и развитие профессиональных кадров».

«Проблема не в отсутствии кадров, — подчеркивает О. Голодец, — а в отсутствии мотивации у бизнеса и экономики в долгосрочных вложениях и долгосрочных инвестициях. Все наше движение показывает, что нет сегодня стимулов вкладываться в экономику».

О. Голодец считает, что если экономика не будет перезапущена, если не будут перезапущены основные процессы, которые влияют на изменение технологий, то ничего не будет. Сегодня нарушены основные экономические принципы работы экономики, которые нужно немедленно восстановить.

* * *

Низкая производительность труда — это целый комплекс экономических, социальных, психологических и культурологических проблем. На устаревшей технике нельзя показать высокую эффективность. Внедрять новые технологии сейчас мешают санкции. Есть трудности и с привлечением финансовых средств.

Другая проблема — большой «серый» сектор экономики. Предприятия и фирмы по разным причинам (в том числе и для оптимизации налогообложения) занижают реальный объем произведенной продукции.

Возникновение большого теневого сектора занятости (к нему относят отходничество, гаражную экономику, дачную экономику, сетевые мануфактуры) также оказывает существенное влияние на производительность труда.

Характерно, что при наличии целой армии безработных в России не хватает почти 500 тысяч рабочих. По данным портала Superjob.ru, уровень конкуренции при трудоустройстве на рабочие специальности крайне низок. На одну вакансию в среднем приходится 0,8 резюме. Идти на завод и стоять на конвейере не хочет никто, а ведь именно эти работники на высокоавтоматизированном производстве и дают рост производительности.

По подсчетам компании «Финэкспертиза», прогнозируемый на ближайшие десять лет уровень роста ВВП для стран Европы и Америки составляет 4%, поэтому сравняться с ними по производительности труда Россия сможет не раньше 2024 года. Причем только если ее ВВП будет расти на 10% в год. При 6%, которые прогнозирует Министерство экономического развития, — только к 2054 году. Ну а при 4,4%, которые предполагает Всемирный банк, это будет уже в конце века.

Но такой пессимистичный сценарий можно изменить, если всерьез заняться модернизацией российской экономики.

Нужно совершенно четко понимать: если мы не сможем в каком-то обозримом будущем это сделать, все разговоры о модернизации и внедрении инноваций облечь в произ-

водительность труда, то у нас нет никаких шансов на рывок в развитии и улучшении качества жизни. В настоящее время черпать дополнительные трудовые ресурсы неоткуда. Для такой огромной территории с таким маленьким населением существует очень большой риск масштабной трудовой миграции. Необходимо в корне изменить ситуацию. Сегодня единственный путь — высочайшая производительность труда. Такой вывод делают эксперты «Финэкспертизы».

Итак, кратко перечислим те факторы, от которых зависит производительность труда в реальном секторе экономики. Она зависит от качественного сырья и материалов, от современного высокотехнологического оборудования, от скорости внедрения технических и технологических инноваций, от величины простоев и потерь рабочего времени, от новейших управленческих практик и компетенций менеджмента, от соблюдения правил и требований техники безопасности, от квалификации, физического и духовного состояний работника, от морального климата в трудовом коллективе, от качества трудового законодательства, от величины заработной платы и т.д.

Все эти проблемы должны учитываться при разработке национальной программы «Производительность труда».

Работая над национальной программой по производительности труда, необходимо собрать в единый банк данных информацию о наиболее эффективных управленческих практиках советского и постсоветского периодов, проанализировать программы повышения производительности труда, разработанные общественными объединениями, обобщить опыт работы консультационных фирм и региональных центров производительности.

Принятие национальной программы производительности труда в 2017 году может стать мощным стимулом к решению этой важнейшей народно-хозяйственной проблемы и повысить внимание к ней со стороны федеральных и региональных органов исполнительной власти и бизнеса.

Литература

1. Анчишкин А.И. Об актуальных проблемах развития советской экономики// Мир новой экономики. 2013. № 3–4.
2. Павлов В.С. Верю в Россию. — М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2005.
3. Белоусов Р.А. Экономическая история России XX век. — М.: ИздАт, 1999.
4. Яременко Ю.В. Экономические беседы. Запись С.А. Белановского. — М.: Центр исследований и статистики науки, 1999.
5. Лейн Д. Социально-экономические итоги трансформаций в постсоциалистических странах// Мир России. 2016. № 4.
6. Нолан П. Альтернатива развала СССР// Вольная экономика. 2017. № 1.
7. Кричевский Н.А. Наследие противоречий: истоки русского экономического характера. — М.: Издательско-торговая корпорация, Дашков и Ко, 2016.
8. Почему сотни тысяч крепких российских мужиков идут в охранники// Комсомольская правда, 2016, 15 марта.
9. Производительность труда в России и в мире. Влияние на конкурентоспособность экономики и уровень жизни. Аналитический вестник № 29 Аналитического управления аппарата Совета Федерации. — М., 2016.
10. Симонян Р.Х. «К 25-летию гайдаровских реформ». Без гнева и пристрастия: экономические реформы 1990-х годов и их последствия для России. — М.: Экономика, 2016.

11. <http://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/106/990.htm>
12. <http://www.expert.ru>
13. <http://www.Gtmarket.ru>
14. <http://www.jbuilder.ru/item.414>
15. <http://www.kommersant.ru>
16. <http://www.kremlin.ru>
17. <http://www.ras.ru>
18. <http://www.tass.ru>

НОВАЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЛНА И ХАРАКТЕР СОВРЕМЕННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ

NEW TECHNOLOGICAL WAVE AND THE CHARACTER OF MODERN INVESTMENTS

Е.И. ШУМСКАЯ

Аспирант, Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова

E.I. SHUMSKAYA

Post-graduate student,
Moscow State University

АННОТАЦИЯ

В статье подробно изучен этап перехода на новую технологическую волну, а также указана роль инвестиций в этом процессе. Проведен сравнительный анализ моделей экономического развития ведущих стран мира с точки зрения инвестиционного климата. Выделены основные проблемы российской экономики, мешающие скорому переходу на новую технологическую волну; также описаны положительные тенденции и успешные проекты; описаны возможные меры по устранению негативных факторов.

ABSTRACT

The transition stage to a new technological wave has been studied in detail in the article; the role of investments is indicated. The comparative analysis of models of economic development of the leading coun-

tries has been carried out from the point of the investment climate. The main problems of Russian economy which hinder the rapid transition to a new technological wave have been identified; positive tendencies and successful projects are also described; possible measures to eliminate negative factors are described as well.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Новая технологическая волна, характер инвестиций, структура инвестиций, инвестиции в инновации, финансирование науки, инновационный потенциал, смена технологических формаций.

KEY WORDS

New technological wave, the nature of investments, the structure of investments, investments in innovation, financing the science, innovative potential, the changing of technological formations.

Важнейшим аспектом взаимосвязи инвестиционной деятельности и научно-технического прогресса является рассмотрение инвестиций в качестве необходимого катализатора научных исследований с целью ускоренного освоения технологий ядра новой технологической волны. В современном обществе особую значимость принимает грамотно выстроенная модель финансирования экономического роста на основе инноваций, главной задачей которой является развитие реального сектора экономики путем активного внедрения последних достижений науки и техники и формирование соответствующих социально-экономических институтов.

Как для всего мира, так и для российской экономики на сегодняшний день особо остро стоит вопрос о грамотном переходе на новую волну инновационного развития, основой для которой послужит новый технологический уклад, ключевым

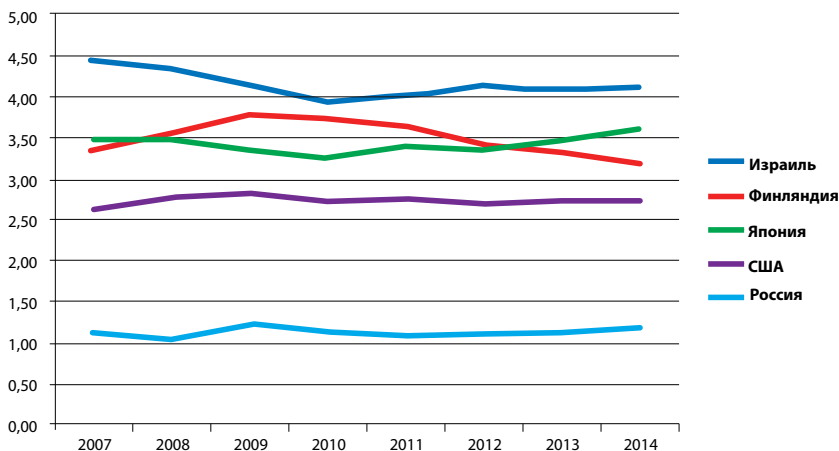
фактором которого определяется сочетание инновационных технологий в nano-, био- и информационной сферах [5]. Важно не только принять корректную модель дальнейшего развития, но и своевременно осуществлять этапы перехода.

Все признаки экономического развития говорят о том, что в развитых странах переходный этап уже начался — старый технологический уклад уже не в состоянии поддерживать прежние темпы экономического роста, а новый — еще не успел набрать свою силу. Как правило, переходный этап достаточно негативно воспринимается обществом. В начале своего пути отдельные технологические новшества воспринимаются обществом положительно, с оптимизмом и энтузиазмом, однако впоследствии, набирая обороты, проникая во все сферы жизни, превращаясь в технологическую революцию, становятся реальной угрозой сложившемуся строю. Неся в себе неоспоримые преимущества для человечества в целом, инновации также несут и значительный урон: глобальную потерю рабочих мест для людей, чей труд заменят машины, потерю вложенных средств в ранее процветающие отрасли, которые будут заменены новыми, общее нежелание людей что-либо менять — все это мешает скорому распространению инноваций. Однако переход на инновационный путь, очевидно, необходим. Именно поэтому особую значимость приобретают своевременные социальные и институциональные изменения. Если переход на новую волну будет проведен успешно, возможен настоящий «золотой век», и те страны, которые примут соответствующие меры первыми, станут лидерами новой технологической волны. В современной эмбриональной фазе технологического уклада основополагающей задачей для успешного долгосрочного развития экономики является опережающее

освоение технологий ядра, основы нового уклада с целью их последующего повсеместного распространения, а также институциональная реструктуризация общественного строя. На сегодняшний день к тому же недостаточно владеть отдельным этапом производственного цикла продукта, важно воспроизводить технологическую базу целиком, обладать автономным производством.

Смена организационно-технологической формации происходит успешнее там, где в инновационную сферу привлекается больше инвестиционных вложений. Стоит заметить, что в развитых странах даже в период кризиса 2008 года финансовые вложения в новые технологии не только не были снижены, а увеличивались ежегодно (рис. 1) [9].

Затраты на исследования и разработки по странам по отношению к ВВП, %

Рис. 1. Затраты на исследования и разработки (R&D) по странам в процентном соотношении к ВВП

Источник: The World Bank, 2016. Составлено автором.

В основном экономика этих стран ориентирована не на развитие сырьевых технологий, а на использование импортируемого сырья для производства машин, электроники, развитие медицины и сельского хозяйства. Происходит это по причине жесткой конкуренции на внешнем рынке, что и заставляет их постоянно внедрять инновации, повышая производительность труда и снижая себестоимость выпускаемой продукции.

Как видно из рис. 1, Израиль стабильно занимает первое место по доле затрат к ВВП на исследования и разработки в мире, при этом сам ВВП страны обладает устойчивой положительной динамикой. Прежде всего, это объясняется наличием высококвалифицированных кадров, грамотно выстроенной схемой внедрения новейших военных разработок в гражданскую сферу, а также активным привлечением финансовых средств в сферу инноваций [10].

Научные исследования в Израиле, с одной стороны, опираются на национальный инновационный потенциал. Согласно данным порядка 30% всех разработок и 45% гражданских научно-исследовательских работ проводится в университетах, колледжах и академических научно-исследовательских центрах, которые активно сотрудничают с профильными отраслями экономики [3]. С другой стороны, Израиль ведет активную политику в области международного сотрудничества по совместному развитию инноваций с КНР и странами ЕАЭС.

Также в стране ведется непрерывная государственная поддержка на всех этапах инновационного развития. Особым успехом обладает государственная программа «Йозма», осуществляемая с 1993 года, которая помогла переориентировать экономику Израиля на инновационную модель

развития, главной задачей которой являются создание и поддержка фонда инвестиционного капитала. Государство также гарантирует полную защиту интеллектуальной собственности, активно вовлекая частный сектор в инновационный процесс [6].

Иной успешный путь развития представлен Японией — классический пример ускоренного промышленного роста, в основу которого легли импортированные технологии. Целью было сформировать значительные обороты в экспортной деятельности путем широкого применения технологических решений, заимствованных у других стран, чтобы затем развивать собственные исследования.

Имитационная модель экономического развития, которую впоследствии начали применять и другие страны восточноазиатского региона, фокусируется не на создании технологий, а на их селекции путем приобретения патентов, приглашения зарубежных специалистов, приобретения современного оборудования, а также лицензионных соглашений с другими странами. Данная модель позволяет значительно снизить затраты на разработку инновационных технологий, а их внедрение не сопряжено с большими рисками.

В Японии сфера стимулирования инновационного развития и внедрения результатов исследований в производство делится между правительством и частным сектором, который берет на себя больше 70% инвестиций, в то время как государство — менее 10%. Главной задачей правительства при этом является создание необходимых условий для кооперации исследователей и разработчиков и производственной сферы [2].

На сегодняшний день расходы на НИОКР в Японии составляют 3,6% от ВВП, которые в основном сфокусированы на фундаментальных и прикладных исследованиях, а государственная политика направлена на превращение страны из импортера лицензий в их экспортера [3].

Полезным примером для России может служить инновационная модель Соединенных Штатов. Хотя США и находятся на четвертом месте по объему инвестиций в относительном выражении, в абсолютном — занимают первое место в мире [6]. Рост экономики этой страны на 50% объясняется инновациями, что является следствием самой высокой концентрации интеллектуальных ресурсов. США добились таких показателей и поддерживают их благодаря активному и грамотному стимулированию инновационного развития, а также благодаря агрессивной поддержке своих производителей за рубежом, что поддерживает интерес к инновациям. В стране успешно реализуется национальная программа поддержки инновационного бизнеса, предполагающая проведение конкурсов, победители которых получают значительные гранты и выгодные условия кредитования [7].

В отличие от развитых стран, где 75–90% прироста ВВП обеспечивается за счет роста инновационного сектора, в России данный показатель находится на уровне 15%. Для большей наглядности приведем пример: подобное инновационное отставание стоило России 1214 млрд долл. каждый год [3]. Одной из причин сложившейся ситуации может служить период развития мировой экономики с невероятно высокими ценами на нефть, который приносил стране необходимый экономический фон благодаря более чем 80% экспорта добываемого сырья, что, с одной стороны, создавало подушку безопасности для российской экономики,

а с другой — позволяло не задумываться о модернизации и нововведениях, стирая тем самым потребность в инновационном развитии. Поэтому значительная часть инвестиций уходила в более прибыльную и менее рискованную добывающую отрасль, что в итоге и привело к колоссальному падению спроса на инновации на внутреннем рынке. Во времена СССР существовал постоянный цикл инноваций, который включал в себя не только разработку новых технологий, но и их внедрение в производство, доведение до стадии готового продукта, продажу, что значительно снижало риски инвестиционных вложений. Отсутствие подобного инновационного контура подрывает доверие инвестиционного сектора, что мешает и разработке инноваций, и их внедрению [1].

Как говорилось ранее, очень важно поддерживать инвестиционные вложения в инновационные разработки, однако количество инвестиций играет решающую роль в краткосрочном планировании, однако со временем не меньшую значимость принимает структура этих инвестиций. В странах с лидирующими позициями инновационного развития на этапах освоения новой отрасли большую часть инвестиционных средств составляют государственные вливания, меньшую — частный капитал. Однако с течением времени происходит постепенное замещение, и объем частного финансирования становится преобладающим. В мире подобная схема функционирует путем стимулирования инвестиционной активности за счет дешевых кредитных ресурсов. Рискованность подобных вложений велика, именно поэтому государство путем регулирования процентных ставок в состоянии привлечь широкий круг инвесторов [8].

Например, в США государственное финансирование каждый год не превышает 13% от общего объема вложений, в то время как частный сектор инвестирует в инновационную деятельность порядка 70%. Такая же тенденция наблюдается в Китае и Японии, где частный капитал составляет порядка 77%, а государственный — лишь 7% [7].

Правительство страны не только должно поддерживать отечественные исследования, разработки и спрос на инновации, но и владеть механизмами оповещения о соответствующих проектах, конкурсах, грантах, доводить до сведения участников инновационного сектора информацию о предоставляемых ресурсах.

Вопросом популяризации научной и инновационной деятельности в России начали заниматься относительно недавно, и многие проблемы остаются нерешенными, но уже имеются некоторые продвижения. Постепенно увеличивается охват целевой аудитории путем проведения специализированных мероприятий, освещения новостей в СМИ и на телевидении. В 2010 году начала выходить ТВ-передача «Технопарк», освещающая истории успеха российских инновационных разработок. К 2014 году в программе приняло участие более 170 компаний, а аудитория на телеканале «Россия 24» составила порядка 4,5 млн человек и порядка 40 млн на Общественном телевидении России (ОТР).

Также был проведен довольно успешный проект Russian Start Up Tour (RST), который стал самым масштабным по поиску перспективных инновационных проектов и развитию компетенций начинающих стартап-команд. Из 469 региональных стартапов, отобранных из более чем 2500 заявок, 182 получили приглашения в федеральные программы и конкурсы для дальнейшего продвижения и коммерциализации [5].

В России также происходит активное финансирование науки из федерального бюджета, проводятся конкурсы инновационных проектов, осуществляется ГЧП. В качестве положительного примера взаимодействия государства и частного сектора можно привести пример ОАО «НТП «Стример». Компания начала свой путь с небольшого научно-производственного объединения и благодаря грамотному и дальновидному управлению, а также активному взаимодействию с государством стала крупнейшим в стране производителем инновационной продукции — молниезащиты. Сегодня конечный продукт пользуется колоссальным спросом как в России, так и за границей. Разрядники и изоляторы компании широко используют РЖД, МРСК, Ленэнерго, ФСК ЕЭС, Газпром, Газпромнефть, Лукойл, ТНК-ВР, Роснефть и другие.

ОАО «НТП «Стример» участвует в многочисленных конкурсах и грантах. Так, был получен грант в размере более 3 млн рублей ФГБУ «Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере» на коммерциализацию разработанного разрядника. Также при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в размере 18 млн рублей был разработан прототип инновационной грозозащиты и зарегистрированы патент и товарный знак. Ранее подобные разработки экспортировали из Финляндии, в России аналогов готовой продукции не существует до сих пор. Благодаря государственной поддержке и грантам компания не только смогла выйти на мировой уровень, но и продолжает увеличивать прибыль. «Стример» также состоит в партнерских отношениях со странами Европы и Китаем по совместному проведению исследовательских разработок.

Мировая экономика переживает сейчас переходный период, обновляя и подстраивая отрасли под новый технологический уклад. И для того, чтобы не упустить возможность стать страной — лидером новой технологической волны, России необходимы скорые технологические, социальные и институциональные изменения. В условиях глобальной конкуренции и проблем, связанных с нестабильностью в мире, в том числе с последствиями кризисной ситуации, значительно усиливается роль инноваций в экономическом развитии страны. Выбранная сегодня модель повлияет на все развитие в рамках нового уклада. В то же время не существует однозначного подхода к сложившейся сложной ситуации, однако перед Россией стоит несколько положительных примеров стран догоняющего развития, которые уже сейчас выходят на лидирующие позиции.

Список литературы

1. Бодрунов С.Д., Колганов А.И. Сфера услуг и материальное производство: проблемы соотношения в современной экономике [Bodrunov S. D., Kolganov A. I. Sfera uslug i material'noe proizvodstvo: problemy sootnosheniya v sovremennoi ekonomike] // Экономическое возрождение России. 2016. № 1 (47).
2. Воронова В.С. Инновационная система Японии в условиях глобального финансово-экономического кризиса [Voronova V. S. Innovatsionnaya sistema Yaponii v usloviyakh global'nogo finansovo-ekonomicheskogo krizisa] // Евразийский международный научно-аналитический журнал Проблемы современной экономики. 2014. № 1 (49).
3. Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. [Glaz'ev S.Yu. Strategiya

- operezhayushchego razvitiya Rossii v usloviyakh global'nogo krizisa] — М.: Экономика, 2010.
4. Интерфакс. Центр Экономического анализа [Электронный ресурс] / Развитие инновационной составляющей экономики России: перспективы и роль экономической политики. [Razvitie innovatsionnoi sostavlyayushchei ekonomiki Rossii: perspektivy i rol' ekonomicheskoi politiki] — Режим доступа: www.buzdalin.ru/text/innovation_rus.pdf — (дата обращения: 29.01.2017).
  5. МИД Японии: главные темы саммита G8 — мировая экономика и занятость [MID Yaponii: glavnye temu sammita G8 — mirovaya ekonomika i zanyatost'] // Государственное информационно-аналитическое агентство Российской Федерации. — Дата обращения: 01.02.2017. — Режим доступа: <http://ria.ru/interview/20130614/943369314.html>
  6. Открытый экспертно-аналитический отчет о ходе реализации Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года [Otkrytyi ekspertno-analiticheskii otchet o khode realizatsii Strategii innovatsionnogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 goda] // Россия — курс на инновации, выпуск 3. — Дата обращения: 01.02.2017. — Режим доступа: https://www.rvc.ru/upload/iblock/0ba/2015_Public_report_Strategy_Innovative_Development_RU_web.pdf
  7. CORDIS [Электронный ресурс] / Israel's R&D Capacity - a Promising Land. — Режим доступа: cordis.europa.eu/israel/rd_en.html — (дата обращения: 30.01.2017).
  8. Klaus Schwab. The Global Competitiveness Report 2016–2017 // World Economic Forum, 2017.
  9. UNESCO Institute of Statistics [Электронный ресурс] / United States of America — Режим доступа: <http://uis.unesco.org/en/country/us?theme=science-technology-and-innovation>

10. The World Bank [Электронный ресурс] / Research and development expenditure (% of GDP). — Режим доступа: data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS?contextual=max&end=2013&locations=RU&name_desc=true&start=2004 — (дата обращения: 29.01.2017).

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КАДРОВОГО СОСТАВА ГОСЛУЖАЩИХ С ЦЕЛЮ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

IMPROVEMENT OF THE SYSTEM OF FORMING THE CADRE OF CIVIL SERVANTS IN ORDER TO ENSURE NATIONAL AND ECONOMIC SECURITY

И.В. БЕЛЯНИНА

К. э. н., доцент

I.V. BELYANINA

PhD. In Economic sciences, assistant professor

А.С. ХРУЩЕВА

Студентка 4-го курса Московского
политехнического университета

A.S. KHRUSHCHEVA

Fourth-year student of Moscow Polytechnic
University

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассмотрена проблема формирования кадрового состава госслужащих в России. Освещена идея о том, что формирование кадрового состава госслужащих – первая ступень в противодействии коррупции.

ABSTRACT

The problem of organizing civil servants cadre in Russia is considered in this article. The authors suggest that the process of organizing civil servants cadre is the first step to corruption control.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Коррупция, кадровый состав, госслужащие, государственный аппарат, образование, культура, этика.

KEY WORDS

Corruption, cadre, civil servants, education, state machine, culture, ethic.

ВВЕДЕНИЕ

Термин «коррупция» слышится нам с экранов телевизоров, кафедр университетов, интернет-ресурсов. Постоянные публикации в СМИ, интервью, статистика — мы все пытаемся понять причину отечественного порока — использование служебного положения в целях личной выгоды. Этот вопрос затрагивался веками, и было сделано уже немало научных исследований в области государственной службы. Но как влиять на коррупцию через кадровые процессы? Это актуальный вопрос современности. Множество законопроектов направлены на проверку уже созданного аппарата, уже нанятых служащих. Но какая система должна быть, чтобы изначально не зарождалось даже желание личного обогащения — тема, которая открыта для обсуждений на сегодняшний момент.

В центре внимания статьи — формирование кадрового состава государственных служащих. Новизна научной работы заключается в том, что мы предлагаем на этапе найма выявлять внутреннюю предрасположенность человека к личному обогащению, развитость чувства долга и уро-

вень патриотизма. Целью работы является разработка неких стандартов отбора чиновничества на современном этапе.

Перед данной работой стоят следующие задачи:

- 1) рассмотрение причин и последствий коррупции;
- 2) ознакомление со статистическими данными публикациями СМИ;
- 3) краткий анализ государственной службы за рубежом;
- 4) изучение современных тенденций РФ в области государственной службы;
- 6) освещение идеи, что формирование кадрового состава госслужащих — первая ступень противодействия коррупции;
- 7) резюмирование предложенных идей.

В ходе работы были использованы эмпирические методы исследования: описание, статистика, применены такие логические приемы, как анализ, обобщение, сравнение, изучены теоретические аспекты государственной службы, статистические данные и проанализирован зарубежный опыт.

Проблема коррупции остра в нашей стране, и ею задаются политики, чиновники, в особенности часто цитируют высказывания о коррупции Президента Российской Федерации В.В. Путина и премьер-министра Д.А. Медведева. Дискуссии, связанные с коррупцией, активно проявили себя в конце XIX века в трудах таких великих ученых и публицистов, как В.О. Ключевский, М.М. Сперанский, Б.Н. Чичерин, В.Н. Ширяев. В работе были использованы и развиты идеи Г.Х. Попова, А.И. Владимирова, проанализированы данные, опубликованные научными журналами и информационными агентствами, такими как Росстат, «Известия», NovaInfo, Финмаркет, Talent Equity Institute.

В законах и нормативно-правовых актах Российской Федерации используются в основном меры по профилактике коррупции и контролю за доходами/расходами. В данной статье упор делается на формирование кадрового состава госслужащих. Российская Федерация нуждается в чиновниках, обладающих патологической честностью, моралью и патриотизмом.

1. История коррупции, ее причины и последствия

Обратимся к истории нашего государства. Первые упоминания о взятке зафиксированы в Двинской уставной грамоте, своде правил XIV века. Одна из статей грамоты гласит о том, что наместник не имеет права отпускать преступника за взятку. Внимание взяточничеству уделено и в Псковской Судной грамоте¹ (1467), Новгородской Судной грамоте (1470-е), Судебнике (1497)². Эти своды законов провозглашали борьбу с бесчисленными проявлениями коррупции. До 1715 года чиновники не имели официального жалования, и их финансовое благосостояние было обеспечено подношениями. После 1715 года Петр I установил фиксированные выплаты, после чего получение подношений было запрещено. Однако жизнь тогда была не из легких, частые войны, постоянная борьба за власть и перекраивание территорий не оставляли почти ничего в государственной казне. Поэтому чиновникам пришлось вернуться к старому доброму «кормлению», чтобы хоть как-то себя обеспечить. Наша культура пропитана артефактами того, что на

¹ Братановский С.Н. Понятие, состав и виды коррупционных правонарушений. М.: Новая правовая культура, 2011, № 11. С. 23–31.

² Карпачев С.П. История России. Краткий курс лекций. М.: Юрайт, 2013. — 273 с.

Руси процветало мздоимство и лихоимство. Достаточно взглянуть на литературные произведения классиков или пословицы. Например, «рука руку моет», «всяк подьячий любит калач горячий», «закон, что дышло: куда повернул, туда и вышло». Н.В. Гоголь (1809–1852) в своих произведениях «Мертвые души», «Ревизор» обличал тему взяточничества. Подкупность на протяжении истории была присуща чиновничеству.

В настоящее время под коррупцией понимается «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды...». Общедоступный вариант определения коррупции предложен ООН — «злоупотребление властью с целью получения личной выгоды».

Какие факторы подпитывают коррупцию? В научной литературе выделяют ряд причин, которые изложены ниже:

1. Реальная роль государственного механизма

Чрезмерная роль государства в жизни общества. Излишняя регламентация, приводящая к обструкциям в деятельности и стремлениях социума.

2. Дисбаланс ветвей власти

Несовершенство системы сдерживания и противовесов, представленной исполнительной, законодательной и судебной властью. Препятствия для выработки единой долговременной политики и претворения ее в жизнь. Частая смена одних идей другими.

3. Деградация мотивов и ценностей людей

Трансформация ценностей людей. Занятие запрещенной законом деятельностью, отсутствие авторитетов. Абсентеизм, дистанцирование от проблем государства, уход в теневую экономику, криминализация общества.

4. Номенклатурно-олигархический путь¹

Характерен для российского государства как способ перехода от социализма к демократии.

Распределение собственности не по справедливости, а по сферам влияния. Сохранение плотной олигархической прослойки в обществе.

Обратим внимание, что три причины из четырех затрагивают преимущественно органы государственной власти, политические и экономические элиты. Почему опасна коррупция в органах государственной власти? Потому что основной задачей государства является обеспечение благосостояния граждан, а обманывать граждан — бесчестно и низко.

Использование ресурсов не по назначению не имеет положительных результатов. Ознакомимся со списком последствий личного обогащения для экономики:

- 1) разрушение рыночного механизма;
- 2) использование методов недобросовестной конкуренции;
- 3) нерациональное использование ресурсов и денежных средств;
- 4) увеличение доли людей, занятых в теневой экономике;
- 5) отсутствие прозрачных условий для развития честного малого и среднего бизнеса;
- 6) неэффективная защита прав собственников;
- 7) снижение инвестиционной деятельности (как следствие безработица).

¹ Попов Г.Х. О коррупции в постиндустриальном обществе// Наука и жизнь. 2010. № 3.

2. ДАННЫЕ СТАТИСТИКИ И СМИ О КОРРУПЦИИ В ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РФ

Проанализируем статистические данные о коррупции в России. Согласно рейтингу стран в 2016 году по уровню коррупции Россия занимает 136-ю строчку из 174. Лидерами рейтинга стали Дания, Новая Зеландия и Финляндия. Похожие данные отражены и в таблицах индекса восприятия коррупции 2016 года, где лидируют те же страны, а Россия занимает 131-ю строчку.

/// Индекс восприятия коррупции-2016

100 Баллов – полное отсутствие коррупции, 0 – очень высокий уровень коррупции

Индекс восприятия коррупции рассчитывается по собственной методике Transparency International, которая основана на 13 показателях, среди которых обобщенные статистические данные и результаты глобального опроса экспертов.

В рейтингах Российская Федерация соседствует с такими странами, как Ливан, Нигерия, Коморские Острова. Таким образом, страна с богатейшей историей, обеспеченная недрами, по уровню коррупции располагается среди стран третьего мира.

В соответствии с данными, опубликованным Ассоциацией адвокатов России за права человека, обращение граждан с жалобами на коррупцию в судах выросло до 77,5% в период с 1 сентября 2015 года до 31 августа 2016 года. В прошлый отчетный период жалобы по данной причине составляли 61,25%. Мы прослеживаем тенденцию к повышению данного показателя.

Информационное агентство «Финмаркет» опубликовало сообщение начальника управления по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции Генеральной прокуратуры Российской Федерации Русецкого А.Е. о коррупционных преступлениях в правоохранительных органах: «В 2015 году за преступления коррупционной направленности осуждено 1305 должностных лиц правоохранительных органов, в том числе сотрудников органов внутренних дел — 846, органов ФССП — 164, органов ФТС — 57, органов ФСКН — 41, органов ФСБ — 4». Генеральный прокурор России Юрий Чайка в апреле 2016 года сообщил, что в 2015 году около тысячи чиновников уличены в коррупционной деятельности и должны понести уголовное наказание. Отмечен рост взяточничества на 13%. В первое полугодие 2016 года Генпрокуратура отмечает рост преступлений коррупционной направленности еще на 5%.

Статистика приведена не для того, чтобы заявить о безнадёжности и бедственном положении, а скорее в подтверждение того, что началась активная деятельность по

противодействию, которая находит отражение в официальных отчетах и документах.

Это положительная тенденция, которая подкрепляет основные предложения, изложенные в данной статье.

3. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ И МЕРЫ, ПРЕДЛОЖЕННЫЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ

Обсуждая противостояние коррупции, нельзя не обратиться к опыту Сингапура. Первым делом лидер Сингапура, Ли Куан Ю, ограничил возможности для существования и распространения коррупции. Был создан отдельный независимый орган, призванный бороться с коррупцией, который также был наделен особыми полномочиями. Плотно занялись упрощением процедуры ведения расследований, анализом законодательной базы и устранением в ней всех двусмысленностей и неточностей. Законы, регламентирующие противодействие коррупции, и процедуры расследований стали прозрачными и понятными. Борьба началась с высших эшелонов власти беспристрастно даже к своим единомышленникам, соратникам, друзьями и родственникам. Произошло повышение заработной платы сингапурских чиновников для нейтрализации желания обогащаться за чужой счет. В настоящее время правительство ежегодно пересматривает должностные ставки, которые составляют 80% среднего дохода менеджеров высшего разряда¹.

Что касается формирования кадрового состава госслужащих, то и тут проведены значительные работы. Сингапур выбрал принципом управления меритократию. При мери-

¹ Ю Ли Куан. Из третьего мира — в первый. История Сингапура (1965–2000). — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. — 576 с.

тократии возможность занять руководящий пост определяется компетентностью, способностями и заслугами, а не происхождением и заработком. Кстати, то же характерно и для Китая. В отличие от других стран, рекрутинг в Китае зародился не при подборе на военную службу, а при подборе государственных служащих. Издревле считалось, что править государством должны только самые светлые высоко-нравственные умы и талантливые личности.

В начале 1950-х годов в Сингапуре была создана комиссия по вопросам государственной службы. Комиссия состояла из граждан, которые ранее не занимали должностей на государственной службе, это были незаинтересованные лица, что обеспечило независимость органа от органов государственной власти. На него были возложены следующие функции:

- 1) назначение служащих на высшие государственные посты;
- 2) контроль над деятельностью комитетов по персоналу, которые занимаются назначениями в административную службу;
- 3) разрешение конфликтных ситуаций, связанных с назначениями на государственные посты;
- 4) координация программы партнерского управления, которая должна привлекать выдающуюся молодежь к государственной службе;
- 5) контроль за соблюдением дисциплины в государственном аппарате.

Основой отбора кадров стала модель компетенций HAIR (Helicopterview, Analysis, Imagination, Reality), показатели ориентации на достижение и лидерства. Детальную расшифровку модели компетенций можно увидеть в таблице 1.

Глядя на модель компетенций сингапурского чиновника, следует сделать вывод, что современный чиновник — это эффективный и добропорядочный менеджер.

Таблица 1

Модель компетенций HAIR¹

Компетенция	Описание
Модель компетенций HAIR	Взгляд «с высоты птичьего полета», смотреть наперед и предугадывать последствия, видеть корень проблемы; Аналитические способности; Воображение и креативность, для создания инновационных управленческих решений; Чувство реальности, умение оценить реальность придуманных инновационных управленческих решений
Лидерство	Способность мотивировать других; Делегирование; Коммуникации и консультирование
Ориентация на достижение	Высокая мотивация достижения; Решительность; Социально-политическая чувствительность (тактичность, толерантность)

В Англии и во Франции государственная служба опирается на традиции и культуру своих государств. В этих странах до сих пор действует веками созданная система образования госслужащих. Чиновничество в Соединенном Королевстве представляет собой закрытое сословие с особыми правилами и системой подготовки. Антикоррупционное законодательство действует в Англии с 1906 года.

В США в середине XX века начали активно использовать полиграф для проверки предпринимателей и государственных служащих. Практика применения полиграфа в Америке

¹ Журнал Talent Equity Institute Сингапур: государство как успешная корпорация.

используется при трудоустройстве или трудовых конфликтах, но при этом четко определены правила, когда можно и нельзя применять психофизиологические тестирования. Четкие правила позволяют одновременно защитить права неповинных служащих и дают право воспользоваться полиграфом при наличии веских причин. Применение полиграфа в структуре государственной власти позволяет защитить аппарат от проникновения в него недобросовестных лиц, а также противостоять коррупционным и иным противоправным действиям. Полиграф выступает негласным регулятором и заставляет служащих думать, прежде чем делать, зная, что они могут подвергнуться проверке на полиграфе.

Меритократия и модель компетенций Сингапура, психофизиологические тестирования США, опора на традиции в Англии и Франции — все это механизмы, затрагивающие мировоззренческую, нравственную, идеологическую сторону. Мировой опыт показывает, что служба своему народу и государству, чувство ответственности и долга являются главными союзниками закона, права и других практических инструментов в борьбе с коррупцией.

4. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЛАСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

В Российской Федерации, как и во многих странах Запада, существует Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих. Требования кодекса частично дублируют 18-ю статью Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 № 79-ФЗ и имеют незначительные дополнения. Много внимания посвящено теме коррупции: служащий обя-

зан пресекать и сообщать о коррупционных деяниях. Главная мысль — своим личным поведением чиновник должен подавать пример честности, беспристрастности и справедливости. Сотрудник, нарушивший предписанные правила, подлежит моральному осуждению на заседании комиссии по соблюдению требований. Служебное поведение служащих оценивается при аттестациях, назначениях на вышестоящие должности, а также в случаях дисциплинарных взысканий.

Документ, регламентирующий служебное поведение, не эффективен, так как имеет лишь рекомендательный характер. Ответственность за неисполнение слишком мала, поэтому рядовой чиновник не боится нарушить предписанные правила. Декларативный характер кодекса и не ощущаемая ответственность показывают, что поведение служащего стоит не на первом месте.

Последние изменения, связанные с квалификационным уровнем госслужащих, отражены в 12-й статье Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации». С 1 января 2017 года введены новые квалификационные требования для государственных гражданских служащих, которые включают в себя требования к образованию, стажу и компетенциям¹. Требования к наличию высшего образования отражены в таблице 2.

При этом специальность должна соответствовать занимаемой должности. Таким образом, удастся ликвидировать грубое несоответствие служащих занимаемым должностям, которое вызывает много прений в общественной среде в настоящее время. Данные поправки не означают, что последует повальное увольнение служащих, не соот-

¹ Информационное агентство Известия: <http://izvestia.ru/news/582349>.

ветствующих занимаемой должности по уровню образования, выделяется время для устранения несоответствия должности и образования. Требования к стажу отражены в таблице 3.

Таблица 2

Образование государственных гражданских служащих

Категории должностей	Группы должностей	Требования к образованию
Руководители	Высшая	Наличие высшего профессионального образования – специалитет и магистратура
	Главная	
	Ведущая	
Помощники (советники)	Высшая	Наличие высшего профессионального образования – бакалавриат
	Главная	
	Ведущая	
Специалисты	Высшая	
	Главная	
	Ведущая	
	Старшая	
Обеспечивающие специалисты	Главная	Наличие среднего профессионального образования
	Ведущая	
	Старшая	
	Младшая	

Таблица 3

Стаж государственных гражданских служащих

Группа должностей ГГС	Требования к стажу
Высшая	Не менее 6 лет на гос. гражданской службе или не менее 7 лет стажа работы по специальности

Группа должностей ГГС	Требования к стажу
Главная	Не менее 4 лет на гос. гражданской службе или не менее 5 лет стажа работы по специальности
Ведущая	Не менее 2 лет на гос. гражданской службе или не менее 4 лет стажа работы по специальности
Старшая	Без предъявления требования к стажу
Младшая	

Требования к профессиональным знаниям и навыкам устанавливаются должностным регламентом. В должностном регламенте обязательно указываются:

- требования к квалификации;
- ответственность за неисполнение должностных обязанностей;
- границы вопросов, в рамках которых госслужащий может или обязан принимать самостоятельные управленческие решения;
- порядок взаимодействия с другими служащими и организациями;
- список услуг, которые оказываются гражданам и предприятиям в соответствии с регламентом государственного органа;
- показатели эффективности деятельности.

4. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ КАДРОВОГО СОСТАВА ГОСАППАРАТА В ЦЕЛЯХ ОГРАНИЧЕНИЯ КОРРУПЦИИ
Решительная мера для Российской Федерации в противодействии коррупции заключается в изменении формирования кадрового состава государственных служащих. Необходимо сформировать национальную кадровую политику и вообще

систему государственной службы, которая будет подходить культуре нашего государства. Эта идея ярко выражена генерал-майором, президентом Коллегии военных экспертов России А.И. Владимировым¹.

В подтверждение вышесказанным словам хочется привести в пример вооруженные силы, армию. Это тот институт, где служение было, есть и будет. Только там все еще существуют такие понятия, как честь, долг. Министерство обороны Российской Федерации знает потребность в кадрах и может гибко изменять их численность в зависимости от задач, стоящих перед армией. Чиновники призваны так же, как и армия, оберегать народ только в правовом плане, борьбой идей и методов. Государство уже начало избавляться от лишних чиновников. Лучше иметь одного грамотного и профессионального служащего, чем десять посредственных. Сокращение численности госслужащих позволит не «откармливать» лишние кадры, а часть высвобожденных финансов можно будет потратить на увеличение заработной платы, дабы отсутствовал соблазн к личному обогащению.

Особое внимание следует обратить на процесс отбора на государственную гражданскую службу. Наличие образования и стажа недостаточно для того, чтобы стать обладателем престижного звания «госслужащий». При оценке компетенций нужно обратить особое внимание на наличие у будущего чиновника нравственных качеств, патриотизма, отсутствие прецедентов, которые указывали бы на его недобросовестность, нечистоту помыслов. В таблице 4 содержится примерный перечень компетенций, которыми должен обладать российский чиновник.

¹ Владимиров А.И. Основы общей теории войны: монография: в 2 ч. М.: Московский финансово промышленный университет «Синергия», 2013.

Таблица 4

Модель компетенций госслужащего Российской Федерации

Компетенции	Пояснение
Профессионализм	<ul style="list-style-type: none"> * обладание компетенциями в рамках своей должности; * для руководящих должностей обязательное наличие стажа, отсутствие прецедентов для недоверия
Управленческие навыки	<ul style="list-style-type: none"> * делегирование полномочий; * умение принимать самостоятельные управленческие решения; * умение организовать работу в команде
Правовая грамотность	<ul style="list-style-type: none"> * знание основных законов Российской Федерации; * знание законов, регламентирующих деятельность, к которой непосредственно относится чиновник; * знание юридической ответственности за правонарушения в рамках своих должностных обязанностей; * знание основ международного права
Коммуникации	<ul style="list-style-type: none"> * развитость устной и письменной речи; * соблюдение этики делового общения; * умение вести деловые переговоры
Аналитические способности	<ul style="list-style-type: none"> * понимание причинно-следственных связей; * умение видеть корень проблемы; * моделирование хода развития событий
Личностные качества	<ul style="list-style-type: none"> * высокий морально-нравственный уровень; * острое чувство справедливости; * ответственность; * психологическая устойчивость; * стремление к постоянному самосовершенствованию и самообразованию

Как правило, при первичном найме на службу потенциальному чиновнику необходимо заполнить анкету. Несмотря на множество методов отбора, предпочтение отдается самому быстрому. Нашим основным предложением является

ся тестирование с применением полиграфа. Полиграфические исследования — это технология, которая прочно заняла свою нишу. В настоящее время такое исследование считается быстрым, качественным и дешевым. Большим плюсом для кадровых служб государственных учреждений будет то, что тестирование должен проводить эксперт, а это значит, что в условиях ограниченного времени кадровики не будут отвлекаться от выполнения основных должностных обязанностей. Мы, простые люди, начинаем только привыкать к психофизиологическому тестированию, и зачастую оно ассоциируется с преступлениями. Это крайне неверно, мы хотели бы расширить сферу применения полиграфа и оградить его от подобного рода стереотипов.

При опросах на полиграфе необходимо моделировать ситуации выбора между долгом и личным обогащением. Результатами тестирования являются данные о выраженности патриотизма, чувства долга, добросовестности, стремлении к власти и обогащению недобросовестными методами и другие. Однако важно отметить, что данные, полученные после психофизиологического исследования, не могут являть основаниями для обвинения или неприятия человека в штат. Наличие результатов на момент найма позволяет реализовать правило «предупрежден, значит вооружен» и на этой основе построить индивидуальную стратегию адаптации и обучения.

Рыночные отношения капиталистическое общество приводит к чрезмерному потреблению во всех сферах жизни, поэтому морально-нравственное состояние как народных масс, так и властных структур ухудшается. Наше основное предложение состоит в том, что адаптация и образование госслужащих должны опираться на мораль и нравственность, развивать чувство долга и патриотизм.

Проверка и контроль всех процессов, связанных с обучением, подготовкой, переподготовкой, аттестацией и оценкой, должны осуществляться незаинтересованными лицами. Взаимодействие с экспертами в области психофизиологических тестирований позволяет обеспечить независимый контроль на этапе отбора и оценки служащих. Грамотное формирование кадрового состава госслужащих — залог национальной и экономической безопасности государства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основной задачей государства является обеспечение благополучия граждан. Чиновники призваны так же, как и армия, оберегать народ только в правовом плане, борьбой идей и методов. Уже осуществляется глобальная работа по выявлению коррупционной составляющей в деятельности государственных служащих, целью которой является обеспечение прозрачности работы государственных органов. Наше основное предложение заключается в выявлении на этапе найма внутренней предрасположенности человека к личному обогащению, развитости чувства долга и уровня патриотизма.

Резюмируем основные предложения:

- 1) психофизиологические тестирование при отборе для того, чтобы оценить степень выраженности таких личностных качеств, как чувство долга, патриотизм, стремление к личному обогащению, добропорядочность, патологическая честность;
- 2) при найме и в ходе служебной деятельности особое внимание уделять поведению: культуре речи, умению следовать правилам и регламентам, чистоте работы,

- безупречному имиджу (стимулирование к такому поведению через премии, награды и т.д.);
- 3) программы обучения должны быть направлены не только на развитие управленческих навыков и закрытие правовых пробелов, но и включать в себя лекции о предназначении государственного служащего, его долге перед обществом и любви к Родине;
  - 4) перенос системы государственной службы в русло, близкое к нашему менталитету (нами движет не конкуренция и права человека, а святая вера в идею и Отечество);
  - 5) проверка и контроль процессов должны осуществляться незаинтересованными лицами. Привлечением экспертов в сфере психофизиологических тестирований удастся реализовать независимый контроль на этапе найма на службу.

Список источников

1. Братановский С.Н. Понятие, состав и виды коррупционных правонарушений. — М.: Новая правовая культура, 2011, № 11. 23–31 с.
2. Владимиров А.И. Основы общей теории войны: монография: в 2 ч. Часть I: Основы теории войны. 832 с.; Часть II: Теория национальной стратегии: основы теории, практики и искусства управления государством. 967 с. / А.И. Владимиров. — М.: Московский финансово промышленный университет «Синергия», 2013.
3. Генпрокуратура о коррупционных преступлениях // URL:<http://www.finmarket.ru/main/article/4332053>
Дата обращения: 14.03.2017.
4. Карпачев С.П. История России. Краткий курс лекций. — М.: Юрайт, 2013. — 273 с.

5. Журнал TalentEquityInstitute Сингапур: государство как успешная корпорация // URL:http://www.wardhowell.com/teinstitute/tei_exclusive_2/singapur_gosudarstvo_kak_ushpeshnaya_korporaciya/
Дата обращения: 14.03.2017.
6. Коррупция в цифрах // URL:<http://novainfo.ru/article/3980>
Дата обращения: 14.03.2017.
7. О профильном высшем образовании госслужащих // URL:<http://izvestia.ru/news/582349>
Дата обращения: 14.03.2017.
8. Попов Г.Х. О коррупции в постиндустриальном обществе// Наука и жизнь. 2010. № 3.
9. Правонарушения: число зарегистрированных преступлений по видам // URL:http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/infraction/#
Дата обращения: 14.03.2017.
10. Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих // URL:<http://base.garant.ru/55171108/#friends>
Дата обращения: 14.03.2017.
11. Указ Президента РФ от 1 апреля 2016 г. № 147 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2016–2017 годы» // URL:<http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71264578/>
Дата обращения: 14.03.2017.
12. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/1

813564cbe241552c9d71b038fc20dc395a186fb/

Дата обращения: 14.03.2017.

13. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ // URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/
Дата обращения: 14.03.2017.
14. Ю Ли Куан. Из третьего мира — в первый. История Сингапура (1965–2000). — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. — 576 с.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТРАСЛЕВЫХ КОМПЛЕКСОВ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

CONCEPTUAL BASIS OF THE NATIONAL INDUSTRIAL COMPLEX DEVELOPMENT IN GLOBALIZING WORLD

К.И. КОЖЕВНИКОВ

Старший преподаватель кафедры ценообразования в строительстве и промышленности ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» (УрФУ); аспирант Института экономики Уральского отделения РАН; член ревизионной комиссии МСЭ и ВЭО

K.I. KOZEVNIKOV

Senior lecturer, Pricing in Construction and Industry Department, Federal State-Funded Educational Institution of Higher Professional Education «Ural Federal University named by the first President of Russia B. N. Yeltsin» (UrFU); postgraduate student of Institute of Economics of the Russian Academy of Science (Ural Branch); member of the audit committee of VEO of Russia

Е.Д. ФРОЛОВА

Профессор кафедры международной экономики ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» (УрФУ), д. э. н.

E.D. FROLOVA

Professor, International Economy Department, Federal State-Funded Educational Institution

of Higher Professional Education «Ural Federal University named by the first President of Russia B. N, Yeltsin» (UrFU); Dr. Sc. (Ec)

З.Ф. АБДУРАХМАНОВА

Научный сотрудник научно-исследовательского института новой экономики и системного анализа (НИИНЭСА), Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза, аспирант Института экономики Уральского отделения РАН

Z.A. ABDURAHMANOVA

Researcher, Scientific-Research Institute of the New Economy and System Analysis (NIINESA), Economic university Kazpotrebsouz in Karaganda, postgraduate student of Institute of Economics of the Russian Academy of Science (Ural Branch)

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена решению проблемы развития национальных отраслевых комплексов в современной системе мирохозяйственного взаимодействия. В настоящей работе на основе геоэкономической парадигмы дана характеристика глобализирующейся экономики, предложено авторское определение отраслевого комплекса. Доказано, что основным ее субъектом являются интернационализированные воспроизводственные процессы. Авторами сформулирован концептуальный подход и этапы формирования интернационализированных национальных отраслевых комплексов.

ABSTRACT

The article is devoted to the solving of problem of national industrial complexes development in the context of global economic cooperation system. In this paper characteristics of globalizing economy and author's definition of branch complex based on the geo-economic paradigm were proposed. It is proved that its main subject is internationalized reproduc-

tion process. The author's conceptual approach and the stages of internationalized national industrial complexes formation were formulated.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Национальный промышленный комплекс, национальная экономика, глобализирующийся мир, геоэкономический подход, интернационализованные воспроизводственные процессы.

KEY WORDS

National industrial complex, national economy, globalizing world, geo-economic approach, internationalized reproduction process.

Национальная экономика рассматривается как целостная хозяйственная система; со структурной точки зрения это комплекс народного хозяйства государства, состоящий из экономически взаимосвязанных элементов (в т.ч. отраслей и регионов страны) и включающий в себя все стадии воспроизводства: производство, распределение, обмен, потребления [1, 5]. Другими словами, ключевой единицей, основным элементом хозяйственной системы национальной экономики является национальный отраслевой комплекс. Такой комплекс выполняет в процессе общественного производства определенные функциональные задачи. Однако они не являются раз и навсегда застывшими и постоянно развиваются по мере развития мировой и национальной промышленности.

Современные проблемы функционирования национальной экономики и развития ее отраслевых комплексов связываются с проблемами ее вхождения в мирохозяйственную систему. Цель статьи — разработать концепцию развития национальных отраслевых комплексов, находящихся в системе постоянного мирохозяйственного взаимодействия.

В статье поставлены и решены задачи: дать описание внешней среды, которая характеризуется как глобализирующаяся, снять теоретические противоречия в понимании роли национальной экономики в этой среде, сформировать авторскую точку зрения относительно места и роли национального отраслевого комплекса в эпоху глобализации, предложить направления его развития, подтвердить гипотезу о необходимости формирования в глобализирующейся мирохозяйственной среде интернационализованного национального промышленного комплекса.

СОВРЕМЕННОЕ СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРНАЯ МОДЕЛЬ ОТРАСЛЕВОГО ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

Как справедливо указывает И.А. Родионова [4], мировое хозяйство, мировая промышленность изучаются с помощью разнообразных подходов и с различных точек зрения; как исследователь с многолетним стажем, она с коллегами выделяет множество особенностей в развитии мировой промышленности. В контексте нашего исследования наиболее важными являются следующие [4]:

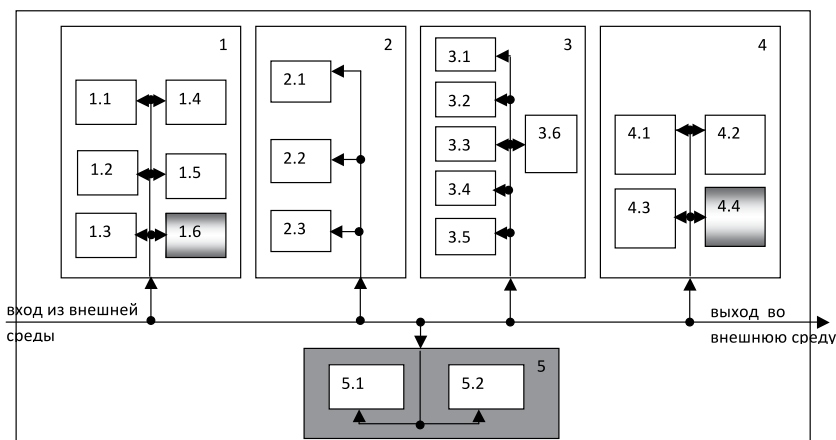
- мировое хозяйство сегодня — это многоуровневая территориально-отраслевая динамично развивающаяся система, в основе развития которой лежит международное разделение труда и в котором осуществляется непрерывный процесс производства, распределения, обмена и потребления благ и услуг;
- основным элементом мирового хозяйства выступает конкретная отрасль;
- изменяются сами субъекты мирохозяйственного взаимодействия; наряду с национальными государствами ими являются перешагнувшие национальные грани-

цы производственно-инвестиционные комплексы, ТНК и др.;

- важнейшей частью мировой экономики является формирующаяся глобальная система промышленности мира;
- в пространственной организации промышленности мира происходят существенные изменения и сдвиги.

Развитие системы глобальной промышленности не повлияло на общее содержание термина «отраслевой комплекс». В самом общем виде это совокупность (группа) взаимосвязанных предприятий, подотраслей, производящих продукцию единой природы. Но вот набор и характер составляющих его элементов, связь между ними постоянно эволюционируют. Наиболее содержательной, на наш взгляд, является структурная модель (рис. 1), предложенная М.К. Кожевниковой.

Рис. 1. Структурная модель отраслевого комплекса (на примере отрасли строительства) [3. С. 62]

(Принятые условные обозначения: 1 – Структурный аспект, блоки: 1.1 – инвестиционный; 1.2 – промышленный; 1.3 – строительный; 1.4 – научно-проектный; 1.5 – институциональный; 1.6 – когнитологический; 2 – Кластерный аспект, кластеры: 2.1 – производителя рыночно востребованной продукции, 2.2 – поддерживающих отраслей, 2.3 – родственных отраслей; 3 – Воспроизводственный аспект; звенья: 3.1 – сырьевое, 3.2 – научно-исследовательское; 3.3 – проектно-конструкторское; 3.4 – производственно-технологическое; 3.5 – транспортное; 3.6 – другие; 4 – Межотраслевой аспект; отрасли: 4.1 – ядровая; 4.2 – обслуживающие; 4.3 – обеспечивающие; 4.4 – профильных знаний; 5. Системно-интеграционный аспект: 5.1 – адаптатор; 5.2 – системный интегратор)

Применяя системный подход, М.К. Кожевникова дает следующее определение промышленному комплексу в преломлении к отрасли строительства. Инвестиционно-строительный комплекс — это система институционально оформленных хозяйствующих субъектов, обеспечивающих выполнение функций по различным звеньям производственного процесса, деятельность которых организована путем инвестиционного и производственно-технологического взаимодействия между собой, построенного на основе государственных и частных инвестиций, кооперации и специализации, баланса интересов, конкуренции и государственно-частного партнерства, направленных на реализацию инвестиционно-строительных процессов с заданной эффективностью с целью обеспечения устойчивого развития региона и безусловного повышения доступности жилья для населения [3. С. 62].

Мы разделяем позицию этого автора в том, что отраслевой комплекс необходимо рассматривать не просто как совокупность, а именно как систему хозяйствующих субъектов, причем в их взаимодействии с другими элементами по всем звеньям инвестиционно-воспроизводственного

процесса. Однако данный подход не отражает современное состояние внешней среды, в которой осуществляется такое взаимодействие. Большинство крупных предприятий имеют вынесенные за национальные границы подразделения. Многие компании, например EVRAZ-холдинг, анонсируют стратегию глобального присутствия и имеют подразделения по всему миру (подчеркиваем, не торговые подразделения, а именно производственные, сервисные, научно-исследовательские и т.д.). Компания превратилась в глобальную производственную сеть с подразделениями в стране (в т.ч. Урал, Сибирь) и за рубежом (в т.ч. США, Канада, Нидерланды). Другими словами, деятельность аналогичных крупных компаний, ТНК в современном мире уже изначально интернационализована и является сетевой по своей природе и структуре. Учитывая, что изменяется сущность предприятия как основного элемента комплекса, определение национального отраслевого комплекса нуждается в уточнении с учетом особенностей современного этапа глобализации мировой экономики.

Глобализирующийся мир как характеристика современной мирохозяйственной среды

В последнее время мы много говорим о глобализации как о процессе, этапе развития мировой экономики. Но какой стала бизнес-среда в результате глобализации? Как изменилось в ней поведение основных субъектов мировой экономики, в частности национальных экономик и их отраслевых комплексов? Анализ теоретических подходов [1, 5, 7, 8] позволяет нам сформулировать следующие выводы. В эпоху глобализации суверенные государства одновременно находятся под влиянием двух процессов. С одной стороны, как

утверждает Б.Д. Хусаинов [9. С. 33], под ее воздействием автономия и суверенитет национальных государств неизбежно будут уменьшаться, а с другой — во многих случаях международная кооперация и интеграция позволяют им более эффективно отстаивать свои национальные и стратегические интересы. Одни ученые говорят о том, что национальные государства по-прежнему контролируют свои территории, природные ресурсы, продолжают функционировать как самостоятельные субъекты МЭС с целью «реализации национальных экономических интересов и обеспечения экономической безопасности» [7. С. 3]. Другие утверждают, что такие факторы, как либерализация экономической политики, открытие национальных рынков, информационная революция и т.д., привели к ускорению выхода национальных компаний за национальные границы отдельных стран и превращению их в транснациональные, в связи с чем «государственные границы неудержимо размываются» [9. С. 33], что глобализация «стирает» административные границы между национальными экономиками» [7. С. 3], деятельность хозяйствующих субъектов организуется в рамках экономических границ [2].

Как же примирить эти стороны? Сравнивая эти точки зрения, мы видим, что речь идет о разном понимании границ и не более того. То есть размываются границы экономической деятельности (экономические границы), но при этом государственные (территориальные, национальные, административные) границы остаются неприкосновенными. Другими словами, мы нашли причину противоречий — это разное понимание границ.

Наиболее полно этот аспект, в т.ч. проблема экономических границ, исследован представителями научной школы

геоэкономики в трудах Э.Г. Кочетова [2], Е.В. Сапир [6], которые утверждают, что мир вступил в новую стадию своего развития, в которой произошли кардинальные изменения глобального характера, где именно экономика (а не политика) занимает ключевые позиции и предопределяет весь ход исторического развития человечества в начале XXI века. Геоэкономика — это новая парадигма, лежащая в основе исследования экономических систем в условиях глобализации; это систематизированное знание о мире как едином и целостном самоорганизованном и структурированном мировом экономическом пространстве; территориально неравномерная, высокоорганизованная динамичная сеть воспроизводственных циклов, экономических пространств и мест, связанных между собой пучками потоков [3, 6, 8]. Геоэкономика описывает новые системы, связи и структуры, складывающиеся в глобальном пространстве; ее можно рассматривать как теоретическую концепцию, как вынесенную за национальные границы систему экономических отношений, как систему геоэкономических атрибутов, которые определяют каркас мировой геоэкономической системы. Сущность геоэкономики как методологии лучше понять через призму основных атрибутов, причем это не только новые понятия. Большинство базовых категорий и понятий «преломились» через геоэкономические координаты и приобрели новый смысл. Помимо категории «экономические границы», новым атрибутом глобального геоэкономического пространства являются уже не производственные процессы, замкнутые в рамках отдельных государств, а их длинные цепочки (растянутые инвестиционно-воспроизводственные). Поскольку они вынесены за национальные границы, мы называем их интернационализированными.

Особенностью функционирования таких ИВ-процессов является взаимодействие по всей воспроизводственной цепочке. Государство, которое формирует самостоятельную систему ИВ-ядер, называется страной-системой. Но здесь важно понимать, что если национальные компании не имеют зарубежных подразделений, а в стране «прописаны» структурные единицы ТНК, то мы имеем дело с моделью «страна-система, опрокинутая вовнутрь». Для большинства же развитых стран, ТНК которых имеют разветвленную сеть зарубежных подразделений, характерна модель «страна-система, опрокинутая вовне».

Обобщая вышесказанное, мы можем дать характеристику глобальному геоэкономическому пространству. Это подвижная сложная среда, в которой главным действующим лицом являются растянутые интернационализованные инвестиционно-воспроизводственные процессы, от деятельности которых формируются экономические границы, а внешнеэкономические связи национальной экономической системы выстроены по инвестиционно-воспроизводственной модели. Напомним, что инвестиционно-воспроизводственная модель — это национальная система взаимодействий с внешней экономической сферой, выстроенная на базе сотрудничества во всех звеньях производственного процесса, вынесенного за национальные рамки [2].

Национальные экономики и их отраслевые комплексы стремятся «врасти» в мировую геоэкономическую систему с целью прорыва к полноправному участию в формировании и распределении мирового дохода с помощью использования высоких геоэкономических технологий и путем оперирования на геоэкономическом поле мира. Все это дает

нам право предложить новое определение для национального промышленного комплекса.

НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ МИРОХОЗЯЙСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ

В свое время, опираясь на геоэкономическую парадигму, мы уже предлагали определение глобальной производственной системы и региональной экономической системы [3, 8]. Например, мировую экономическую систему (воспроизводственный срез) мы представляли через «совокупность взаимопересекающихся растянутых мировых производственных циклов (цепочек), институционально оформленных как транснационализованные структуры различных видов. Если воспользоваться форматом общеконцептуальной модели, то мы сможем подчеркнуть, что внутри этой совокупности производственный процесс организован:

- выполнением функций конкурентного взаимодействия по всем звеньям (инвестиционное, инновационное, технологическое, производственное, управленческое и другие) создания продукции и услуг различных товарных форм (товар-объект, товар-предприятие и т.д.);
- путем вынесения отдельных звеньев за национальные (административные) границы и постоянного смещения в мировые точки роста;
- на основе межконтинентального и международного разделения труда;
- направлен на преобразование ограниченных ресурсов в конкурентный товар в рамках глобальных бизнес-проектов и достижение стратегического эффекта;

- в целях улучшения качества жизни населения мира в целом и конкретной локальной структуры в частности» [8].

На основании вышеизложенного мы можем сделать вывод, что отраслевой комплекс как часть национальной экономики также можно и нужно рассматривать как сложную инвестиционно-воспроизводственную систему (ИВ-систему), основными элементами которой являются национальные отраслевые компании, взаимодействующие с другими субъектами системы (научно-исследовательскими, институциональными, образовательными и т.д.) и аналогичными ТНК по всем элементам воспроизводственной цепочки. Стратегическая цель его развития — превратиться в интернационализированную ИВ-систему, причем «опрокинутую вовне», т.е. имеющую подразделения за рубежом с постепенным продвижением к ядру по отраслевой цепочке создания добавленной стоимости для участия в (пере)распределении мирового дохода.

Как известно, развитие национальной хозяйственной системы на долгий срок определяют стратегические программы комплексного развития национальной экономики. Эти программы наиболее полно охватывают экономику и, как правило, включают следующие разделы: создание комплексного плана развития национальной хозяйственной системы; создание программ развития для отдельных секторов или отраслей экономики; разработку инвестиционных проектов, включая участие в них государства; разработку и применение прямых и косвенных инструментов государственного воздействия на экономику.

Они носят рекомендательный характер и допускают разные варианты развития национальной экономики. Мы пред-

лагаем включить в эти программы следующие укрупненные этапы интернационализации национального промышленного комплекса (если во время диагностики некоторые этапы идентифицированы как выполненные, то мы их просто пропускаем):

- создание стратегической национальной компании с целью накопления инвестиционных ресурсов для открытия зарубежного подразделения;
- формирование межотраслевого (отраслевого) кластера;
- учреждение подразделений за рубежом (в странах ближнего зарубежья) отдельно или последовательно по воспроизводственной цепочке;
- учреждение подразделений за рубежом (в странах дальнего зарубежья) последовательно по воспроизводственной цепочке;
- размещение органов управления отраслевым интернационализированным комплексом на территории своей страны (штаб-квартира компании, центральный офис ассоциации и т.д.).

В качестве заключения подчеркнем, что развитие отраслей промышленности на основе стратегии «формирования интернационализированных промышленных комплексов» позволит национальной экономике функционировать более эффективно и повысить национальную конкурентоспособность.

Библиографический список

1. Бабашкина А.М. Государственное регулирование национальной экономики: учебное пособие / А.М. Бабашкина. — М.: Финансы и статистика, 2003.

2. Кочетов Э.Г. Геоэкономический (глобальный) толковый словарь. Основы геоэкономических технологий современного бизнеса / Э.Г. Кочетов. — Екатеринбург: Уральский рабочий, 2006.
3. Кожевникова М.К. Адаптация деятельности инвестиционно-строительного комплекса к условиям высокотехнологичной экономики: Монография / М.К. Кожевникова, О. Е. Кропотина. — Екатеринбург, УрФУ, 2012.
4. Метаморфозы в пространственной организации мировой экономики в начале XXI века: монография / под ред. проф. И.А. Родионовой. — М.: Университетская книга, 2016.
5. Национальная экономика: учебник, Ин-т экономики РАН; МГУ им. М.В. Ломоносова / под ред. П.В. Савченко. — М.: Экономист, 2005.
6. Сапир Е.В. Глобальные стратегии ТНК и формирование международного производства / Е.В. Сапир. — Ярославль: ЯрГУ, 2008.
7. Фейдлин Г.Ф. Национальные экономики в эпоху глобализации: перспективы России / Г.Ф. Фейдлин. — СПб.: Изд-во СПбГУП, 2008.
8. Фролова Е.Д. Сущность и место интернационализированной региональной экономической системы в новой модели мирохозяйственного взаимодействия [Текст] / Е.Д. Фролова, К.И. Кожевников // Научные труды Международного Союза экономистов и Вольного экономического общества России. 2013. Т. № 173 (38).
9. Хусаинов Б.Д. Глобализация; Транснационализация; Интеграция. Монография / отв. ред. профессор экономики Оксфордского университета П. Оппенгеймер / Б.Д. Хусаинов. — Алматы: ТОО «Дом печати Эдельвейс», 2012.

Bibliographical list

1. Babashkina A.M. Gosudarstvennoe regulirovanie nacional'noj ehkonomiki, uchebnoe posobie / A.M. Babashkina. — M.: Finansy i statistika, 2003.
2. Kochetov E.G. Geoekonomicheskij (global'nyj) tolkovyj slovar'. Osnovy geoekonomicheskikh tekhnologij sovremennogo biznesa / E.G. Kochetov. — Ekaterinburg: Ural'skij rabochij, 2006.
3. Kozhevnikova M.K. Adaptaciya deyatel'nosti investicionno-stroitel'nogo kompleksa k usloviyam vysokotekhnologichnoj ehkonomiki: Monografiya / M.K. Kozhevnikova, O.E. Kropotina. — Ekaterinburg, UrFU, 2012.
4. Metamorfozy v prostranstvennoj organizacii mirovoj ehkonomiki v nachale XXI veka: monografiya / Pod red. prof. I. A. Rodionovoj. — M.: Universitetskaya kniga, 2016.
5. Nacional'naya ehkonomika: uchebnik, In-t ehkonomiki RAN; MGU im. M.V. Lomonosova; pod red. P.V. Savchenko. — M.: EHkonomist, 2005.
6. Sapir E.V. Global'nyestrategii TNKi formirovaniemezhdunarodnogo proizvodstva / E.V. Sapir. YArGU, 2008.
7. Fejdlin G.F. Nacional'nye ehkonomiki v ehpohe globalizacii: perspektivy Rossii / G.F. Fejdlin. — SPb.: Izd-vo SPbGUP, 2008.
8. Frolova E.D. Sushchnost' i mesto internacionalizirovannoj regional'noj ehkonomicheskoy sistemy v novoj modeli mirohozyajstvennogo vzaimodejstviya [Tekst] / E. D. Frolova, K. I. Kozhevnikov // Научные труды International Union of Economists & VEO of Russia. 2013. V. № 173 (38).
9. Husainov B. D. Globalizaciya; Transnacionalizaciya; Integraciya. Monografiya / otv. red. professor ehkonomiki Oksfordskogo universiteta P.Oppengejmer / B. D. Husainov. — Almaty: TOO «Dom pechati Edel'vejs», 2012.

Контактная информация**К.И. Кожевников**

E-mail: csp3754610@yandex.ru

620002 Екатеринбург, ул. Мира 19, ауд. С-419,

Кафедра ценообразования в промышленности и строительстве, ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина» (УрФУ)

Е.Д. Фролова

E-mail: e.d.frolova@urfu.ru

620002 Екатеринбург, ул. Мира 19, ауд. С-419,

Кафедра международной экономики, ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина» (УрФУ)

З.А. Абдурахманова

E-mail: bakbergen_2000@mail.ru

Республика Казахстан, г. Караганда, научно-исследовательский институт новой экономики и системного анализа, Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза.

Contact links**K.I. Kozevnikov**

E-mail: csp3754610@yandex.ru

620002 Yekaterinburg. Mira str. 19, off. S-419

Department «Pricing in construction and industry»,

Ural Federal University named by the first President of Russia
B. N, Yeltsin (UrFU).

E.D. Frolova

E-mail: e.d.frolova@urfu.ru

620002 Yekaterinburg. Mira str. 19, off. S-419

International Economy Department,

Ural Federal University named by the first President of Russia
B. N, Yeltsin (UrFU)

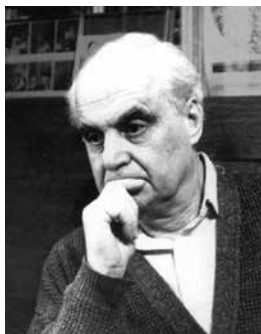
Z.A. Abdurahmanova

E-mail: bakbergen_2000@mail.ru,

Kazakhstan Republic, Karaganda, NIINESA,

Economic university Kazpotrebsouz in Karaganda,

В память о Станиславе Михайловиче Меньшикове (12.05.1927–13.11.2014)

12 мая исполнилось бы 90 лет Станиславу Михайловичу Меньшикову, выдающемуся советскому и российскому ученому, получившему широкое международное признание, доктору экономических наук, профессору. Он был необыкновенно яркой, незаурядной личностью, горячим патриотом своей Родины, внесшим огромный вклад в развитие отечественной экономической мысли. Этой памятной дате посвящается публикация воспоминаний его учеников, коллег, друзей.

В.М. ФАЛИН

Дипломат, политический и общественный деятель, доктор исторических наук, профессор

V.M. FALIN

Diplomat, political and civic leader, doctor of historical sciences, professor

12 мая исполнилось бы 90 лет Станиславу Меньшикову. Моему однокашнику и товарищу. Судьба не раз разводила нас географически, но не идейно. До своего юбилея он не дожил два с половиной года.

Моя спонтанная реакция на его кончину: «Какой светильник разума угас!». Нет, нет, не угас. К его богатому творческому наследию будут обращаться теоретики и практики, желающие понять перипетии советского и постсоветского развития России, готовые сделать из прошлого адекватные выводы на будущее.

Оригинальное мышление Станислава Михайловича привлекало пристальное внимание таких крупнейших зарубежных политэкономов, как лауреаты Нобелевской премии В. Леонтьев и Я. Тинберген, а также Дж. К. Гэлбрейта. Многие из начинаний и идей Станиславу удалось реализовать в ООН и прочих международных институтах. Однако, как водится, в своем отечестве пророков нет. Будь иначе, возможно, не постигла бы советскую державу изведенная ею горькая участь.

Полагаю, научному сообществу следовало бы, не откладывая в долгий ящик, созвать конференцию, которая обобщала бы теоретические воззрения и практические рекомендации Меньшикова. Конечно, оппонентов сыщется в избытке. Но это не должно смущать. Ибо в споре рождается истина.

Р.С. ГРИНБЕРГ

Вице-президент ВЭО России, научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, д. э. н., профессор

R.S. GRINBERG

Vice-president of the VEO of Russia, Scientific director of the Institute of Economics of the Russian Academy of science, corresponding Member of RAS, PhD in Economics, professor

Станислав Михайлович Меньшиков — удивительный человек, не декларирующий, а излучающий ценности. Он был абсолютно свободным человеком в не очень свободной стране. Одинаково относился к начальству и к простым людям. Это черта истинного просвещенного дворянина, что мне всегда очень нравилось. Станислав Михайлович, несомненно, совершенно незаурядный ис-

следователь. Важно, что все его работы всегда являлись социально ориентированными. В моем понимании он был апостолом конвергенции, и мне кажется, что среди советских и постсоветских экономистов он был, может быть, одним из первых, точно понимавших особенности советского строя и реального капитализма. Его не могли сбить ни модные веяния, ни новые доктрины. И он до последних дней своей жизни оставался человеком независимого мышления и неподдельного гуманизма. Станислав Меньшиков — это редкое явление, и, пока мы живем, мы будем весьма уважительно вспоминать его.

В.А. ЛИННИК

Главный редактор газеты «Слово»

V.A. LINNIK

Editor in chief of the newspaper "Slovo"

Вспоминается далекий февраль 1965 года, заснеженная и стылая Москва, серое, из потемневшего силикатного кирпича здание на Ярославской улице, где тогда размещался Институт мировой экономики и международных отношений, куда я, переводчик, привел американского профессора-экономиста, находившегося в СССР по программе научного обмена. В кабинете заместителя директора ИМЭМО навстречу нам поднялся хозяин — высокий, статный и, как теперь ясно, еще молодой: Меньшикову тогда не было и сорока.

Можно ли было представить себе тогда, что эта встреча положила начало дружбе, объявшей полвека? Годы спустя мы встретились со Станиславом Михайловичем в аппарате ЦК КПСС, потом в «Правде». А последние 16 лет сво-

ей жизни он — ведущий экономический и политический обозреватель газеты «Слово». За это время Станислав Михайлович опубликовал 272 крупные статьи на наших страницах (всегда не меньше полутора полос). Больше, чем любой другой автор в истории газеты. За статистику мы ручаемся по одной простой причине: Меньшиков ставил порядковый номер на каждом своем материале для «Слова».

Редакция всегда будет гордиться сотрудничеством с таким выдающимся ученым и блестящим публицистом. С первого и до последнего номера газеты материалы Станислава Михайловича Меньшикова удивляли высочайшим профессионализмом, живым пером, фундаментальностью знаний ученого-энциклопедиста.

От Меньшикова читатель всегда ждал и неизменно получал точный анализ и прогноз сложнейших процессов в российской и мировой экономике. Огромный научный и политический опыт Станислава Михайловича — ИМЭМО, Новосибирское отделение Академии наук СССР, аппарат Генерального секретаря ООН в Нью-Йорке, журнал «Проблемы мира и социализма» в Праге, Международный отдел ЦК КПСС, ведущие научные центры и университеты СССР, Европы и Америки — давал ему уникальную площадку для обзора. Слово Меньшикова, автора более 25 научных монографий, мемуаров и художественных произведений, было доступно каждому, кто желал слушать и слышать.

Р.С. ДЗАРАСОВ

Член Правления ВЭО России, зав. кафедрой политической экономии и истории экономической науки РЭУ им. Г.В. Плеханова, д. э. н.

R.S. DZARASOV

Member of the Board of the VEO of Russia, head of the department of Political Economy and the History of Economic Science of Plekhanov Russian University of Economics, D.Sc. Economics

Значение Станислава Меншикова в отечественной науке связано, на мой взгляд, с его ролью своеобразного посредника между нашим и международным академическим сообществом. Как мало кто другой, умел он представить нам подчас весьма противоречивый, но всегда такой захватывающе интересный мировой опыт.

Эту функцию он выполнял еще в советские времена, когда наша интеллигенция была изолирована от зарубежных коллег. Тогда его работы, уже ставшие классическими, позволяли нам знакомиться с идеями, которые не всегда соответствовали жестким рамкам советской официальной идеологии. Из них можно было узнать о сложных взаимоотношениях между собственниками и управленцами крупных западных корпораций («Миллионеры и менеджеры», 1965) или роли монополизма в раскручивании инфляции на Западе («Инфляция и кризис регулирования экономики», 1979). Эти труды не только ярко показывали масштабы и зачастую пагубные последствия власти над западной экономикой крупного капитала и топ-менеджмента могущественных корпораций, но и заставляли задуматься над ролью бюрократии в советской системе. Этот прием — рассказ о миро-

вом опыте для объяснения отечественного — стал одной из главных особенностей творческого наследия ученого.

Особенно ярко это проявилось в работах Меньшикова, написанных в самые драматические для постсоветской России 1990-е годы. Тогда не было недостатка в публицистике, резко обличавшей ельцинские реформы. Но не хватало работ-размышлений, развивавших, а не просто провозглашавших иное мировоззрение. Меньшиков показал ограниченность ставки на обезличенные силы рынка, которые, по замыслу реформаторов, должны были привести к спонтанному становлению эффективной экономики на обломках советского планирования («Экономика России: практические и теоретические проблемы перехода к рынку», 1996). В противовес этому он предложил адаптацию кейнсианской модели стимулирования экономического роста к российским условиям. В частности, не теряет актуальности его идея об увеличении денежной массы в стране путем кредитования производственных инвестиций. При этом Меньшиков не отбрасывал то рациональное, что можно было найти в работах своих идейных противников. Так он учитывал инвестиционные риски своих предложений. Однако разработал модель конечного изъятия «впрыснутых» в экономику средств после того, как рост экономики превзойдет первоначальный импульс развития.

Той же идеей сопоставления отечественного опыта с мировым пронизана и главная работа позднего Меньшикова с говорящим названием «Анатомия российского капитализма» (2004, 2008). На мой взгляд, главное, что говорит российскому читателю этот незаурядный труд, это то, что все основные проблемы страны — ущербная сырьевая структура экономики, технологическое отставание, низкий уро-

вень жизни — вытекают из природы сложившегося в стране постсоветского строя. В его основе ученый видел бесславный союз крупного капитала и бюрократии. Их неподконтрольная власть над обществом нигде в мире не приводила к положительным, благоприятным для людей результатам. Не стала исключением и современная Россия. В работе скрупулезно проанализированы статистика, годовые отчеты крупных корпораций, динамика роста основных секторов экономики. Читатель органически подходит к выводу о том, что необходим социальный контроль над олигархией. Его легальные формы через совокупность прямых и косвенных методов предлагаются в книге и представляют собой ценное и актуальное в наследии ученого.

Наверное, в этом умении сплести воедино ткань мировой и отечественной жизни, увидеть и представить людям их единство и различие и состоит сакральный смысл жизни этого выдающегося и яркого мыслителя и интеллектуала.

Г.Н. ЦАГОЛОВ

Действительный член Сената ВЭО России, профессор Международного университета в Москве, член Союза писателей России, академик РАЕН, академик Международной Академии менеджмента, академик Европейской Академии безопасности и конфликтологии, д. э. н.

G.N. TSAGOLOV

Acting member of the Senate of the International University in Moscow, member of the Union of writers of Russia, Academician of the Russian Academy of Natural Science, Academician of the International Academy of Security and Conflictology, Dr.Sc. Econ.

Мне посчастливилось быть его учеником, а потом и другом. И мне так не хватает его последние два с половиной года...

В одной из статей, опубликованных в газете «Слово» (2013. 4 октября), он замечал: «С нынешним правительством Россию ожидает длительный период застойного состояния экономики и науки... Избежать этого можно, только заменив его на кабинет министров, готовый осуществлять стимулирующую экономическую политику и отказаться от чиновничьих наскоков на науку и социальную сферу». Эти, как и многие другие, пророческие мысли высказывались ярким титаном нашей общественно-экономической мысли на протяжении многих десятилетий советского и постсоветского периода.

В бесчисленных трудах и публицистических выступлениях он не раз предупреждал об опасности тех или иных шагов, которые тем не менее делались, и вносил многие конструктивные предложения, которые не просто не реализовывались — всячески замалчивались. Остается только горько сожалеть, что не такие, как он, а совсем другие по прихоти тогдашних властителей завладели рулем управления нашими реформами. Теперь за это приходится жестоко расплачиваться.

В конце своих мемуаров великий мыслитель как будто исповедуется: «Мой идеал — социализм с человеческим лицом, и я по-прежнему убежден, что его у народа украли демократические лицемеры, но в действительности грабители с большой дороги нашей истории. Не верю, что за человеческое лицо режима мы должны отказываться от социализма и что истинное лицо социализма — это несвобода и бедность... Развалив социализм, мы лишили себя общей

мечты. Лично для меня это было не меньшей трагедией, чем потеря страны. Мириться с этим не хочется, и потому важно понять, как это случилось и как вернуться к социализму, избавленному от его недостатков... Главный вопрос любого социализма — как контролировать элиту снизу, демократически, препятствуя ее вырождению. Эту проблему я сформулировал и частично в своих книгах на нее ответил. Но логически стройной аргументации выработать не смог» (С.М. Меньшиков. О времени и о себе. С. 416).

В последние пять лет жизни Станислав Михайлович утратил зрение, но, несмотря на это, благодаря жене и детям продолжал плодотворно трудиться. В последнем своем материале, опубликованном уже после его кончины, он призывает к построению в России смешанного, интегрального общества, вбирающего в себя достоинства капитализма и социализма и избавляющегося от его пороков.

О Меньшикове, как в свое время о Бальзаке, можно сказать: «Его жизнь больше наполнена трудами, чем днями». Судьба сводила его с самыми известными и видными деятелями прошедших двух третей века: Хрущёвым и Горбачёвым, Дж. Неру и Далай-ламой, Никсоном и Киссинджером, американскими миллиардерами и политиками — Рокфеллером, Фордом, Морганом и Гарриманом. Его приглашали к совместной работе великие умы — Ян Тинберген, Дж. К. Гэлбрейт, Линдон Ларуш и многие другие.

И те, кто с ним встречался, не забывают его. Вот письмо от представительницы группы Ларуша, адресованное подписчикам интернет-журнала EIR: «Уважаемые знакомые, дорогие друзья!

Сегодня (12 мая 2017 г.) в 90-летие со дня рождения Станислава Михайловича Меньшикова мы с коллегами по Шил-

леровскому институту вспоминали с благодарностью о годах нашего с ним диалога и сотрудничества. Особенно помнятся оптимистические и насыщенные идеями разговоры во время визита Линдона Ларуша в Москву десять лет тому назад, весной 2007 года, когда С.М. его пригласил на юбилейные мероприятия. Сейчас при почти невероятно диком состоянии российско-американских отношений его умения вникать в суть «настоящей Америки» (его слова) нам очень не хватает, не говоря о его вкладе в дебаты об экономическом курсе самой России.

Итак, помню проф. Меньшикова с огромным уважением и с тоской.

С уважением,
Ваша Рейчел Дуглас».

И такая выдающаяся личность, действительно ученый-исполин не стал ни академиком, ни лауреатом, не заслужил какого-либо правительственного отличия или ордена...

Наша страна продолжает испытывать большие трудности. Не время ли ее властям обратиться к наследию С.М. Меньшикова и его единомышленников, чтобы найти, наконец, адекватную обстоятельствам экономическую политику и выйти из экономического кризиса, в который нас завели столь же амбициозные, сколь и сомнительные «специалисты»?

Может, все-таки пора чтить пророков в своем отечестве?

ТРЕБОВАНИЯ К НАУЧНЫМ СТАТЬЯМ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ

1. Статья представляется в электронном виде в формате Word с расширением doc или .docx 1.1. Объем научной статьи должен быть не менее 5 и не более 15 страниц, включая таблицы, библиографический список и графический материал.

1.2. Требования к тексту: тип шрифта Times New Roman, размер шрифта № 12, межстрочный интервал 1,5, отступ первой строки абзаца — 1,25.

1.3. Параметры страницы:

- верхнее и нижнее поля — 20 мм,
- боковые поля: левое поле — 30 мм, правое поле — 20 мм.

1.4. Сноски оформляются шрифтом Times New Roman, размер шрифта № 11, межстрочный интервал 1, без отступа.

1.5. Автоматическая расстановка переносов не ставится.

2. Структура статьи:

- название статьи на русском языке прописными буквами полужирным шрифтом;
- название статьи в переводе на английский язык;
- автор(ы) (Ф.И.О. полностью): выравнивание по левому краю, шрифт полужирный; информация об авторе(ах): ученая степень, должность, место работы автора (и каждого соавтора) на русском языке;
- информация об авторе(ах) на английском языке: Ф.И.О. (транслитерация), ученая степень, должность, место работы автора (и каждого соавтора).

2.1. Аннотация:

– краткая аннотация на русском языке (в один абзац, до 600 знаков) должна быть содержательной (отражать основные цели и способы проведения исследования, суммировать наиболее важные результаты и научное значение статьи) и структурированной (следовать логике построения статьи);

– развернутая аннотация на английском языке должна быть подробной (средний объем 100–150 слов) и отражать основное содержание статьи, должна быть написанной грамотным английским языком с использованием специальной англоязычной терминологии.

2.2. Ключевые слова:

– на русском языке (до 10);

– на английском языке (до 10).

2.3. Текст статьи:

– таблицы в тексте или приложении к нему должны иметь заголовки, на каждую таблицу в тексте должна быть соответствующая ссылка. В электронном виде таблицы должны быть собраны в отдельных файлах;

– иллюстрации должны быть сгруппированы, иметь порядковый номер и названия. При написании математических формул, подготовке графиков, диаграмм, блок-схем не допускается применение размера шрифта менее № 10.

3. Библиографический список:

3.1. Наличие пристатейных библиографических списков в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования, является обязательным. Список использованных литературных источников оформляется на русском языке и на латинице: русскоязычные источники необходимо транслитерировать, источники на английском, французском, немецком и других языках ука-

зываются в оригинале. Для автоматической транслитерации в латиницу рекомендуется обращаться на сайт <http://translit.ru> (стандарт транслитерации — BSI; настройка перед транслитерацией).

3.2. Ссылки на источники в списке использованной литературы нумеруются последовательно, в порядке их первого упоминания в тексте (в соответствии с ГОСТом). Ссылки в тексте, таблицах и подписях к рисункам обозначаются арабскими цифрами [в квадратных скобках] и, если необходимо, указывается конкретная страница/страницы. Постраничными остаются только смысловые сноски (комментарии, добавления и т.д.).

4. Контактная информация для каждого автора на русском и английском языке приводится в конце статьи: подробные адресные данные автора(ов)

– полный почтовый адрес организации(й), которую он(они) представляет(ют), и e-mail автора(ов).

5. При направлении статьи в электронном виде необходимо приложить к статье письмо от организации или научного руководителя, рекомендующих статью к публикации (в отсканированном варианте). Наименование файла, содержащего научную статью, должно совпадать с фамилией первого автора.

6. В первоочередном порядке к публикации принимаются статьи авторов, являющихся членами ВЭО России и МСЭ.

7. Статьи принимаются вместе с оригиналом квитанции о подписке автора на Научные Труды ВЭО России на бли-

жайшее полугодие (для иногородних квитанция отправляется заказным письмом в Правление ВЭО России, по адресу: Москва, ул. Тверская, д. 22а).

* * *

По вопросам публикации статей следует обращаться в ВЭО России по телефону:
+7 (495) 609-07-60, e-mail: nauka2@veorus.ru

Научное издание

**НАУЧНЫЕ ТРУДЫ
ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ
2017**

Том двести пятый

Информационно-аналитическое издание
для членов Вольного экономического общества России

Москва, 2017

Издание осуществляется Вольным экономическим обществом России —
125009, Москва, ул. Тверская, 22а

Над выпуском работала:
П.И. Луканкина

Допечатная подготовка:
АНО «Академия менеджмента и бизнес-администрирования»

Подписано в печать 29.05.2017. Заказ № 215977. Тираж 1000 экз.

Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № 77-3786 от 20.06.2000.
Лицензия на издательскую деятельность — ИД № 01775 от 11.05.2000.

Подписной индекс — 10920
в Каталоге российской прессы «Почта России»

© Вольное экономическое общество России, 2017

ISBN 978-5-94160-197-4
ISSN 2072-2060

Scientific publication

SCIENTIFIC WORKS
OF THE FREE ECONOMIC SOCIETY OF RUSSIA
2017

Volume two hundred fifth

Information and analytical edition for members
of the Free economic society of Russia

Moscow, 2017

Published by the Free economic society of Russia
#22a, Tverskaya Str., Moscow, 125009, Russia

Responsible for edition:
P.I. Lukankina

Prepress:
ANO “Academia menedzhmenta i bizness-administrirovaniya”

Passed for printing 29.05.2017 Order № 215977. Circulation: 1000 copies.

The certificate of Mass-media registration — PI № 77-3786 20.06.2000.
License for publishing activities — ID № 01775 11.05.2000.
Subscription code 10920 in the Catalogue of Russian press by Russian Post.

© The Free economic society of Russia, 2017

ISBN 978-5-94160-197-4
ISSN 2072-2060

Цикл авторских передач Вольного экономического общества России Дом «Э»

В рамках программы сотрудничества ВЭО России и Общественного Телевидения России (ОТР) с октября 2016 года стартовал цикл авторских передач Вольного экономического общества России Дом «Э». Программные передачи выходят в эфир федеральной сетки вещания на канале ОТР еженедельно по субботам.

Автор и ведущий – Сергей Бодрунов, Президент Вольного экономического общества России.

Дом «Э» – это открытый диалог с ведущими экспертами, известными учеными, экономистами-практиками, государственными и общественными деятелями.

Цель цикла передач – обсуждение приоритетных проблем национальной повестки, повышение экономической грамотности населения. Дискуссионные темы передач посвящены актуальным вопросам социально-экономического развития России.

Экспертное издание ВЭО России для тех, кто принимает решения

Вольное экономическое общество России запустило новое издание — журнал «Вольная экономика», который по замыслу создателей должен, будучи рупором ВЭО и освещая его работу, стать и важным СМИ в области серьезной экономической аналитики. Полноцветный гляцевый журнал, созданный по всем канонам высококачественного современного журнального дизайна и редактуры, призван занять относительно пустую нишу профессиональной публицистики для людей, от которых зависит принятие экономических решений в разных областях, то есть профессиональных читателей. Редакция на-

мерена переводить сложные экономические сентенции экономических моделей, проектов реформ, экономических решений разного рода на язык, который был бы понятен тем, кто решения принимает, с точки зрения последствий таких решений, и тем, кто этими решениями пользуется. Дискуссионные площадки ВЭО России традиционно собирают экономистов, имеющих реальное влияние, и уровень дискуссии в организации традиционно весьма высок, этот уровень поддерживается и на страницах журнала.

Уровень экспертов, которые будут привлекаться в качестве авторов, практически недостижим для изданий массового рынка. В первом же номере академики Виктор Ивантер, Абел Аганбегян говорят о том, как перейти от стагнации и рецессии к реальному росту — это переведенные в журнальную форму их доклады, сделанные на конференциях ВЭО. Во втором — Столыпинский клуб представляет свою «Стратегию роста», а Институт народнохозяйственного прогнозирования — доклад «Структурно-инвестиционная политика в целях устойчивого роста и модернизации экономики».

Эти важные актуальные темы даются в совершенно понятной форме для любого заинтересованного читателя, которому эта тема интересна. Часть журнала будет состоять из интервью и авторских материалов как опытных экономических журналистов, так и представителей экономического сообщества, которые захотят выступить в качестве авторов. В первых номерах спикерами для интервью выступили представители Минпромторга, Минэкономразвития, выдающиеся экономисты, в том числе Питер Нолан и Джеймс Гэлбрейт.

ВОЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО РОССИИ

при содействии Совета Федерации Федерального
Собрания Российской Федерации

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Общероссийскую Высшую общественную экономическую премию

«ЭКОНОМИСТ ГОДА»

Впервые в День экономиста — 11 ноября 2017 года — на Всероссийском экономическом собрании будет вручена Общероссийская Высшая общественная экономическая премия «Экономист года».

Премия является признанием заслуг высококвалифицированных экономистов перед обществом и государством.

Премия будет присуждаться ежегодно в каждой из следующих номинаций:

«За вклад в развитие экономической науки»;

«Просветительская деятельность»;

«Экономическое образование и воспитание»;

«За практический вклад в развитие экономики страны».

Подробнее о премии: на сайте www.veorus.ru,
в журнале «Вольная экономика» и других СМИ.

